

ИСАННА ЛИХТЕНШТЕЙН

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА

2015

© 2015 – **Исанна Лихтенштейн**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Об авторе. Исанна Ефремовна Лихтенштейн, до эмиграции жила в Киеве, кандидат медицинских наук, автор свыше 100 научных статей по проблемам кардиологии и литературно – медицинской тематике, до эмиграции научный сотрудник киевского института клинической медицины имени академика Н. Д. Стражеско. С 1991 года живет в Израиле. Работала по специальности в Хайфской больнице «Бней Цион», в настоящее время в клинике альтернативной медицины. Публикуется в периодической печати Израиля.

О книге. Книга кандидата медицинских наук Исанны Лихтенштейн, « Литература и медицина» отражает глубинную связь медицины и литературы. Особое внимание уделено взаимоотношениям врача и больного. Отдельный раздел посвящен специфике творчества писателей – врачей В.Даля, А.Чехова, В.Вересаева, М.Булгакова, С. Моэма. Анализированы медицинские темы в произведениях Золя и Бальзака, Реконструированы истории болезни А.Блока и Н.Гоголя, Леси Украинки и Михаила Врубеля.

Дана психологическая характеристика Оноре де Бальзака, Ромена Гари, Антуана де Сент-Экзюпери, Марины Цветаевой и Владимира Маяковского на основании изучения жизни и творчества.

Книга представляет интерес, как для врачей, так и для широкого круга читателей, интересующихся литературой и медициной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

8

Размышления о деонтологии

10

Я слова не просил»

«Дело врачей» - глазами очевидца

23

Писатели – врачи

Знакомый и незнакомый Владимир Даль

37

Антон Павлович Чехов – пациент, врач, писатель

58

В.В. Вересаев – врач, писатель, философ

100

Доктор Михаил Афанасьевич Булгаков

112

О чем думают врачи, о чем пишут писатели

Сомерсет Моэм – врач и писатель

138

Истории болезни

Болезнь и смерть Н.В. Гоголя
152

Трагедия жизни и смерти А.А. Блока
174

Ангелы и Демоны Врубеля
195

История болезни Леси Украинки
217

Медицинские темы в творчестве писателей

Врачи в « Человеческой комедии»
241

Эмиль Золя «Ругон – Маккары» Заметки врача
254

Психологические портреты
Неожиданный Оноре де Бальзак Глазами врача
268

Ромен Гари « Меня душит мое я»
285

Антуан де Сент –Экзюпери
«Ищите меня в том, что я пишу»
301

Неразгаданный гений Лев Толстой
314

Марина Цветаева Трагедия поэта
333

Владимир Маяковский «Я весь боль и ушиб»
365

Врач в разных ипостасях
395

ВВЕДЕНИЕ

Как и почему появилась книга «ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА»? Несомненно, интерес к проблеме зародился в отчем доме. С детства слышала рассказы о писателях - врачах, о медицинских сюжетах в литературе и живописи. Не раз вспоминалась встреча отца с Вересаевым, рассказ о несостоявшейся работе Викентия Викентьевича в качестве врача у Льва Толстого и даже о том, что именем своим обязана этому разговору, точнее героине повести «Исанка».

Весь строй дома, интересы были «литературно – медицинские». Отец с 30- годов увлекался литературно – медицинской тематикой, писал очерки, печатался, переписывался с выдающимися писателями, учеными, что также обсуждалось и переживалось вместе.

Книга профессора Е.И.Лихтенштейна «Помнить о больном» вышла тремя изданиями, к сожалению посмертно (1974,1978, 2012), имела большой успех.

Память об отце, его занятиях, его увлечениях, сожаление о незавершенных замыслах, все больше занимала меня. Я почувствовала необходимость продолжить незавершенный диалог. В 1987 написала и в журнале «Клиническая медицина» опубликовала, как оказалось, первую статью о медицинских темах в творчестве М.А.Булгакова. В последующие годы работа продолжалась, результатом чего является предлагаемая книга, посвященная светлой памяти родителей.

Книга «Литература и медицина», состоит из очерков, объединенных литературно – медицинской тематикой.

Один раздел посвящен истории жизни и особенностям творчества писателей - врачей: Даль, Чехов, Вересаев, Булгаков, С.Моэм

На основании писем, дневниковых записей, воспоминаний, медицинских свидетельств, реконструированы истории болезни Николая Гоголя и

Александра Блока, Леси Украинки, Михаила Врубеля. Это позволяет в определенной степени оценить правильность диагностики и лечения и сопоставить с современными возможностями

Отдельный раздел составляют медицинские темы в произведениях Бальзака, Золя, и.Мюэма. Тонкие психологи, увлеченные достижениями биологической науки своего времени, они поражают особой четкостью познания проблем.

В романах Золя обсуждаются сложные биологические проблемы той поры с привлечением строго научной литературы.

Статья «Я слова не просил» (Дело врачей - глазами очевидца) заставляет задуматься над нравственным обликом человека, в частности врача в условиях непростого выбора между верностью долгу и грозящей потерей свободы, а возможно и жизни.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕОНТОЛОГИИ

Гиппократ

Медицина – особая наука, не сравнимая ни с одной. равно как и профессия врача не похожа на другие. В подсознании медика должна неизменно присутствовать мысль о качественном отличии его профессии от других специальностей. Отличительным является объект изучения и исследования – человек, что накладывает огромную несопоставимую ни с чем ответственность.

Для успешного врачевания, кроме профессиональных знаний, необходима добрая душа, терпение, способность сопереживания. Когда - то для врача желательным было и гуманитарное образование. В современном мире только в 70-80 годы прошлого века вновь задумались о введении преподавания литературы в медицинских институтах. Тогда же возникли и первые литературно – медицинские журналы. Между тем, известный русский психиатр В.М. Бехтерев(1857-1927) подчеркивал на примере творчества Достоевского огромную роль литературы в медицине: « писатель сделал душевные болезни понятнее для широкой публики». Об этом же писал профессор Н.Н. Баженов (1857 – 1923) « Достоевский рисовал картины различных видов

душевных и нервных болезней с таким совершенством, с таким отсутствием всяких условностей в изображении безумия, с такой жизненной правдою...что можно прямо взять его описания и его типы и иллюстрировать ими любое современное руководство по психиатрии». В литературе 19 века отразился гуманистический подход, еще не внедренный в практику клинической психиатрии. (Сироткина, 2005)

С античных времен дебатировался вопрос, к чему отнести медицину - к науке или искусству? Школа великого Гиппократ (косская) считала медицину искусством. И это не праздные размышления. Известно огромное значение для успешного врачевания тонкого дифференцированного подхода к больному человеку, установлению душевного контакта между ними.

Стремительное развитие медицинской науки, выразившееся не только в углублении биологических знаний, но и в широчайшем введении точных математических и биофизических методов, само по себе определило качественно иной уровень древней науки.

Медицина претерпела настолько глубокие качественные сдвиги, что практически из чисто гуманитарной науки превратилась в технико-гуманитарную дисциплину. В современных условиях реальное расширение медицинских возможностей происходит только на стыке точных наук и биологии. Кардинально изменилась диагностическая и лечебная концепция, что не могло не отразиться на главной составляющей дуэта - враче и больном.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда возросшие возможности нередко становятся тормозом в успехе лечения.

А происходит следующее: активное внедрение техники нарушает личное общение. «Медицина сегодня - это инъекции, таблетки, операции и счета. Как часто вы, будучи пациентом, слышите от врача, что вам полезно смеяться, слушать побольше хорошей музыки, спать, отдыхать, заниматься сексом, использовать Виагру, если она помогает?»- писал выдающийся хирург - новатор Кристиан Барнард. Известный врач – исследователь, профессор

И.А.Кассирский еще в 1970 году с тревогой писал о «политике лекарственной индустрии», когда сотни фармацевтических фирм заняты стремлением к получению фантастических прибылей, не заботясь о больных. Этой же проблеме посвящены очень популярные в прошлом романы Артура Хейли.

Между тем, с древности известно большое значение доверительных отношений между врачом и пациентом, позволяющее выявить то, что и сейчас не доступно прибору, роботу, что обнаруживается лишь в неспешной беседе, - выяснение структуры личности, психологических особенностей и, что очень важно, знание наследственной «карты». Все это трудно переоценить. Жестоко ошибаются те, кто полагают решить проблему диагностики и лечения с помощью только даже самых совершенных приборов.

Внедрение компьютерной аппаратуры, методов электромагнитного резонанса, сканирование, ультразвук позволяют наблюдать деятельность органов, их изменения *in situ* (на целостном организме), что еще недавно являлось темой научной фантастики. Но, при всем этом, нередко, внимательный осмотр врача, выяснение жалоб, их характер, позволит предположить ту или иную патологию и назначить, что очень важно, целенаправленное обследование. Во время общения с больным нередко становится понятным психологический фон, позволяющий дифференцировать истинные жалобы от эмоциональных реакций, навеянных неосторожным словом. Больной хочет общаться с врачом, а не видеть его уткнувшимся в экран компьютера и получать без объяснений черпаемые из прибора листочки с неизвестными пациенту цифрами и аббревиатурами.

Врач является в чем – то своеобразным исповедником. Ему приходится выслушивать откровения пациента, реагировать на них, и это нередко помогает установлению диагноза. И в принципиально новых условиях никто не отменял личного общения врача с больным.

В недавней истории известен трагический случай, произошедший с великим актером Евгением Евстигнеевым. Накануне аортокоронарного шунтирования больного навестил хирург, дабы объяснить ему ход предстоящей

операции. Неточный перевод этого объяснения, из которого следовало примерно: „пей, не пей – все равно умрешь“, привел к трагедии. Через несколько минут после беседы у ошеломленного Евстигнеева наступила непрогнозируемая остановка сердца. Очевидно, развился нейрогенный спазм склерозированных коронарных сосудов, вызвавший остановку сердца.

Еще в начале XX века писатель и врач Викентий Викентьевич Вересаев, автор широко известной книги «Записки врача», с горечью писал, что медицина до сих пор не выработала этику. Необходима, по его мнению, этика в широком, философском смысле и она, прежде всего, должна охватить во всей полноте вопрос о взаимоотношениях между врачебной наукой и живой личностью. Вересаев, что очень важно, видел главную задачу этики во всестороннем выяснении вопроса о границах, за которыми интересы отдельного человека могут быть принесены в жертву интересам науки.

Термин «деонтология», должное, соответствие долгу, введен в научную литературу английским ученым Бенетом в 1834 году. Деонтология понятие общее, относящееся к разным дисциплинам, везде следует выполнять должное.

В 1969 году В. Поттер предложил термин биоэтика (биологическая этика) в качестве междисциплинарного, включающего в себя и медицинскую деонтологию.

Истоки того, что сейчас именуется деонтологией, уходят в прошлое. Не подлежит сомнению, что обращение за медицинской помощью возникло одновременно с появлением человека, и было на протяжении истории человечества всегда сопряжено с тревогами страждущего и от того, как она была оказана, многое зависело.

В современном обществе превалирует биологическая этика, в основе которой уважение прав и достоинств человека.

Исторические модели медицинской этики

Модель Гиппократова, в основе принцип – не навреди.

Модель Парацельса – делай добро.

Выдающийся врач средневековья Парацельс придерживался патерналистской модели, т.е. в основе опека пациента, отец-ребенок.

Известны модели технического, сакрального, коллегиального и контрактного типов. Принцип информированного согласия

За всем этим стоят непростые проблемы эвтаназии, пересадки органов, использование тканей зародышей в лечебной практике и многое другое, требующее осмысления.

Очень важен вопрос о соблюдении врачебной тайны. Когда-то нарушение врачебной тайны считалось тяжчайшим преступлением и влекло за собой запрет на врачебную деятельность. Но уже в 1925 году нарком здравоохранения СССР Семашко назвал врачебную тайну «пережитком старой врачебной кастовости». У этого постулата есть страстные сторонники и противники. В произведениях писателя-врача Кронина, да и у многих других, существует убеждение, что порой у пациента есть личные дела, требующие решения, и он имеет право знать, что его ожидает. Это может касаться наследственных проблем, упорядочения сложных запутанных личных отношений, завершения рабочих и иных дел. Нельзя сохранять тайну, если общение с больным опасно для окружающих. Вопрос этот крайне сложный и неоднозначный, на который нет и однозначного ответа.

Каждый человек сознает временность своего земного пути, как дальнюю и весьма туманную перспективу. Таков образ жизни и мышления нормального здорового человека. И поэтому возникающая угроза здоровью и жизни вызывает душевный переполох. В США, в Израиле и других странах

от больного ничего не скрывают, руководствуясь, возможно, юридическими положениями.

Отдаление неизбежной смерти не всегда благотельно, если сопряжено со страданиями. В книге Томаса Моора «Утопия» (1516год) автор рассуждает о возможности добровольного ухода из жизни вместо продолжения бессмысленных страданий. Несмотря на длительность дискуссий, проблема остается. В ряде стран, и в том числе в Израиле, принят закон о допустимости эвтаназии. Но можно ли быть уверенным в строгом соблюдении закона? А если вмешаются деньги? Тема эвтаназии требует отдельного обсуждения и несуетной полемики.

Медицина во многом стала технической профессией. Лучше это или хуже? Вопрос риторический, нельзя возражать против данности. Если прежде инструментом служило человеческое ухо и руки, то ныне инструментальное, не всегда безопасное обследование нередко предшествует осмотру. Если вдуматься в возможность увидеть на экране пульсирующее сердце, заглянуть глазом в желудок и кишечник, увидеть позу ребенка в матке, то многие изменения становятся объяснимыми. И, тем не менее, даже открывшиеся фантастические диагностические возможности не спасают от ошибок. Во главе всего остается человек, личность, врач. Он, и только он, должен синтезировать полученную информацию, а не бездумно прочитывать заключения приборов. Постоянно возникает человеческий фактор, приводящий к авариям самолетов, к сбоям различных жизнеобеспечивающих систем и многого другого, т.е. одно не исключает другого. То же самое, естественно, происходит и в лечебном процессе.

Модель контрактного типа

Прочно вошла в жизнь пересадка органов, о которой рассуждают привычно как о чем-то устоявшемся.

А тому всего около 50 лет. Много жизней удалось спасти, а мы еще только, только прикоснулись к этому не до конца ясному и не полностью освоенному методу.

К, сожалению, на этом пути возникают моральные проблемы, сложности и преступления. Где взять органы? Какова их стоимость, кто в состоянии оплачивать? Недавно прочитала в израильской газете о мошеннической сделке по продаже органов за границу, – органы изымались, а обещанного вознаграждения не было. Вдумайтесь: только жестокая нужда заставляет торговать своими органами, идти на сложную, небезопасную операцию. Это опасный бесчеловечный бизнес еще и сопряжен, нередко, с обманом.

В мире немало известно о злоупотреблениях, об убийствах для получения денег, и необходимо каким-то путем остановить растущий вал преступлений. Как это сделать, какие заслоны поставить?

Около шести лет тому назад в одной из больниц Тель-Авива умирал от цирроза печени атлет двухметрового роста, смелый, отважный человек, спасти которого могла только пересадка печени. Жизнь измерялась часами. В этот для него счастливый, а для других трагический день в автомобильной катастрофе погибла молодая красивая женщина-мать. Ее органы родные разрешили использовать для пересадки. На очереди были двое больных и тот, кому они не достались по медицинским показаниям, пожелал выздоровления своему невольному сопернику. В этой правдивой истории все важно и необыкновенно значимо. Психологические проблемы: знать о наличии органа погибшей в твоём теле, сознание продления жизни ценой трагической смерти другого человека, наличие еще одного реципиента. В данном конкретном случае пересадка удалась, один человек спасен, погибшего так или иначе не вернуть.

Как рассуждать об этике и где она? А жизнь продолжается, и человечество вырабатывает механизмы защиты, вырабатывает с трудом, с ошибками, разочарованиями и величием духа.

Нередко родные и близкие, если позволяют медицинские критерии, делятся своими органами для спасения родной жизни. Это то новое, что властно вошло в нашу повседневность, и не имеет ничего общего с меркантильными расчетами, а отражает безграничную любовь к родным и стремление помочь продлению их жизни.

Сердце, считавшееся с незапамятных времен вместилищем души, переходит от молодого человека к старому, от женщины к мужчине и наоборот. Необходима выработка новой этики, позволяющей жить по новым правилам, где не будет, еще существующих в наше время, преступлений, ограничить нашествие «денег» в обмен на жизнь.

Страховая медицина также нередко служит источником недобросовестности, когда назначают излишние обследования и вмешательства с целью наживы. Таких примеров множество: известный американский художник, выходец из Украины, обратился к врачу с определенными жалобами, не предусматривающими предложенное ему шунтирование, которое ему не было показано, но позволяла страховка. В конкретном случае преступление не состоялось, а, сколько других вариантов?

Перечисленные проблемы весьма остро стоят перед современным миром и требуют строгого бескомпромиссного контроля.

С давних пор атеисты и клерикалы ведут споры об искусственном прерывании беременности - возможно ли оно, не является ли это санкционированным убийством. Кстати, использование контрацепции, по мнению некоторых ревностных клерикалов также преступно. Борьба вокруг права на аборт далеко не закончена. Спорен и неоднозначен подход к этому явлению.

Реальным является и право женщины оставаться человеком, а не только «воспроизводителем».

В условиях стремительного изменения жизни не могут создаваться столь несопоставимые соединения старых представлений с новыми реалиями.

В последние годы установлено, что стволовые клетки, выделенные из эмбриональной ткани, способны стать незаменимым средством излечения тысяч больных от разных заболеваний. Возникает очередная проблема, как получать эмбриональную ткань, что допустимо, как спасти жизни, какой ценой. Где мера риска и ответственности?

Каждая эпоха характеризуется лишь ей присущими особенностями. Наша эпоха отличается от предшествующих ей эпох, гигантским техническим прогрессом, когда эволюционно развивающееся сознание не поспевает за возникшими реалиями. Еще сохраняется старое, активно теснимое новыми веяниями. Еще не устоялись, не созданы препоны преступлениям в связи с принципиальными изменениями техники и практики медицины.

Новая реальность требует иных нравственных подходов. Необходимо не выплеснуть человеческую мораль вместе «с ребенком». Сведение к минимуму контакта между врачом и пациентом, пытающимся уловить мысли углубленного в компьютер медика, крайне негативно сказываются на состоянии больного, а отрывистые фразы усугубляют нервозность и неуверенность. (Розенберг В.2009)

Техника не должна заменять человека, по-прежнему в основе всего врач и больной и только вместе можно разрешать самые сложные задачи.

Между тем, вопросы врачебной этики волновали мыслителей и философов с глубокой древности.

Основные правила поведения врача отражены в знаменитой клятве Гиппократов, к которой за тысячелетия прибавлена одна фраза - обязуюсь учиться всю жизнь. У Гиппократов имеется меткое сравнение врачебной практики с битвой, в которой принимают участие три действующих лица: больной, врач и болезнь.

Франсуа Рабле, доктор медицины и выдающийся писатель в своем знаменитом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» неоднократно обращается к волнующим

темам врачевания. Он пишет, ссылаясь и на врачей предшествующих поколений, как должен выглядеть лекарь, как важны его осанка, одежда, манеры. Все поведение врача служит одной цели - радовать больного. Не об этом ли намного позднее писал Антон Чехов?

Герофил резко осуждал врача Каллиакса за то, что на - вопрос: Умру ли я? ответил: А сам Патрокл со смертью пал в борьбе, А был мужчина не чета тебе. Немецкий профессор Б.Наунин в прошлом веке подчеркнул одну из важнейших особенностей медицины: «...Не думайте, что в медицине все старое плохо, как в военном деле, где с изобретением нового оружия старое становится ненужным хламом: нет, для нас старое дорого потому, что оно испытано и проверено».

Медицина и литература с древности обладают взаимным притяжением. И, нередко, врачи становятся писателями, причем обогащенными знанием жизни и, главное, лучше разбирающимися в психологических зигзагах личности. Как правило, приобретя определенный опыт профессионального общения и ощутив потребность изложить на бумаге свои мысли, врач становится писателем.

Медицина обладает удивительным свойством, ее невозможно оставить. И став профессиональным писателем, автор по своему мироощущению остается врачом, отражая это качество в том или ином виде в литературном творчестве. У Китса, не практикующего медика, не встретишь стихов на медицинские темы, но его предсмертная "Ода к Фанни" начинается словами: "Природа-врач! Пусти мне кровь души». Поэт сам говорил, что с удовольствием просматривает медицинские книги и не хочет их отдавать. Наконец, сюжет китсовской поэмы "Ламия" почерпнут из старого трактата "Анатомия меланхолии"...

Гуманные принципы медицины, трудности профессии находят четкое отражение в произведениях писателей – врачей, а « их переживания полезно продумать каждому врачу, они дополняют сухое изложение учебников» (В.Х. Василенко, 1985).

Темы болезни и смерти отраженные в художественной литературе, нередко поражают верностью

изложения клинической картины болезней, тонким психологизмом описания взаимоотношений врача и больного. Великолепные строки сочувствия к человеку, углубленного в свои беды и невзгоды находим в произведениях искусства. Не случайно, поэтому работы, посвященные моральным принципам медицины, ее этики базируются нередко, на изучении произведений литературы и искусства.

Так фундаментальные исследования психологии художественного творчества, приведшие к интересным выводам, получены профессором А. Ноймайром при изучении полотен Гойи и Ван Гога, произведений Шумана и других. Этим проблемам посвящены интересные работы В.Чижа,1901-1902, Н.Баженова,1901, Сегалина,1926. Им (Сегалин И.Л.) издавался несколько лет журнал "Клинический архив гениальности и одаренности», на страницах которого обсуждались истории болезни писателей, художников с попыткой установления связи творчества и психического состояния. Эти неординарные публикации, по сей день, имеют сторонников и противников. В более позднее время, профессиональным, врачебным анализом литературных произведений, творчеством живописцев занимались профессора А.Л.Мясников, 1956, И.А.Кассирский,1967, Е.И.Лихтенштейн,1974,1976.

Проблема остается актуальной и с учетом современного уровня знаний, позволяет искать иное прочтение.

Утешить больного, помочь найти силы для сопротивления болезни - это нелегкая, но неотъемлемая обязанность врача. « ...От начала всякого врачевания страждущее человечество исцелялось благодаря внушению гораздо чаще, чем мы предполагаем. Мировая история доказывает, что не было еще столь бессмысленного метода, который бы на некоторое время не принес облегчения больному, уверовавшему в него, в этот метод. Ибо внушению...принадлежит огромная труднообразимая роль – писал Стефан Цвейг». В этой мысли Стефана Цвейга таится глубокий смысл и в то же время немалая опасность. Именно этим пользуются многочисленные «целители» в

своей опасной для здоровья, но успешной для личного обогащения работе. Нередко после их вмешательства уже никакой самый лучший врач ничего не может сделать. Существует очень тонкая грань, которую нельзя переходить.

Человечество стоит на пороге, а может быть и за порогом, тревожных изменений в этических проблемах современной медицины. Долг врачей, психологов, историков медицины удержать общество от скатывания в мир преступлений – торговли органами, расширительным подходом к эвтаназии и многому другому.

Известно, что в переходные, сложные периоды, растерянные, лишенные привычных ориентиров люди бросаются к знахарям всей мастей, что, в частности, описал Эмиль Золя в романе «Лурд».

Так происходило на рубеже эпох, в начале XX века, нечто подобное наблюдаем и мы, современники значительных миграций, изменений привычного образа жизни, социального статуса и много другого. Эти веяния находят почву и потому, что существует много непознанного и интригующего.

Залог успеха врача в современном мире тот же, что и всегда – профессионализм и душевность.

Литература

Биоэтика: проблема взаимоотношения с биологией, философией, этикой, психологией, медицинской деонтологией и правом
<http://babenko.temator.ru/cont/1442/1.html>

Грандо А. А. Врачебная этика и медицинская деонтология. — К.: Вища школа, 1982.

Кассирский И.А. О врачевании Издательство «Медицина», Москва, 1973.

Лихтенштейн Е.И. Пособие по медицинской деонтологии. Киев «Вища школа», 1974.

Лихтенштейн Е.И. «Помнить о больном» там же, 1978.

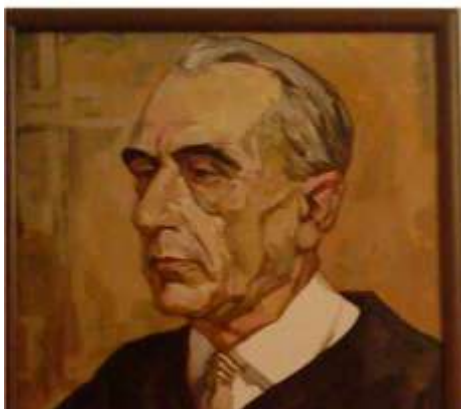
Лихтенштейн И.Е. Этюды о деонтологии Долгожитель Приложение к газете «Новости недели», 23 февраля 2006.

Морозов Г.В., Царегородцев Г.И. Медицинская этика и деонтология, 1983.

. Розенберг Валерий. «Искусство и медицина». Тель-Авив, 2009.

. Сироткина Ирина. Литература и психология: из истории гуманитарного подхода. Вопросы психологии, 1998,.

Я слова не просил»
«Дело врачей» -
ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА»

Профессор Ефрем Лихтенштейн
Портрет работы академика живописи Украины.
Михаила Туровского

Есть исторические события не подверженные забвению. К ним периодически возвращаются, по – новому осмысливают, оценивают в условиях изменяющегося контекста времени. При этом неизбежно ускользают приметы эпохи, без чего трудно понять во всей полноте суть и смысл произошедшего. Поэтому особый интерес привлекают свидетельства очевидцев, их безыскусные заметки.

Об одном из таких трагических событий – «Деле врачей» расскажу сквозь призму семейных воспоминаний.

Мой отец, Ефрем Исаакович Лихтенштейн, профессор-терапевт (в описываемые годы доцент) Киевского медицинского института, сын успешного земского врача, был известным в городе специалистом и весьма уважаемым человеком. Молодой, красивый, образованный, участник Сталинградской битвы, его фамилия значилась в одном из первых приказов о награждении в ненаградном 1941 году. Много лет спустя, точнее в 2012 году, узнала о его подвиге в годы войны по публикации на сайте «Подвиг народа». В санитарный поезд попала бомба, вызвав пожар. Ефрем Исаакович вместе с писарем Шапиро под огнем вынесли из горящих вагонов 17 раненых, 14 из которых вернулись в строй. Отец никогда об этом не рассказывал. Я обратилась в архив города Подольска с просьбой прислать не полученные ордена мне, дочери. Пока ответа нет.

Кроме врачебной и научной работы он занимался журналистикой – был в разное время членом редколлегии, затем заместителем главного редактора республиканского украинского терапевтического журнала «Врачебное дело». В те годы (50-е) активно работал над докторской диссертацией. Возникло ощущение, правде вопреки, что самое страшное позади, что жизнь постепенно налаживается.

Появились «лимитные» магазины. Некоторые категории служащих, в которые входили и ученые, получили возможность «отовариваться» в этих магазинах. Их преимущество состояло в более широком выборе продуктов и меньших очередях

Что-то налаживалось. Но... грянула «борьба с космополитами». Вновь повеяло репрессиями. Помню огромные статьи, в которых по прежней схеме разоблачали «врагов народа», с наслаждением раскрывали псевдонимы. Тогда же на страницах «Литературной газеты» разгорелась острая дискуссия между К. Симоновым и М. Шолоховым по поводу правомерности псевдонимов и их раскрытия. Позиции сторон проявились достаточно четко.

Разгром биологической науки, Еврейского антифашистского комитета, гибель Михоэлса...

В Киеве на территории Киево-Печерской Лавры жгли рукописи еврейской библиотеки.

И, тем не менее, жизнь продолжалась – надеялись на лучшее. Родители успешно работали, худо-бедно обрастали вещами, отцу даже удалось сменить шинель на гражданскую одежду.

Внезапно все рухнуло. 1952 год. Неожиданно полученная повестка из военкомата вылилась в длительный поединок с НКВД. Встречи-допросы проходили в различных помещениях мединститута, в каких-то организациях, казалось бы, не имеющих отношения к НКВД, даже на частных квартирах. Недавно из книги Аллы Перельман-Зускиной «Путешествие Вениамина» узнала, что первые допросы великого актера происходили в здании ГОСЕТа и в уютном, утопающем в зелени особняке. Тот же зловещий стиль.

Вызывали отца телефонным звонком в любое время суток то несколько дней подряд, то с двух или трехнедельным перерывом. Обычно за ним заезжала машина. И никто не ведал, вернется ли он. Мы не всегда знали, что отца вызвали. Он иногда не успевал, а порой не мог сообщить об очередном допросе. Самый длительный был 7 и 8 ноября 1952 года, когда неарестованному гражданину не давали есть, лишали папирос и воды, оскорбляли. Нередко во время допросов звучала площадная брань, бросали в лицо «жидовская морда». Поначалу трудно было разобраться, в чем, собственно, дело. Требовали имена знакомых, задавали множество разных вопросов, говорили о странных врачебных ошибках профессора М. М. Губергрица, одного из известнейших ученых, к тому времени покойного. Поражала осведомленность НКВД о самых интимных моментах жизни семьи, отца, о чем он сам нередко не помнил. И, конечно, не раз возвращались к ясному для них стойкому нежеланию отца вступать в партию. Вот это было правдой. Особая, недоужинная дипломатичность понадобилась ему в действующей армии. И все же отцу это удалось, несмотря на довольно высокое положение в качестве начальника эвакуационного отдела ФЭПа. Возникла мысль, что кто-то из близких к семье знакомых

являлся невольным, хочется думать, информатором или, что более вероятно, устраивались перекрестные встречи и расспросы. Несмотря на подписку о неразглашении, отец кое-что рассказывал.

Через десятки лет, когда многое стало известно, я изумилась, что разговоры шли и в моем присутствии, а я ведь была школьницей. Это мне до сих пор трудно понять. Но с детства без обсуждения было ясно, что не обо всем услышанном в доме можно и нужно говорить. Это не была конспирация, это была диктуемая обстоятельствами тайная жизнь, воспринимаемая как данность. Допросы между тем продолжались и по-прежнему их вели так, чтобы не дать возможности понять, о чем идет речь. Огромной трагедией явилось сообщение ТАСС от 13 января 1953 года «Об аресте врачей-вредителей». В сообщении были названы профессора Вовси, Виноградов, Коган М. Б. и Коган Б. Б., Егоров, Фельдман, Эттингер, Гринштейн, Майоров. В основном это были консультанты Лечебного управления Кремля, да и личные врачи Сталина, например В. Н. Виноградов. В списке арестованных был цвет советской медицины, в основном евреи. Только в Москве арестовали 37 человек, из которых 28 – евреи. В различных городах страны органы госбезопасности спешно готовили местные «дела врачей». В нашей многонаселенной (18 человек) коммунальной квартире с веревками для сушки белья в длинном коридоре, жила и сотрудница «органов», проклиная врачей - убийц при доброжелательном отношении к нашей семье.

После опубликования «Сообщения ТАСС» началась широкая разнузданная истерия. 18 января 1953 года в «Правде» была напечатана статья «Покончить с ротозейством в наших рядах». Заканчивалась публикация ссылками на товарища Сталина: « как указывал товарищ Сталин еще в 1937 году, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом».

В этом же номере вспоминался Павлик Морозов, являвшийся для определенной группы населения одним из

мрачных символов эпохи, знаковой фигурой. В те же дни напечатали разгромную рецензию совершенно забытого ныне Михаила Бубеннова на роман «За правое дело» блистательного Василия Гроссмана.

События несколько прояснились 24 января 1953 года, когда в «Правде» опубликовали указ о награждении врача Лидии Федосеевны Тимашук: « За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей – убийц». С этого момента «весь советский народ» благодарил мужественную патриотку за помощь в раскрытии преступления. А 20 февраля того же 1953 года в газете «Правда» появилась статья Ольги Чечеткиной «Почта Лидии Тимашук». Я касаюсь только нескольких публикаций, дабы напомнить, в какой обстановке приходилось существовать.

Положение врачей – евреев становилось ужасным. Люди, объятые страхом, отказывались приходиться на прием, опасаясь потенциальных отравителей.

С этого момента допросы отца участились и приняли более коварный характер. Упорно, жестко, настойчиво требовали свидетельств о «шпионской» деятельности профессора Владимира Харитоновича Василенко. О прекрасных, доверительных отношениях моего отца с учителем, В. Х. Василенко в Киеве было известно.

Постепенно «неблагонадежность» Ефрема Исааковича становилась известна. Главный редактор журнала «Врачебное дело» доцент И. П. Алексеенко пригласил отца и с большим огорчением сообщил о полученном указании отстранить его от работы в журнале. Отец сказал Алексеенко, что уверен в невиновности учителя, профессора Василенко, предать которого не может и не хочет, и добавил: «Так же я поступил бы, если бы речь шла о вас». Они простились.

Тем временем лекции и практические занятия шли своим чередом. Не желая выдавать своих тревог, отец ходил в театры, концерты. Помню, как мы слушали любимую оперу Ефрема Исааковича «Пиковая дама». Несмотря на гнетущую обстановку, он рассказывал о запомнившейся с юности «Зимней канавке», о Пушкине и Чайковском, о занятиях в ленинградском институте истории искусств. До

сих пор помню прекрасные декорации и блестящих украинских певцов Кипоренко – Доманского, Платонова, Гайдай.

Наши места были в партере. Внезапно отец наклонился ко мне и шепнул, что следователь сидит недалеко от нас. Я увидела полковника НКВД очень маленького роста, откровенно рассматривавшего нас. После спектакля вернулись домой. Ночью отца вызвали на допрос. Вакханалия продолжалась.

Администрация мединститута совместно с партийным, комсомольским и профсоюзным комитетами должна была внести свою лепту в осуждение «врачей-убийц». Разыгрывался этот спектакль в здании Киевского Академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко, где несколько ранее мы слушали «Пиковую даму». Особая роль, естественно, отводилась «лицам еврейской национальности». Запуганные, растерянные люди поднимались на сцену и дрожащими голосами произносили то, что от них хотели услышать. Наконец прозвучало: «Слово предоставляется доценту Лихтенштейну». Ефрем Исаакович, сидевший в ложе, встал и сказал своим несколько глуховатым голосом, что выступать не будет, и сел. Растерянные устроители повторили просьбу о выступлении, а он повторил свой ответ. К этому хочу добавить, что блестящие ораторские способности Ефрема Исааковича были широко известны. Возвратившись домой, он пересказал произошедшее в театре, был крайне взволнован в ожидании, как нам всем казалось, неизбежного ареста. Всю ночь мы прислушивались к шуму проезжающих машин. Было очень страшно.

Эпизод в театре пересказан в повести Анатолия Нимченко «Без Бухбиндера»¹⁹⁹⁵: «...Институтские евреи один за другим выходили на трибуну и срывающимися голосами клеймили происки своих соплеменников. Механизм только один раз дал сбой, когда доцент Лихтенштейн, прекрасный терапевт и блестящий преподаватель, интеллигентнейший человек, отказался выйти на сцену, заявив: «Я слова не просил». Все считали, что он обречен, тем более что его учитель был одним из

«профессоров-убийц». Описан этот эпизод и в книге Г. Е. Аронова и А. П. Пелешука «Легенди і бувальщина ківської медицини (люди, факти, події, документи)» (2001) в очерке под названием «Стойкость». Упоминания об этом событии спустя полстолетия явились для нас неожиданностью, но показали цепкость человеческой памяти. Вновь пережитое прошлое усиливает гордость за отца, за его смелые поступки, чем, впрочем, он отличался на протяжении жизни.

Его честность и надежность проявились в 30-е годы, когда замышлялось дело против наркома здравоохранения, впоследствии академика Льва Ивановича Медведя. В ту нелегкую пору отец выступил в его защиту как журналист, написав в разгар травли положительный очерк.

Между тем допросы продолжались. Тема Василенко зазвучала четче, более зловеще. Отца постоянно расспрашивали и о других известных профессорах, преимущественно евреях.

Стало известно, что от некоторых киевских специалистов требуют профессионального подтверждения вредительской деятельности «врачей-убийц». Привлеченные к экспертизе ученые отчетливо понимали абсурдность обвинений, но, по словам поэта: «Он знал, что вертится Земля, но у него была семья»...

Один из привлеченных к оценке правомерности лечения, член-корреспондент АН СССР Владимир Николаевич Иванов, ученик профессора Ф. Г. Яновского, о котором ниже, полгода симулировал болезнь, находясь дома под врачебным наблюдением. Правда, обстановка не способствовала здоровью, и он действительно плохо себя чувствовал. Но, конечно, не по этой причине не подписал заключение о вредительстве. Он остался верен заветам своего учителя. Известен мне и молодой, талантливый, амбициозный профессор М., друживший с одним из обвиняемых и не справившийся со страхом. В дальнейшем он очень страдал, но сделанного не изменить. Чтобы понять трагичность многих поступков, надо было жить в то время. Не у всех хватало сил противостоять натиску...

Расскажу немного о Владимире Харитоновиче Василенко. Он родился в Киеве в 1897 году. В 1922 году

окончил Киевский медицинский институт. Учился у блестящих ученых – академиков А. А. Богомольца, Н. Д. Стражеско, профессора Ф. Г. Яновского. О профессоре Яновском киевлянам известна удивительная история: за его гробом шли ксендз, священник и раввин. Толпа остановила движение по пути следования процессии. О нем, его квалификации и порядочности слагали легенды. Семья профессора А. И. Булгакова

(отца писателя М. А. Булгакова) дружила с семьей Яновского, а в образе профессора, лечившего раненого Алексея Турбина в «Белой гвардии», угадывается Феофил Гаврилович. Его заветам и следовал упомянутый профессор Иванов.

Широко известны в мировой науке имена Н. Д. Стражеско и А. А. Богомольца. Дети академика Александра Александровича Богомольца, тоже выдающиеся ученые, стали близкими друзьями Василенко. К их чести, следует сказать, они очень поддерживали семью арестованного друга морально и материально.

В. Х. Василенко, крупный ученый, автор многих монографий, учебников по актуальным проблемам медицины, философ в науке. Мобилизованный в действующую армию, он занимал посты главного терапевта Северо-Кавказского и 1-го Украинского фронтов. Затем заведовал кафедрой и был директором института гастроэнтерологии, редактором блестящего журнала «Клиническая медицина», вице-президентом АМН СССР.

Н. С. Хрущев в воспоминаниях о «деле врачей» писал: «Арестовали Василенко, крупнейшего терапевта. Я мало знал его лично, но слышал о нем очень хорошую характеристику от академика Стражеско, которого я весьма уважал... Это он, когда заканчивалась Великая Отечественная война, попросил меня отозвать Василенко из армии, чтобы тот пришел работать в клинику, которой заведовал Стражеско. Он прямо говорил: «Василенко мой ученик, и я хотел бы, чтобы он остался после меня, чтобы клиника перешла в надежные руки».

В описываемое время Василенко был послан в Китай к заболевшему Мао Цзэ - Дуну и для оказания помощи в

становлении здравоохранения. Его внезапно, без объяснения причин отозвали и в самолете надели наручники.

К чести китайских руководителей добавлю, что они не оставили своим вниманием семью профессора Василенко и в особенности его жену Тамару Осиповну Орбели, дочь директора Государственного Эрмитажа. В. Х. Василенко и его жена не раз об этом с благодарностью вспоминали.

Время шло. Внезапно несколько дней прошло без допросов, удивлению не было предела.

И вдруг – сообщение о болезни вождя. Незнакомое мне словосочетание - «дыхание Чейн – Стокса». Я спросила, что это значит. Глубоко выдохнув, отец сказал: «Слава Богу – не встанет».

Помню нешуточные споры из-за траурной повязки, которую надлежало носить на рукаве. Папа отказывался, мама от страха настаивала. В конце концов, отец надел повязку, но, выглянув с балкона, мы увидели, что он снял ее и спокойно положил в карман пальто.

Была слякоть, промозглая сырость. А я, студентка первого курса, топталась на траурном институтском митинге, на улице Ленина, 37. Со мной рядом стоял друг и сокурсник, простуженный Толя Парташников, ныне главный редактор Еврейской энциклопедии на русском языке, доктор философии. Мы едва скрывали, отличающиеся от других, чувства по поводу случившегося. Он довольно скоро увел меня, но, тем не менее, я успела заболеть и несколько недель провела дома. Еще одно прикосновение «отца народов».

Блеснула надежда. Недели через две - три отца впервые вызвали в здание НКВД, в печально знаменитый дом по улице Владимирской. Сколько судеб было сломано там, какие крики раздавались из-за плотно закрытых окон! Ефрема Исааковича встретил упомянутый ранее полковник, усадил в глубокое кресло, был непривычно вежлив. Он сообщил отцу, что «органы» убедились в его честности, и не имеют более никаких претензий, предложил при необходимости обращаться к ним за помощью. За окном бушевала гроза. Отказавшись от предложенной машины, Ефрем Исаакович вышел из овеянного ужасами здания, и,

казалось, дождь смывал страх и трагедию прошедших месяцев.

Освободили врачей. Отец немедленно поехал в Москву повидаться с профессором Василенко. Он увидел истощенного человека с выбитыми зубами и сломанными ребрами. Внезапно подойдя к книжной полке, Владимир Харитонович снял маленького бронзового Будду и протянул отцу в подарок, сказав: «Вот, кто спас меня». Этот Будда раньше был подарен Василенко Мао - Цзэ-Дуном.

Через несколько десятилетий, живя в эмиграции, мы совершенно неожиданно, создали небольшую коллекцию Будд. Так вот, пожалуй, только сейчас смогли оценить художественную красоту маленького Будды, хранящего свою тайну. В фигуре подлинного Будды запаяна записка, содержащая какое-то пожелание, мысль. Попытаться узнать, вскрыть не считается возможным, это осквернение Бога. Так мы и не знаем, что думает о нас Великий Будда...

Окончилась длинная и страшная сталинская эпоха. В прошлое отошли допросы, ослабли тревоги. Отец продолжил работу над докторской диссертацией, научным консультантом стал профессор Василенко. Диссертация была защищена в 1960 году. Она посвящена актуальным вопросам кардиологии, в частности осложнениям при инфаркте миокарда, сердечным плевритам.

Несмотря на большую преподавательскую, научную и лечебную нагрузку, отец вернулся к написанию начатых еще до войны очерков, посвященных медицинским темам в литературе. В них он искал ответа на волновавшие вопросы медицинской этики, отдавал дань любимой литературной работе.

Этими исследованиями он опередил время. К сожалению, только в 70- 80 годы прошлого века вновь задумались о введении преподавания литературы в медицинских институтах. Тогда же (1982) возникли и первые литературно – медицинские журналы.

По ходу работы отец поддерживал тесные отношения со многими деятелями искусства. В семейном архиве бережно хранятся письма М. П. Чеховой, О. Л. Книппер-Чеховой, А. Гольденвейзера, И.Зильберштейна К. И.

Чуковского. Особо нежные отношения сложились с Корнеем Ивановичем Чуковским. Узнав из письма о болезни Корнея Ивановича, Ефрем Исаакович писал ему 3.6.1968года: «Я очень огорчен тем, что Вы недомагаете, а я от Вас настолько далеко, что не могу протянуть Вам руку помощи. Знаете, есть врачи, живущие только разумом или только сердцем. И те, и другие беспомощны, мне кажется. У вас в Москве трудится мой давнишний и самый близкий друг В. Х. Василенко. В нем удивительно гармонично сочетаются разум и сердце. Можете к нему обратиться за советом, если в этом есть необходимость... Если будете звонить им, поклонитесь от меня, пожалуйста». Чуковский воспользовался советом: «Владимир Харитонович был у меня дважды. Произвел чарующее впечатление, и я от души благодарю Вас за это драгоценное знакомство. Вы правы: мудрый диагност сочетается в нем с благородным Человеком»(15.07.1968).

Печатание очерков давалось нелегко, несмотря на сочувственные отзывы писателей, историков медицины, искусствоведов.

Привожу мнение К.И.Чуковского: «Написана она отлично – вполне литературно и даже художественно. (История болезни и смерть И.С.Тургенева» И.Л.) Никогда я не испытывал такой нежной жалости к Тургеневу, такого восхищения его мужеством - какие вызвала у меня Ваша статья. » (К. И. Чуковский 1968год, архив Е.И.). В другом письме от 23.4.68 Чуковский, касаясь все той же статьи о болезни Тургенева, отмечал: « Ваше открытие очень заинтересовало меня. Считалось, что у Тургенева были в зрелом возрасте две болезни: подагра и воспаление мочевого пузыря». И далее - «заинтересуются ли Вашей темой «присяжные литературоведы», не знаю». К сожалению, «присяжные литературоведы» не заинтересовались».

Сохранилось письмо профессора И.А.Кассирского (1967), знаменитого врача, историка медицины: - «Дорогой и многоуважаемый Ефрем Исаакович! ...Еще и еще раз хочу сказать, что «Болезнь Тургенева» - сделана отлично! Вторую Вашу статью не пропустили («Медицинские темы в творчестве Флобера» И.Л.) Много у нас перестраховщиков и

завистников. Когда-то Чаплин сказал: Звезды среди звезд дают мало света и еще меньше тепла. Перефразирую: Звезды среди совсем темных завистников и недоброжелателей вынуждаются к затуханию, их блеска никто не видит...».

Издание книги отца очень затянулось. «Пособие по медицинской деонтологии» было издано посмертно, в 1974 году, с блестящим предисловием В. Х. Василенко, и разошлось мгновенно. Через несколько лет вышло из печати второе, дополненное издание под названием, предложенным при подготовке рукописи отцом, – «Помнить о больном». Послесловие написал в прошлом студент, а ныне профессор, писатель, дипломат Юрий Николаевич Щербак. «Странное дело – мы не знали лектора, но почему – то внезапно оборвались все разговоры и привычный студенческий шум, и в аудитории воцарилась мертвая тишина. Тихим голосом начал он свою лекцию, и как замороженные вслушивались мы в его слова, открывшие для нас целый мир человеческих страданий, надежд и чувств. До сих пор храню я конспекты лекций Ефрема Исааковича. Никогда не забуду обходы в клинике, обстоятельные разборы больных: в памяти останутся изящные (именно изящные) движения рук Ефрема Исааковича при перкуссии и пальпации больных, его доброжелательное и внимательное отношение к пациентам – лишь иногда в его улыбке виделась горечь бессилия. ... Ефрем Исаакович непрестанно учил нас одной большой и нелегкой науке – видеть в больном не учебно-наглядное пособие по терапии, а живого, страдающего человека во всей его сложности и неповторимости...» (1978)

И эта книга стала библиографической редкостью. В книги вошли исследования отца о болезни И. С. Тургенева, М. М. Коцюбинского, Моцарта и очерки - медицинские темы в творчестве Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Г. Флобера. В Израиле удалось опубликовать «Отшумевшую жизнь» – о болезни Сергея Есенина, выполненную преимущественно на анализе творчества поэта.

В письме ко мне от 18 февраля 1987 г. В. Х. Василенко писал: «Для меня Ефрем Исаакович всегда представлялся как редкое сочетание нежного поэта и трезвого врача».

Оглядываясь в уже далекое прошлое (отец ушел из жизни в 1973 году) и, думая об отце, я пытаюсь разобраться, каким он был, чем запомнился? Воспоминания наползают одно на другое. Мне кажется, что характер отца, особенности его личности понял и отразил в своем прижизненном портрете наш большой друг, ныне живущий в Америке известный художник Михаил Туровский.

Отец был красив особой одухотворенной красотой. Я помню его мягким, внешне спокойным, не выплескивающим свои беды наружу. На групповых фотографиях он почти всегда оказывался сбоку или во втором ряду, не стремясь, как многие, занять «место под солнцем». Эту черту отца очень точно выразил в книге воспоминаний «Не уставайте слушать стариков» давний знакомый, профессор Киевского мединститута Ю. В. Шанин: «Однажды, прочтя на 16-й странице «Литературной газеты» мою фразу: «Ему наступали на ноги даже там, где еще не ступала нога человека», он (Е. И.) позвонил мне и сказал: «Юрий Вадимович! Милый Юрочка! Это же вы про меня написали». Перечитывая эти строки, я слышу голос отца, его интонацию, до боли, почти зрительно ощущаю его присутствие.

Он был гордым человеком, остро реагирующим на недоброе слово, необдуманные поступки. Его доброта не предусматривала вседозволенности. Не могу сказать, что он был очень общительным, но в любом обществе его одухотворенность, интеллект, аристократичность привлекали внимание.

Литература

Аронов Г. Ю., Пелешук А.П. В книге «Легенди і бувальщина Київської медицини» «Стойкість» Київ: «Століття», 2001.

Ашкенази Людмила. Чудо – врач. Новости недели, 20.09.2007.

Бурчинский Г.И., Грицок А.И., Коляденко В.Г. Киевская терапевтическая школа и становление кафедр внутренних болезней. В кн.: 150 лет Киевского мединститута. Киев, 1991.

Грандо А. А. Е.И.Лихтенштейн. В кн.: Путешествие в прошлое медицины. Киев: Триумф, 1995.

Лихтенштейн Е.И. Пособие по медицинской деонтологии. Киев: Вища школа, 1974.

Лихтенштейн Е.И. Помнить о больном, там же, 1978.

Лихтенштейн И. Я слова не просил. Долгожитель прилож. к газете Новости недели, 25 мая 2006.

Макаренко И.М., Полякова И.М. Биограф. Словарь завед. кафедр и профессоров Киевского Медицинского Института . Киев: Здоровье, 1991.

Мандлер К.М. Памяти профессора Е.И.Лихтенштейна. Врачебное Дело, 1995, 7.

Нимченко Анатолий. Без Бухбиндера. Егупец (Київ), 1995, 1.

Ступак Ф.Е. Е.И. Лихтенштейн – профессор медицины и литератор. В кн.: Еврейская история и культура в странах центральной и западной Европы: Сборник научных работ. Киев, 1998. Т.2 (на украинском языке).

Трахтенберг Исаак. Е.И.Лихтенштейн. В кн.: « Слово об Alma mater». Киев, 2006.

Шанин Юрий. Не уставайте слушать стариков: Воспоминания пожилого киевлянина. Киев, 2000.

Щербак Юрий. Путь к человеку: Послесловие к кн. Е.И.Лихтенштейна «Помнить о больном» Киев, «Вища школа», 1978.

Ялсут Селим. Семейные предания. Киев: Дух і Літера, 2005.

Писатели – врачи

Знакомый и незнакомый Владимир Даль

В звучании мягкого короткого слова Даль чудятся просторы русских равнин, вспоминается, впервые прочитанная Курочка Ряба, мгновенная боль от описания последних минут Александра Сергеевича Пушкина, благодарность за попытку облегчения страданий поэта и, конечно, постоянное обращение к знаменитому словарю.

И все это Владимир Даль. Человек необыкновенно разносторонних интересов, умевший каждое свое увлечение превратить в весомый раздел науки или искусства. Поистине в нем сконцентрирована, ныне забытая, энциклопедическая широта познаний.

Интерес к неординарной личности и деятельности выразился в том, что 2001 год Юнеско объявила годом Даля.

Для простого перечисления занятий и увлечений Владимира Ивановича потребуются немало строк.

Я преимущественно коснусь врачебной ипостаси Даля, прекрасного, доброго гуманного лекаря. К врачеванию Владимир Иванович пришел не сразу, несмотря на то, что был сыном врача.

Владимир Иванович Даль родился 10 ноября 1801 года в промышленном украинском городе Луганске. Семья жила в небольшом одноэтажном доме среди убогих построек первых заводских рабочих литейного завода.

Его отец – датчанин Иоганн Христиан Даль, студент богословского факультета, благодаря знанию языков и высокой эрудиции по приглашению императрицы Екатерины Великой приехал в Россию. Он назначен придворным библиотекарем для изучения, купленного императрицей книжного собрания Вольтера. Однако через короткое время Иоганн Христиан потерял интерес к этой работе и уехал в Германию в город Иену для обучения врачебному искусству. Окончив университет, вернулся в Россию. В формулярном списке значилось: «Иван Матвеев сын Даль 1792 года марта 8 дня удостоен, при экзамене в Российской империи медицинскую практику управлять». По окончании учебы работал лекарем в кирасирском полку великого князя Павла Петровича. Молодой врач тяжело переживал муштру, унижения, выпадавшие на долю служивших в полку солдат и даже офицеров. В таких условиях не мог продолжать службу и через 4 года подал просьбу об увольнении, поступив на работу в Горное ведомство. Весной 1796 года Иоганн Христиан с женой Марией Фрайтах выехал в Петрозаводск. Спустя 2 года, как лучшего врача края, его перевели старшим лекарем на только что открытый Луганский литейный завод с жалованьем 500 рублей. Луганск того времени был новым городом, ему было 3 года от роду. Все начиналось с нуля. Иван Матвеевич (русское имя, полученное в 1799 году одновременно с русским подданством) явился одним из создателей профессионально-патологического направления в российской медицине. Будучи старшим лекарем горного ведомства, создал первый лазарет для рабочих. Много внимания уделял не только в

практической работе, но и пытался улучшить условия труда рабочих, посылал рапорты правлению завода о тяжелом положении рабочих, антисанитарных условиях быта, нищете, распространении инфекционных и других заболеваний. Ему удалось добиться облегчения условий труда.

Мать Владимира, Мария Фрайтах – полу немка, полу француженка из семьи гугенотов, владела многими иностранными языками, музицировала и отличалась добрым нравом. Бабушка Владимира, Мария Ивановна Фрайтах - из старинного французского рода де Мальи, переводила пьесы с разных языков, которые шли в театрах и выходили отдельными изданиями.

Детские годы будущего врача, ученого, исследователя прошли среди образованных, интеллигентных людей. Через несколько лет Дали переехали в Николаев, где отец Владимира Ивановича стал главным врачом Черноморского флота и дослужился до звания действительного статского советника, с получением дворянства.

Владимиру Ивановичу дали прекрасное домашнее образование, он полюбил родной край, что объясняет и выбор псевдонима - Казак Луганский. Интересно, что дома родители общались с детьми, вне специальных занятий, на русском языке. С детства Владимир отличался пытливым умом, разносторонними интересами, жадной познания, стремлением к общению с разными людьми.

Первое профессиональное образование Дали получил в морском кадетском корпусе, служил мичманом на Черноморском, а после повышения в чине на Балтийском флоте. В морском корпусе учился с будущим адмиралом Павлом Нахимовым и декабристом Дмитрием Завалишиным. Дружбы Дали не прерывались с годами, а укреплялись, таково было свойство его натуры.

Однако работа на флоте не привлекала, да и крепко досаждала морская болезнь. Написанная Далем эпиграмма на командующего флотом адмирала Грейга привела к большим неприятностям: аресту, разжалованию в солдаты. Вскоре, несмотря на последующее восстановление в звании, он подал в отставку.

Наступил следующий судьбоносный этап в жизни Владимира Ивановича. 20 января 1826 году он поступил на медицинский факультет Дерптского университета, объясняя решение следующим образом: «Я почувствовал необходимость в основательном учении, в образовании, дабы быть на свете полезным человеком», что стало жизненной позицией.

Представляется, что годы учения в университете оказались важнейшими в становлении его личности и жизненных приоритетов. Это время он охарактеризовал «временем восторга». В те поры Дерптский университет, открытый в 1804 году, славился не только в России. В Дерпте был открыт и первый в России профессорский факультет, куда принимались отличившиеся в учении выпускники медицинских факультетов из разных городов, для написания докторских диссертаций. Этот факультет по сути дела явился прообразом аспирантуры и института усовершенствования врачей.

Во время учебы Даль познакомился с поэтом В.А.Жуковским, встретившись с ним в доме профессора - хирурга Майера, жену которого поэт любил. Впоследствии Жуковский не раз вызволял Даля из сложных ситуаций, благодаря своему положению воспитателя наследника и, главное, доброму нраву.

Друзьями Владимира Ивановича стали соученики, составившие в последующем цвет медицинской науки, общение с ними не прерывалось на протяжении жизни. Молодые, талантливые, увлеченные врачи использовали новые методы исследования, развивали прогрессивные направления в хирургии, терапии, фармакологии и, что очень важно, поняли необходимость эксперимента.

Так, например Григорий Иванович Сокольский (1807-1886) проводил опыты на животных, что само по себе было новаторским, проверял в эксперименте действие новых лечебных препаратов. Он же применил в России выслушивание (аускультацию) и усовершенствовал выстукивание (перкуссию), что существенно расширило диагностические возможности врача. Одним из главных его научных достижений было установление связи между

суставным ревматизмом и поражением сердца, что стало в последующем основой учения о ревматизме.

Алексей Матвеевич Филомафитский (1807-1849) использовал « путь опыта и наблюдения», издал в 1836 году двухтомное руководство по физиологии, предложил маску для ингаляционного наркоза, разработал его дозированное применение, и подошел вплотную к учению о рефлексах. Эти исследования блестяще развил и углубил ученик Филомафитского великий Н.М.Сеченов.

Федор Иванович Иноземцев (1802- 1869) 7.11.1847 года провел первую в России операцию под эфирным наркозом. Занимался терапией, диетологией, создал ревенную настойку из многих компонентов, вошедшую в практическую медицину под названием настойки Иноземцева. Одним из результатов его усилий явилась организация врачебного сообщества и издание ежедневной «Московской медицинской газеты». Именно в этой газете в 1860 году (49 номер) впервые публиковалась « Записка доктора В.И. Даля» о последних днях А.С.Пушкина.

Вряд ли можно что - либо добавить к широко известной деятельности великого Н.И.Пирогова, с которым Даль познакомился и встречался в Дерпте. Позднее они вместе работали в обеих столицах, и в Киевском гарнизонном госпитале. Они, возможно, вместе поднимались по крутой, извилистой киевской улице, на которой госпиталь стоит и поныне, обсуждая несуетно, волновавшие их вопросы. Их неизменно связывали теплые и уважительные отношения. Николай Иванович Пирогов считал Даля выдающимся хирургом, и неизменно подчеркивал, что все к чему прикасается Владимир Иванович, приобретает новое звучание. В своих «Записках» Пирогов писал: «Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить. Находясь в Дерпте, он пристрастился к хирургии и, владея между многими способностями необыкновенною ловкостью в механических работах, скоро сделался и ловким оператором». Собранные, по счастливой случайности, в одно время и в одном месте будущие доктора вместе учились думать, творить, экспериментировать, дружить. В такой обстановке довелось учиться и получить

медицинское образование бывшему мичману Владимиру Ивановичу Далю.

К моменту учебы в университете он испытывал серьезные материальные трудности: отец умер, доходы семьи оказались ничтожными. Через год, за большие заслуги в учении, получив помощь от государства, стал «коштовным» студентом и его материальное положение несравненно улучшилось. Сокурсники вспоминали, что долгими вечерами Даль и Пирогов занимались в анатомическом зале топографической анатомией, оттачивая мастерство, пригодившееся впоследствии в практической хирургической работе. Угрюмый по характеру, недоверчивый Н.И.Пирогов привязался к молодому, общительному, яркому и веселому Далю. Они много времени проводили вместе. Никто, кроме него не был так успешен в физике, чем заслужил признание даже строгого профессора Паррота, дважды получал награды «за написанные решения задач». У него был особый метод обучения, так, например, ежедневно выучивать 20 латинских слов, четыре дня запоминание, пятый повторение. К концу обучения он неплохо освоил латынь.

О жизни и учебе в Дерпте Владимир Иванович писал: время проводили « в трудах, во всегдашней борьбе, в стремлении и рвении познаниям, которые тогда еще являлись пылкому воображению чем-то целым, стройным и полным, чем-то святым и возвышенным. Нас не секли, не привязывали к ножке стола. Это не школа, здесь нет розог, нет неволи, а каждый сам располагает собою и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец, как хочется». Студенты, как обычно, не только занимались, но и весело отдыхали. Далекими за пределами Дерптского университета славилась многочисленная балы и маскарады, о которых сохранились интересные воспоминания.

Друг Даля и Пирогова, знакомый Пушкина Николай Языков написал стихотворение, фрагмент которого привожу:

«Здесь мы творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу».

Многие отмечают аполитичность студенческой общности Дерптского университета, не участвующих в политических спорах, что иллюстрирует и приведенное стихотворение.

Активный, талантливый и пытливый молодой доктор, за большие успехи в учении, раньше на год окончил курс и 18 марта 1829 года защитил докторскую диссертацию, в которой разбирались осложнения трепанации черепа, «скрытые изъязвления почек».

Шла война, на фронте ощущалась острая нехватка врачей, и потому потребовалось забирать студентов с последнего курса до получения диплома. Подобная практика применялась и спустя 100 лет, когда зауряд-врачом ушел на фронт М.А.Булгаков, как врач и писатель, коллега В.И.Даля.

Как « коштовный» студент, Владимир Иванович не имел право выбора места работы. Его и еще трех молодых докторов, направленных в действующую армию, тепло и заинтересованно провожали однокашники. На центральной площади города при свете зажженных факелов зазвучала прекрасная студенческая песня.

« В последний раз
Приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас!
Сей говор наш, разлив души бурсацкой,
Сей крик и шум, свободный дружбы глас—
Приветствует меня в последний раз!»

В словах песни явственно ощущается искренность чувств, дружелюбие и теплота. Впереди была сложная самостоятельная работа. Долгих 2 месяца добирался молодой врач к месту назначения. Вот как он писал об этом времени: « Кончив или почти кончив курс врачебных наук в укротном и заветном приюте - в Юрьеве- городке, (Дерпт) сел я и поскакал в поход на чуму, как там поговаривали». Весенняя распутица, плохие российские дороги, постоянные дворы, - «прямым и спорым путем через Днепр, через Прут, через Дунай – и бог весть, куда дальше, куда полетит двуглавый орел» и, конечно, полная неизвестность впереди.

Наконец, 21 мая 1829 года Даль прибыл по месту назначения в действующую армию. Чиновник не сразу

принял его подорожную, а потребовал прежде ее окурить, потому что «чума шла по пятам нашей армии».

Обстановка в армии была сложная. Судьба войны еще окончательно не определилась. Сражения следовали одно за другим.

Даль немедленно включился в работу со свойственной ему добросовестностью и неизменным творческим подходом. Он на поле боя перевязывал, оперировал, и что очень важно, сортировал раненых по степени тяжести поражения. Мыслями о важности сортировки больных и раненых, он позднее поделился с Пироговым, который не только поддержал начинание Владимира Ивановича, но использовал в Севастопольской кампании и описал в книге «Начала общей военно-полевой хирургии». 1865 г. В это время еще не применялся наркоз, не было антисептики. Оглядываясь в прошлое, трудно осознать какого мастерства требовала от врача работа в подобных условиях, и как им удавалось помогать больным. Кроме того, их (врачей) еще катастрофически не хватало. Работать приходилось «за всех». Вместе с русской армией Даль переходит через Балканы, продолжая оперировать в палаточных госпиталях и на поле боя. « Видел тысячу, другую раненых, которыми покрылось поле...резал, перевязывал, вынимал пули...». Друзья говорили, что у него две правые руки, его умелость и скорость операционной техники поражала даже опытных профессионалов. Именно это свойство при отсутствии обезболивающих средств нередко решало исход поединка врач - больной. Важно было по возможности избежать развития болевого шока, во – время остановить кровопотерю, тем более в ситуации, когда еще не применялось переливание крови.

Владимир Иванович описывал огромную двухъярусную казарму с широкими навесами кругом, которая использовалась под госпиталь, без кроватей и без нар с красивыми деревянными решетками вместо оконных стекол, где размещалось до 10000 раненых и больных. Не хватало еды, не всегда было и чем напоить больных. Косила перемежающаяся лихорадка, «половина врачей вымерла, фельдшеров не было вовсе, то есть при нескольких тысячах

больных не было ни одного». Он входил в чумные бараки, видел солдат умирающих от чумы и, сознавая свое бессилие, помогал, чем мог.

Время шло. Война кончилась. Вспыхнула эпидемия холеры. Даль вновь на передовой – борется с холерой в украинском губернском городе Каменец – Подольске. Эпидемия была в разгаре, город разделили на несколько районов. Владимир Иванович возглавлял один из них. В формулярном списке доктора Даля, хранящемся в архиве Луганска, сказано, что « в свирепствование холеры в Каменец - Подольске он заведовал госпиталем для холерных больных».

В Каменец - Подольске Даль не только оказывал реальную помощь холерным больным, но и весьма успешно возвращал пациентам зрение, удаляя катаракты. В данном случае не обошлось без неприятных инцидентов. Живя на постое у супружеской четы, принадлежавшей к роду «бельмоцелителей», спустя короткое время он узнал, что они от его имени не только брали с больных деньги и прославляли себя в качестве умельцев. Кстати, будучи врачом, а затем чиновником высокого ранга Владимир Иванович отличался бесребничеством и «не замечен в получении взяток».

Даль проходил сложный опасный врачебный путь. В памяти возникают судьбы многих врачей, сходно приобщенных к врачеванию. Очень похожее становление было и у упоминавшегося ранее писателя - врача М.А.Булгакова. Он также с университетской скамьи был отправлен в действующую армию, оперировал на поле боя при нехватке врачей, лекарств, инструментов. Вслед за Далем и Булгаков служил в Каменец - Подольске, а затем в Киеве. Так случилось, что судьба забрасывала их, нередко, в те же места, где приходилось сталкиваться со сходными проблемами и переживаниями. Они оба, каждый по-своему, отразили пережитое в творчестве.

Доктор Сомерсет Моэм описал постоянное содружество врача с больным: «Медик знает все самое худшее и самое лучшее. Когда человек болен и испуган, он сбрасывает маску, которую привык носить здоровый. И врач

видит больных такими, как они есть на самом деле - эгоистичными, жесткими, жадными, малодушными, но в то же время – храбрыми, самоотверженными, добрыми и благородными. И, преклоняясь перед их достоинствами, он прощает им недостатки». Знание людей, проникновение в психологию, что необходимо для лечения диктует нередко и потребность выразить накопленные впечатления, рассказать о них, чем в определенной мере объясняется сочетание профессий.

Едва окончив войну с Турцией, Россия включилась в польскую кампанию, куда направили молодого успешного врача. Так Даль с одной войны попал на другую. Прошлый опыт пригодился, операции следовали одна за другой. Во время польской кампании он был дивизионным врачом в 3-м пехотном корпусе, находившемся под командованием генерал-лейтенанта Ридигера. Здесь ярко проявилась удивительная смелость, решительность и, в первую очередь, разносторонняя талантливость Владимира Ивановича. В одном из переходов, защищая обоз с ранеными, он заметил разрушенный мост через Вислу, что не оставляло надежд на спасение. Используя подручные средства, солдаты под руководством доктора Даля с разрешения командующего соорудили понтонный мост, переправились через реку, соединились с командующим, князем Паскевичем, а мост вновь разрушили, не давая переправиться польским войскам.

Бой выиграли. Даля наградили Владимирском крестом с бантом и грамотой генерала Ридигера. В грамоте описали постройку «невиданного моста и разрушение оного на виду у неприятеля, начавшего переправу». Но прежде он получил строгий выговор за оставление поста при лазарете, «покинув больных и раненых» и только хлопоты Ридигера выговор преобразовали в заслуженную награду.

Еще некоторое время Даль заведовал временным госпиталем в Умани, а затем с Пироговым работал в киевском госпитале. Награжденный орденами и медалями, прославившийся как врач, Даль в 1832 году получил назначение в Петербург и стал ординатором Петербургского военно-сухопутного госпиталя.

В Петербурге Владимир Иванович встретился со своими однокашниками, часто общался с Николаем Ивановичем Пироговым, публиковал статьи на медицинские темы. Одним из первых написал работу по организации медицинской службы в боевых условиях, и по фармакологии. Найдены наброски статей об оперативной тактике при огнестрельных ранениях. Несомненно, важна и одна из первых статей В.И.Даля «Слово медика к больным и здоровым», подписанная псевдонимом Казак Луганский. В статье, в частности, подчеркивается важность правильного образа жизни: «Тот, кто в движении и не наедается досыта, реже нуждается в пособии врача». Однажды высказанные мысли не оставляли Даля никогда и отразились в подборе собранных пословиц на медицинские темы. Приведу лишь некоторые: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками».

«Ешь вполсыта, пей вполпьяна (не пей до полпьяна), проживешь век до полна»

«И собака знает, что травой лечатся. Брюхо больного умнее лекарской головы».

«Не дал бог здоровья – не даст и лекарь».

«Сама болезнь скажет, что хочет. Что в рот полезло, то и полезно».

Анализ собранных пословиц на медицинские темы представляет отдельную тему, заслуживающую внимания исследователей.

В Петербурге Даль приобрел известность замечательного хирурга, особенно окулиста. Самые знаменитые хирурги Петербурга нередко приглашали Владимира Ивановича для участия в операциях, когда операцию «можно было сделать ловчее левой рукой». (П.И.Мельников- Печерский). Известно, что у Даля обе руки функционально не отличались.

Врачебная деятельность поддерживала интерес Даля к изучению языка больных, прибывающих из разных областей огромной страны. Как хороший внимательный врач, он сознавал необходимость понять пациента и быть понятым. При этом решать все языковые сложности необходимо естественно, безотлагательно. Врач должен объяснить

больному, как правильно принимать лекарство, что можно делать, какой режим рекомендуется в конкретной ситуации. Для всего этого необходимо полное языковое и душевное понимание. Это извечную медицинскую мудрость хорошо понимал Владимир Иванович Даль.

Несмотря на огромную врачебную популярность, прямодушный и правдивый Владимир Иванович не мог мириться с царящими в медицинском ведомстве злоупотреблениями. Однокашник Даля, декабрист Д.Т.Завалишин писал об этом в своих воспоминаниях: «Начальство требовало непременно к 1 числу каждого месяца составлять отчеты о больных в лазаретах, при этом не учитывалось время на доставку донесений.

Составленные 25 числа не включали последнюю неделю, а написанные 1, приходили в канцелярию только 4 числа. Даль отвечал, что «ему неизвестно имеют ли другие дар наперед, за 5 дней, знать, сколько у них будет больных и с какими болезнями, но что он такого дара не имеет и, если ему будут давать несовместимые приказания, и за невозможность выполнения присылать выговоры, то он перенесет дело на апелляцию к высшему начальству». После этого Даля на время оставили в покое, но по службе доказали, что случая этого не забыли.

После очередных неприятностей и конфликтных ситуаций Владимир Иванович Даль, несмотря на отсутствие достаточных материальных средств к существованию, подал в отставку.(1833).

На этом этапе, но только формально, окончилась практическая врачебная работа доктора Даля. В действительности он продолжал, и, будучи чиновником, в местах службы на Урале и в Нижнем Новгороде, оперировать, удалять катаракты, лечить крестьян, вырывать зубы, делать перевязки. В служебные поездки по краю в качестве чиновника, он неизменно брал «чемоданчик» с медицинским инструментарием и лекарствами. Регулярно составлял отчеты о заболеваемости в крае, помогал открывать лечебные учреждения, заботился о содержании больных и улучшении быта медицинского персонала.

Естественно, проблемы больных и врачей были известны ему не понаслышке.

Важной вехой во врачебной жизни Даля явилось его отношение к гомеопатии. Впервые с гомеопатией в России Даль столкнулся, познакомившись с деятельностью приглашенного княгиней Голицыной доктора-гомеопата Германа, лечившего хорошо знакомых ему людей. Однако вместе с профессором Зейдлицем Даль выступил против нового метода, оставаясь на позиции аллопата.

В дальнейшем, работая в Петербурге, Даль читал статьи создателя современной гомеопатии Ганеманна (1755-1843). Сам Ганеманн был прекрасным мыслящим врачом, вплотную подошел к открытию асептики, стремился облегчить положение душевных больных, понимал необходимость индивидуального подхода к каждому пациенту. В определенный период деятельности Ганеманн разочаровался в современной ему аллопатической медицине, не видел эффекта при назначении огромных доз рвотных и слабительных, обильных кровопусканий, что активно практиковалось в то время. Он искал выхода, изучал труды старых врачей - Парацельса и других.

Кратко суть гомеопатического лечения по Ганеманну сводится к лечению подобного подобным, в применении малых доз препаратов, (потенцирование), больших разведений лекарственных средств, щадящих методах лечения. Поначалу, как было сказано, Даль негативно отнесся к новому методу лечения, отстаивая принципы аллопатической медицины. Он даже опубликовал несколько статей, в которых весьма активно выражал несогласие с гомеопатией. Затем при нарастающем разочаровании в организации и практике аллопатической медицины постепенно стал увлекаться гомеопатией, превратившись в ее адепта, и даже публично извинился за сделанные прежде негативные высказывания. Являясь по природе ученым - экспериментатором, Даль использовал в гомеопатии «слепой» опыт, ставил эксперименты на себе.

Первая статья в защиту гомеопатии напечатана в 12 номере послепушкинского «Современника», в 1838 году. В 1861 году выходит в свет новая статья В.И. Даля «Верующие

и Неверующие». Владимир Иванович пишет: «Желательно бы сохранить в этом важном деле, как во всех человеческих, разумное трезвое суждение... Гомеопатия у постели хворого ни в чем не уступит старшей сестре своей и всегда может подать, по крайней мере, равную с ней помощь. Есть случаи, когда гомеопатия делает гораздо более этого: она приносит изумительную пользу там, где аллопатия бессильна... Ученые, не вникнув в дело, видят в науке нашей противоречие с установленными ими законами и потому не хотят ее знать. Эти люди забыли, что все законы их образовались как выводы из явлений и что, следовательно, нельзя брать явлений этих на выбор, нельзя выбирать одно подходящее; надо отыскивать и принимать все явления, стремясь к истине». Спор аллопатов и гомеопатов продолжается и поныне. Каждая эпоха вносит коррективы в этот научный и человеческий спор. В условиях 21 века, когда человек превращается в механизм с придающимися ему «запчастями», этот спор приобретает иное звучание. Мне кажется, что в современных условиях превалирует тоска по общению с врачом, желание сопереживания, а не сугубо дистанционное лечение. Завершения этого процесса пока не видно.

В.И.Даль в книге «О повериях, суевериях, и предрассудках русского народа» приводит множество фактов тяготения людей к «чудодейственным» способам лечения. В этом ощущается разочарование и скептицизм от неэффективности предлагаемого лечения. Именно неудачи в лечении заставляют искать помощи у шаманов, экстрасенсах, у всех обещающих излечение.

Даль, как чиновник, служил под началом видного государственного деятеля В.А.Перовского, внебрачного сына графа Разумовского, человека умного, прогрессивного и влиятельного. Попасть под начало к В.А.Перовскому помог все тот же Жуковский и брат Перовского писатель, знакомый Даля, писавший в числе прочего сказки под псевдонимом Антон Погорельский. Владимир Иванович добросовестно относился к своим новым обязанностям, внося в работу творческий элемент. Он занимался этнографией края, изучал флору и фауну и, конечно,

анализировал состояние и уровень оказания медицинской помощи.

Особая страница в жизни доктора и писателя Владимира Даля – общение с А.С.Пушкиным. Не покажется странным и удивительным благоговейное отношение молодого лекаря и начинающего писателя к великому Пушкину. Владимир Иванович долго робел и не решался на встречу с поэтом. В один из неожиданно солнечных осенних дней 1832 года Даль встретился с Александром Сергеевичем, придя к нему на квартиру. Не будучи прежде лично знакомыми, они понравились друг другу. Пушкин заинтересовался, подаренной ему книгой Владимира Ивановича « Русские сказки. Пяток первый. (1832,СПб)». Судя по воспоминаниям Даля, знакомство имело продолжение, поэт приветствовал его усилия в языковых изысканиях и посоветовал работать над составлением словаря. Продолжались немногочисленные встречи у общих знакомых в Петербурге, прерванные отъездом Даля из столицы. Занявшись «историей Пугачева», Пушкин направился по путям сражений и навестил Даля, работавшего к тому времени на Урале. Они виделись 18 и 19 сентября 1833 года в Оренбурге, встречались с Владимиром Ивановичем в его доме, о чем оставила заметки первая жена Даля Юлия Андерс. В последующей переписке Пушкин неизменно передавал ей поклон. 20-25 сентября 1833 года Владимир Иванович сопровождает Пушкина в поездке по краю, в частности в Бердскую слободу для сбора материалов о Пугачеве. Они разыскали и общались со старухой, свидетельницей памятных событий. В это же время Александр Сергеевич подарил Далю рукопись сказки «О рыбаке и рыбке» с надписью « Твоя от твоих. Сказочнику казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин», а позднее переслал ему « Историю Пугачевского бунта» (1835). В следующем году Владимир Иванович написал стихотворное послание поэту, как поздравление в связи с выходом журнала « Современник». В посмертных бумагах Пушкина найдена и присланная Далем статья «Во всеуслышание», адресованная « братьям и сподвижникам».

Судьбе было угодно, чтобы доктор Владимир Иванович Даль был среди врачей лечивших Пушкина после трагической дуэли. О поединке Владимир Иванович, приехавший по делам в Петербург, узнал на второй день после дуэли. Он тотчас помчался в дом поэта на Мойку 12 и оставался безотлучно до кончины поэта. Он же составил подробное профессиональное описание раны Пушкина, произвел вскрытие, сделал заключение о некурабельности (невозможности излечения) подобного поражения. В трагические дни присутствие Даля как опытного врача и доброго друга облегчили страдания поэта, во всяком случае, психологически. Тогда же Пушкин впервые обратился к Владимиру Ивановичу «на ты», они, по словам Даля, как бы побратались перед лицом смерти. К нему же были обращены последние слова умирающего Александра Сергеевича: «Тяжело дышать, давит». За несколько мгновений до смерти, также обращаясь к Дально, Пушкин произнес: «Жизнь кончена». В день смерти Пушкин снял с пальца кольцо - талисман, с которым никогда не расставался и подарил его Владимиру Ивановичу. После кончины Александра Сергеевича Наталья Николаевна отдала ему и жилет со следами крови, в котором стрелялся поэт. Даль в своих записках подчеркивал удивительное, невиданное мужество, с которым поэт переносил страдания, не позволяя себе кричать, чтобы не волновать жену. Здесь, у постели умирающего поэта, Даль проявил не только человеческие качества, но и врачебное умение, выполняя необходимые процедуры. И не его вина, а лишь огромная пожизненная боль от сознания своего бессилия.

Вот как описывает Даль последние минуты жизни поэта: «Пульс упал с часу на час и к полудню 29-го исчез вовсе... - больной изнывал тоскою, начинал по временам уже забываться, ослабевал, и лицо его изменилось... Жизнь угасала, видимо, и светильник дотлевал последнею искрой... Я, по просьбе его, взял его подмышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Жизнь кончена». Я недослышал и спросил тихо: «Что кончено, - Жизнь кончена,- отвечал он внятно и положительно. «Тяжело

дышать, давит»- были последние его слова. Всеместное спокойствие разлилось по всему телу – руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена также,- отрывистое, частое дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное – еще один слабый, едва заметный вздох – и - пропасть необъятная, неизмеримая разделяла уже живых от мертвого». Позволю себе еще процитировать фрагмент, сделанного Владимиром Ивановичем заключения о ране Пушкина. « Вскрытие трупа показало, что рана принадлежала к, безусловно, смертельным. Раздробление подвздошной кости и в особенности крестцовой кости – неизлечимо». Владимир Иванович подробно, как в истории болезни, фиксировал жалобы пациента, проведенное лечение с указанием лекарственных препаратов, дозировок, т.е. высокопрофессиональная скрупулезная запись по минутам всего, что происходило с поэтом. Приведенные записки не только дань любви, преклонения, но и врачебное описание наступающей смерти.

Владимир Иванович Даль прожил долгую жизнь, он один выполнил то, что не под силу целому институту, даже не по количеству ученых, а по разнообразию занятий. Один из Далиеведов Владимир Крупин писал: « всегда нам укор будет то, что одиночка Даль свершил труд, равный труду

многих десятилетий иного гуманитарного института с его могучим коллективом и современными средствами науки и техники».

Самым великим достижением Даля, несомненно, является созданный им словарь: «Я любил отчизну свою и принес ей должную крупицу по силам». Нет сомнений, «крупница» оказалась великоватой. Кроме того, он изучал флору и фауну, написав книги по этим темам. Он был одним из основателей русского географического общества. Не следует забывать, что на протяжении всех лет он писал повести, рассказы, сказки и занимался врачеванием.

Он активно помогал, кому мог, не заботясь о саморекламе. Он облегчил судьбу ссыльного Тараса Григорьевича Шевченко, содействовал его освобождению. К сожалению, в дальнейшем в их отношениях наступило охлаждение.

Даль награжден многими орденами, премиями, избран членом Академии Наук по отделению естественных наук.

Несмотря на интерес преимущественно к врачебной деятельности Даля, коснусь не доказанной истории его причастности к сочинению «Записки о ритуальных убийствах».

Пресловутая записка опубликована под именем писателя в 1913 году, спустя несколько десятков лет после кончины, когда он уже не мог себя защитить. Публикация не случайно совпала с печально известным «Делом Бейлиса». Но не была использована на процессе даже обвинителями Бейлиса. Исследованиями Семена Резника, Юлия Гессена, В. Порудоминского и многих других, благодаря проведению архивного поиска, удалось прийти к заключению, что автором является чиновник В.В. Скрипицын, служивший в одном ведомстве с Далем. Кстати, под именем Скрипицына она и была первоначально издана, что и было обнаружено Семеном Резником в библиотеке Конгресса США. Конечно, для усиления воздействия на умы проще было «это сочинение» приписать уже покойному мэтру. Кстати, лингвистический анализ текста, элементарно безграмотного, заставляет усомниться в авторстве Даля.

Вместе с тем, в недавно вышедшей книге Михаила Вайскопфа, автор склоняется к мысли о причастности В.И.Даля к «Записке о ритуальных убийствах». Последнее слово еще не сказано, хотелось бы думать, что подозрения с Даля будут все же сняты.

В последние годы жизни он много болел, вышел в отставку, поселился в прекрасном шестиколонном доме в Москве на Большой Грузинской улице. В его доме, как обычно, собирались люди разных интересов и профессий, и только один разносторонний хозяин являлся коллегой всех.

Друзья думали, что, закончив работу над словарем, Даль сможет больше внимания уделять здоровью, заметно пошатнувшемуся. Но, доктор Владимир Иванович Даль, хорошо знал негативное влияние смены стереотипов. Так и случилось. Вскоре после окончания работы над словарем, у него случился повторный инсульт, кровоизлияние в мозг, с чем он не справился и, не приходя в сознание, умер 22 сентября 1872 года. Похоронен он в соответствии с не раз высказанным пожеланием на Ваганьковском кладбище в Москве.

Прошло больше 200-лет со дня рождения Владимира Ивановича Даля. Когда-то Д.С.Лихачев говорил, что, приходя к кому –нибудь в дом, немедленно искал взглядом знаменитый словарь, что, по его мнению, характеризовало хозяина. По-прежнему читают сказки, написанные Далем, изучают по его книгам пословицы и поговорки, черпают знание языка, пользуясь необыкновенным словарем.

Нельзя забывать и о пионерских работах Даля- врача, в частности о сортировке раненых на поле боя, о лечении огнестрельных ранений, о реформировании больниц и госпиталей, о важной составляющей лечения – внимании к больному человеку.

В родном городе Владимира Ивановича, в Луганске, создан мемориальный музей, возрождены Далиевские «четверги», проводят конференции. Интерес к этому великому ученому, врачу, естествоиспытателю, филологу, писателю не угасает.

Золотая медаль имени В.И. Даля присуждается Российской академией наук с 1994 года за выдающиеся

работы в области русского языка, лексикографии,
литературы и фольклора.

Литература

Бессараб М.В. Даль. Москва, 1968.

Вайскопф Михаил. Покрывало Моисея. Москва-Иерусалим: Мосты культуры, 2008.

Даль В. Словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Москва, 1956.

Даль Владимир. Пословицы русского народа. Москва, 1957.

Даль В.И. Воспоминания о Пушкине. В кн. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Москва, 1974.

Заблудовский П. История отечественной медицины Москва, 1960.

Козырь В. Владимир Иванович Даль. Вестник, 8(215), 13 апреля 1999.

Лихтенштейн И. Доктор Даль Вестник дома ученых Хайфы, XI, XII, 2007.

Порудоминский В. Даль. Москва. 1971.

Резник Семен. Владимир Даль. Редчайшая редкость
http://knigi.lib.ru/JUDAICA/Rez_Men_Dal.htm

Антон Павлович Чехов Пациент. Врач. Писатель

110 лет прошло со дня смерти Чехова, но с каждым годом он становится ближе, привлекая разными гранями таланта врача, писателя, человека. Многогранность личности Антона Павловича, обусловленная его редкой, разносторонней одаренностью, успехами в разных областях знаний, особым видением жизни, людей, событий, не перестает привлекать внимание специалистов разного профиля. Чехова не уместить в прокрустово ложе одной профессии, даже писательства, в котором он достиг вершин мировой культуры.

Врач по образованию и мироощущению, он интересен и этой ипостасью таланта и особенностью личности.

Антон Павлович близок нам не как давно живший, почти потусторонний гений, а как близкий и родной человек, только что прошедший по улице где-то здесь, рядом. Только недавно нашими современниками были знавшие писателя

В.В.Вересаев, К.И.Чуковский, не говоря о жене О.Л.Книппер – Чеховой, сестре М.П.Чеховой(письма которых сохраняются в нашем домашнем архиве), а профессор Г.И.Россолимо, сокурсник Антона Павловича, стал...консультантом Кремлевской больницы. Как говорят, связь через одно рукопожатие.

Между тем он, внук крепостного, родился за год до отмены крепостного права. Отец и дед, крепостные села Ольховатка Воронежской губернии принадлежали помещику Черткову, отцу В. Г. Черткова, ближайшего друга и последователя Л. Н. Толстого, а впоследствии и партнера Антона Павловича по издательским делам. И если бы не Егор Михайлович Чехов (дед), сумевший скопить 3,5 тысячи рублей и выкупить семью, родиться бы и Антону Павловичу крепостным.

Все знавшие Чехова подчеркивают его особую тактичность, терпимость к любому собеседнику, интеллигентность. Это тем более важно, что по характеру Антон Павлович отличался вспыльчивостью и нетерпеливостью. Как он писал, «я по капле выдавливал из себя раба». Мне представляется, что дух крепостного семейного прошлого витал в рассказах и воспоминаниях семьи.

Антон Павлович утверждал, что способности в семье от отца, а сердце – от матери.

Его жизнь, творчество, врачебная работа, общественная деятельность многократно исследовалось и описывалось в литературе. Но поиск нового неизвестного продолжается, что обусловлено масштабом этой незаурядной личности.

Бедой и трагедией жизни писателя явилась тяжелая болезнь (туберкулез), вокруг чего продолжают споры, связанные как с качеством лечения, так и с отношением к ней самого больного, близких, врачей, жены.

Первые признаки заболевания проявились, предполагают, еще в гимназии, что выразилось в перенесенном перитоните (воспалении брюшины). В 1874 году Антон Павлович гостил в семье гимназического товарища Селиванова. После купания в холодной воде тяжело заболел и испуганный приятель отвез его к

трактирщику Моисею Моисеевичу, который всю ночь ставил горчичники и компрессы, а жена трактирщика выхаживала больного несколько дней, пока он смог добраться домой. В Таганроге Чехова лечил школьный врач Шремпф, выпускник дерптского (таргусского) университета.

Чем точно болел в то время Антон Павлович трудно определить: в диагноз перитонит входила группа воспалительных заболеваний разной этиологии. Несомненно, однако, что заболевание не прошло бесследно, оставив тревожный след в душе юноши и, как считает Рейфилд(2005), общение с умным добрым доктором повлияло на выбор специальности молодым гимназистом. Важно подчеркнуть, что с этого времени участились у Антона Павловича простудные заболевания.

Потому ли или по другому стечению обстоятельств, но выбор профессии молодым Чеховым определился, возможно, не только по призванию, но и в силу необходимости заработка. К этому времени практически вся семья материально в определенной мере зависела от Антона Павловича. Впрочем, правильность выбора профессии им никогда не оспаривалась.

В 1879 году Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета. Учился охотно, особенно интересовался лабораторными исследованиями, экспериментом. «Медицина моя идет «crescendo», – писал студент-медик Антон Павлович брату 3–6 февраля 1883 года. – Умею врачевать и не верю себе, что умею». В этой фразе звучит несомненная радость и гордость обретаемой профессией.

В целом студенческие годы, проведенные в Москве, молодой Чехов вспоминал с удовольствием: частые веселые встречи с друзьями в гостеприимной родной семье, пирушки с шампанским, катания на лошадях, посещения театральных спектаклей и литературных салонов, в которых ему – красивому, остроумному, талантливому всегда были рады.

Чехов усердно слушал лекции выдающихся клиницистов Г. А. Захарьина, которого считал в медицине сопоставимым по уровню с Львом Толстым в литературе, а любимого им С. П. Боткина – с Тургеневым.

Еще в студенческие годы он был очень загружен не только учебой, но и начавшимся литературным трудом. Поначалу был репортером, автором фельетонов, много писал.

В эти годы Антон Павлович увлекся подругой сестры Маши Евдокией Эфрос и сделал ей предложение. Брак не состоялся, но дружеские отношения с ней и впоследствии с ее мужем не прерывались до самой смерти писателя. Небезынтересно, что с тех пор до встречи с Книппер Чехов никому предложения не делал.

Многие исследователи жизни и творчества писателя отмечают тревожное отношение Чехова к женитьбе. Он влюблялся, общался с женщинами, но активно избегал решительного шага.

Он много работал, но не только поэтому в его письмах начинают проскальзывать жалобы на слабость, утомляемость. Уже 10 декабря 1884 года в письме Н. А. Лейкину сообщает: «...У меня ни к селу, ни к городу идет кровь горлом. Три дня я не видал белого плевка, а когда помогут мне медикаменты, которыми пичкают меня коллеги, сказать не могу. Общее состояние удовлетворительное. Причина сидит, вероятно, в лопнувшем сосудике». 17 декабря того же года в письме П. А. Сергеенко сообщает о кровохарканье, подчеркивая: «не чахоточное». Речь идет о сильном кровотечении, начавшемся в здании окружного суда и продолжавшемся 3–4 дня, что «произвело немалый переполох в моей душе. Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. В крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве».

С тех пор Антон Павлович, «кашляет каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой летний день, но тревожится только при появлении крови». Продолжая рассказ о первом серьезном кровохарканье (декабрь 1884), уже 2 января 1885 года в письме Е. И. Савельевой отмечает, что прошедшее нездоровье напугало, «но в то же время (бывают же такие фокусы) доставило мне немало хороших, почти счастливых минут». Он упоминает о дружеском участии многих друзей и знакомых. Эта особенность Чехова – не углублять негативное впечатление от грустных сообщений, перемежая

их чем-то приятным, сохраняется на протяжении всей жизни писателя, составляя его человеческую сущность.

Окончив в 1884 году медицинский факультет университета, Чехов, увлеченный врачебным делом, продолжает посещать интересующие его лекции. И вновь сетования на слабость и утомление: «Вот уже целая неделя, как я чувствую во всем теле ломоту и слабость, сейчас ходил слушать лекцию Г.А. Захарьина (о сифилисе сердца), простоял не более 1,5 часа, а утомился, точно сходил в Киев пешком» (1887).¹ На протяжении первых лет болезни Чехов продолжает в общении с друзьями упорно отрицать наличие у себя туберкулеза, приписывая недомогание простудным заболеваниям. Наряду с этим, будучи мыслящим врачом («я не такой плохой врач, как вы думаете»), прошедшим серьезный курс на медицинском факультете, изучив, наконец, среди прочего и туберкулез, не мог отрицать грустные факты. (Хижняков 1947, Меве 1989). Так, в письме к старшему брату Александру Павловичу по-врачебному, коротко и четко характеризует состояние болеющего Николая Павловича: «у него хронический легочный процесс – болезнь, не поддающаяся излечению. Бывают при этой болезни временные улучшения *in situ*, и вопрос должен ставиться так: как долго будет продолжаться процесс? Но не так: когда выздоровеет?» (1899).

Как вдумчивый врач, он хорошо знал отрицательное влияние на здоровье излишней мнительности и придавал большое значение роли нервной системы в развитии заболевания, что подтверждал в позднейших воспоминаниях о нем, в частности, и коллега по работе в земстве доктор – психиатр П. А. Архангельский.

Следовательно, несерьезно было бы полагать, что Антон Павлович заблуждался по поводу своего заболевания. Другое дело, что такое поведение является типично врачебным. (Шубин 1977, Мирский 2003). Запущенные случаи различных заболеваний встречаются именно у врачей, которые не хотят знать очевидную правду, просто

¹ Захарьин Г.А. (1829-1897) профессор факультетской клиники Московского университета

закрывают на нее глаза. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад» – цитата из стихотворения Пушкина как нельзя лучше отражает суть дела.

Врачу и просто внимательному собеседнику известны люди, стремящиеся сделать свои недомогания предметом широко известным и обсуждаемым. Но есть и другие, старающиеся избегать пространных обсуждений своих болезней, демонстрируя несуществующее здоровье.

Человек в достаточной степени закрытый, тактичный, Антон Павлович не злоупотреблял сообщениями о своем недуге.

Время шло. Несмотря на плохое самочувствие, периодически возникавшее кровохарканье, Чехов предпринимает крайне тяжелое путешествие на остров Сахалин. Трудно сказать, что послужило причиной поездки: пережитый душевный кризис, «охота к перемене мест», общественная позиция? Сам Антон Павлович писал, что едет для того, «чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор» (1890).

Изнурительная поездка, скверные дороги, непривычная еда, гримасы климата – все это негативно сказалось на здоровье писателя. То и дело в письмах упоминается о кровохарканье, кашле, слабости.

Между тем посещение каторжного острова произвело на Чехова неизгладимое впечатление как на врача и как на писателя. Он один, без помощников, выполнил огромную статистическую и исследовательскую работу, провел перепись населения, оказывал врачебную помощь, увидел и узнал то, что практически было скрыто от российской публики за семью печатями. Результатом поездки явилась книга «Остров Сахалин».

Прожив несколько месяцев в Москве после возвращения с Сахалина, неожиданно для родных и близких Антон Павлович вновь уезжает, на сей раз в Европу. Он переезжает с места на место, намеревается съездить в Африку, а в письмах продолжают периодически звучать жалобы на «простуду», кашель, слабость, что стало, к сожалению, привычным.

В 1891 году в письме А. С. Суворину появляется необычная фраза: «Я продолжаю <...> кашлять и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется к прежнему своему состоянию. Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю».

Бесспорно, Антон Павлович боялся услышать то, что ему уже давно как врачу было ясно, отсюда нежелание врачебного обследования.

В письме А. И. Смагину 16 декабря 1891 года изложено понимание происходящего с ним: «Если я в этом году не переберусь в провинцию <...>, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я рассохся, как старый шкаф. <...> Уехать из Москвы мне НЕОБХОДИМО».

В этот период он подыскивает жилье вне столицы, что обусловлено в первую очередь болезнью, а не материальными причинами, что тоже имело место. Вместе с тем продолжается многолетняя «игра в прятки», сообщения о «простудах», незначительных недомоганиях и проч. В одном из писем А. С. Суворину (1892) Чехов, сообщая об уменьшении кашля после очередного обострения, пишет: «...Ложусь спать без мрачных мыслей». А в октябре 1893 года пишет брату Михаилу: «...Маленько покашливаю, но до чахотки еще далеко». Это также недвусмысленно подтверждает, что писатель не заблуждался относительно своего состояния.

21 марта 1897 года Чехов вместе с А.С. Сувориным обедал в московском ресторане «Эрмитаж». Вдруг у него хлынула горлом кровь, и, несмотря на все усилия вызванного доктора, ее удалось остановить лишь под утро. Доктор утешал, что кровотечение не легочное. После его ухода Чехов сказал Суворину: «Для успокоения больных мы всегда говорим во время кашля, что он желудочный. Но желудочного кашля не бывает, а кровотечение непременно из легких. У меня кровь идет из правого легкого, как у брата».

Через день кровотечение повторилось, и Чехов послал записку приятелю, доктору Оболенскому: «Идет кровь. Больш. моск. гост. № 5. Чехов». Оболенский настаивал на госпитализации. Но только после продолжительного кровотечения Антон Павлович согласился обратиться к специалистам и впервые прошел серьезное обследование в известной московской клинике своего учителя профессора Алексея Александровича Остроумова.² Там он провел 15 дней, из которых 10 сопровождалось кровохарканьем.

Есть история болезни Чехова, которую заполнил в клинике лечащий врач писателя Максим Маслов.³ Приводим выдержки из нее: «...У пациента истощенный вид, тонкие кости, длинная, узкая и плоская грудь (окружность равна 90 сант.), вес немного более трех с половиной пудов при росте 186 см... Испытывает огромную склонность к зябкости, потливости и плохому сну. Количество красных кровяных телец уменьшено вдвое по сравнению со здоровым человеком... Влажные и булькающие хрипы прослушиваются с обеих сторон – как над ключицами, так и под последними, а также слышны остро и громко над углом левой лопатки, над правой – глухота... Из-за болей в груди назначены влажные компрессы, натирания, смазывания йодной тинктурой, внутрь – кодеин, морфий. При сильных потах – атропин. Лед на грудь прописан три раза в сутки по одному часу каждый раз, но А. Ансеров (ассистент клиники И.Л.) назначил дополнительно лед ночью, что воспринято больным хорошо и одобрительно. Замечено, что кровотечение из легкого прекратилось через полчаса после проглатывания пяти–восьми кусочков льда... На десятый день розовая мокрота еще продолжается... Ну вот, мокрота чиста, и больной настаивает на выписке домой для срочной работы на литературном поприще, но бациллы доктора Коха еще присутствуют в мокроте в изрядном количестве... В весе больной не увеличился ни на полфунта, но на 5% увеличилось количество гемоглобина и на 30000 число

² Остроумов А.А. (1845 – 1908) - профессор госпитальной клиники Московского университета

³ Маслов Максим – лечащий врач Чехова в клинике Остроумова

красных кровяных телец. Вообще, больной окреп заметно. Диагноз подтвердился».

Приведенные описания осмотра пациента при всей их архаичности с несомненной достоверностью указывают на серьезное поражение обоих легких, а бациллы Коха – на открытую форму туберкулеза.

Во время пребывания в клинике Антон Павлович интересовался результатами анализов, беседовал с врачами. Несмотря на строгий режим, доктора разрешили навещать Антона Павловича, чтобы не углубить его нравственные страдания.

В больнице Чехова навестил Л. Н. Толстой, чем доставил больному радость общения, хотя, по его словам, это была не беседа, а монолог. Был у Чехова и Суворин, неожиданно сказавший о начавшемся ледоходе. Антон Павлович изменился в лице, объяснив страх больных чахоткой перед ледоходом как предвестнике их скорой смерти. Еще за четыре года до описываемых событий в письме тому же Суворину Чехов написал: «Да, я умен, по крайней мере, настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезни и не лгать себе... Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее» (1893).

С 90-х годов по совету врачей Чехов на зиму уезжал на юг – чаще всего в Ялту или за границу.

В жизни писателя многое изменилось. Пришлось постепенно, но неуклонно менять стереотипы, отказываться от привычного образа жизни, оставлять родных и друзей, полюбившуюся Москву с ее театрами и музеями. Резко затруднилось общение с редакциями, необходимое для публикаций, и многое другое. Но как врач он понимал необходимость перемен.

Пришлось продать Мелихово, где прошли годы успешной врачебной и литературной деятельности Чехова, где жила вся дружная семья писателя, где не раз бывали столь близкие ему Исаак Левитан, Лика Мизинова, Татьяна Щепкина-Куперник... трудно и незачем перечислять многочисленных и всегда желанных гостей Мелихова.

Некоторое время Чехов, приезжая в Ялту, жил на разных съемных квартирах или в гостиничных номерах. Известно, что несколько месяцев он снимал квартиру у генеральши, как ее называли, Иловойской. Она активно занималась гомеопатией и сокрушалась нежеланием Чехова следовать ее советам. Между тем по гомеопатическим понятиям туберкулиновые миазмы (по Ганеманну) вызывают у наделенных ими людей, чаще больных туберкулезом легких, душевное беспокойство и постоянную потребность в разъездах. О влиянии туберкулезной интоксикации на психику больного пишут и психиатры. Так или иначе, Антон Павлович действительно был непоседой. И с этой точки зрения ялтинские зимы угнетали писателя.

Зимой в Ялте жизнь замирала, хотя в конце 90-х годов и позднее нередко там бывали А.И. Куприн, И.А.Бунин, А.М.Горький, литератор и врач Сергей Елпатьевский, лечивший не только Чехова, позднее...Ленина. На Гаспре(Крым) несколько месяцев в связи с воспалением легких жил и лечился Лев Толстой. Общение с этими людьми скрашивало одиночество Антона Павловича, но не могло заменить ему полнокровную московскую жизнь. В его письмах наряду с сообщениями о «простудах», «плевритах» звучат облеченные в шутивную оболочку жалобы на тоску и одиночество.

10.02.1900 писал О.Л.Книппер: «Я оторван от почвы, не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить, я люблю шум и не слышу его, одним словом, я переживаю теперь состояние пересаженного дерева, которое находится в колебании: приняться ему или начать сохнуть?»

Зиму 1898 года Чехов провел в Ялте. В это время приятель Антона Павловича доктор Орлов познакомил писателя с доктором Исааком Наумовичем Альтшуллером. Он также болел туберкулезом легких, хоть и пережил Чехова на 44 года. Не имея собственного жилья, Чехов и Альтшуллер какое-то время жили вместе, до приезда семьи Исаака Наумовича. Они много бродили, разговаривали на разные темы, встречались с ялтинцами.

Дружба этих коллег «по болезни и профессии» отличалась теплотой, искренними, добрыми, уважительными

отношениями и продолжалась до последнего дня жизни Антона Павловича. Письма Чехова Альтшуллеру приходили даже из, ставшего печально известным, Баденвейлера. Исаак Наумович написал прекрасные воспоминания о Чехове – человеке, пациенте, творце. Под влиянием Антона Павловича он также принял решение о переезде в Ялту. Альтшуллер со временем открыл в Ялте широкодоступный санаторий для туберкулезных больных, в чем ему весьма активно помогал Чехов, причем не только советами, но и деньгами.

Когда-то давно я слышала от своей тети Эсфирь Петровны Слободянской восторженные рассказы об Исааке Наумовиче, в санатории которого она лечилась в 1917–1919 годах. Когда в отрезанный фронтами Крым невозможно было передавать деньги на лечение, он продолжал лечить (и вылечил) ее бесплатно. А, собравшись в эмиграцию, убегая от большевиков, среди других знакомых предлагал и ей присоединиться к ним и уехать из объятой войной страны. Мне кажется, что теперь я целенаправленнее задавала бы тете вопросы, а при ее замечательной памяти, несомненно, получила бы интересные ответы...

Описывая Антона Павловича, Альтшуллер подчеркивает, что в те поры, несмотря на частый кашель и заметную врачу одышку, особенно при подъемах, он все же выглядел не старше своих 38 лет. Впрочем, был худым, не поправлялся, что при очень высоком росте (186 см) бросалось в глаза.

В эти годы Чехов еще активно избегал разговоров о своей болезни, на предложение И.Н.Альтшуллера и доктора С.Я. Елпатьевского: «Давайте послушаемся» – отвечал: «Лучше пройдемся». Уже тогда он выработал степенную походку, что позволяло на первом этапе скрывать одышку. Он медленно говорил, пытаясь сдерживать кашель, а когда это не удавалось, сплевывал мокроту в бумажный конвертик, складывал и немедленно выбрасывал.

В конце ноября 1898 года Антон Павлович впервые обратился к Альтшуллеру в качестве больного. Вот как Альтшуллер рассказывает об этом: «Рано утром мне принесли от него [Чехова И.Л.] записку, в которой он просил

зайти, захватив с собой «стетоскопчик и ларингоскопчик», так как у него кровохарканье – и я действительно застал его с порядочным кровотечением. Ларингоскоп тут был ни при чем, потому что не могло быть никакого сомнения, что это настоящее легочное кровотечение. Я при первом исследовании уже нашел распространенное поражение в обоих легких, особенно в правом, с несколькими кавернами, следы плевритов, значительно ослабленную, перерожденную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание. Мои тогдашние попытки убедить Чехова в необходимости серьезно лечиться не привели ни к чему. Он упорно заявлял, что лечиться, заботиться о здоровье – внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать». Но все же К. С. Бранцевичу 2 января 1899 года пишет: «...Вероятно, все будущие зимы, если буду жив, придется проводить здесь». Обращают на себя внимание грустные слова, «если буду жив».

Не могу не напомнить, что еще в 1897 году в разговоре с Сувориным, врач Чехов высказал предположение о процессе в правом легком (см. выше).

Как ни стремился Антон Павлович скрывать от себя и родных правду о здоровье или, вернее, не касаться этой темы, то и дело в письмах, чаще менее близким корреспондентам, вновь и вновь напоминает о себе вполне оправданная тревога.

В 1900 году Чехов заключает с издателем Марксом долгосрочный договор о выпуске собрания сочинений, который многим казался финансово неудачным. В письме брату Михаилу от 25 января 1900 года следует объяснение поспешного договора: «...У меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной обесцененной массы». Еще одно свидетельство трудных дум больного человека, да еще и врача.

Как справедливо в этой связи писал М. Горький, врачу болеть еще тяжелее, так как он знает больше. В подтверждение мысли Горького приведу отрывок из воспоминаний видного историка, юриста, социолога М. М.

Ковалевского, встречавшегося с Чеховым в Ницце в январе 1901 года, когда писатель из-за очередного обострения болезни покинул Москву, с грустью простившись с женой. Ночь с 30 на 31 января они провели в поезде по дороге в Рим. Не спалось. «Мне трудно, – сказал он [Чехов], – задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка».

По утверждению д-ра Альтшуллера, время с осени 1898-го до начала 1901 года было для Чехова, несмотря на нездоровье очень насыщенным и наполненным радостными событиями, скрашивавшими жизнь в «теплой Сибири». В эти годы достигла расцвета его писательская слава, он стал членом Академии наук, состоялись успешные драматургические дебюты, забывалась неудача первой постановки «Чайки» в Александринском театре в Петербурге, началась дружба и сотрудничество с Московским Художественным театром и с «несравненной актрисой» О. Л. Книппер.

В апреле 1900 года Художественный театр привез в Ялту, специально чтобы показать больному Чехову, ряд спектаклей, в том числе и постановки его пьес. Гастроли начинались в Севастополе и Антон Павлович, несмотря на плохое самочувствие, присутствовал на открытии сезона. К сожалению, из-за ухудшения состояния пришлось вернуться в Ялту. Легко можно себе представить тяжесть испытанной им травмы. Он был влюблен, решались судьбоносные творческие и личные проблемы...

Через несколько дней труппа прибыла в Ялту. Актеры выступали на сцене уютного местного театра, на годы сохранившего ауру того прекрасного лета. И еще не совсем выздоровевший Антон Павлович с радостью окунулся в спектакли, дружеские встречи, веселые застолья. И только изредка ненадолго покидал гостей, уединяясь для отдыха в кабинете. На две недели дом в Аутке превратился в филиал Художественного театра, не будет преувеличением сказать, что и в центр культурной жизни России.

Прожумели дни радости и счастья – и вновь ялтинское «заточение». Антон Павлович все больше

привязывался к Ольге Леонардовне, ему все труднее становилось жить вдали от нее.

Начинается завершающий этап болезни, время страданий, упорного труда, расцвета таланта, когда замыслы множатся, а сил все меньше. Последние годы, соединили, казалось бы, несоединимое – физическое угасание и творческий расцвет, любовь и разочарование, тоску и надежду.

Трезво оценивая здоровье и, возможно, предчувствуя неизбежный финал, Чехов 3 августа 1901 года составил завещательное письмо, адресованное сестре: «Милая Маша, завещаю тебе в твоё пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене моей Ольге Леонардовне – дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Недвижимое имущество, если пожелаешь, можешь продать. Выдай брату Александру три тысячи рублей, Ивану – пять тысяч и Михаилу – три тысячи... Я обещал крестьянам села Мелихово сто рублей – на уплату за шоссе... Помогай бедным... Береги мать. Живите мирно».

С 1901 года иной характер приняли отношения Антона Павловича с доктором Альтшуллером, и порой уже Чехов говорил: «Давайте послушаемся», чего прежде старательно избегал.

Он постоянно был один на один с болезнью. В письме Суворину сообщал: «Я на днях едва не упал, и мне минуту казалось, что я умираю... Быстро иду к террасе, на которой сидят гости, стараюсь улыбаться, не подавать вида, что жизнь моя обрывается». И даже в такой критический момент приписка, весьма характерная для Чехова: «Как-то неловко падать и умирать при чужих».

20 мая 1901 года, сообщил Марии Павловне об осмотре доктора В.А.Щуровского, нашедшего значительные изменения в обоих легких, поражение кишечника и велевшего немедленно ехать на кумысолечение в Уфимскую губернию. В письме Марии Павловне он в шуточной манере сообщает о скуке на кумысе и о желании для уменьшения скуки жениться, чему мешает отсутствие документов. Письмо выдержано в шуточном тоне, но Мария Павловна поняла.

Чехов женился, будучи тяжело и неизлечимо больным, чем, возможно, объяснялась его нерешительность: тревога за судьбу будущей жены и близких. Он требовал строгой конфиденциальности бракосочетания. 25 мая 1901 года написал матери: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс».

Итак, свадебное путешествие Чехов и Книппер провели в «скучнейшем месте», что не оставляет сомнений в необходимости подчинения врачебным указаниям вразрез с обычным для Антона Павловича непослушанием. Лечение кумысом не принесло ожидаемого эффекта. Антон Павлович вернулся в Ялту.

Его быт в Ялте был далек от комфортного. Ничего не изменилось и после женитьбы на Ольге Леонардовне Книппер (двойная фамилия Книппер-Чехова появилась через много лет после смерти писателя во время зарубежных послереволюционных гастролей части труппы Художественного театра для привлечения зрителей). В цитированном выше письме матери он писал: «Все останется по - старому». Чехов не случайно написал, что все останется по – старому. Он понимал невозможность для себя по медицинским показаниям жить в Москве, а для Книппер – по профессиональным – в Ялте.

Но женитьба внесла определенные сложности во взаимоотношения с сестрой отменившей, планировавшийся было переезд из Москвы в Ялту к больному брату. Отзвуки происходивших сложностей отражаются в переписке и приносят дополнительные страдания всем участникам.

В последующие годы Чехов много болел, часто шла кровь горлом, плевриты следовали один за другим. То и дело в письмах упоминаются компрессы, мушки (сушеные шпанские мушки применялись в медицине в виде пластырей) и прочие малоэффективные лечебные процедуры. Едва выздоровев, Антон Павлович устремлялся в Москву, к жене, по которой очень скучал и о которой трогательно заботился. Между тем личная жизнь писателя, к сожалению, была не без сложностей... Доктор Альтшуллер считал, что поездки в Москву неизменно нарушали хрупкое благополучие, и все приходилось начинать сначала. Каждое новое обострение все

хуже подавалось лечению. В легких нарастала эмфизема, (расширение легких), усиливалась одышка, чаще наблюдались перебои сердца. В весе он не набирал, диету не соблюдал, притом, что страдал хроническими кишечными расстройствами, туберкулезом кишечника. Приходится удивляться, как ему удавалось в таком состоянии творить, всем интересоваться, радоваться друзьям и оказывать им гостеприимство.

30 января 1903 года Антон Павлович констатирует: «Теперь с каждым годом устаю все больше и больше», а в марте того же года: «За зиму я отвык от людей, от жизни, уже ничего не умею, решительно ничего...». Лето 1903 года Чехов провел с женой под Москвой. А в октябре в письме из Ялты той же Книппер жалуется на усилившуюся одышку: «Одеваюсь медленно, или потому, что отвык одеваться, или потому, что мешает одышка».

Летом 1904 года Антон Павлович приезжает в Москву простуженный, его мучает непрерывный кашель. Квартира снята Книппер на высоком третьем этаже. Он практически не может преодолеть подъем и спуск.

В Москве по настоянию Ольги Леонардовны Антона Павловича осмотрел семейный врач Книппер доктор Таубе. Тактика лечения доктора Таубе отличалась от терапии назначенной Щуровским и Остроумовым. Так, он отменил водные согревающие компрессы, рекомендуя спиртовые, не разрешил есть яйца, указывая на их слабительный эффект. На короткое время у Антона Павловича успокоились кишечные явления, и забрезжила надежда. Однако действие и этого лечения оказалось кратковременным. Поносы сменились запорами, состояние оставалось тяжелым.

30 мая Чехов просит актера МХАТ А. Л. Вишневого: «Нельзя ли направить ко мне СЕЙЧАС Вильсона или какого-нибудь другого хорошего массажиста? Всю ночь не спал, мучился от ревматических болей. Никому не говорите о содержании этого письма, не говорите Таубе». Совершенно ясно, что кратковременная эйфория от лечебного искусства нового доктора проходила, но обижать его доктор Чехов не хотел, понимая, что чудес не бывает.

Здоровье Антона Павловича настолько ухудшилось, что доктор Таубе потребовал его срочного отъезда на заграничный курорт.

Лечиться поехали в Баденвейлер, горный курорт в Шварцвальде. Накануне Чехова посетил писатель Николай Телешов. «Хотя я был подготовлен к тому, что увижу, – писал он, – но то, что увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом – до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит: «Прощайте. Еду умирать... Поклонитесь от меня товарищам... Пожелайте им от меня счастья и успехов. Больше уже мы не встретимся».

Мрачный тон воспоминаний Телешова, несомненно, отражавший истинное положение вещей, не слышен в письмах Чехова сестре и другим корреспондентам. Скорее всего, это обусловлено как сохранявшейся надеждой, так и нежеланием огорчать родных. 22 мая 1904 года, за десять дней до отъезда на лечение, Антон Павлович дает сестре указания по уходу за садом в Аутке, Альтшуллеру 26 мая того же года сообщает о намерении вернуться в Ялту в августе.

Антон Павлович избегал писать родным о болезни, однако сообщал о ней другим корреспондентам: «Кровь идет помалу, но подолгу, и последнее кровотечение... началось недели три назад. Домой я пишу, что я совершенно здоров, и иначе писать нет смысла».

3 июня 1904 года Чехов с женой выехали в Баденвейлер. В Берлин прибыли благополучно, остановились в гостинице «Саввой». В первом же письме из Берлина пишет, что чувствует себя великолепно, ест за десятерых, спит чудесно и вообще живет недурно. Но врач, который осмотрел его там, знаменитый профессор Эвальд, лишь пожал плечами. Это обескуражило Чехова. «Нельзя

забыть мягкой, снисходительной, как бы сконфуженной и растерянной улыбки Антона Павловича, – писала по горячим следам Книппер-Чехова. – Это должно было произвести удручающее впечатление».

Улучшения чередовались ухудшениями, надежды сменялись отчаянием. Земскому врачу П. И. Куркину 12 июня Чехов писал: «Ноги у меня уже совсем не болят, я хорошо сплю, великолепно ем, только одышка – от эмфиземы и сильнейшей худобы, приобретенной в Москве за май. Здоровье входит не золотниками, а пудами. Баденвейлер хорошее местечко, теплое, удобное для жизни, дешевое, но, вероятно, уже дня через три я начну помышлять о том, куда бы удрать от скуки». И в Баденвейлере проявилась характерная для Чехова «охота к перемене мест» – супруги сменили за месяц несколько отелей.

Профессору Г. И. Россолимо (1860 – 1928) 28 июня 1904 года Чехов признавался: «Одышка тяжелая, просто хоть караул кричи, даже минутами падаю духом». В этом же письме он все же интересуется расписанием пароходов на Одессу и качеством обслуживания, предполагая, возможно, таким путем вернуться в Ялту. А в Баденвейлере в это время наступила «жара жестокая». Чехов задыхался и мечтал уехать. Без «видимой причины» 29 июня у Чехова наступило ослабление деятельности сердца, но после впрыскивания морфия и вдыхания кислорода пульс стал хорош, и больной спокойно заснул.

Резкое ухудшение наступило в ночь с 30 июня на 1 июля 1904 года. По свидетельству Ольги Леонардовны, в начале ночи Чехов проснулся, и «первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты – два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающего... А он с грустной улыбкой сказал: «На пустое сердце льда не кладут». Четверг 1 июля прошел относительно спокойно. Чехов даже придумал юмористический рассказ, сюжет которого рассказал жене. Но в первом часу ночи 2 июля он «проснулся от очень затруднительного дыхания, стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах,

но затем пришел в себя». В два часа ночи приехал доктор И. Шверер. Чехов сел и «как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Я умираю». Шверер сделал несколько впрыскиваний камфары, давал вдыхать кислород. Когда доктор послал за новым баллоном кислорода, Чехов остановил его: «Не надо уже больше. Прежде чем его принесут, я буду мертв». Шверер велел дать шампанского. По традиции немецкие врачи, видя агональное состояние, дают больному бокал шампанского, возможно, желая облегчить переход...в небытие. Чехов взял бокал, повернулся лицом к жене, улыбнулся и сказал: «Давно я не пил шампанского». Он «покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда». Было три часа ночи.

Как утверждает Рейфилд,(2005) Ольга Леонардовна склонялась к мысли похоронить Чехова в Баденвейлере и только огромная боль многочисленных поклонников писателя, общественный резонанс изменили первоначальное решение. Впрочем, нет других сведений, указывающих на такую возможность.

Творчество Чехова любимо в Европе и Америке, его пьесы триумфально шествуют по миру. Он - один из самых читаемых русских писателей.

Прошло 100 лет со дня смерти доктора Чехова. Фантастические успехи достигнуты в лечении туберкулеза, применение антибиотиков изменило все еще жестокий характер болезни. Можно ли было что-либо сделать в начале XX века? Чем лечили туберкулез?

Да, тогда еще не было антибиотиков. Но уже в 1882 году итальянский врач Форланини впервые применил пневмоторакс для лечения туберкулезных больных (вдувание воздуха в легкие специальной иглой для спадания каверны). В России этот метод успешно использовал профессор Московского университета Леонид Ефимович Голубинин (1858- 1912). Начиная с 1891 года, искусственный пневмоторакс применялся и в клинике профессора А. Остроумова, где лечился писатель.

Профессор Александр Остроумов в 1901 году выступил на Всероссийском съезде терапевтов с докладом, в котором

привел такие данные: «В нашей клинике за последние пять лет проведено 146 операций по наложению пневмоторакса. После каждой такой операции у больных, которые считались обреченными, прекращалась температура, исчезали кашель и липкий пот по ночам, восстанавливался аппетит, и за считанные 15–20 дней больной выписывался выздоравливающим».

Почему же для лечения Чехова не был применен искусственный пневмоторакс? Неизвестно, предлагали ли этот метод терапии Антону Павловичу. Этот вопрос по сей день, справедливо задают многие исследователи. Однако не следует заблуждаться и считать наложение искусственного пневмоторакса панацеей. Не исключено, что у Чехова были противопоказания этому виду лечения. Известно, что у него в последние годы наблюдались рецидивирующие экссудативные (с выпотом) плевриты, возможно, развился спаечный процесс, осложнявший в то время наложение пневмоторакса.

Основным в ту пору по-прежнему оставалось климатическое лечение, питание, местные процедуры. Цитируя кого-то из философов, доктор Альтшуллер писал, что туберкулезный больной «должен забыть о лаврах», однако, с нашей точки зрения, жизнь без эмоций вряд ли хороша для любого, а тем более для творческого человека.

Многие видели причину резкого ухудшения здоровья писателя в непрерывных поездках в Москву, в тоске по жене и прочих сложностях их жизни... Естественно, все это имело место. Но виной всему – тяжелая и в те поры трудно излечимая болезнь, с которой писатель мужественно сражался двадцать лет.

Антону Павловичу Чехову было 44 года.

Врач Чехов

Медицина и литература с древности обладают взаимным притяжением. И нередко врачи становятся писателями, обогащенные знанием жизни и психологическими нюансами личности.

Достаточно вспомнить имена Франсуа Рабле, Фридриха Шиллера, Сомерсета Моэма, Артура Конан – Дойля, Михаила Булгакова и многих других.

Среди писателей-врачей Чехов занимает особое место и как врач, и как писатель.

С 1879 по 1884 год Антон Павлович – студент медицинского факультета Московского университета. Годы учения счастливо совпали с расцветом русской медицины. На медицинском факультете в это время преподавали Г.А. Захарьин, С.П.Боткин, В.Г.Вальтер, Ф.Ф.Эрисман, каждый

из них оставил не только весомый след в науке, но и явил пример служения профессиональному делу.

Приехав в Москву из уездного Таганрога, Чехов поселился в квартире, снятой родителями, и для облегчения платы за жилье пригласил своих таганрогских приятелей, как и он, начавших обучение на медицинском факультете. Жили весело и дружно. До последнего дня Чехов оставался верным студенческому братству. Он никогда не отказывал соученикам и коллегам в любых просьбах и, будучи уже тяжело больным (1903), все же превозмог себя и вместе с другим однокашником, профессором Россолимо, был на похоронах сокурсника – доктора Алтухова. Профессор Россолимо вспоминал, что каждый из них в этот день думал: а кто следующий? Им оказался Чехов.

Учился Антон Павлович охотно, с неослабевающим интересом, особенное внимание уделял лабораторным занятиям, слушал, не пропуская, лекции по психиатрии. Известно, что еще в студенческие годы он пытался написать научную работу по половому воспитанию, для чего обходил с двумя помощниками и пачкой опросников публичные дома Соболева переуллка (Рейфилд 2006).

А позднее занялся изучением истории врачебного дела в России. С этой целью он собрал и обработал большую литературу, летописи, изучал здоровье нации при Владимире Красное Солнышко, Иване Грозном, какое-то время вникал в статистические медицинские отчеты.

Изучая старинные рукописи, пришел к выводу, что царевич Дмитрий страдал наследственной падучей, (эпилепсия), чего не было у Лжедмитрия, выдававшего себя за царевича. С профессиональной гордостью Антон Павлович отмечал в письме к Суворину (1890), что «сию Америку открыл врач Чехов». Он готовился к сдаче докторских экзаменов. Но обе темы остались незавершенными. А блестящее исследование «Остров Сахалин», предложенное в качестве докторской диссертации, было отклонено деканом медицинского факультета. Существенно, что, несмотря на огромную писательскую популярность, славу, Чехов все же не оставлял мысли о преподавании на медицинском факультете, для чего

и стремился к получению докторской степени. У него были особые взгляды на преподавание, он стремился приблизиться к больному, ощутить по возможности его самочувствие, образ мыслей, отношение к предлагаемому лечению. Все эти факты, несомненно, указывают на огромный интерес писателя к профессии врача.

Заключая с владельцем «Нового времени» А. С. Сувориным договор о сотрудничестве, Антон Павлович предупреждает о неудобстве для него срочной работы, так как он врач: «Не могу ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку...» И далее любопытная деталь: 26 января 1899 года договор с А. Ф. Марксом на издание собрания сочинений был подписан «по доверенности врача Антона Павловича Чехова». И в этом случае, занимаясь издательскими делами, писатель Чехов, лауреат почетной Пушкинской премии, аттестовал себя врачом. Еще более значимо, что в свидетельстве о браке указано: Книппер - жена лекаря (1901).

Хорошо известно, что врачевание обладает почти мистической силой, не давая о себе забыть. Причем в этом случае совершенно неважно, продолжается ли практическая врачебная работа. Полученное базовое образование создает, очевидно, особый склад мышления, остающийся до конца жизни.

Окончив в 1884 году медицинский факультет, Антон Павлович заказал медную табличку «Доктор А. П. Чехов» и прикрепил, как было принято, к двери своей квартиры. Городской врач мог зарабатывать до 10000 рублей в год. Пациенты появились, но их было немного. Антон Павлович вспоминал, как после одного из первых приемов, возвращаясь мысленно к осмотру, он заподозрил ошибку в дозировке выписанного лекарства, объехал, разыскивая рецепт, ближайшие аптеки и, не обнаружив, ринулся к больному, сместил на нужное место «предательскую» запяную, затратив на поездку полученный гонорар.

Пациенты, пользуясь добротой Чехова, кто по старой дружбе, кто по бедности расплачивались с ним своеобразно – картинкой, монеткой, вышитой подушечкой. Очевидно,

обусловить гонорар предварительно, как делали и делают современные врачи, щепетильный Антон Павлович не мог.

Друзья беззащитно направляли к нему на консультацию случайных знакомых, которых Антон Павлович покорно смотрел, несмотря на усталость. Некоторые пациенты доносили его просьбами, не «утруждая» себя оплатой. «Добрейший Антон Павлович! Убедительно прошу Вас уделить хоть один час навесить меня и успокоить мои нервы, мне нужно посоветоваться с Вами... у меня заболела Девушка, боюсь, не прилипчива ли эта болезнь... Жду Вас сегодня вечером». – Из письма Л. Данковской, октябрь, 1884. Работал много, не соответствовало доходам.

В письмах студенческой поры проявляется трогательное отношение к будущей профессии, не лишённое характерной для Антона Павловича иронии: «Умею врачевать и не верю себе, что умею... Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить». И далее: «не имея усов, знаний и возраста, придется вступить на стезю Захарьиных, Циркуненковых» 1883 (знаменитые врачи И.Л.) «Погружусь в медицину, в ней спасение, хоть я до сих пор не верю себе, что я медик». Он предполагает после сдачи экзаменов в летние месяцы на даче заняться приемом больных.

В студенческие годы Антон Павлович проходил фельдшерскую практику в Чекинской больнице Московской губернии, которой заведовал прекрасный врач Павел Арсентьевич Архангельский (1852—1913), а после окончания университета в 1884 году работал там и врачом. В дальнейшем в летние месяцы трудился в земских больницах Подмосковья – в Воскресенске и Звенигороде, где замещал уехавшего врача, то есть проходил традиционный врачебный путь. Живя в Мелихове, в период тревоги по поводу приближающейся эпидемии холеры, активно участвовал в различных мероприятиях по предотвращению распространения инфекции. Из писем и земских отчетов следует, что ему приходилось производить и судебно-медицинские вскрытия, причем в самых неподходящих условиях – в поле, на улице.

Судебно-медицинские вскрытия – дело отнюдь не простое, требующее серьезных профессиональных знаний и ответственности. Как правило, врачу при этом приходится сталкиваться не только с сугубо медицинскими проблемами, но и общаться с полицией. Писателю Владимиру Гиляровскому Антон Павлович писал, что «полицейская Москва знает доктора Чехова, а не писателя».

В 1886 году в Москве свирепствовал сыпной тиф, и молодой доктор Чехов занимался, в числе прочего, и лечением тифозных больных, о чем и сообщал В. В. Билибину: «Скажу вам по секрету, что я не такой плохой врач, как вы думаете».

Где бы ни работал, где бы ни жил Антон Павлович, он неизменно сохранял врачебную осмотрительность, был внимателен к жалобам пациентов не только по долгу службы, но еще более по зову души.

В Мелихове Чехов выполнял обязанности земского врача. Это были годы его наиболее активной и успешной врачебной работы. Крестьяне окрестных деревень, узнав о врачебных приемах в Мелихове, вначале несмело, а затем все более активно посещали удивительного доктора, который снабжал лекарствами, осматривал и денег не брал. В усадьбе в утренние часы проходил, по современной терминологии, амбулаторный прием. С рассвета на лошадях или пешком собирались десятки больных. Кроме того, Чехов часто в любое время суток выезжал по вызову, принимал роды, оказывал необходимую экстренную помощь. Работы было так много, что лето и осень 1892 года Антон Павлович не успевал писать, очень уставал, особенно после назначения «холерным» врачом от уездного земства (без жалованья). «Работы у меня больше чем по горло. Разъезжаю по деревням и фабрикам... Дано мне 25 деревень, а помощника ни одного». Вспоминая это лето, Чехов писал: «Летом трудно жилось. Но сейчас мне кажется, что ни одно лето не проводил так хорошо».

Помимо лечебной работы, он занимался и организацией холерных барачков, и, главное, поиском для всего этого средств, как теперь говорят, спонсоров. Конечно, известному писателю это удавалось лучше, чем кому бы то

ни было. А если задуматься, что этим занимался тяжело больной человек с кашлем и нередким кровохарканьем, то это не просто верность клятве Гиппократу, а подвижничество.

Чехов воспринял призыв своего учителя профессора Г.А.Захарьина – быть ближе к больному человеку, как и указание профессора М.Я. Мудрова(1776 1831) – лечить не болезнь, а больного. Коллеги подчеркивали умение Чехова разбираться в больном и ставить диагноз.

Из писем Антона Павловича ясно, что на протяжении всей жизни к нему обращались друзья за советом в связи с различными жалобами на здоровье и неизменно получали аргументированный ответ. В качестве иллюстрации профессионализма Антона Павловича приводим данный им анализ болезни писателя Д. В. Григоровича: «атероматозный процесс, перерождение артерий – недуг старческий и неизлечимый... Вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой. Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят поврежденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно. А потому и сидящие в нем нервные узлы, не получая питания, болят – отсюда грудная жаба». Блестящее профессиональное описание сложнейшего недуга. И не менее важна с точки зрения врача последующая мысль: «Все зависит от индивидуальности отдельного случая». Я привела столь длинную цитату, потому что в ней отразились глубокие знания и широкие взгляды на течение одних и тех же болезней у разных людей.

Подобный подход не случаен, он характерен для Чехова-врача. Вот описание чахотки: «Чахотка или иное серьезное легочное страдание узнается только по совокупности признаков... Само по себе кровотечение из легких не серьезно; кровь льется иногда из легких целый день, она хлещет, все домочадцы и больной в ужасе, а

кончается тем, что больной не кончается – и это чаще всего. Так и знайте на всякий случай: если у кого-нибудь, заведомо не чахоточного, вдруг пойдет ртом кровь, то ужасаться не нужно. Женщина может потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менее половины», – это из письма А. С. Суворину от 14 октября 1888 г.

Действительно, не каждое легочное кровотечение – следствие туберкулеза, нередки нарушения свертывающей системы крови, разрыв сосудов, инфаркты легких, аневризма (расширение сосудов) и т. д. Но представляется, что приведенные рассуждения есть отчасти попытка уйти от собственного диагноза.

В письмах Антона Павловича встречаются описания механизмов развития и сущности различных болезней. Так, в письме Н. А. Лейкину (1887) дана развернутая картина причин образования геморроидальных узлов, как одного из звеньев поражения сосудов. «У меня геморрой. Сидячая жизнь – не единственная причина. ...Болезни сердца, печени, кишок играют немалую роль в этиологии. У меня... наследственная склонность вен к расширению. У меня узлы не только *in recto*, но и на голених, так что, того и гляди, образуются язвы». Осмотрев Исаака Ильича Левитана, он с грустью пишет художнику И. Бразу 4 апреля 1897 года: «Пейзажист Левитан серьезно болен. У него расширение аорты. Расширение аорты у самого устья, при выходе из сердца, так что получилась недостаточность клапанов. У него страстная жажда жизни, страстная жажда работы, но физическое состояние хуже, чем у инвалида».

В процитированных письмах в доступной форме, но строго научно описаны сложнейшие вопросы этиологии и патогенеза различных болезней. С учетом датировки писем и уровня медицины конца XIX века становится совершенно очевидным знание Чеховым самых современных представлений по этим вопросам. Это отражает и глубинный интерес врача Чехова не только к непосредственной лечебной практике, но и к теоретическим основам медицинской науки.

Такой подход во все времена, и тогда, и сейчас, характерен только для мыслящих врачей, глубоко

вникающих в механизмы сложных процессов. Из воспоминаний профессора Россолимо явствует, что Антон Павлович следил за научной и практической медициной по периодической литературе: «Отношение его к больным отличалось трогательной заботливостью и мягкостью: видно было, что в нем, враче, человеческое достигало высокой степени, что способность сострадать, переживать вместе с больным его страдания, была присуща ему не только как человеку, но еще более, как врачу-человеку».

Не только в годы активной врачебной работы (Москва, Мелихово), но и в последующие Антон Павлович продолжал читать медицинские журналы, которые не только регулярно выписывал, но и не забывал поддерживать материально их издание. Находясь в Таганроге проездом, он просит прислать литературу по технике массажа, которым предполагал заняться. До последних лет жизни Антон Павлович выписывал медицинские журналы, подчеркивая заинтересовавшие его статьи.

Очень интересно отношение Антона Павловича к лечебным препаратам, оно также отличается глубиной проникновения в механизм действия, в адекватность и целесообразность назначения: «Что у вас, у петербуржцев, за манера фаршировать себя всякого рода белладоннами, кодеинами, бисмутами? Побойтесь Бога, если не боитесь за свой желудок» (из письма Н. А. Лейкину, 1886). Он подробно разбирает действие майского ландыша и валерианы: «Я, хоть убейте, решительно не понимаю, для чего Вы принимаете ландыш и валериану. Вреда эти средства не принесут, но и пользы тоже никакой. Для людей мнительных, кстати сказать, средства безвредно-бесполезные, напрасно принимаемые, служат часто источником страха: «принимаю капли уже целый месяц, а они мне не помогают...». Кроме того, Чехов по пунктам излагает свое видение болезни и дает врачебные рекомендации: «Вовсе не думать или думать пореже о недугах. Ведь стоит только обратить внимание на свое сердце, прислушаться к нему, чтобы пульс стал быстрее на 10–15 ударов. В случае ипохондрии, страха смерти, тоски обращать внимание не столько на сердце, которое у Вас

здорово, сколько на желудок и кишки. Наверное, у Вас есть расширение желудка – болезнь, при которой меланхолия – явление постоянное» (из письма Н. А. Лейкину от 17 апреля 1887 года).

Это пишет врач молодой, но уже обладающий невероятной эрудицией, широтой познаний, выраженным деонтологическим (щадящим) подходом к больному. В таком же тоне следуют советы брату Александру о вскармливании маленького ребенка: об осторожности использования фармакологических препаратов. Задолго до развития учения об иатрогенных (внушенных) заболеваниях, равно как и данных об избирательном влиянии лечебных препаратов, об их нередкой несовместимости, доктор Чехов уже в те годы во многом интуитивно, дошел до понимания этого сложного и не до конца понятного симптомокомплекса. Как известно, интуиция – явление не потустороннее, она базируется на прочных знаниях и особой чувствительности.

Из воспоминаний друзей и знакомых, в том числе врачей, совершенно очевиден интерес Антона Павловича к душевному строю личности, проявляющемуся, в числе прочего, в особых реакциях на окружающую повседневность в сновидениях. Задолго до появления фундаментальных исследований американских ученых (50-е годы XX века) Юджина Азеринского и Натаниэля Кляйтмана о природе сна Чехов в письме Д. В. Григоровичу (1887) касается этих тем, подчеркивая, что при разности сновидений физиология сна одинакова у всех людей.

Годы врачебной практики Чехова совпали с расцветом земской медицины. Земские управы, несомненно, сыграли большую положительную роль в улучшении просвещения населения, судопроизводства и оказания медицинской помощи.

Существует некое, в значительной мере оправданное теплое отношение к земским врачам, признание их заслуг в нелегкой работе. Мне лично эта тема близка, поскольку одним из таких врачей был мой дед, погибший в 44 года, заразившись во время проведения операции в неприспособленных условиях. Он умер, а больную спас.

О работе земских врачей, разных по квалификации, по отношению к делу читаем у писателя Чехова. Его волновали тяжелые условия работы, бездорожье, вакантные врачебные должности, нехватка фельдшеров, пьянство, огромные по протяженности участки. Это создавало практически непреодолимые трудности, помощь запаздывала, занятость, тоска захлестывали.

Антон Павлович лучше других, изнутри знал о проблемах земской медицины. Он гневно писал Суворину в ответ на недовольство врачами: «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай Бог никому этого. Среди врачей, правда, не редкость невежды и хамы, как и среди писателей, инженеров, вообще людей, но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей. И за сие, говоря по совести, многое простить должно».

Медицинская библиотека Антона Павловича, довольно большая, которую он перевез из Мелихова в Ялту, в числе прочих включала фундаментальные руководства по психиатрии. Известна переписка Чехова с автором многих трудов по психиатрии В. И. Яковенко (1857–1923). Этот доктор основал одну из лучших в России конца XIX века психиатрическую лечебницу, находившуюся в селе Мещерском Подольского уезда Московской области, и был ее директором. В бытность в Мелихове Чехов неоднократно направлял ему на консультацию и лечение своих больных. Он поддерживал усилия Яковенко, возражавшего против физического воздействия на душевнобольных. Тогда же у Антона Павловича созрело твердое убеждение, что «пора земским врачам и вообще земским деятелям перестать презирать общую печать». Он полагал таким образом привлечь внимание общественности к сложному положению земской медицины.

«Медицина не адвокатура: не будешь работать – застынешь» (из письма Н. А. Лейкину). Медицина, как писал Чехов, не может упрекать его в отступничестве. Даже незадолго до смерти, в апреле 1904 года, Антон Павлович сообщил журналисту А. В. Амфитеатрову (1862—1938) о своем намерении в июле или в августе поехать на Дальний Восток, где тогда шла война, но только в качестве врача:

«Врач увидит больше, чем корреспондент». В автобиографии, составленной в 1899 году, писал: «Занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач... Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где невозможно – предпочитаю не писать вовсе». Пометки в медицинских книгах и учебниках домашней библиотеки хранят многочисленные свидетельства обращения Чехова к специальной литературе. Когда-то Пушкин устами Татьяны Лариной судил по прочитанным Онегиным книгам, по подчеркнутым местам о его личности. В заключительный период жизни Антона Павловича среди отмеченных им статей довольно часто встречаются материалы о расширении бронхов, о потере эластичности легочной ткани, то есть о том, что беспокоило больного писателя.

Только после переезда по настоянию врачей(90-годы) в Ялту Антон Павлович в прекращает лечебную работу, за исключением редких осмотров друзей и знакомых. «Меня здесь одолевают больные, которых присылают сюда со всех сторон, – с бациллами, с кавернами, с зелеными лицами, но без гроша в кармане». У него уже нет сил на продолжение работы врача и писателя.

Начинается новая, непривычная жизнь в отрыве от родных мест, любимой средней полосы, меняются стереотипы. Как врач, он понимает пагубность резкой смены образа жизни, о чем не раз пишет друзьям, но подчиняется.

Теперь он намерен заниматься исключительно литературой: «Брошу даже медицину... отдал уже ей дань в виде книги о Сахалине». Но занимается многим – особенно земскими делами... Знаменитому врачу, потом профессору Н.В.Склифосовскому(1836-1904) помогает спасти от разорения великолепный журнал «Хирургическая летопись» – «это так же полезно, как сделать 20000 удачных операций». Он входил в состав правления Пироговских съездов,

принимал участие в съезде земских врачей. В 1902 году делегаты 8-го Пироговского съезда прислали больному писателю теплую приветственную телеграмму, а Художественный театр дал по просьбе Чехова для делегатов спектакль «Дядя Ваня». Вот что писал Чехов, знакомому со студенческих лет доктору П.И. Куркину в ответ на проявленное к нему внимание: «Такой чести я не ожидал и не мог ожидать, и такую награду принимаю с радостью, хотя и сознаю, что она не по заслугам». В Крыму в тот период было много туберкулезных больных, искавших исцеления. Материальное положение немалого числа тяжелое, трудности с жильем, обусловленные невозможностью оплаты. И Антон Павлович входит в различные опекунские организации, становится членом Ялтинского попечительства, собирает пожертвования, нередко сам оплачивает жилье, а больные радуются «удачному съему», составляет тексты воззваний о помощи больным, как он делал раньше, еще работая врачом в период голода.

В Крыму спонтанно собралась в тот период группа больных туберкулезом врачей, писателей, журналистов – Елпатьевский, Средин, доктор Альтшуллер, бывал Горький. Все они по мере возможности пытались помочь больным, но основную роль играет Антон Павлович. Приняли решение о создании общедоступного санатория для больных туберкулезом. Он был создан, но Чехов об этом уже не узнал...

В ялтинском кабинете Чехова, как и при жизни его хозяина, на столе – докторский молоточек, в шкафу – справочная медицинская литература.

По словам Альтшуллера, в ялтинские годы Чехов мало читал медицинские новинки, а ограничивался чтением в медицинских журналах хроники. Нет оснований, не верить Исааку Наумовичу. Но это относилось к самому последнему году, максимум двум, когда и писал-то Антон Павлович очень мало и с большими перерывами, ведь речь шла о смертельно больном человеке. Тот же Альтшуллер вспоминал, что Антон Павлович рецепты всегда выписывал сам, ему это было приятно. Купив изданные лекции своего любимого учителя профессора Г.А.Захарьина, Чехов

отмечал, что из них (лекций) исчезла музыка, заметив, при этом, что не каждый может быть писателем. Да, это так. Немногим удастся в полной мере овладеть профессией, тем более не одной.

Антон Павлович Чехов явил уникальный пример мыслящего врача и блестящего писателя.

Писатель

В творчестве Чехова отразились различные аспекты медицинской тематики, находившейся, естественно, постоянно в сфере его интересов. По мнению профессора А.П.Чудакова, крупного исследователя творчества писателя, в произведениях «таких творцов сливаются в единый образ видение черт организма и личности, анализируются причины и аномалии, проявляющиеся в тех или иных состояниях, вырастая порой в талантливый медицинский или психологический диагноз». Врач – писатель вкладывает присущее ему понимание физического и психологического статуса персонажа. И с этой точки зрения изучение медицинских сюжетов в их творчестве представляет особый интерес.

У Чехова в рассказах практически нет развернутой картины заболевания, но приметы того или иного физического, а чаще душевного недуга, отношение к жизни и смерти присутствуют во многих произведениях. В этом, несомненно, отразился интерес к психиатрии, проявленный Антоном Павловичем не только в годы учения в университете, но и в повседневной врачебной практике.

К темам душевной тревоги писатель обращался не раз. Так в рассказе «Припадок», опубликованном в сборнике памяти Гаршина, изображен студент Васильев, подверженный припадкам меланхолии. « Все внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Эта была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние...При этой боли жизнь представляется отвратительной» Сам Антон Павлович в письме к А.Н.

Плещееву(1888) подчеркнул: « Мне, как медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки».

В этом контексте необычайно важен и интересен рассказ «Гусев», первое произведение по следам путешествия на Сахалин. Герои рассказа - Гусев и протестант Павел Иванович имели реальных прототипов, судьба которых поразила писателя. Гусев, как и реальный каторжанин, Егор, оторван от родной почвы и пропадает в тоске, болезни, одиночестве, а протестант Павел Иванович перекликается с доктором Б.А. Перлиным, описанном во 2 главе «Острова Сахалин», с « доктором похожим на Ибсена».

« Этот человек (Павел Иванович - И.Л.) спит сидя, так как в лежачем положении он задыхается. Лицо у него серое, нос длинный, острый, глаза, оттого, что он страшно исхудал громадные....». Этот человек не удобен, он ищет правду, обличает несправедливость. « А помирать страшно?- спрашивают Гусева.- Страшно. Мне хозяйства жалко... Однако, брат, ноги у меня не стоят, да и душно тут...». Бунтующий Павел Иванович и покорный Гусев умирают тихо и незаметно не только от болезни, а от бездушия и черствости. По мнению В.Л. Альбова внимание Чехова в этом рассказе направлено «на внешние условия как на причину гибели мечты и мечтателей». Этот рассказ вызвал довольно широкий резонанс, обсуждался, восхитил П.И.Чайковского.

Гораздо чаще обращался писатель к судьбе тружеников- врачей, им создана галерея образов, очень разных, но всегда достоверных. Автор знал их, работал с ними, видел их в неординарных ситуациях, одних любил, другим сострадал.

Пожалуй, самый обаятельный врач Осип Дымов, герой блестящей повести «Попрыгунья». Недалекая жена Дымова в поисках «знаменитостей» не замечает истинную знаменитость, своего мужа, скромного доктора и блестящего ученого.

«- Вот что ...Третьего дня я заразился в больнице дифтеритом, и теперь... мне нехорошо. Пошли скорее за Коростылевым». И далее устами Коростылева «... Знаете,

отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтерийные пленки». «Умирает потому,- говорит писатель устами Коростылева,- что пожертвовал собой... какая потеря для науки!.. А какая нравственная сила!.. Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а стекло». Дымов сделал то, что приходилось делать и Чехову. Автор не приводит никаких медицинских подробностей, как это делали Вересаев и Булгаков, но создает необыкновенно четкую и выпуклую картину. И сразу всем, даже легкомысленной жене, становится понятным, кого и почему она и общество теряет. В мае 1883 года отсосав из горла ребенка дифтерийные пленки, умер доктор Илларион Дуброво, о чем знал Чехов. Возможно, он послужил прототипом героя рассказа.

Доктор Астров (Дядя Ваня) умный, образованный, усталый от непосильной ноши земского врача. « В десять лет другим человеком стал. А какая причина? От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобой знакомы ни одного дня не было свободного. Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как- то притупились». И далее: « Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть - привезли с железной дороги стрелочника; а он возьми и умри у меня под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно я умышленно убил его...».

И как не притупиться, когда невероятная нагрузка порой была сопряжена и с потребительским отношением к врачам, как к слугам.

В рассказе « Враги» у земского врача Кирилова только что скончался единственный сын. Отупевший от горя, он едва понимает, что от него хотят. Выслушав, он машинально надевает сюртук, оставляет оцепеневшую жену и едет оказывать помощь больному. Приехав, он не застаёт «больную», вызов оказался ложным. Он теряет присущее ему самообладание: « Я врач. Вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией,

своими лакеями и моветонами, ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает бутафорскую вещь».

Честный, добросовестный врач Соболев («Жена») безотказно выполняет любую работу. А самому: «Табаку купить иной раз не на что». И не удивительно, хоть и прискорбно, что в таких условиях и читать то некогда.

Выпукло описано постепенное очерствление доктора Старцева из рассказа «Ионыч», имя ставшее нарицательным. Из обаятельного, умного, увлекающегося доктора, он превращается в бездушного ничем не интересующегося человека, теряющего постепенно и квалификацию. Прискорбно, но этому способствует, огорчающее Чехова потребительское отношение к врачам, что сохраняется и в наше время.

В произведениях Чехова появляются и врачи, вызывающие гневное осуждение писателя. Это напыщенный пустоцвет Топорков («Цветы запоздалые»), подсчитывающий ежедневно доходы и думающий только о них, Шелестов («Интриги»), как следует из названия, создающий карьеру на сплетнях и лжи.

Особняком в творчестве Чехова повесть «Палата №6», название также ставшее нарицательным, прочно вошедшее в обиход с четко определенным значением. Опустившийся доктор Рагин, не обращающий внимания на грязь и мерзость во вверенной ему больнице, которую он отдал на откуп невежественному и жестокому фельдшеру. Душевнобольных «лечат» палками, избивают. В конце концов, и сам вконец разрушенный доктор, попадает в пресловутую палату, разделяя тяжкую участь и других душевных больных. Избитый сторожем, он умирает от кровоизлияния в мозг.

Очень глубоко и «по всем правилам психиатрической науки» описаны галлюцинации в повести «Черный монах». К теме «Черного монаха» обращается Маргарита Одесская(2007), полагая наличие биографических мотивов, ссылаясь при этом на воспоминания М.П.Чехова. Брат и биограф писателя Михаил Павлович отмечает периоды физической и душевной усталости Антона Павловича во

время эпидемии холеры в Мелихово. Однако сам Антон Павлович отрицает какую – либо личностную параллель.

Ученый человек Коврин вспоминал слышанную легенду о черном монахе и вдруг ему привиделся странник. Он изумлен. « Но ведь ты мираж. Зачем же ты здесь и сидишь на моем месте? Это не вяжется с легендой. - Легенда, мираж – все это продукт твоего возбужденного воображения Я – призрак». Взволнованный Коврин размышляет: « Ты призрак, галлюцинация. Значит, я психически болен, ненормален?» Галлюцинации продолжаются не только зрительные, но и слуховые. Окружающие слышат, как Коврин разговаривает, обращаясь к пустому креслу. Его болезнь не вызывает сомнений, родные обращаются к врачу. После лечения исчезли призраки, но вместе с ними вера в себя, в свою необычность.

«Зачем, зачем вы меня лечили? Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг... Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив. Теперь я стал рассудительнее...: я – посредственность, мне скучно жить».

Прекрасно описаны стадии психического страдания, больного не вылечили, но лишили согревающих его иллюзий. Осталась неуверенность в себе, депрессия.

В письме к Суворину 25 января 1894 года Чеховым сказано: « если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. « Черного монаха» я писал без всяких унылых мыслей, по холодному размышлению. Просто пришла охота изобразить манию величия. Монах же, несущийся через поле, приснился мне». Не исключено, что «Черный человек» Сергея Есенина навеян повестью Чехова.

Если говорить о психопатических чертах личности писателя, (М.Е.Бурно, Б.А.Воскресенский), то думается важно еще раз упомянуть о стремлении писателя к частой смене городов и весей, что проявилось и в последний месяц его короткой жизни. Не следует забывать, что туберкулезная инфекция, о чем хорошо известно психиатрам, провоцирует ипохондрию и прочие нарушения. Перемена мест, надо

думать, была ему необходима, придавая некую эмоциональную стабильность.

Блестящее профессиональное описание старения, постепенной утраты памяти, стереотипов поведения даны Чеховым в повести «Скучная история».

Герой повести имеет реального прототипа – им был преподаватель медицинского факультета профессор А.И. Бабухин (1835-1891), лекции которого слушал и автор. Антон Павлович не отрицал связь героя повести Николая Степановича с реальным прототипом, хотя и подчеркивал собирательность образа.

Интересно отношение заболевшего ученого к врачебному обследованию: «...когда я сам ставлю диагноз и сам лечу себя, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество, что я ошибаюсь и насчет белка и сахара, которые я нахожу у себя, и насчет сердца, и насчет тех отеков, которые уже два раза видел у себя по утрам...». Герой повести - известный ученый, профессор, уважаемый человек. Он преподает на кафедре, любим студентами, общается с великим Пироговым и другими выдающимися современниками. Но он сам ощущает и весьма болезненно переживает наступающее старение: « Память моя ослабела, в мыслях недостаточно последовательности...конструкция однообразна, фраза скудна и робка. ...Часто я забываю обыкновенные слова...За научной статьей я себя чувствую гораздо свободнее и умнее, чем за поздравительным письмом»... И далее, бессонница, по мнению героя рассказа «составляет теперь главную и основную черту» его существования.

В этом описании угасания интеллекта все необыкновенно подлинно и очень по медицински верно. Давно замечено, что последними в ряду потерь, исчезают профессиональные навыки, не случайно подчеркивается сохранившаяся у персонажа повести, ученого, способность писания научных сочинений. Известно, что погибающий от третичного сифилиса писатель Мопассан не утрачивает дарования. На феномене нередкого страха врачей перед обследованием я останавливалась, описывая отношение к этому и самого Антона Павловича.

Любопытна судьба рассказа «Смерть чиновника». В чем причина смерти героя? В докладе профессора В.П.Образцова (1851 – 1920) на съезде русских терапевтов в декабре 1911 года отчетливо прозвучала мысль о влиянии эмоционального состояния на венозное кровообращение. «Выходит, например, неврастеник с начинающимся склерозом встречать даже небольшое начальство, начинает говорить ему приветствие, в это время у него начинает беспорядочно биться сердце и падает мертвым». В речи на съезде Образцов подтверждает высказанную идею, ссылаясь на рассказ «Смерть чиновника». (Русский врач, 1912. 7). Так врачи принимали и анализировали некоторые рассказы писателя, находя новые подходы и выдвигая оригинальные гипотезы.

Скупые строки о врачах в рассказах и повестях Чехова пронизаны с одной стороны гордостью за их самоотверженный труд, с другой глубокой болью при описании поступков недостойных этого высокого звания. «Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме «Новостей терапии», не читает и в сорок лет серьезно убежден, что все болезни – простудного происхождения», вспоминает А.М.Горький слова Чехова.

Исключительное место в жизни Чехова-врача занимает «Остров Сахалин». Это широкое исследование, охватывающее множество различных аспектов жизни или, вернее, «нежизни» современного ему каторжного края. Он посетил все остроги острова, и, казалось, именно они составляют остров Сахалин. Писатель в одиночку сделал поголовную перепись населения. Трудно найти что-либо, чего не коснулся бы Антон Павлович, как врач и гражданин. «Мое короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что, когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать, и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно». (Из письма А.Ф. Кони). И далее продолжает: «Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных». Жуткое впечатление произвел главный Александровский лазарет кандального острова. Амбулаторный прием не подается описанию.

«Стол, за которым сидит врач, огорожен деревянной решеткой, как в банкирской конторе, так что во время приема больной не подходит близко, и врач большею частью исследует его на расстоянии... Тут же, в приемной, у входной двери стоит надзиратель с револьвером, снуют какие – то мужики, бабы»... Привозят мальчика с нарывом на шее и с большим трудом доктору Чехову удается тупым инструментом вскрыть его. Страницы трагедии, сострадания и боли – вот что звучит в книге «Остров Сахалин».

«Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености... и я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть, и сей жесткий арестантский халат»- из письма А.С. Суворину после возвращения с острова Сахалин.

Действительно, медицина не может упрекать Чехова в отступничестве. Даже незадолго до смерти в апреле 1904 года, Антон Павлович сообщил журналисту А.В.Амфитеатрову о своем намерении в июле или в августе поехать на Дальний восток, но только в качестве врача. «Врач увидит больше, чем корреспондент».

Антон Павлович Чехов - уникальный пример мыслящего врача и блестящего писателя. Обе профессии счастливо дополняли одна другую, а не мешали. Как писал профессор Е.И. Лихтенштейн «Чехов – писатель и Чехов врач – всегда были неотделимы один от другого».

Литература

Альтшуллер Исаак. О Чехове: Из воспоминаний. В кн. Чехов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.

Бочаров В.В., Расторопова Ю.П. Земская медицина в творчестве А.П.Чехова. -Медицина в художественных образах. Гл. ред. Заболоцкая К.В.: Донецкий гос.мед.ин-т. <http://medicine-in.dsmu.edu.ua/html.php>

Бурно М. Психотерапия творческого поражения. Московский психологический журнал <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/voskres1.shtml>

Вересаев В.В. А.П.Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников. Московский психологический журнал. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.

Воскресенский Б. Семейные кризисы Московский психологический журнал <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/voskres1.shtml>

Карташов В. Рецепты из записной книжки Чехова. Чеховский вестник http://chekhoviana.narod.ru/vest_14.htm

Книппер - Чехова «О А.П.Чехове». В кн. Чехов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.

Лихтенштейн Е.И. Помнить о больном. Київ: Вища школа, 1978.

Лихтенштейн И. А.П. Чехов: врач и пациент. Долгожитель: Приложение к газете Новости недели, 27 июля 2006.

Лихтенштейн И. А.П. Чехов. Последние годы жизни, там же, 24 августа 2006.

Лихтенштейн И. Доктор Чехов, там же, 28 сентября 2006.

Лихтенштейн Исанна Антон Павлович Чехов Пациент. Врач. Писатель «Зарубежные задворки» №1/3, 2011

Маслов Максим. История болезни Чехова. Цит. по Валерию Дружбинскому *Болезнь и смерть Чехова* «<http://chehov.niv.ru/chehov/bio/bolezn-i-smert.htm>

Меве Е. *Медицина в творчестве и жизни Чехова*. Киев: Медицинское издательство УССР, 1961.

Одесская Маргарита (сост.). *Ибсен, Стринберг, Чехов в свете концепции вырождения Макса Нордау*. Сборник статей. Москва: РГТУ, 2007.

Рейфилд Дональд. *Чехов*. Перевод с англ. Москва: Независимая газета, 2006.

Россолимо Г. *Чехов*. В кн. *Чехов в воспоминаниях современников*. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.

Телешев Н.Д. А.П. Чехов там же.

Чудаков А.П. *Антон Павлович Чехов*. Москва: Просвещение, 1987.

Чехов Антон. *Полное собрание сочинений. Письма. Тома 1-12* Москва: Наука, 1974 – 1983.

Чуковский Корней. *О Чехове. Русский путь*. 2007.

Шубин Б.М. *Доктор А.П. Чехов*. Москва: Знание, 1977.

Odesskaya Margarita. «Let Them go Crazy» *Madness in the works of Chekhov*. Angela Brintlinger and Ilya Vinitsky (eds.). *Madness and the Mad in Russian Culture*. Toronto: University of Toronto Press, 2007. 304 pp.

Врач, писатель, философ. В. В. Вересаев

Малявин Портрет В. Вересаева

Особое место в истории врачевания, медицинской публицистики и литературы принадлежит Викентию Викентьевичу Вересаеву (Смидовичу). К сожалению о нем редко вспоминают и мало читают. А между тем Вересаев – интересный писатель, прекрасный врач, философ и благородный человек.

Как и некоторые другие писатели – врачи, Викентий Викентьевич вошел в мою жизнь с детства, хотя бы по тому, что ему обязана именем. Родители назвали меня в честь медички, героини понравившегося им рассказа, повести «Исанка». Отец во время короткой встречи с писателем в киевском театре Красной Армии поинтересовался звучанием полного имени в расчете на «взросление». Вот они вместе и придумали. Однако, речь, естественно, не об этом.

В личности и судьбе Викентия Викентьевича много неожиданных поворотов, встреч и активной

продолжительной деятельности как при царизме, так и после революции.

Как причудливо порой время, неожиданны исторические параллели! Вересаев встречался в Ясной Поляне с Львом Толстым, а сам Толстой по родственным связям и возрасту мог встречаться с Пушкиным. И тот же Викентий Викентьевич жил на даче по соседству с Натальей Кончаловской и Сергеем Михалковым, дружил с Булгаковым, Кавериним и другими нашими современниками.

В жизни и творчестве незаурядного писателя и вдумчивого врача отразилась сложная и противоречивая эпоха.

Викентий Викентьевич родился в Туле 14 января 1867 года в семье Викентия Игнатьевича Сидовича. Отец писателя, популярный в городе врач – педиатр из семьи поляков, высланных в Россию за участие в восстании 1831 года. Доктор отличался честностью, прямоотой, высоким профессионализмом, принципиальностью. Сидович создал первое в Туле общество врачей, участвовал во всех общественных делах, интересовался экологией, одним из первых занялся санитарным делом.

Вспоминают эпизод, когда к нему обратился Лев Толстой с просьбой посетить в Ясной Поляне заболевшего сына. Загруженный неотложной работой в городе, доктор, обладавший высоким чувством долга, не счел возможным оставить своих больных без помощи, даже ради Толстого и отказал великому писателю. (Ясная Поляна не обслуживалась тульскими врачами). Через много лет в 1902 году, Татьяна Львовна Сухотина – Толстая обратилась уже к Викетию Викентьевичу с просьбой стать личным врачом Льва Толстого. Вересаев долго и мучительно размышлял, борясь с искушением находиться вблизи мудрого человека, но отвечать за его здоровье и не решился. Впрочем, их личные отношения не изменились. В 1901 году М. И. Водовозова сообщила Вересаеву отзыв о нем Л. Толстого: «Ваши рассказы ему очень понравились. Л. Н. говорит, что некоторые из них напоминают ему Тургенева, что в них

столько чувства меры и красоты природы и видна искренность и глубоко чувствующая душа»

Как правило, врачебная специальность является первой, впоследствии по разным обстоятельствам ее меняют на какую –то другую, в частности на писательство.

Викентий Смидович в 1884 году поступил на историко – филологический факультет Петербургского университета и окончил, получив степень кандидата наук по истории. И только после этого стал студентом – медиком, завершив образование в Дерптском университете. Знаменитый в ту пору университет видел в своих стенах много великих врачей, в частности В.И.Даля,Н.И. Пирогова,Ф.И. Иноземцева и Г.И. Сокольского. В повороте судьбы ощущается стремление к углубленному изучению психологии человека, его бед и радостей, всего того, что необходимо писателю. « Медик знает о человеке все самое худшее и самое лучшее. Когда человек болен и испуган, он сбрасывает маску, которую привык носить здоровый. И врач видит их такими, как они есть на самом деле,-эгоистичными, жестокими, жадными, малодушными; но в то же время - храбрыми, самоотверженными, добрыми, благородными. И, преклоняясь перед их достоинствами, он прощает им их недостатки.» (врач Соммерсет Моэм). Впрочем, подобные мысли выражены самим Вересаевым в воспоминаниях.

Молодой студент учился увлеченно, охотно постигал интересную науку. Еще в студенческие годы он выезжал «на холеру», заведовал холерным баракком. Тема «холерных баракков» впоследствии была отражена писателем в повести «Без дороги», в которой правдиво и страшно описывались «холерные» бунты, бессмысленная жестокость по отношению к рискующим жизнью врачам. Викентий Викентьевич много читал, готовился к самостоятельной практике.

По окончании университета Вересаев проходит традиционный врачебный путь: работает на участке, ординатором в больнице и занимается частной практикой. Отличием, правда служила не долгая практика под

руководством требовательного врача – отца, Викентия Смидовича.

С первых дней самостоятельной работы молодой врач задумывается над организацией медицинской помощи, квалификацией и положением молодых врачей, судьбой пациентов. Он размышляет о правомочности рискованных экспериментов, а точнее о разумности и дозволенности риска в лечении.

Так постепенно, наряду с активной, успешной лечебной работой возникающие размышления складываются в художественно – публицистические «Записки врача».

Изданные в 1901 году и переиздававшиеся практически ежегодно в течение семи лет, они неизменно имели поклонников и противников. «Сожгите свою книгу отчаяния», господин Вересаев, - твердили защищающие «честь мундира» недалёковидные врачи.

В чем же дело? Чем объясняется полярность мнений и оценок? Дело в том, что «Записки врача» -не обычная книга. Это в первую очередь произведение искусства со многими публицистическими отступлениями. Ни в коем случае нельзя отождествлять героя повести с автором. Он отличен от доктора Вересаева, но очень близок писателю Вересаеву – молодой, искренний, думающий, сомневающийся и ,главное, неравнодушный. Показателен эпиграф произведения: диалог из драмы Г.Ибсена «Привидения».: « Пастор: Неужели в вашем материнском сердце нет голоса, который бы запрещал вам идеалы вашего сына? Госпожа Альвиг: Ах, идеалы, идеалы!» Писатель не ставит идеалы выше правды.

Начинающий врач, герой «Записок врача», поначалу полон оптимизма, уверенности в безграничных возможностях медицины. Затем, сталкиваясь с неизбежными сложностями, проникается «нигилизмом» и перестает верить в могущество науки. «Мир начинает казаться мне одною сплошною больницей» (Вересаев 1901). В действительности и то, и другое верно.

Продолжая учиться и работать, доктор познавал прежде неизвестное и по мере увеличения знаний менялся. « Отношение мое к медицине резко изменилось. Приступая к ее изучению, я ждал от нее ВСЕГО; увидев, что всего

медицина делать не может, я заключил, что она не может делать НИЧЕГО;теперь я видел, как много все –таки может она, это «многое» преисполнило меня доверием и уважением к науке, которую я еще недавно презирал до глубины души».

Читатель выбирает созвучную ему мысль. Природа мудрее человека, врач не в состоянии с ней бороться. Примерно так понял книгу не любивший врачей Лев Толстой. Именно с этой точки зрения она была им одобрена после внимательного прочтения, о чем известно из воспоминаний Татьяны Львовны. Врач – писатель Антон Чехов нашел иные созвучия – мужество автора, его откровенность – и высоко оценил книгу.

В книге причудливо переплетаются достаточно реалистические картины заболеваний, страданий пациентов, возможности лечения, сложные подчас взаимоотношения участников драмы – врача и больного.

Разбросанные в художественной литературе описания человеческих страданий изобилуют нередко однобокостью, негативным отношением к медицине. Так, особенно резко выступают в этом плане Мольер в «Мнимом больном», Толстой в «Анне Карениной», в сцене осмотра Кити Щербацкой...примеров великое множество.

По – иному ведут себя писатели – врачи, что хорошо проявилось в творчестве русских писателей: А.П.Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова. Необходимо в этом аспекте прочитать и осмыслить Артура Конан Дойля, Франсуа Рабле, Арчибальда Кронина и многих других блестящих писателей – врачей..

Вересаев удачно синтезирует в своем творчестве науку и литературу. В «Записках врача» он описывает беззащитность молодого врача, впервые принимающего роды, сталкиваясь с необходимостью трахеотомии и просто с лечением хронических заболеваний: «Роженица уже перестала сдерживаться; она стонала на всю палату, всхлипывая, дрожа и заламывая пальцы... После одного особенно сильного приступа потуг больная схватила ассистента за руку – Доктор, скажите, я не умру?..

...Только поздно вечером роды стали приходить к концу... Роженица лежала в забытьи, с надорванной промежностью, плавая в крови.

– Роды были легкие и малоинтересные, – сказал ассистент». Что это? Бесчувствие доктора? Нет, реальная оценка.

Для сравнения сходный эпизод из рассказа «Крещение с поворотом» Булгакова.

«Действительно, движения мои были уверенны и правильны, а беспокойство свое я постарался спрятать как можно глубже и ничем его не проявлять. Эх, Додерляйна бы сейчас почитать!» Как быть? «И перед глазами замелькали страницы Додерляйна. Страницы, страницы,... а на них рисунки. Таз, искривленные, сдавленные младенцы с огромными головами... свисающая ручка, на ней петля. А теперь всплывает из всего прочитанного одна фраза: «поперечное положение есть абсолютно неблагоприятное положение». Врач одержал одну из первых побед. Могло случиться и по - другому – важна решимость в сочетании с осторожностью.

Справедливо утверждают, что Булгаков в «Записках молодого врача» полемизирует с Вересаевым. Переключка легко просматривается во многих рассказах. Врач у Булгакова, как правило, смелее, решительнее героев «Записок врача», чаще одерживает победу. «Ну, нет... Я буду бороться. Я буду... Я... Потянулась пленую тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... Борюсь. В глуши. Но не один. А идет моя мать: все в белых халатах, и все вперед». (Булгаков).

Но иногда они поразительно близки. Для сравнения приведу отрывок из «Записок врача»: „...Я ввел в разрез расширитель. Слава богу, сейчас конец! Но из-под расширителя не было слышно того характерного шума, который говорит о свободном выходе воздуха из трахеи. Вы мимо ввели расширитель, в средостение!.. Я все больше терялся. Глубокая воронка раны то и дело заливалась кровью, которую сестра милосердия быстро вытирала ватным шариком, на дне воронки кровь пенилась от воздуха, вышедшего из растерзанной трахеи. Сестра милосердия

стояла со страдающим лицом, прикусив губу, сиделка, державшая ноги девочки, низко опустила голову, чтоб не видеть...».

Описание трахеотомии у Булгакова в рассказе «Стальное горло».

«Фельдшер со стуком упал, ударился, но мы не глядели на него. Я вколол нож в горло, затем серебряную трубку вложил в него. Она ловко вскользнула, но Лидка оставалась недвижимой. Воздух не вошел к ней в горло, как это нужно было. Я глубоко вздохнул и остановился: больше мне делать было нечего. Я видел, как Лидка синела. Я хотел уже все бросить и заплакать, как вдруг Лидка дико содрогнулась, фонтаном выкинула дранные сгустки сквозь трубку, и воздух со свистом вошел к ней в горло: потом девочка задышала и стала реветь».

Своеобразная психология, а главное, знания опытного врача позволяют распознать поддающиеся лечению состояния от неизлечимых. Между тем начинающий практику врач, особенно предоставленный самому себе, переживает истинный шок, нервозность, страх ответственности за жизнь больного, с трудом отличая истинную тяжесть состояния от обилия жалоб. Известен термин «болезни третьего курса» – то есть тревога молодого человека по поводу наличия у него самых страшных болезней. Этой темы касается и Вересаев. Он описывает молодого человека, посещающего профессоров разных кафедр с четкими, по его мнению, симптомами в поисках спасения. «Вы предполагаете, что у вас *diabetes insipidus*, – резко сказал он [профессор]. – Это очень хорошо, что вы так прилежно изучаете Штрюмпеля: вы не забыли решительно ни одного симптома. Желаю вам так же хорошо ответить о диабете на экзамене».

Я привела только единичный пример необоснованных страхов, преследуя цель защитить людей от самостоятельных диагнозов и самолечения. Для постановки диагноза требуются профессиональные знания, а не рассказы соседей и родственников.

Постепенно, шаг за шагом, герой повести мудреет, учится, но не перестает сострадать, не становится равнодушным к больным.

Вересаев творчески анализирует открытия, благодаря которым многое, считавшееся фатальным, становится легко излечимым. Только невнимательное прочтение «Записок врача» позволило утверждать ее пессимистический характер и отрицание медицины: «Я верю в медицину. Насмешки над нею истекают из незнания смеющихся». И далее он отвечает на вопрос, как следует вести себя с пациентом. «Прежде всего, нужно быть с ним честным. Именно потому, что сами мы скрываем от людей истинные размеры доступного нам знания, к нам и возможно то врачебно-ироническое чувство, которое мы повсюду возбуждаем к себе... И это «что-то» есть именно окутывание туманом и возбуждение к себе преувеличенного доверия и ожиданий». И в то же время, полагает автор, в этом деле нет черного и белого, а сохраняются полутона.

Врач Вересаев задумывался над необходимостью регламентации оплаты врачебного труда. Мне кажется, что в современной коммерческой медицине это касается не совсем законных, да и чрезмерных, вроде бы законных, но непомерных оплат операций, осмотров специалистами. Еще тревожнее назначение манипуляций в зависимости от величины страховки, а не потребности больного. Подобные казусы, как стало известно, случаются во многих странах. «Не допускай, чтобы жажда наживы и славы руководила мною в практической работе: враги правды, мира и любви среди людей могут помешать нести помощь детям Твоим. Укрепи силы сердца моего так, чтобы оно могло одинаково реагировать на страдания бедного и богатого, доброго и злого, помогать одинаково другу и врагу» эта мысль приписывается средневековому врачу и мыслителю Маймонида (1135 – 1204) -цитирую по книге Келановского 1968. Вересаев в «Записках врача» полемически разбирает случаи неудачного лечения, что не сказывается на оплате. Он цитирует мольеровского Сганареля: «Я нахожу, что ремесло врача – самое выгодное из всех; делаешь ли ты свое дело хорошо или худо, тебе всегда одинаково платят». И далее:

«Вы, врачи, находитесь при больных только для того, чтобы получать ваши гонорары и делать назначения; а остальное уж дело самих больных: пусть поправляются, если могут».

Викентий Викентьевич, пройдя путь земского врача, как и его коллеги Чехов и Булгаков, анализирует состояние медицинских участков, бесправие врачей, их зависимое положение наряду с трагической обреченностью деревенских жителей.

В «Записках врача» Вересаев описывает тяжелую работу земского врача: «Ты, брат, не знаешь, что такое земская служба. Со всеми нужно ладить, от всякого зависишь. Больные приходят, когда хотят, и днем и ночью, как откажешь? Иной мужик едет лошадь подковывать, проездом завернет к тебе: нельзя ли приехать, баба помирает. Едешь за пять верст: «Где больная?» – «А она сейчас рожь ушла жать». Участок у меня в пятьдесят верст, два фельдшерских пункта в разных концах; спишь и ешь, черт знает как. И это изо дня в день, без праздников, без перерыву. Дома сынишка лежит в скарлатине, а ты поезжай... Крайне тяжелая служба...».

Вересаев с грустью констатирует распространение среди населения популярных брошюр о лечении, наличие в семьях домашней аптечки, и «раньше, чем позвать врача, на больном испробуют и касторку, и хинин, и салициловый натр, и валерианку...». «Ничего подобного не было бы возможно, если бы у людей, вместо слепой веры в простую и нехитрую медицинскую науку, было разумное понимание этой науки». Изменилось ли что-нибудь с того далекого времени? Изменились лишь произвольно применяемые, более опасные при самолечении средства – антибиотики, гормоны, снотворные и психотропные препараты. К сожалению, приходится констатировать консервативность человеческой психологии, мало подверженной изменениям при существенном прогрессе медицинской науки.

В последующие годы, давно оставив практическую медицину, Вересаев продолжает в качестве врача сотрудничать с наркомом здравоохранения Семашко, отстаивая этические и гуманные традиции отечественной медицины. Он много думал и писал о верности древним

постулатам, о врачебной тайне и пришел к заключению: «Если сохранение тайны грозит вредом обществу или окружающим больного, то врач не только может, но и должен нарушить тайну».

Его литературный дар имел философскую направленность. Он создает блестящие произведения, посвященные Льву Толстому, Федору Достоевскому, Николаю Гоголю. Пишет воспоминания.

В одну из последних встреч с Антоном Павловичем он, выслушав, еще не напечатанный рассказ «Невеста», высказывает автору некоторые сомнения по поводу ухода героини в революцию. Чехов не согласился, однако в опубликованном тексте эти моменты были устранены. Известно, что Антон Павлович предполагал отправиться врачом в армию во время русско-японской войны, но это ему не было суждено. Те же мысли и чувства владели Вересаевым, и он служил в русской армии, написав прекрасные заметки «О войне. Из воспоминаний».

Викентий Викентьевич Вересаев прочно вошел в литературу как выразитель гуманистических тенденций в развитии общества, как создатель блестящих литературно-философских и биографических произведений. Как врач он является создателем художественно-публицистических «Записок врача», интерес и полемический задор, которых со временем не угасает.

В его прекрасных воспоминаниях предстают образы знаменитых людей конца XIX и начала XX века, бывших его современниками и добрыми знакомыми. С таким же основанием он мог написать и о наших с вами современниках, многих из которых знал и любил.

Рассказ о Вересаеве был бы не полным без весьма важной страницы его жизни – дружба с Булгаковым. У этих выдающихся писателей общей оказалась не только медицина, но и литературная деятельность. Викентий Викентьевич, блестящий знаток жизни и творчества А. С. Пушкина, издал единственную в своем роде книгу о великом поэте «Пушкин в жизни». Книга без авторского текста, скомпонована в определенном порядке из высказываний, содержащихся в письмах, воспоминаниях о великом поэте,

что создает его образ без ненужного глянца. Именно прекрасное знание Вересаевым Пушкина привело Булгакова к мысли о совместном создании пьесы о поэте. Вересаев в данном содружестве был преимущественно пушкинистом, а Булгаков драматургом. На каком-то этапе у них возникли мучительные творческие разногласия, и им пришлось расстаться. Викентий Викентьевич отказался поставить свое имя как одного из авторов пьесы «Последние дни», а Булгаков отказался от полного гонорара. Булгаков составил договор, по которому гонорары следовало делить пополам от всех средств, получаемых за издание и сценические постановки. К сожалению, при жизни Булгакова гонораров не было, а договор остался. Их уважительные дружеские отношения не пострадали.

В один из трудных периодов, когда затравленный Булгаков заболел, остался без денег и «обеднел» друзьями, к нему неожиданно пришел, будучи в преклонных годах, Вересаев, оставив ошеломленному Михаилу Афанасьевичу значительную сумму денег. «Отдадите, когда сможете», – сказал старый писатель и быстро вышел из комнаты, не дав Булгакову опомниться. И в дальнейшем Булгаков не раз советовался с Вересаевым по поводу своих страхов, бессонницы и получал профессиональные рекомендации, к которым прислушивался. Кстати, деньги он, конечно, впоследствии вернул.

Будучи человеком, достаточно замкнутым, Викентий Викентьевич не оставался равнодушным к тому, что происходило вокруг, не поступался честью и достоинством.

В. В. Вересаев умер 3 июня 1945 года в Москве. Он заслужил, чтобы его читали и помнили.

Литература

Вересаев В.В. *Сочинения в четырех томах.* Москва: Огиз - Государственное издательство художественной литературы, 1945.

Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков. В кн.: *Чехов, Вересаев, Булгаков.* Киев: Здоров'я, 2005.

Вересаев В.В. *Сочинения в четырех томах.* Москва: Огиз - Государственное издательство художественной литературы, 1945.

Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков. В кн.: *Чехов, Вересаев, Булгаков.* Киев: Здоров'я, 2005.

В.В. Вересаев. Переписка с Булгаковым. *Вопросы литературы*, 1965.

Келановский Т. Цитирую по книге: *Пропедевтика медицины.* Москва, 1968.

Лихтенштейн И. Записки врача. *Долгожитель.* Приложение к газете *Новости недели*, 22 марта 2007.

Доктор Михаил Афанасьевич Булгаков

Михаил Афанасьевич Булгаков – один из самых знаменитых врачей-писателей современности.

Интерес к его творчеству со временем не только не угасает, а находит новых исследователей с неординарными подходами. Личность определяется, как известно, не профессией, а нравственными категориями. Верность Михаила Афанасьевича принципам чести, достоинства в нелегкое время гражданской войны с ее жестокостями и непрерывной сменой властей, сохраненная и при суровом сталинском режиме требовали небывалого мужества и стойкости. Это испытание он выдержал.

В первый раз я узнала о Булгакове-писателе, посмотрев в 50-х годах пьесу «Последние дни» (о А. С. Пушкине) во время гастролей МХАТ в Киеве. После этого отец повел меня на овечьянью памятью о Булгакове

знаменитый Андреевский спуск, где в прошлом в доме № 13 жила дружная семья писателя, который он в дальнейшем неоднократно и любовно описывал. С начала 60-х на стенах дома периодически появлялась написанная углем надпись: «Дом Булгакова». Ее исправно стирали, а неизвестные поклонники восстанавливали. Затем появился блестящий очерк Виктора Некрасова «Дом Турбиных» (Турбина – фамилия бабушки писателя по материнской линии), и началась историография писателя, изучение топографии пребывания в Городе его и героев «Белой гвардии».

К творчеству Булгакова обращались такие крупные исследователи, как В. Я. Лакшин, М. О. Чудакова, Л. М. Яновская, Л. Л. Фиалкова и другие.

Значительно позднее, узнала из рассказов отца (Е.И.Лихтенштейна - профессора киевского мединститута) о том, что Булгаков врач, где, когда и с кем учился. Имена его сокурсников, блестящих профессоров- врачей мне были уже известны, а их знакомство с самим «Мастером» впечатляло. В Киеве до недавнего времени были живы соученики Михаила Афанасьевича по гимназии и университету, соседи по дому, помнившие его, что создавало и создает в городе особую личностную ауру. Я, киевлянка, училась у сокурсников Булгакова, работала с некоторыми из них.

Тогда я и пошла в дом № 13 на Андреевском спуске, где как выяснилось, по-прежнему жила Наталья Кончаковская, дочь хозяев дома, у которых снимали квартиру Булгаковы. К тому времени она была пожилой женщиной, неожиданно ставшей популярной и востребованной благодаря случайному соседству. Она показала мне квартиру, знаменитую печь, описанную в «Белой гвардии» и ставшую атрибутом дома Турбиных (Булгаковых), альбомы с интересными и никому тогда не известными фотографиями семьи писателя, рассказала об их жизни в доме. Ощувив душевный трепет, я ушла...

Естественно, возник непреходящий интерес ко всему связанному с Булгаковым, особенно с врачебной работой и с тем, какое отражение это нашло в его творчестве.

Врачи, как ни странно, спустя годы после вызвавших интерес публикаций обратились к изучению медицинских

тем в произведениях Булгакова. Первая статья на эту тему была опубликована мною в 1988 году.

Булгаков происходил из интеллигентной семьи с либеральными взглядами. « Медицина витала в духе нашей семьи» - писала сестра Булгакова Н.А. Земская (Булгакова). В семье родителей писателя преобладали, казалось бы, несочетаемые профессии – священнослужители и врачи. У Афанасия Ивановича Булгакова один брат окончил медицинский факультет, а у матери три брата, из которых двое стали врачами, учеными, оставившими след в науке и сыгравшими немалую роль в жизни всей булгаковской семьи и особенно Михаила Афанасьевича. Прекрасным врачом был и не забытый киевлянами отчим Михаила Афанасьевича Иван Павлович Воскресенский (после многих лет вдовства Варвара Михайловна Булгакова вышла замуж вторично). Так что выбор специальности, возможно, определился и под влиянием семьи.

Михаил Афанасьевич поступил на медицинский факультет Киевского университета Святого Владимира в 1909 году. Учился охотно, много времени проводил в анатомическом театре (в этом здании сейчас расположен один из лучших в стране музеев истории медицины), изучая анатомию и гистологию, регулярно бывал в публичной библиотеке, готовясь к зачетам и экзаменам.

И вдруг... Булгаков влюбляется в молоденькую гимназистку из Саратова Татьяну Лаппа. Не буду останавливаться на перипетиях их встреч и разлук, на отношении родителей молодых людей к их встречам. Любовь захватила Булгакова без остатка, он забросил учебу, пришлось обращаться с прошением к ректору университета. Сохранился текст прошения от 10 сентября 1912: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство перед Господином Министром об оставлении меня еще на один год на втором курсе медицинского факультета». В качестве причины своей неуспеваемости проситель ссылался на нездоровье. Впрочем, так оно и было. Юный Булгаков очень тяжело переживал, вынужденные расставания с любимой девушкой и даже

пытался покончить жизнь самоубийством. Прощение удовлетворили.

Родители невесты, столбовые дворяне, не очень хотели породниться с так называемыми «колокольными» дворянами. Но от них уже ничего не зависело, разлучить молодых влюбленных было не под силу никому.

В марте 1913 года Булгаков венчается с Татьяной Николаевной Лаппа (дочерью действительного статского советника) в Киево-Подольской церкви Николы Доброго.

С этого времени он без помех продолжает занятия в университете, увлекается практической медициной, особенно хирургией. Кроме этого, Булгаков интересовался работой в лаборатории, где проводил много времени. А, попав в село Сычевское восторженно, описывал «микроскоп с Цейссовской оптикой».

Время учебы Булгакова в университете совпало с небывалым расцветом киевской медицинской школы. На факультете преподавали ученые с мировым именем – В.П. Образцов (1851 – 1920) и Н.Д. Стражеско (1876 – 1952), В.А. Стефанис (1865 -1917) и Ф.Г.Яновский (1860 – 1928), В.Ю.Чаговец (1873 – 1941), психиатр Крепелин и много других выдающихся профессоров. Было, кого слушать, у кого учиться – и не только медицине. Эти широко образованные специалисты воспитывали у студентов чувство долга, верность врачеванию, порядочность и, конечно, высокий профессионализм, коллегиальность, на личном примере учили общению с больными.

Среди преподавателей упомяну также известного зоолога, энтомолога А.А. Коротнева(1854 – 1915), хорошего знакомого и корреспондента А. П. Чехова, о чем Михаил Афанасьевич вспоминал при последующих сердечных встречах с Марией Павловной Чеховой, отсюда протянулась, возможно, ниточка и к доктору Чехову.

Еще, будучи студентом, в летние месяцы Булгаков практикует в госпитале в Саратове, патронируемом матерью его жены Евгенией Владимировной Лаппа. Во время этой практики и в дальнейшем по окончании с отличием университета (1916) он работает в госпиталях Киева, Черновцов, Каменец-Подольска преимущественно хирургом.

«Миша много оперировал, – вспоминает о пребывании в Каменец-Подольске Татьяна Лаппа, – и очень уставал, иногда стоял у операционного стола сутками напролет,... Но свою работу Михаил любил, относился к ней со всей ответственностью и, несмотря на усталость, стоял в операционной, сколько считал нужным». Едва получив новое назначение, Михаил Афанасьевич немедленно вызывал жену и она, преодолевая любые препятствия, приезжала. Она очень много помогала мужу, выполняя нередко обязанности медсестры на ампутациях, он ампутировал, а мне нередко приходилось держать ногу. Помню, как из-за жары и напряжения мне несколько раз становилось дурно в операционной. Но я превозмогала себя. Ведь помощь моя была нужна».

Татьяна Лаппа в течение 40 лет, выполняя данное мужу при расставании слово, не общалась с журналистами. И только настойчивые поклонники Булгакова – его биографы – своим упорством сумели «разговорить» Татьяну Николаевну. Они же рассказали ей, что незадолго до смерти Михаил Афанасьевич стремился ее разыскать. Что он хотел ей сказать, о чем вспомнить, что его тревожило?..

Разразилась первая мировая война. Многих студентов медицинского факультета выпустили досрочно, зауряд-врачами.

13 мая 1915 года Булгаков подает прошение ректору: «Будучи признан при призыве зауряд-врачом, негодным для несения походной службы, настоящим имею честь просить Ваше превосходительство выдать мне удостоверение в том, что я состою студентом 5-го курса, для представления в одно из лечебных учреждений».

Сохранился текст « Факультетского обещания» или врачебной клятвы данной молодым врачом

Получив 18 мая удостоверение, он немедленно приступает к работе в учреждении Красного Креста.

Конечно, в этом видна гражданская и врачебная позиция, к этому призывало его чувство долга. Ведь выданное освобождение от походной службы предусматривало работу вдали от полей сражений.

В середине лета 1916 года по окончании университета Булгаков был призван в армию, зачислен в резерв (так поступали с молодыми врачами, не имевшими достаточного опыта) и направлен в село Никольское Сычевского уезда Смоленской области. «Была жуткая грязь, 40 верст ехали весь день. В Никольское приехали поздно, никто, конечно, не встречал. Дом состоял из двух половин с отдельными входами: рассчитан он был на двух врачей, необходимых больнице. Но второго врача не было», – вспоминала Татьяна Лаппа.

Это были месяцы трудного постижения врачебной профессии, когда он находился один на один с больным, которому не было никакого дела до профессионального мастерства, опыта и квалификации молодого лекаря. Там, в глуши, писатель столкнулся с потрясающим невежеством, сифилисом, повальным пьянством (Ю. Г. Виленский, 2005).

Интересно, что первый упоминаемый родными рассказ Булгакова (начатый еще в Киеве в студенческие годы и, возможно, заверченный в Смоленской губернии) посвящен трагической картине алкоголизма.

В Никольском Булгаков за короткий период прошел практику, не определяемую календарными рамками. В удостоверении от 18 сентября 1917 года, выданном врачу Булгакову, приведены статистические результаты его работы – стационарно лечились 211 человек, амбулаторных посещений 15361 – поистине титанический труд, требовавший не только физических, но и душевных сил и, что греха таить, учебы на ходу и незаурядной профессиональной смелости. «Какие раны я зашивал. Какие видел гнойные плевриты и взламывал при них ребра, какие пневмонии, тифы, раки, сифилис, грыжи» («Пропавший глаз»). Приведенная цитата из цикла «Записки юного врача» практически документальна.

В творчестве писателей-врачей медицинские темы находят совершенно разное отражение. Если А. П. Чехов практически не дает развернутую картину болезни, то Булгаков, особенно в «Записках юного врача», часто буквально цитирует учебники, В. В. Вересаев в «Записках

врача» приводит публицистические данные, наряду с описанием трудного врачебного пути молодого специалиста.

В произведениях Булгакова врач, как правило, смелый, преданный делу человек, готовый, несмотря на неизбежный риск, прийти на помощь больному.

Впечатления накапливались, откладывались в памяти. Писать Булгаков начал регулярно, возвратившись в Киев, сидя в кабинете в ожидании больных, которые, к счастью для нас, приходили не часто.

Символично, что первые рассказы начинающего писателя были опубликованы в 1925–1926 годах в профессиональном медицинском органе – газете «Медицинский работник». В «Записках юного врача» звучат тревоги молодого доктора, начинающего самостоятельную работу.

Татьяна Николаевна вспоминала, что роженицу с патологическими родами привезли в первую же ночь. Сомнения и страх молодого доктора преобразились под пером писателя в блестящий рассказ «Крещение с поворотом: «Действительно, движения мои были уверенны и правильны, а беспокойство свое я постарался спрятать как можно глубже и ничем его не проявлять. Эх, Додерляйна бы сейчас почитать!» – вспоминает он учебник по акушерству. Молодой доктор представил себе стерильную операционную в акушерской клинике, опытных хирургов, помощников, ординаторов. Как это все далеко, а решаться нужно сию минуту. Как быть? «И перед глазами замелькали страницы Додерляйна. Страницы, страницы,... а на них рисунки. Таз, искривленные, сдавленные младенцы с огромными головами... свисающая ручка, на ней петля. А теперь всплывает из всего прочитанного одна фраза: «поперечное положение есть абсолютно неблагоприятное положение».

Рассказ ведется от первого лица, что придает ему еще большую достоверность. Автор без стеснения описывает свои сомнения, тревоги, вслушивается в тактичные подсказки акушерки, не забывает посмотреть учебник и, в конце концов, спасает роженицу и младенца. Написан рассказ с такой потрясающей достоверностью и драматизмом, что я с трудом отказываюсь от дальнейшего

цитирования. Булгакова следует читать и читать. «Большой опыт можно приобрести в деревне, – думал я, засыпая, – но только нужно читать, читать, побольше... читать...». Восторгаясь мастерством писателя, еще острее восхищаешься мастерством и смелостью врача Булгакова.

Работа на участке изобиловала острыми ситуациями, требующими быстрой и четкой реакции. Так, в рассказе «Стальное горло» доктору впервые в жизни предстояло сделать трахеотомию. Такие операции приходится делать и сейчас и, при кажущейся простоте, они чреваты непростыми осложнениями.

В больницу привезли девочку из заброшенной деревни в крайне запущенном состоянии, с дифтерийным крупом (дифтерийные пленки закрывают вход в дыхательное горло, и больной погибает от удушья). Мать и бабушка не дают разрешения на операцию. В докторе борется объяснимый страх перед никогда не деланной операцией и сознанием, что без нее девочка непременно погибнет. Мучительные раздумья, уговоры матери, страх. Во время операции: «Фельдшер со стуком упал, ударился, но мы не глядели на него. Я вколол нож в горло, затем серебряную трубку вложил в него. Она ловко вскользнула, но Лидка оставалась недвижимой. Воздух не вошел к ней в горло, как это нужно было. Я глубоко вздохнул и остановился: больше мне делать было нечего. Я видел, как Лидка синела. Я хотел уже все бросить и заплакать, как вдруг Лидка дико содрогнулась, фонтаном выкинула дрянные сгустки сквозь трубку, и воздух со свистом вошел к ней в горло: потом девочка задышала и стала реветь».

Из-за заражения дифтеритом во время отсасывания пленок погибает один из героев чеховской «Попрыгуньи» – доктор Дымов. Такая же операция описана в «Записках врача» Вересаева, но с печальным для больного финалом.

Существует мнение, что своими рассказами Булгаков полемизирует с «Записками врача», вызвавшими при публикации в 1902 году отрицательную реакцию врачебной общественности. «Сожгите свою книгу отчаяния, господин Вересаев». А в кабинете Чехова в Ялте эта книга с дарственной надписью автора стала настольной. Врачи

полагали, что излишнее погружение в профессиональные будни с сомнениями и неудачами негативно скажется на «чести мундира».

Булгаков предельно точен в изображении болезненных состояний, но это точность художника. Его врач каждый день идет на бой, противостоит обстоятельствам и борется с невежеством пациентов, пренебрегающих врачебными рекомендациями, или вовсе предпочитающих знахарей разных мастей.

Показателен в этом плане рассказ «Тьма египетская». Привозят больного с приступом малярии, его кладут в отделение: «Речь мельника была толкова. Кроме того, он оказался грамотным, и даже всякий жест его был пропитан уважением к науке, которую я считаю своей любимой, – к медицине». Доктор выписал порошки и велел принимать по одному в полночь. Прошло немного времени, и его вызвали к умирающему мельнику. «Вообразите, доктор! Он все десять порошков хинину съел сразу! В полночь. Кто же мог ожидать? Вы же сами черкнули – интеллигентный»... Придя в себя после промывания желудка больного, доктор услышал: «Да думаю, что валандаться с вами по одному порошокку? Сразу принял – и делу конец».

Этот рассказ завершает кредо Булгакова-врача, которому он никогда не изменял: «Ну, нет... я буду бороться. Я буду... Я... Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Но не один. А идет моя рать... Все в белых халатах, и все вперед, вперед...».

На всех этапах трудного врачебного пути Булгаков оставался верен основным постулатам практической медицины – быть ближе к больному человеку и не оставлять его в беде. «...Нес в себе одну мысль: как его спасти? И этого – спасти. И этого! Всех!» И раньше: «Остановливаясь у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было».

В Никольском Булгаков работал до осени 1917 года, а затем его перевели в Вяземскую земскую больницу, где он заведовал инфекционным и венерическим отделением. Здесь началась другая жизнь. Коллектив врачей, каждый отвечает

за свое отделение, можно созвать консилиум, не столь сильна ответственность за всех и все. «Я больше не нес на себе роковой ответственности за все, что бы ни случилось на свете... Я почувствовал себя впервые человеком, объем ответственности, которого ограничен какими-то рамками... О, величественная машина большой больницы на налаженном, точно смазанном ходу!»... «А сейчас, в первую очередь детские болезни...и в особенности эта каторжная детская рецептура». Но прошлое не уходит: «Неблагодарный! Я забыл свой боевой пост, где я один без всякой поддержки боролся с болезнями, своими силами, подобно герою Фенимора Купера выбираясь из самых диковинных положений». Но он не забыл ничего: «А все-таки хорошо, что я пробыл на участке... Я стал отважным человеком... Я не боюсь ничего». В этой фразе ощущается все та же верность и уважение к профессии и к врачам «на боевом посту».

Нельзя не вспомнить рассказ «Звездная сыпь», где врач «на боевом посту» не только лечит вновь приходящих больных сифилисом, но и разыскивает по журналу посещений прежних, пытаясь избавить от беды тех, кто мог заразиться. Труд титанический. Перед самым отъездом из Никольского в больницу привезли ребенка с осложненным течением дифтерита. Булгаков, как это делали в то время доктора, отсосал пленки из горла больного. Ему показалось, что он заразился и для профилактики ввел себе противодифтерийную сыворотку. Началась мучительная сывороточная болезнь с тяжелым зудом, болями. Для успокоения зуда и болей ввели морфий, на следующий день еще раз – для закрепления результата.

С этого момента наступил трудный период в жизни писателя. Как врач он понимал пагубность и опасность привыкания к наркотикам, но как человек плохо с этим справлялся. Очевидно, мысли писателя отражены в рассказе «Морфий». «Я собирался ложиться спать, как вдруг у меня сделались в области желудка боли. Но какие! Холодный пот выступил у меня на лбу». Впрыснули морфий. «Боли шли полной волной, не давая никаких пауз, так что я положительно задыхался, словно раскаленный лом воткнули

в живот и вращали. Боли прекратились через семь минут после укола». В дальнейшем в рассказе «Морфий» дана развернутая, предельно четкая картина ощущений после инъекций морфина и довольно быстро развивающегося привыкания. Герой рассказа доктор Поляков, понимая тяжесть своего состояния, не расстается с иллюзиями, что все пройдет и не находит сил расстаться со страшным зельем.

К счастью, Михаилу Афанасьевичу с помощью его жены Татьяны Николаевны, отчима Ивана Павловича, которому отчаявшаяся Татьяна все рассказала, и, конечно, благодаря собственной силе воли, интеллекту удалось избавиться от пагубной привычки.

Из специальной литературы известно, что в развитии морфинизма различают несколько стадий: знакомство, привыкание, зависимость, начальная стадия зависимости и дистрофическая, когда все усилия тщетны, помочь уже нельзя. Замечено, однако, что люди, действительно желающие излечиться, обладающие силой воли, властным интересом к чему-то, интеллектом, добиваются успеха на ранних этапах и вырываются из наркотического плена.

У доктора Полякова («Морфий») привычка к наркотикам развилась стремительно на фоне душевной драмы, и у него не было стимула к сопротивлению. Рассказ написан безукоризненно с точки зрения врача. Автор фиксирует возникающее на определенном этапе чувство эйфории, свободы, парения, ухода от действительности, что и объясняет пристрастие к наркотикам. О том, что неизбежно происходит в дальнейшем, не все знают и не все над этим задумываются. Константин Симонов писал в предисловии к «Морфию»: «Это рассказ о том, как неотвратимо гибнет человек, в силу ряда обстоятельств постепенно и поначалу незаметно для себя втянувшийся в употребление наркотиков... Булгаков написал этот рассказ, как врач, с великолепным знанием дела, как врач, беспощадно ставящий диагноз причин и последствий».

Время шло. Булгаковы по настоянию Татьяны Николаевны вернулись в Киев, она искала для мужа

исцеления от наркозависимости среди родных. И оказалась права.

С февраля 1918 года Михаил Афанасьевич практиковал в кабинете дома на Андреевском спуске, где принимал больных венерическими заболеваниями. Как и прежде, ему очень помогала жена.

Булгакову когда-то нагадали трех жен – первую от Бога, вторую от людей, третью от дьявола. Правда, что он действительно был трижды женат...

Последний раз Михаила Афанасьевича мобилизовали в качестве врача в армию Деникина. Его послали в конце сентября 1919 года на Северный Кавказ, он бывал в ныне печально известном Беслане, но в основном во Владикавказе. Год, проведенный на Кавказе, явился поворотным. Возможно, если бы не тяжелый тиф, судьба могла измениться кардинально, он думал об эмиграции.

Но случилось совсем иное: он познакомился с писателем Слезкиным и другими, увлекся театром, драматургией и отошел от медицины. П. С. Попов, биограф писателя, впоследствии записал со слов Михаила Афанасьевича: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе».

Итак, собственно врачебной деятельностью Булгаков занимался около четырех непростых лет, работал на самостоятельном врачебном участке, в госпиталях, был оперирующим хирургом, инфекционистом, венерологом. Но главное, он встречался с людьми разного возраста, профессий и социальных слоев, благодаря чему приобрел большой опыт и знание жизни, необходимые писателю. «В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям. Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе была причиной этого. Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей выливающимися в произведениях, трудно печататься и жить» (26.X.1923 г.). «...В литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не

вернусь... Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним – писателем» (6.XI.1923 г.).

Печатание рассказов в газете «Медицинский работник» явилось последним знаковым, официальным прикосновением Булгакова к медицине. Правда, нелишне упомянуть, что военкомат практически до смерти писателя продолжал присылать ему стандартные повестки, как посылали врачам. В этом ведомстве он продолжал числиться согласно диплому.

Отныне он профессиональный писатель, много и прекрасно пишет, несколько лет его печатают и... полностью замалчивают в последнее трагическое десятилетие.

Писатель и пациент

Писатель Булгаков оставался медиком по своему мироощущению и, главное, имел четкое представление о том, каким должен быть врач.

По образному выражению литературоведа – киевлянина Мирона Петровского, Булгаков макал свои кисти в медицину, что бы ни предстояло ему изобразить. Он в высшей степени ответственно продолжал относиться к лечебной деятельности и, оставив практическую работу. Михаил Афанасьевич справедливо полагал, что врачу необходимы не только профессиональные знания, но и умение достойно себя держать. Его волновало применение новых лекарств: «Было бы очень хорошо, если б врач имел возможность на себе проверить многие лекарства. Совсем иное у него было бы понимание их действия». («Морфий»).

Это особенно актуально в наше время, когда стало обыденным за деньги, естественно, проверять на больных действие лечебных препаратов различных фармакологических фирм и составлять заключение, необходимое для их промышленного производства при не всегда достаточно скрупулезных исследованиях. Не думаю, что подобное показалось бы возможным Булгакову, да и не только ему.

В свете гуманистической направленности Михаила Афанасьевича очень показателен трагический эпизод из рассказа «В ночь на 3-е число». «Первое убийство в своей жизни доктор Бакалейников увидел секунда в секунду на переломе ночи со 2-го на 3-е число. В полночь у входа на проклятый мост». Петлюровцы избивали человека только за то, что он еврей. «– А-а, жидовская морда! – иступленно кричал пан куренный. – К штабелю его на расстрел... Но окровавленный не отвечал. Пан куренный не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову... Еще отчетливо Бакалейников видел, как крючковато согнулись пальцы и загребли снег. Потом в темной луже несколько раз дернул нижней челюстью лежащий, как будто давился, и разом стих». И далее: доктор увидел в небе чудо: «Звезда Венера над Слободкой вдруг разорвалась в застывшей выси огненной змеей, брызнула огнем и оглушительно ударила. Черная даль, долго терпевшая злодейство, пришла, наконец, на помощь обессиленному и жалкому в бессилье человеку. Вслед за звездой даль подала страшный звук, ударила громом тяжело и длинно». Картина жестокого и бессмысленного убийства настолько потрясла Михаила Афанасьевича, что по разным поводам он к ней неоднократно возвращался.

Врач должен спасать и быть достойным высокого звания целителя. И потому иронически, даже гневно Булгаков относился к врачам, унижающим свою профессию. «Будь блестящ в своих исследованиях», – писал Михаил Афанасьевич своему брату-врачу. Николай Булгаков после долгих странствий оказался в Париже, стал профессором, одним из ученых, открывших бактериофаг.

О том, что Михаил Афанасьевич и в дальнейшем умел лечить и делал это с удовольствием, вспоминает его друг, сценарист С. А. Ермолинский. «Как и прежде, когда я заболел, он спешил ко мне: любил лечить... У него вид был строгий, озабоченный, в руках чемоданчик, из которого он извлекал спиртовку, градусник, банки. Затем усаживал меня, поворачивал спиной, выстукивал согнутым пальцем, заставлял раскрыть рот и сказать «а», ставил градусник, протерев его спиртом...». Я привела этот отрывок из

воспоминаний для того, чтобы напомнить, как смотрели больных старые врачи и как следует это делать и сейчас, несмотря на чудеса техники. Ермолинский вспоминает, что Михаил Афанасьевич любил «захаживать» в аптеки, вдумчиво подбирая лекарства, складывал их аккуратно.

Такое же отношение к фармакологии, выписке лекарств отмечали и у Чехова. Возможно, это какой-то врачебный феномен, сохраняющийся во времени.

Органическая, сущностная связь с медициной не оставляла писателя. Профессионально воссозданные картины болезни встречаются в большинстве произведений Михаила Афанасьевича.

Заболел Алексей Турбин («Белая гвардия»). «Что-то в груди у Турбина заложило, как камнем, и дышал он с присвистом, через оскаленные зубы, притягивая липкую, не влезающую в грудь струю воздуха. Давно уже не было у него сознания, и он не видел и не понимал того, что происходит вокруг него. Елена постояла, посмотрела. Профессор тронул ее за руку и шепнул:

– Вы идите, Елена Васильевна, мы сами все будем делать... Но профессор ничего не стал больше делать... Безнадежен...». Несмотря на такое заключение, профессор оставил врача у постели больного и велел вводить камфару – бороться. «Доктор Алексей Турбин, восковой, как ломанная, мятая в потных руках свеча, выбросив из-под одеяла костистые руки с нестриженными ногтями, лежал, задрал вверх острый подбородок. Тело его оплывало липким потом, а высохшая скользкая грудь вздымалась в прорезях рубахи. Он... расцепил пожелтевшие зубы, приоткрыл глаза. В них еще колыхалась рваная завеса тумана и бреда, но уже в ключьях черного глянул свет. Очень слабым голосом, сильным и тонким, он сказал: «- Кризис, Бродович. Что... выживу? Мелкие капельки пота выступили у врача на лбу. Он был взволнован и потрясен». В этом до предела сокращенном отрывке все же прослеживается, наряду с профессиональным описанием тяжелого физического состояния больного, позиция врача, продолжающего делать возможное и без большой надежды.

Отражение различных медицинских проблем в последующих произведениях Булгакова происходило, пожалуй, по разным направлениям: описание нервно-психических недугов («Бег», «Мастер и Маргарита», «Жизнь господина де Мольера») и отражение новых открытий, идей, которые в произведениях нередко носили гротескный характер.

В середине 20-х годов выходит блистательная повесть «Роковые яйца», а в марте 1925 года написано «Собачье сердце». Эти повести имеют вполне конкретные основы. Я не касаюсь социальных и политических аспектов этих произведений, а только их медицинской тематики.

Историкам медицины и биологии известно, что в эти годы появилось много научных гипотез, связанных с пересадкой органов, способами омоложения, изменением пола, применением разного рода лучей. Распространение этих идей даже мифологизировалось и в период ожидаемого вторжения петлюровцев в Киев: говорили о таинственных «фиолетовых лучах», предвещающих появление воинских частей. Так, например, опыты с «красным лучом», которыми пользовался профессор Персиков для ускорения эмбриогенеза голых гадов, отражает в определенной мере открытия А. Г. Гурвича в регуляции протоплазмы (клеточная субстанция) и работы Г. А. Надсона по радиационной генетике. В числе прототипов профессора Персикова называют разных профессоров, знакомых Булгакова – И. И. Косоногова, А. А. Коротнева, А. Н. Северцева. Все они занимались биологией на острие проблемы. Из этого можно сделать два основных вывода: Булгаков следил за специальной литературой и как писатель трансформировал естественнонаучные открытия в блестящие художественные образы и не воспроизводил одного конкретного человека (С. П. Ноженко, Г. Е. Аронов, 1995).

Что касается „Собачьего сердца“, то опыты по омоложению и пересадке половых желез, как и важная роль гипофиза в физиологии человека, изучались русским ученым С. А. Вороновым. Его работы публиковались в 1923–1924 годах в Харькове и Ленинграде. Кстати, дядя писателя профессор Н. М. Покровский с 1912 года пересаживал

яичники, в 1914-м – щитовидную железу, а в 1915-м сделал пересадку сустава. Вот как это звучит под пером Мастера (цитирую «Собачье сердце», дневник Борменталья): «Вид его странен. Шерсть осталась только на голове, на подбородке и на груди. В остальном он лыс, с дряблой кожей. В области половых органов – формирующийся мужчина. Череп увеличился значительно, лоб скошен и низок». Увидев, что из всего этого получилось, профессор Преображенский пишет: «Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же мадам Ломоносова этого своего знаменитого... Мое открытие стоит ровно ломаный грош». В этом отрывке, возможно, слышен голос автора или прототипа профессора Преображенского – дяди Булгакова профессора Покровского. «Собачье сердце» по сей день служит предметом пристального внимания ученых биологов и литераторов, что объясняется неординарностью поднятых вопросов. (Oransky I. Disarming life's invisible enemies: Mikhail Bulgakov's A country Doctor's Notebook. Lancet 1999; 353: 2059-2060).

Известно, что Михаил Афанасьевич, как и Чехов, серьезно интересовался психиатрией. «Почитать надо бы психиатрию...» – писал он в рассказе «Морфий». Стоит вслушаться в описание состояния генерала Хлудова («Бег») – прототип – генерал Слащев, чьи воспоминания, по свидетельству второй жены Булгакова Л. Е. Белозерской, он читал. «На высоком табурете сидит Роман Валерианович Хлудов... Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит на них же сам же и отвечать. Когда хочет изобразить улыбку – скалится. Он возбуждает страх. Он болен». И дальше звучат отрывистые фразы больного человека: «Час жду офицера... В чем дело? В чем дело? Меня не любят...» И муки совести: „Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше превосходительство?» Блестящее описание галлюцинаций: «Если ты стал моим спутником, солдат, ты говори со мной. Твое молчание давит меня... Или оставь меня!.. Ты знай, что я человек большой воли – и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают».

Здесь совершенно очевидно реактивное состояние человека, пережившего громадный душевный стресс, мечущегося в окружающем его тревожном мире. К этой теме Булгаков неоднократно возвращается.

«После измены Расина Мольер вновь заболел, и его все чаще стал навещать его постоянный врач Мовилэн. Но и Мовилэну было трудно с точностью определить болезнь директора Пале-Рояля. Вернее всего было бы сказать, что тот весь был болен. И несомненно, что, помимо физических страданий, его терзала душевная болезнь, выражающаяся в стойких приступах мрачного настроения духа» («Жизнь господина де Мольера»). «Мольеровскому доктору, – пишет Булгаков, – следовало бы хорошенько изучить это произведение («Мизантроп» – И. Л.): в нем, несомненно, отразилось душевное настроение его пациента». Вспомним, что герой пьесы – протестующий против людской лжи одинокий человек.

Мольер часто имел дело с врачами, страдая туберкулезом легких. Очевидно, опыт общения не всегда оказывался удачным. Он неоднократно критиковал врачей за стремление к беззастенчивому обогащению за счет больных, за обман больных, за невежество. Особо резко Мольер высмеивал врачей в комедии «Лекарь поневоле». Мольер очень интересовал Булгакова и этой гранью творчества, отражением вдумчивого взгляда великого драматурга на врачевание.

Эти и другие мотивы отражены в романе «Мастер и Маргарита». В первую очередь там дано блестящее описание мигрени. Как говорят доктора, наряду с синдромом Агасфера (психопатические личности, мечущиеся от больницы к больнице для удовлетворения своих желаний), следовало бы, основываясь на описании Булгаковым мигрени у Понтия Пилата, выделить синдром Пилата. «О боги, боги, за что вы наказываете меня?.. Да, нет сомнений, это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь... гемикрания, при которой болит полголовы... от нее нет средств, нет никакого спасения... попробую не двигать головой». Привели арестованного. «Прокуратор был как каменный, потому что

боялся качнуть пылающей адской болью головой». (V. Zayas, F.Mainardi and others, 2007)

Мигрень – заболевание, которое и в наше время приносит немало хлопот. Это не просто жгучая боль, в основе ее нарушения сосудодвигательной функции мозга. Начинается мигрень часто с предвестников, ауры, разной по характеру у разных пациентов. Булгаков хорошо знал мигрень не только по учебнику, но и по личному опыту.

Описанная в романе «Мастер и Маргарита» психиатрическая больница, несмотря на то, что ее считают образцовой, названа «Домом скорби».

Очень интересно рассказывает Мастер Ивану Бездомному («Мастер и Маргарита») о своем состоянии: «Статьи, заметьте, не прекращались. Над первыми из них я смеялся... Второй стадией была стадия удивления... Мне все казалось, – я не мог от этого отделаться, – что авторы статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим. А затем... наступила третья стадия – страха. Нет, не страха этих статей, поймите, а страха перед другими, совершенно не относящимися к ним или к роману вещами. Так, например, я стал бояться темноты. Словом, наступила стадия психического заболевания».

Существует немало исследований, в которых подчеркивается описание в романе «Мастер и Маргарита» клинической картины шизофрении. Ученик прекрасного психиатра профессора Креппелина, Булгаков прекрасно был знаком с изменчивой картиной этого переменного страдания. Некоторые авторы обсуждали психическое состояние автора романа. (Zina Gimpelevich,1995 – 1996,p.65 – 77)

В этом пассаже много автобиографических признаний. Михаил Афанасьевич подвергался организованной травле. О его творчестве не был напечатан ни один положительный отзыв. Он аккуратно складывал все рецензии, перестав их читать. Потом наступила стадия полного забвения: его не печатали, пьесы сняли с репертуара. И на этом тяжелом фоне у писателя возникла боязнь улицы, он сам не переходил через дорогу, плохо спал. Кроме того, в обществе нагнеталась обстановка страха,

исчезали люди, знакомые и друзья. О своем состоянии Булгаков откровенно пишет доброму другу, доктору Викентию Викентьевичу Вересаеву, который неизменно приходил на помощь. Их отношения представляют исключительный пример чести и достоинства. (Подробное в разделе о Вересаеве). Но все же Булгаков находит в себе силы и, прислушиваясь к Вересаеву, к душевной потребности, продолжает писать... в стол.

По свидетельству племянницы Н.А.Земской Михаил Афанасьевич продолжал лечить родных, читал понемногу специальную литературу, анализировал врачебные назначения коллег.

Интересны его рассуждения о сне. « В чем механизм сна?...Читал в физиологии...но история темная...не понимаю...что значит сон...как засыпают мозговые клетки?...Не понимаю, говорю по секрету. Да почему – то уверен, что и сам составитель физиологии тоже не очень твердо уверен...Одна теория стоит другой». С тех пор прошло более 50 лет. Теории исправно сменяют одна другую. Трудно утверждать, что сказано последнее слово.

Михаилу Афанасьевичу предстояло еще одно, самое тяжелое испытание. В 1939 году по работе он с женой Еленой Сергеевной Шиловской (в девичестве Нюренберг) поехал в Ленинград. Булгаков находился в состоянии крайнего нервного истощения, вызванного в значительной мере запретом поездки для сбора материала для пьесы «Батум» (о молодом Сталине).В апреле 1937 года в дневнике Елены Сергеевны появляется запись:» М.А. смотрит на свое положение безнадежно, что его задавили, что его хотят заставить писать такую, как он не будет писать». Летом 1938 года Булгаков начал работать над пьесой «Батум». Писал с трудом, мучительно подыскивая слова: « художник зависит от языка, на котором он пишет, слова имеют свою совесть, и гнуть их как угодно, опасно, а то и губительно для писателя». (А.Смелянский, Москва,2002).11 июля Михаил Афанасьевич читает пьесы в Комитете по делам искусств в присутствии артистов МХАТ. Хвалили, но практически не обсуждали. 14 августа писатель с женой поехали в Батум для сбора дополнительного материала. Но в

дороге получили молнию: «Надобность в поездке отпала возвращайтесь в Москву». Сталин пьесу запретил. Вернулись в Москву. Булгаков ходил по квартире и говорил: «покойником пахнет, может быть, это покойная пьеса?»

В состоянии отчаяния и тоски, пытаюсь успокоиться в другой обстановке поехали в Ленинград. В этом городе он внезапно тяжело заболел – головные боли, слабость, мушки перед глазами, высокие цифры артериального давления, изменения в анализе мочи. Вернулись в Москву. Диагноз: высокая остроразвивающаяся гипертония, склероз почек (из воспоминаний Ермолинского), в современной терминологии – нефросклероз.

Склероз почек – заболевание, имеющее наследственный характер (от него же умер отец писателя), очень трудно поддающееся лечению и в наши дни. С этого времени Булгаков не переставал болеть, несмотря на периодические ремиссии в начальном периоде. Приведу еще цитату из тех же воспоминаний: «Последовательно [Михаил Афанасьевич] рассказал мне все, что с ним будет происходить в течение полугода – как будет развиваться болезнь. Он называл недели, месяцы и даже числа, определяя все этапы болезни. Я не верил ему, но дальше все шло как по расписанию, им самим начертанному... Чего-то я хотел тебе сказать... Понимаешь... Как всякому смертному, мне кажется, что смерти нет. Ее просто невозможно вообразить. А она есть». 28 декабря 1939 года другу юности А.Гдешинскому пишет: «Если откровенно и по секрету ,сосет меня мысль, что вернулся я умирать. Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло. Как известно, есть один приличный вид смерти – от огнестрельного оружия, но такого у меня, к сожалению, не имеется. Отвсего сердца желаю тебе здоровья – видеть солнце, слышать море, слушать музыку». Когда-то давно Михаил Афанасьевич говорил Ермолинскому: «Имей в виду, самая подлая болезнь – почки. Она подкрадывается, как вор. Исподтишка, не подавая никаких болевых сигналов. Поэтому... Я бы заменил паспорта анализом мочи, лишь на основании коего и ставил бы штамп о прописке».

Боле́л Булгаков мучительно, что, бесспорно, осложнялось отсутствием иллюзий. Горький писал, что врачу болеть тяжелее, так как он больше знает. Вскоре ухудшилось зрение из-за кровоизлияний в сетчатку. «Это были дни молчаливого и ничем не снимаемого страдания». Больным он был терпеливым, старался успокаивать близких и все отпущенное ему время посвящал работе над романом. Лишившись зрения, диктовал Елене Сергеевне, прослушивал записанное, вносил правки. Последний месяц он очень страдал от сильных болей, был углублен в свои мысли, смотрел на окружающих отчужденно. И все же он находил силы шутить, несмотря на физические страдания и болезненное душевное состояние. Пока было возможно работа не прекращалась. Мечтой писателя было закончить роман о Мастере. Умиравшему мужу Елена Сергеевна обещала его опубликовать – и сдержала слово

Состояние ухудшается. За неделю до смерти появляется запись: « У него появляются периоды помутнения рассудка, он вдруг начинает говорить что –то странное, потом опять приходит в себя.». 8 марта Бокшанская записывает:»...Мака(домашнее имя Булгакова) уже сутки как не говорит совсем, только вскрикивает порой, как они думают, от боли....За все время он произнес раз какую –то фразу, не очень осмысленную,потом, часов через десять, повторил ее, вероятно, в мозгу продолжается какая – то работа». В тетради дежурной медсестры записана фраза:» Донский хот».

.Лечили его прекрасные врачи, в числе которых был и дядя писателя, профессор Н.М. Покровский, консультировал профессор М.С. Вовси – будущий «врач-отравитель» из сфабрикованного Сталиным «дела врачей». Легко себе представить, насколько мучительно лечить любимого человека. Не зря в медицине существует негласное правило – не лечить своих. Но нет правил без исключений.

Незадолго до смерти Елена Сергеевна Булгакова записала с его слов: «Медицина, история ее? Заблуждения ее? История ее ошибок».

Нам не дано узнать, о чем тогда думал писатель, что хотел выразить. Ясно одно: медицина оставалась в сфере его интересов до конца жизни.

Михаил Афанасьевич скончался 49 лет от роду, 10 марта 1940 года, в 16 часов 39 минут. Ермолинский вспоминает о звонке из секретариата Сталина: правда ли, что умер товарищ Булгаков? Услышав ответ, тихо положили трубку. Косвенным подтверждением этого служит дальнейшее: возможность захоронения на Новодевичьем кладбище недалеко от могил Гоголя и Чехова... Отношение Сталина к Булгакову не лишено мистического оттенка.

Прошло еще много лет, пока его начали издавать на родине (за рубежом печатали и при жизни), пришла заслуженная слава. Забылись гнусные заказные рецензии, честь поставить его пьесы оспаривают лучшие театры мира, снимаются фильмы по его романам. Регулярно проводятся Булгаковские чтения, издана Булгаковская энциклопедия. Почему так поздно?

В заключение – несколько строк из стихотворения Анны Ахматовой «Памяти Михаила Булгакова».

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
1940

Памятник М.А. Булгакову в Киеве
Скульптор Н. Рапай, 2008

Литература

Булгаков Михаил. Записки юного врача. Київ: Либідь, 1995.

Булгаков Михаил. Белая гвардия, Киев – Город. Киев, 1995.

Булгаков Михаил. Избранное. Москва: Художественная литература, 1980.

Булгакова Е.С. Дневник Елены Булгаковой. Публикация В. Лосева и Л. Яновской. Москва, 1990.

Вересаев В.В. Записки врача. Собрание сочинений в 4 томах, т.1 Огиз, 1948.

Вересаев В.В. Воспоминания. Москва: Правда, 1982.

Виленский Ю.Г. Доктор Булгаков. Киев: Здоров'я, 2005.

Ермолинский С. Из записей разных лет. Воспоминания о Михаиле Булгакове. Советский писатель, 1988.

Земская Е.А. «Медицина была в воздухе нашей семьи». Київ: Либідь, 1995.

Киссельгоф Т.Н. Страницы молодости (публикация Кончаковского А.П.) там же.

Лихтенштейн И.Е. Медицинские темы в творчестве М.А.Булгакова. Клиническая медицина. Москва, 1988.

Лихтенштейн И. М.А.Булгаков: писатель, врач, пациент. Долгожитель. Приложение к газете Новости недели, 26 октября и 23 ноября 2006.

Лакшин В.Я. Судьба Булгакова: легенда и быль. Воспоминания о Михаиле Булгакове. Москва: Советский писатель, 1988.

Ноженко С.П. Материалы к биографии доктора Булгакова. В кн.: Булгаков Михаил. Записки юного врача. Київ: Либідь, 1995.

Ноженко С.П., Аронов Г.Е., Вдовина Л.В. комментарии в кн.: Записки молодого врача, там же.

Смелянский Анатолий Уходящая натура Москва, 2002, 196 - 253

Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова.
Москва: Книга, 1988.

Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова.

Москва: Советский писатель, 1983.

Gimpelevich Lina The Master and Margarita Germano –
Slavica 1X ,1-2 1995 – 96, 65 - 67

Oransky I. Disarming life's invisible enemies: Mikhail
Bulgakov's A country Doctor's Notebook. Lancet 1999; 353:
2059-2060).

Zayas V. Mainardi F and other Sympathy for Pontius
Pilate Hemicrania in M.A. Bulgakov's The Master and Margarita
Cephalgia 2007,27, 63 – 67 London ISSW 03333 - 1024

О чем думают врачи, о чем пишут писатели Сомерсет Моэм (1874-.1965)

Вряд ли кого – то удивит утверждение о глубинном родстве профессий врача и писателя. Одного и другого объединяет потребность разобраться в психологии человека, его раздумьях, мотивах поступков, жалобах на плохое самочувствие или плохое настроение. Впрочем, нередко одно вытекает из другого.

Давно замечено, что врачи нередко меняют «скальпель» на «перо», притом, что и то, и другое заточено.

А причина, пожалуй, в том, что специалисты обеих профессий, по специфике работы, встречаются или должны, по крайней мере, встречаться с разными людьми в разных обстоятельствах и ситуациях.

Не останавливаясь на очевидных различиях профессий – действия и созерцания, привлекает сходство – попытка проникновения во внутренний мир с целью

разумения и оказания реальной, в одном случае немедленной помощи и типологического определения всего сущего на земле в другом. Поэтому, очевидно, на протяжении истории прослеживается родство столь на первый взгляд непохожих профессий. И не потому ли одни и те же люди выступают в обеих ипостасях?

Традиция объединения литературы и медицины восходит к античности. Символ этого «странного брака» — Аполлон, бог поэзии и медицины, но долгие годы об этом никто не вспоминал. (McLellan/Jones 1996) И только с 70 - 80 годов прошлого века вновь задумались о необходимости и плодотворности подобного союза.

Характерно, что медицинское образование отличается цепкостью, и не покидает ни при каких обстоятельствах обладателя.

Мозм всего несколько лет занимался практической медициной, но след профессии прослеживается в творчестве. Мало того, именно Мозму удалось не только подметить глубинные особенности врачевания, но и выразить их. Молодой лекарь понимал и многократно подчеркивал ценность врачебного опыта для писательства. «В больнице я видел, как люди умирают, и мои растревоженные чувства подтверждали то, чему учили меня книги». Врача формирует особое видение жизни и отношение к людям. Известность, богатство, положение в обществе – все это не имеет значения, когда человек оказывается на больничной койке. Здесь он – прежде всего страдалец с испугом в глазах; его судьба зависит не от светских связей, изящества манер, благородного происхождения, а от вульгарных физиологических процессов, фиксируемых диагнозом, рецептами, анализом. Здесь жизнь и смерть, здоровье и увечье, стойкость и отчаяние – не абстракции, но конкретные силы, противоборство которых решает – будет жить или погибнет. А врачу некогда размышлять об их метафизической сущности, потому что только он один определяет результат борьбы этих взаимоисключающих начал.

Врачебная практика заставляет задуматься медика. Одни становятся циниками, бездушными автоматами и тогда

им лучше сменить профессию. Прославленный врач, профессор С.П. Боткин оставил практическую работу, ощутив душевную усталость. Не все способны выдерживать психологический прессинг. Другие - задумываются над «вечными» вопросами человеческого существования. Отчего цветущий человек на всю жизнь становится калекой, как возможна гибель новорожденного?... Где вообще корень страданий и зла в нашем лучшем из миров? Подобные вопросы беспокоили Моэма, он пытался найти ответы, в частности у философов. На этом пути было немало неожиданностей, вернее нелепостей. «Любопытно, – пишет Моэм, – что философы, рассуждая о зле, так часто берут в качестве примера зубную боль... Так и кажется, будто никаких других страданий они в своей обеспеченной кабинетной жизни не испытали, и даже напрашивается вывод, что с дальнейшим развитием американской одонтологии всю проблему зла можно считать решенной».

В книге «Вглядываясь в прошлое» Моэм на склоне лет писал: «Работа врачом научила меня всему, что я знаю о человеке. Именно в больнице Святого Фомы я понял, — и это самый главный урок в моей жизни, — что боль и страдание не облагораживают человеческий дух... Боль и страдание порождают мелочность, обидчивость, эгоизм, жестокость. Облагораживает только счастье».

Писатель прожил длинную, неординарную жизнь при внешней статичности. «Я прожил разнообразную, временами очень интересную жизнь, но приключениями она была не богата» - писал Моэм в книге «Подводя итоги».

По рождению Сомерсет принадлежал к благополучной английской семье, по воле случая оказавшейся во Франции. Отец работал юрисконсультom в посольстве Великобритании в Париже и был совладельцем адвокатской фирмы. Здесь же родился Уильям Сомерсет, первым языком мальчика был французский. Жизнь не предвещала осложнений и казалась благополучной.

Но...в восьмилетнем возрасте мальчик лишился красавицы матери, умершей от туберкулеза, а через два года от злокачественного новообразования скончался отец. Мальчик осиротел. Брат отца, священник, живший в Англии,

стал опекуном. Моэм попал в новую среду, столкнулся с совершенно другим образом жизни и характером отношений. Исчезла навсегда доверительная близость между членами семьи. Практически с первого дня подростка угнетала царящая в новом доме подчеркнутая религиозность, следование непонятным мальчику строгим положениям и догмам. Привыкание шло крайне болезненно, полноценную семью подросток так и не обрел. Следующим испытанием явилась учеба в Кентербери: сложные отношения с соучениками, обиды, явные и затаенные конфликты. Мальчик хромал, что также служило источником страданий. В романе «Время страстей человеческих» Моэм описывает встречу героя романа молодого врача Филиппа Кери с подростком хромым от рождения. «К своей хромой ноге он относился с большим интересом.- Понимаете, все дело в том, как эта штука выглядит со стороны, - сказал он Филиппу.- Мне-то лично от нее никаких неприятностей нет». И далее: «Он (Филипп И.Л.) не мог понять, почему же мальчик не испытывает того унижения, которое вечно преследует его самого. Почему он, Филипп, не может относиться к своему уродству с таким философским спокойствием»? В размышлениях заключено важное положение об особенностях реакции на волнующие моменты, о роли нервной системы в восприятии многого из происходящего с заболевшим человеком, что влияет зачастую на исход. И об этом должен помнить врач, общаясь с пациентом. «Он (Филипп И.Л.) не то, что чувствовал жалость к их страданиям, но проявлял заботу и симпатию к людям, не напускал на себя важности, и потому его любили больше, чем других практикантов. Он был вежлив с больными, умел их ободрить, держался с ними по – приятельски». Моэм отличался впечатлительностью, остро реагировал на недоброе слово, насмешки и многое другое. Следствием сиротства, тяжелого привыкания в новом доме, учебой в Кентербери явилось сильное заикание, что еще больше угнетало Сомерсета. Однажды на вокзале из – за сильного заикания кассир не поняла просьбу Уильяма Сомерсета, и он вынужден был повторить: «Никогда не забуду то унижение, которое я тогда испытал— вспоминал писатель — Вся

очередь молча поедала меня глазами». Моэм больше всего боялся выглядеть смешным, нелепым. Внешне казался бесстрастным, тогда как в действительности чувствовал себя неуверенно, робел, особенно в школе. «Сдержанность его происходила то ли от робости, то ли от многолетнего самообуздания». По-видимому, Моэм говорит о себе, когда описывает бактериолога Уолтера Фейна, героя романа «Узорный покров». «Все, что случалось со мною в жизни, я так или иначе использовал в своих произведениях».

Сомерсета отправили на лечение в Германию. Через короткое время юноша стал посещать лекции в Гейдельбергском университете и понемногу писать, никому не показывая и не делясь новыми занятиями. Моэм был человеком чрезвычайно закрытым и никого не допускал в свой внутренний мир. Поэтому нередко воспринимался циничным, бесчувственным, что не соответствовало правде, скрытой за броней застенчивости и не прошедших детских тревог.

По совету деда юноша поступил в медицинскую школу при больнице Святого Фомы в Лондоне. Хотел ли он стать врачом? Скорее, согласился с доводами родственников о необходимости заработка, что позволит обрести независимость. Последнее было очень важно для гордого, свободолюбивого юноши.

Пять лет учебы в медицинской школе не только не прошли бесследно, но оказали безусловное влияние на мировоззрение молодого доктора и начинающего писателя. «Первые два курса показались мне скучными, и я уделял занятиям ровно столько внимания, сколько требовалось, чтобы кое –как сдать экзамены... На третьем году обучения, теоретические дисциплины сменились клиническими, начались встречи с пациентами, расспросы и обследования, что вызвало у Сомерсета неподдельный интерес к занятиям и дальнейшее обучение шло успешно. «Но на третьем курсе началась работа в амбулатории, и это меня заинтересовало. А потом я стал куратором в стационаре, и тут интерес мой возрос настолько, что, когда я однажды на вскрытии...схватил септический тонзиллит и слег, я буквально не мог дождаться дня, когда смогу

вернуться к работе». Известно, что некоторые преподаватели искренне сожалели о молодом враче Моэме, забросившем медицину, считая, что он легко преуспел бы как на практической, так и научной работе.

Программа курса подготовки молодых врачей к самостоятельной работе была обширной и сложной. Оканчивающий курс студент поселялся неподалеку от больницы, чтобы по первому зову немедленно прибыть в отделение. Для получения врачебного диплома, например, следовало принять самостоятельно 20 родов. При этом только первые роды студент принимал в присутствии дипломированного специалиста, а с последующими проблемами следовало справляться самостоятельно, обращаясь за помощью лишь в исключительных случаях. Каждый вызов специалиста негативно сказывался на репутации соискателя. К сожалению, практика отношения к вызовам консультанта со времен Моэма не изменилась... За трехнедельную практику Моэм принял роды у 63! рожениц, что позволило приобрести опыт и уверенность. Трудиться ему приходилось в рабочем поселке среди бедного люда, пьянства, грубых конфликтов, где только «черная докторская сумка защищает от всякого злоумышления». Из семейных рассказов знаю, что во время Проскуровского погрома времен гражданской войны дед – земский врач, умерший за десятки лет до моего рождения, спасся только благодаря тому, что был узан одним из погромщиков. В последние годы нередко приходилось слышать о нападении на медперсонал - врачей и медсестер. Времена меняются!

Короткие годы врачевания оставили глубокий след в памяти Моэма и, несомненно, обогатили знанием людей, их взаимоотношений. « Медицинское образование не только помогло мне вникнуть в человеческую природу – оно дало мне элементарные научные знания и понятие о научном методе писал Моэм в эссе «Подводя итоги»...Я усвоил кой-какие принципы. ...Мне приятно было узнать, что сознание человека (возникшего в ходе естественноисторического развития) есть функция мозга и, подобно другим частям его тела, подчиняется законам причинности, а законы эти – те

же, что управляют движением звезд и атомов». Проблема жизни и смерти не выглядела больше абстракцией.

Прожив долгую жизнь, Моэм много болел: туберкулезом, частыми плевритами (лечился в санаториях), неоднократно малярией, дизентерией, воспалением легких, что и стало причиной смерти писателя в 91! год. Так что о болезнях он знал не только по короткому врачебному, но и длинному личному опыту.

Единственное произведение, написанное по следам медицинских занятий «Лиза из Ламбета»(1897), впервые переведено на русский язык в 2011 году. Роман создан в период врачебной практики и этим отличается от других произведений писателя. «Лиза из Ламбета» довольно быстро была напечатана, замечена читателями и критиками.

Героиня романа Лиза влюбляется в женатого человека. Роман развивается молниеносно, но губельно. Возникают конфликты с женой любимого, драка, после чего случился выкидыш. «К вечеру вернулась лихорадка, головная боль стала несносной....Теперь Лизу терзали жестокие спазмы во всем теле; она еле сдерживалась, чтобы не закричать и не разбудить мать. Вцеплялась в простыню, в одеяло и, наконец, часов около шести утра не выдержала очередной судороги и зашла криком, который заставил миссис Кемп (мать И.Л.) продрать глаза». Повитуха и пришедший позднее врач диагностировали выкидыш, от которого бедная девушка скончалась. Написанный по следам пережитых профессиональных коллизий, роман привлекает интересным сюжетом, достоверностью, сопереживанием.

Успех романа помог молодому доктору обрести надежду на литературный труд, он предполагал и финансовый успех. Забросил медицину, и всецело отдался творчеству. С финансовым успехом пришлось подождать: гонорар за роман составил 20! фунтов. Но дело было сделано. Следы медицинского образования не исчезли с брошенным дипломом. «Талант Роя, как умеренная доза лекарства, мог бы уместиться в одной столовой ложке» Прекрасная ёмкая фраза, в которой профессия прорывается наружу. Во время первой мировой войны Моэм недолго

служил в санитарной роте, выполняя несложные манипуляции.

Стремление увидеть, познать и, на мой взгляд, душевная неприкаянность, звала писателя в рискованные путешествия и не менее рискованные занятия. Так в годы первой мировой войны Моэм оказался в воюющей России в качестве...разведчика или шпиона, как угодно. Выполнить миссию не удалось: сменилась власть. Но знакомство с Россией, русским языком, литературой оказалось плодотворным. Сомерсет полюбил русскую литературу, учил русский язык. Читал Достоевского, Толстого. В письме Джорджу Кеннаи ,бывшему послу в России, писавшему монографию о Чехове в ответ на вопрос об отношении к писателю написано: «Он (Чехов И.Л.) был не только великим писателем коротких рассказов, но, вполне очевидно, очаровательным человеком. Искренне Ваш В. С. Моэм»(1958). В Париже по прихоти судьбы какое – то время он увлекался Сашей Кропоткиной, дочерью русского революционера, но это забавный эпизод из другой истории.

В романе «Луна и грош» в образе художника Стрикленда описана всепоглощающая жажда творчества. Успешный биржевой маклер, отец семейства, неожиданно для всех оставляет семью, работу и пускается в неизведанный мир с одним желанием – творить. Прототипом главного героя художника Чарльза Стрикленда служит Поль Гоген. Книга впервые вышла в свет в России в 1928 году. Жена Андрея Белого, К.Н. Бугаева написала в Дневнике 1929 года: «Прочла интересный роман В. С. Моэм „Луна и шестипенсовик“. По-видимому, импровизация на жизнь Гогена. Написано хорошо. Умно и сильно. Чарльз Стрикленд — имя героя. Но... при чем „луна“ и при чем „шестипенсовик“ — мы так и не могли угадать» Так назывался роман в первом русском переводе. Жизнь начинающего художника до краев наполнена творчеством. Все остальное для него не имеет значения и существует на периферии жизни и сознания. Проходит время, выполнено много прекрасных работ, не укладывающихся в рамки «привычного» искусства. Картины не покупают, отношения с коллегами не складываются. Приходит нужда. Но

Стрикленд не прекращает трудиться. Приезжает на Гаити, нервно, с трудом контактирует с островной администрацией. Знакомится с местными жителями, пытается обрести подобие дома.

Случается непоправимое, художник заболевает проказой «Доктор Кутра (врач, лечащий Стрикленда И.Л.) многим объявлял смертный приговор, и все же не мог победить ужаса, который его при этом охватывал. Он всякий раз чувствовал, как яростно должен приговоренный ненавидеть его, доктора, цветущего, здорового, обладающего бесценным правом – жить». Для Моэма-врача, это не просто слова, а кредо. Когда – то академик Н.Д. Стражеско ввел в институте клинической медицины негласное, но четкое правило - не появляться в палате в нескромной одежде. Думается, традиции должны продолжаться.

Моэм подчеркивает человеческое участие, внимание доктора Кутры к Стрикленду, погибающему от неизлечимого недуга, но не сдающемуся. «Я (Кутра И.Л.) ведь вам уже говорил, что Стрикленд был мне не по нутру. Я его недолюбливал. Но я...с невольным восхищением думал о мужестве этого человека: так стоически перенести это страшнейшее несчастье!». Совершенно измученный болезнью, обезображенный художник просил только красок, больше ему ничего не было нужно. Он рисовал на стенах, расписывал двери дома. Художник оставался верным призванию, как и врач продолжающий навещать приговоренного к смерти в надежде облегчить страдания.

Теме жизни и смерти, здоровья и болезни, сомнений в загробной жизни посвящен рассказ «Санатории». В центре повествования судьба туберкулезных больных. Автор, неоднократно лечившийся в таких санаториях, знал как пациент, в первую очередь, как и, чем жили попавшие в трудное положение люди. Как психолог и врач он хорошо понимал важность веры в исцеление, в доброту и взаимопонимание. Один из героев рассказа, обычный ничем не примечательный человек, Честер под влиянием дум о неизбежной смерти становится эгоистом, тиранит жену. Его мучает дикая мысль: как же она будет жить после меня.

Но в жизни санатория вдруг случается невероятное: двое обречённых молодых людей - Джордж Темплтон и Айви Бишоп находят друг друга. Любовь помогает им хоть на время забыть о болезни. Они решают покинуть санаторий и пожениться. Это событие перевернуло жизнь пациентов санатория, сделало её осмысленной и даже устремленной... в будущее, которое забрезжило после тотального уныния, даже если это дань фантазии. «Даже самые равнодушные не могли без волнения думать об этих двух людях, которые так любят друг друга, что не испугались смерти... Казалось, каждый разделял радость этой счастливой четы. И не только весна наполнила эти больные сердца новой надеждой: великая любовь, охватившая мужчину и девушку, словно обогрела лучами все вокруг». И Честер, глядя на счастливую пару, изменился: «Прости меня, дорогая, – заговорил он, – Я хотел причинить тебе страдание, потому что страдал сам. Но теперь с этим покончено. То, что произошло с Темплтоном и Айви Бишоп... не знаю, как это назвать... заставило меня по-новому взглянуть на вещи. Я больше не боюсь смерти. Мне кажется, что смерть для человека значит меньше, гораздо меньше, чем любовь. И я хочу, чтобы ты жила и была счастлива. Я больше не завидую тебе и ни на что не жалею. Теперь я рад, что умереть суждено мне, а не тебе. Я желаю тебе всего самого хорошего, что есть в мире. Я люблю тебя».

Творческая жизнь Сомерсета Моэма длинна и многогранна. Писатель довольно сдержанно относился к своим способностям, считая себя хорошим писателем - Второго ряда. Оставим характеристику автору. Совсем недавно узнала, что примерно теми же словами определял свои способности современник Моэма писатель, поэт, журналист Илья Эренбург. Одно время, одна профессия!

Писатель Моэм написал о себе и своей жизни то, что считал нужным. Он не преминул касаться проблем возраста, снимая флёр безнадежности и трагедийности. "Самое большое преимущество старости - в духовной свободе" - записал Сомерсет в день своего семидесятилетия. Писатель неоднократно подчеркивал, что жил будущим и это чувство сохранялось и в возрасте, когда и будущего не оставалось...

« Бывают минуты, когда я так жажду смерти, что готов спешить ей навстречу, как в объятия возлюбленной...Однако же я готов пожить и еще, пока врачи берутся сохранять мое здоровье в приличном состоянии». Очень важная ремарка – В приличном состоянии!!!

Во многих интервью Моэм настойчиво просил не заниматься его биографией. Но загадочная личность автора, несмотря, на, казалось бы, многие описания самого Моэма, продолжала занимать воображение.

Юрий Нагибин, единственный из русских писателей встречался с Моэмом, что блестяще отражено в произведении «Ненаписанный рассказ Сомерсета Моэма». Несколько фрагментов из рассказа, имеющих отношение к личности Сомерсета Моэма:- Они встретились на вилле писателя, на Французской Ривьере. Здесь Моэм прожил несколько десятков лет, принимал знаменитых людей XX столетия – Уинстона Черчилля, Герберта Уэллса, Жана Кокто дружил с ними. Здесь писал, любил, болел. «Его быстрый бег по бумаге навсегда остался дрожанием в правой кисти. "Это не «Паркинсон», - сказал Сомерсет Моэм, заметив, что я смотрю на его руку. - Профессиональная болезнь. Расплата за прилежание». Моэм ждал. Нагибин искал нужные слова, не находил. «Я ограничился нейтральным сообщением, что у меня тоже ноет плечо. "Это соли!" - сказал он быстро и раздраженно. Мальчишка, щенок, разве я пролил столько чернил, чтобы нажить благородную профессиональную хворобу!» Моэм не хотел выглядеть слабым, отвечал профессионально: кратко и точно. Постепенно разговор вошел в нормальную колею. О работе в Интеллидженс Сервис писатель вспоминал как об игре. «Лоуренс – Аравийский, Моэм – Петербургский». Говорили о многом. «Страх смерти?.. Я его не знаю. Потому что не знаю, что такое смерть. Иногда я ловлю себя на теплом чувстве: интересно, в какие игры играют т а м. Вообще же долгая жизнь ничуть не длиннее короткой. Ведь ты не замечаешь, что живешь долго. Все проносится слишком быстро, ни в кого, ни во что не успеваешь взглядеться, ни в чем разобраться». Моэм считает старость одним из фрагментов полной жизни: «Ведь полная жизнь,

завершенная программа, включает не только молодость и зрелость, но и старость» (Подводя итоги»). К этому нечего добавить ничего, кроме восхищения.

Впечатляющим событием явилась публикация книги Селены Хастингс « Тайная жизнь Сомерсета Моэма»(2009). Хастингс, стала первым биографом Моэма, получившим разрешение Королевского литературного фонда ознакомиться с частной корреспонденцией писателя, несмотря на просьбу никогда не публиковать.

Не касаюсь моральных аспектов проблемы, допустимо ли? Думаю, еще вернуться к дискуссии на непростую тему.

Прочитав книгу, несомненно, интересную, содержащую новые факты, тем не менее, создается впечатление, что основные сведения о жизни, творчестве писателя нужно искать в его произведениях. Впрочем, важно знание болезней перенесенных человеком, что оказывает определяющее влияние на многое в жизни. «Биография должна иметь представление о медицине в большей степени, чем другие литературные жанры» По мнению Уайнтрауба, «В поисках утраченного времени» невозможно понять, не зная «истории болезни» самого М. Пруста.

Жизнь и творчество Сомерсета Моэма, врача, писателя тому пример.

Литература

Бугаева К.Н. (Васильева). Дневник 1929 года. / Предисловие Е. В. Наседкиной. Подготовка текста и примечания Е. В. Наседкиной и Е. Н. Щелоковой // Лица: Биографический а

Заблоцкая К.В., Клименко А.А. Медицина в художніх образах: Статті. Вип.3 / Уклад. І голов. Ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-Прес, 2004. – 424 с. – С.252–257. Альманах. — Вып. 9 (2002). — С. 140 с. 175-176. Г

Ионкис Э. УИЛЬЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ: ГРАНИ ДАРОВАНИЯ

Моэм У. С. Подводя итоги. - М., 1991. - С. 7-25

Ливергант А. ЖЗЛ Сомерсет Моэм 2012, 288 с., пер., из-во Молодая гвардия, Москва

Митрохин Л.Н. Религия и культура. » Сомерсет Моэм: Бремя религиозных страстей. «Наука и религия» (1983. № 9 –12

Михальская Н.П., Аникин Г.В.: История английской литературы

Сомерсет Моэм (William Somerset Maugham, 1874-1965) Учебник для гуманитарных факультетов высших учебных заведений

М.: Издательский центр «Академия», 1998

Моэм У.С. Собрание сочинений Москва «Художественная литература», т.1 и т2

Моэм Сомерсет Лиза из Ламбета Изд. Астрель, 2011

Моэм Уильям Санаторий Серия Рассказы АСТ Москва, 2 Год и 10 Нагибин Ю Избранное в 3-х тт. издательство "Аграф", 1996 OCR: Inka

Письмо Моэма Кенани <http://soshinenie.ru/literatura>

Скороденко В. Сомерсет Моэм Узорный покров. Острие бритвы: Романы/Пер. с англ. М. Лорие; Предисл. В. Скороденко. - М.: Радуга, 1991

Темплтон Джон, Всемирные законы жизни, М., «Аст», 2005

с. 175-176. Г

.Хастингс Селена Тайная жизнь Сомерсета
Мозма, 2009 36
Мозм У.С.
Эшенден, или Британский агент М.; АСТ Москва,
2007.

.McLellan/Jones 1996 — McLellan M., Jones A. Why
literature and medicine? // The Lancet. 1996. 13 july. № 248

.Weintraub S. Medicine and the biographer's art //
Medicine and Literature / Ed. E. Peschel. N.Y., 198

Истории болезни

Болезнь и смерть Н. В. Гоголя

Николай Васильевич Гоголь
1809—1852

Чуть более 200 лет прошло со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. До настоящего времени ученые разных специальностей – философы, литературоведы, историки, врачи, каждый со своей точки зрения, пытаются разгадать феномен популярности блестящего писателя, особенности творческой манеры.

«Мы все вышли из «Шинели» Гоголя. Эта мысль принадлежит французскому критику Эжену Вогюэ –

(«Русский роман»1886) и подчеркивает огромное влияние творчества писателя для развития мировой литературы.

Веселые, искрометные «Вечера на хуторе близ Диканьки» первыми из гоголевских творений входили в нашу жизнь. Несколько позже задумывались над приключениями героя повести «Нос», бедами Акакия Акакиевича («Шинель»), трагической судьбой художника Черткова («Портрет»), распространенной вокруг «маниловщиной», а фраза: «К нам едет ревизор» – стала знаковой. Но только спустя годы, оглядываясь в прошлое, успев многое понять и прочитать, начинаешь постигать необычность и разнообразие произведений писателя.

Литературная деятельность Николая Васильевича Гоголя пришлась на один из самых успешных периодов развития русской культуры. Он застал расцвет творчества Пушкина, знакомство с которым оказало на него огромное влияние. При нем вошли в литературу Лермонтов, Тургенев, Достоевский. Известны пророчески верные оценки Гоголем таланта этих молодых писателей. Казалось, судьба баловала Николая Васильевича. Писатель стал знаменит после первых публикаций, обласкан великими литераторами-современниками, замечен взыскательной критикой. Но в действительности все было не столь безоблачно.

Возникает вопрос: чем объясняется пристальное внимание к различным фактам биографии давно ушедших людей? Что интересует, что важно? Прежде всего, личность в контексте современного ей общества, их непростых взаимоотношений. Однако главным является изучение личностных особенностей человека, их влиянию на творчество, чему посвящена большая литература. Вспомним пушкинское – «Гений и злодейство есть вещи несовместные». Между тем и эта красивая максима не столь очевидна.

Немецкий ученый Пауль Юлиус Мебиус (1853 - 1907) придавал большое значение влиянию психического состояния человека на творчество. Он ввел в литературу специальный термин «патография». Ученый считал, что следует отбросить мысль о том, что человек может быть только нормальным или только сумасшедшим. По его

мнению, в какой-то степени, патология есть у каждого человека. До сих пор понятие «норма» остается достаточно расплывчатым.

Справедливо наблюдение, что художники, писатели, музыканты отражают в творчестве присущие им особенности, наделяя ими героев произведений. Возможно, в какой-то мере у автора при этом открывается спасительный клапан, позволяющий избавиться от переживаний, сомнений или снизить их груз, проговаривая или выражая определенные нюансы чувств и настроений устами своих персонажей. Гоголь в письмах не раз утверждал, что юмор явился для него попыткой избавиться от преследовавшей тоски... «Болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя... Вот происхождение моих повестей» (из письма В.А.Жуковскому 10 января 1848 г.). Естественно, было бы неверным полагать происхождение великого дара от заурядного желания себя развлечь или отвлечь. Это спорное утверждение вряд ли может быть объяснено рационально. С другой стороны, известна благотворная роль труда в достижении душевного равновесия.

Болезнь Гоголя, как и диагноз последнего заболевания, приведшего к смерти, до сих пор вызывают жесткую полемику среди врачей и исследователей.

Гоголь, отличаясь мнительностью, внимательно, заинтересованно, с тревогой относился к беспокоящим его недугам и часто обращался к врачам, российским и европейским. Существуют и прочитаны короткие врачебные заключения, часто, к сожалению, в вольной передаче друзей и почитателей писателя, что снижает их ценность и не всегда позволяет профессионально интерпретировать.

Своеобразие внешнего облика будущего писателя и странности в его поведении были замечены довольно рано. Худой, болезненный, вечно зябнувший, Гоголь внешним видом отличался от озорных сверстников. Однако порой он неожиданно становился веселым, сыпал остротами, собирая вокруг восторженных слушателей и зрителей. Отношения со сверстниками были неровными.

Гоголь страдал «золотухой» с обильными выделениями из ушей, своеобразными изменениями глаз и кожи. «Глаза его были обрамлены красным, золотушным ободком, щеки и весь нос покрыты красными же пятнами, а из ушей вытекала каплями материя. Поэтому уши его были крайне крепко завязаны пестрым, цветным платком, придававшим его дряблой фигуре потешный вид». Его прозвали «заморским карлой». Если учесть нетерпимость подростков, то наличие проблем в общении очевидно.

Кроме того, Николай Васильевич с ранних лет поглощен идеями, замыслами. Он часто «уходил в себя», не слыша ничего вокруг, что также служило причиной определенной разобщенности. Некоторые учителя в связи с этим считали необычного подростка лишенным способностей.

Однако не следует драматизировать учебу Гоголя в Нежинском лицее, который он успешно окончил, тем более что дружеские отношения со многими соучениками сохранялись на протяжении жизни.

Гоголь рос в дружной, любящей семье, постоянно ощущая трепетное отношение к себе. Отец писателя – Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский – работал по почтовому ведомству, обладал даром рассказчика, расцветивая истории врожденным малороссийским юмором, писал пьесы и ставил спектакли на любительской сцене. Он был романтиком. Увидев во сне маленькую дочку соседних помещиков, якобы назначенную ему в жены, ждал, пока она вырастет. В 14 лет Мария Косяровская, дочь состоятельных малороссов, стала его женой. Его небольшое наследственное село Васильевка, или, как оно называлось раньше, Яновщина, сделалось центром общественной жизни всей округи. Кстати, в Киеве до сих пор живут непрямые потомки Гоголя – Яновские (известные врачи, экономисты), сохраняющие интересные семейные предания. Гостеприимство, ум и юмор хозяина, несмотря на его тревожную, даже тягостную мнительность, привлекали туда близких и далеких соседей.

Мать также была образованной женщиной, но отличалась мистическим нравом. В письмах сестре Гоголь,

говоря о болезни матери, подчеркивал – «душевной». Она рано овдовела, муж (отец Николая Васильевича) умер 44 лет от туберкулеза легких. Вероятно, следует говорить о ней как об акцентуированной личности, а не страдающей психическим заболеванием. Впрочем, на сей счет, есть разные предположения. О себе она позже писала: «Характер у меня и у мужа веселый, но иногда на меня находили мрачные мысли, я предчувствовала несчастья, верила снам».

Среди родственников писателя есть душевнобольные. Так тетка по линии матери отличалась большими странностями: в течение 6 недель смазывала волосы сальной свечой от поседения, гримасничала во время еды и т.д. Племянник заболел «душевной болезнью» и покончил собой в юности. По – видимому, речь идет об отягощенной наследственностью.

Окончив лицей, Николай Васильевич приехал в Петербург с широкими, но неконкретными планами. Главным для него было встреча и знакомство с Пушкиным. Поэт владел его мыслями и чувствами. Практически с дороги Гоголь помчался на квартиру к Александру Сергеевичу.

Знакомство с Пушкиным стало судьбоносным и единственным, оказавшим не только личностное влияние, но и определившее творческую судьбу. Вряд ли стоит повторять, что сюжеты главных произведений Гоголя – «Ревизора» и «Мертвых душ» – подсказаны поэтом. По мнению Пушкина, у Гоголя было «прекрасное чутье слышать душу». Он же называл его «веселым меланхоликом».

Если учесть, что встреча состоялась в один из наиболее благоприятных для Гоголя периодов жизни, то пушкинское определение еще более ценно. Намного позднее И. С. Тургенев в своих воспоминаниях о Гоголе упоминает: «Мы со Щепкиным ехали к нему как необыкновенному человеку, у которого что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения».

Споры и дискуссии о том, чем болел писатель, не утихают по сей день. Единственное, что не вызывает сомнений, это неуравновешенность писателя, тоска, о чем он постоянно упоминает в письмах, жалуется друзьям.

Первый приступ болезни датируют 1829 г. В письме от 3 января 1829 года Гоголь пишет матери, что на него «напала хандра или другое подобное» и что он «уже около недели сидит, поджавши руки» и ничего не делает. «Не от неудач ли это, – пишет он, – которые меня совершенно обравнодушили ко всему». Колебания настроения от гнетущей тоски, депрессии до внезапно наступающего радостного восприятия мира сопровождали Гоголя на протяжении жизни. В молодости периоды возбуждения, творческой активности превалировали над «хмурым утром». П.А.Кулиш со слов Максимовича писал, что в 1834 году, находясь в Киеве Гоголь часами просиживал у церкви Андрея Первозванного и смотрел на подол. «В то время в нем еще не было заметно мрачного сосредоточения в самом себе и сокрушения о своих грехах и недостатках; он был еще живой и даже немножко ветреный юноша», вспоминал М.А. Максимович. Но и в юные годы его беспокоила повышенная немотивированная зябкость, тревожность. Он менял квартиры, теплее прочих одевался, хорошо чувствовал себя в дороге и в тепле, много лет из-за этого, по словам писателя, жил в Италии.

Астенического телосложения, замкнутый, глядящий исподлобья, нередко в эксцентричном одеянии, он трудно сходил с людьми, отличался скрытностью, парадоксальным нравом. Впрочем, несмотря на это, у него было много истинных преданных друзей. Он писал: «Часто я думаю о себе: зачем бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере, редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркой любовью ко всему высокому прекрасную душу, зачем он дал всему этому такую грубую оболочку? Зачем он одел это в такую страшную смесь противоречий упрямства, дерзкой самонадеянности, самого униженного смирения?» Можно вернуться к пронизательному пушкинскому определению – «веселый меланхолик».

Они – Гоголь и Пушкин – не поддерживали коротких дружеских отношений, несмотря на желание Гоголя, так это представить. В ранний петербургский период без всяких оснований, одному из друзей Николай Васильевич дает

Царскосельский адрес Пушкина для своей корреспонденции, живя в другом пригороде и подолгу не встречаясь с поэтом. В этом сквозило желание придать отношениям не присущий им оттенок, что гротескно выражено в «Ревизоре»: «С Пушкиным на дружеской ноге».

По воспоминаниям П. В. Анненкова, Гоголь «любил показать себя в некоторой таинственной перспективе: «Так, после издания «Вечеров», проезжая через Москву, он на заставе устроил дело так, чтоб прописаться и попасть в «Московские ведомости» не «коллежским регистратором», каковым он был, а «коллежским ассессором. «Это надо», – говорил он приятелю, его сопровождавшему». С другой стороны, он отличался смирением, неуверенностью, робостью, что подтверждается многочисленными воспоминаниями и явствует из переписки писателя – трагический клубок болезненных противоречий.

Печальной особенностью Гоголя - человека явилось полное отсутствие намека на влюбленности как гетеро, - так и гомосексуального типа. В его произведениях практически нет любовных эпизодов, а имеющиеся - искусственны. Неожиданное сватовство в 1850 году к дочери друзей Анне Виельгорской явилось скорее попыткой выхода из непрекращающейся депрессии, чем проявлением эмоций. Полученный отказ не очень огорчил.

Профессор И. Б. Галан (1926) предположил у Гоголя эндокринную патологию с недостаточным уровнем половых гормонов, или нарушение соотношения мужских и женских гормонов, чем объяснял в определенной степени патологические черты внешнего облика и поведенческие реакции. При частых врачебных осмотрах постоянно фигурирует указание на «нервическое» беспокойство, несмотря на обилие жалоб и утверждение, что «болезнь у меня в кишках».

В 1832 году по совету Погодина Николая Васильевича осмотрел доктор Иустин Евдокимович Дядьковский(1784-1841), профессор Московского университета, уволенный в 1836 году за антирелигиозные воззрения. Состояние оставалось неустойчивым, и Гоголь направился к матери в Васильевку. В пути, в связи с

недомоганием остановился в Полтаве. «Что-то значит хилое здоровье! Приехавши в Полтаву, я тотчас объездил докторов и удостоверился, что ни один цех не имеет меньше согласия и единодушия, как этот... Теперешнее состояние моего здоровья таково: понос прекратился, бывает даже запор. Иногда мне кажется, будто чувствую небольшую боль в печенке и в спине; иногда болит голова, немного грудь. Вот все мои припадки... Остаток лета, кажется, будет чудо; но я, сам не знаю отчего, удивительно равнодушен ко всему. Всему этому, я думаю, причина болезненное мое состояние». Лето провел спокойно, несмотря на небольшую хандру или как он пишет, что «равнодушен ко всему».

Возвратившись осенью в Петербург, 25 ноября 1832 г. он пишет Погодину: «Я, покамест, здоров и даже поправился. Следствие ли это советов Дядьковского, которыми он меня снабдил на дорогу, или здешнего моего врачевателя Гаевского, который одобряет многое, замеченное Дядьковским, только я чувствую себя лучше против прежнего. Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор». В 1836 году писал В. А. Жуковскому из Италии: «Доктор мой отыскал во мне признаки ипохондрии, происходившей от геморроид, и советовал мне развлекать себя, увидевши же, что я не в состоянии был этого сделать, советовал переменить место». Гоголь, как замечено, постоянно переезжал с места на место и до советов доктора, находя в этом успокоение. «С какою бы радостью я сделался бы фельдъегерем, курьером даже русскую перекладную и отважился бы даже в Камчатку, чем дальше, тем лучше. Клянусь, я был бы здоров» из письма М.П. Погодину. 17 октября 1840 (Рим.) А С.П. Шевыреву 10 августа 1839. (Вена) поясняет: «Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обдeldывал в дороге».

Этот период жизни еще отличался активной и успешной творческой деятельностью. Гоголь покинул Россию в ноябре 1836 года, как теперь понятно, в состоянии депрессии. Уехал, не простившись с Пушкиным, вряд ли не

зная о волнениях поэта, что ничем, кроме нервного состояния, объяснить невозможно.

Известно, что в состоянии депрессии человек с трудом контактирует, погружен в себя, а общение требует от него непомерных сил.

Сообщение о гибели Пушкина потрясло Николая Васильевича: «Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним». Он не раз возвращается к пережитому, тягостно ощущая наступившее одиночество, от которого не суждено было освободиться. Мне кажется, что трагическая гибель Пушкина вызвала обострение болезни.

В. Чиж (2001) считает возраст между 26–30 годами критическим для людей с параноическим характером – преодоление возрастного периода, по его мнению, снижает угрозу заболевания. Гоголь не преодолел рубеж и оказался во власти приступов болезни. На протяжении многих лет его преследовал страх смерти. Он боялся кровати, с чем, возможно, ассоциировал смерть, часто засыпал в кресле, страшился одиночества, стараясь снимать квартиру с кем-то из знакомых.

С июня 1832 года до кончины в 1852 году выделено 23 обострения болезни, причем депрессивные фазы были продолжительнее маниакальных. Приступы болезни длились от дней и недель в начальном периоде до месяцев в последние годы. «Я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятам» (из письма Прокоповичу 19 сентября 1837).

До 1840 года писателю удавалось выходить из состояния депрессии без больших потерь. Он еще продолжал писать, переделывал старые сочинения.

Тяжелый приступ отмечен во время пребывания на водах в Мариенбаде в 1840 году. Этому кризису предшествовало потрясение от смерти двадцатилетнего Иосифа Виельгорского, за которым Гоголь преданно и терпеливо ухаживал, живя в Риме на вилле знаменитой писательницы и композитора Зинаиды Волконской, кузины декабриста и друга Пушкина. Теплое отношение к Виельгорскому опровергает бытующее представление о равнодушии Гоголя к людям, во всяком случае, в 40-е годы.

Приступы депрессии и в дальнейшем, как правило, сопровождалась у Николая Васильевича двигательным беспокойством и «охотой к перемене мест»: «Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах... Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотеле не испытанное, усилилось... К этому присоединилась тоска... Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие». Очевидно, состояние было настолько тяжелым, что Гоголь написал завещание. Он настолько четко описал картину страдания, что, позволило В. Чижу (1902), предположить, анализируя текст, «тревожную меланхолию».

В последующие годы почти не было светлых промежутков. Депрессии накладывались одна на другую с короткими перерывами относительного благополучия. В это время Гоголь писал «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой, по сути, отказывался от своих блестящих творений, считая их греховными. Во второй половине 40-х годов в нем одновременно сочеталось чувство вины и смирения с сознанием превосходства, желанием учить и проповедовать, усилилась религиозность. Писатель находил преданных слушателей и учеников, в числе которых Александр Иванов, автор картины «Явление Христа народу», запечатлевший Гоголя в одной из фигур, окружающих Христа. К ним относилась и А. О. Смирнова-Россет, блестящая собеседница, друг Пушкина и Лермонтова. Абрам Терц считал, что в этот период у Гоголя «... творческие истоки заглохли, и художественные образы не приходят в голову....».

Гоголь убежден в эти годы, «что одарен необычайной способностью, узнает истину самым простым, данным ему за неизвестные нам «подвиги» способом. Нужно молиться, и «окажутся в душе вопросы... И за вопросами в ту же минуту последуют ответы, которые будут прямо от Бога» (из письма Н.М. Языкову, 1843 г.). Периодически возникали слуховые галлюцинации, не вызывающие, однако, негативных эмоций.

Очередное ухудшение наступило при возвращении на родину, как не раз бывало в прошлом:

«С того времени, как только ступила моя нога в родную землю, мне кажется, как будто я очутился на чужбине. Но что ужасно – что в этой голове нет ни одной мысли» (из письма Балабиной, январь 1842 г.). И через месяц тому же адресату: «Болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда со мной не было... Всякий образ, пролетавший в мыслях, обращало [волнение] в исполина, всякое незначительно приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах выдержать природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль. И потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое состояние». Он практически не мог писать, плохо сосредотачивался и тяжело страдал, хорошо сознавая болезненность состояния.

Следующий кризис развился в 1845 году во Франкфурте-на-Майне, когда страх близкой смерти принудил обратиться к священнику. Он написал новое завещание, в котором просил не хоронить, «пока не покажутся явные признаки разложения». Это послужило источником легенды, что Гоголя похоронили живым в летаргическом сне.

Несмотря на приступы тоски, похудание, общий дискомфорт, Гоголь продолжал медленно, с трудом работать. Он чувствовал себя тяжело больным, о чем 5 июня 1845 года писал Н.М. Языкову: «Повторяю тебе еще раз, что болезнь моя сурьезна, только одно чудо Божие может спасти. Силы исчерпаны...».

Публикация «Выбранных мест из переписки с друзьями» вызвала протест прежних друзей и почитателей. Очень огорчило писателя резкое письмо В. Г. Белинского (1847), поддерживавшего Гоголя в прежние годы. Белинский предположил болезненный характер написанной книги, так это не вязалось с прежним Гоголем. Шквал обвинений усугубил обострение болезни.

С этого времени у Гоголя превалировали мотивы греховности, необходимости искупления. Он обращался к священнослужителям, изнурял себя молитвами.

В конце января 1848 году отправился в Иерусалим совершенно больным, надеясь на успокоение и

умиротворение. Перед отъездом он признавался Матвею Константинопольскому (исповедник писателя, некоторые считали это общение губительным для Гоголя): «Исписал бы вам страницы в свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе». Трудное путешествие не принесло желанного облегчения. «Священные места, которые он посетил, не слились с их идеальным мистическим образом в его душе, и в результате Святая земля принесла его душе (и его книге) также мало пользы, как немецкие санатории – его душе» - писал Владимир Набоков в замечательной работе о Гоголе.

Он продолжает страдать, понимая свое положение: «Я не в силах бываю писать, отвечать на письма!» и дальше: «Ничего не могу написать начисто, ошибаюсь беспрестанно, пропускаю, недописываю, приписываю, надписываю сверху». В «Авторской исповеди» совершенно определенное признание больного писателя в угасании творческой силы: «несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо, хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вроде небольшой повести или какого-нибудь литературного сочинения, и не мог произвести ничего. Усилия мои оканчивались всегда почти болезнью, страданием и, наконец, такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякие занятия». Подводя итог своему пребыванию в России, Гоголь писал Жуковскому 14 декабря 1849 года: «Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно – нехотение писать. Те же мысли звучат в письме: Шевыреву 14 мая 1848 г. «Ничего не мыслится и не пишется, голова тупа». «Он [Гоголь] распространял какую-то неловкость, что-то принужденное вокруг себя» – из воспоминаний И. Панаева.

Однажды в 1851 году Гоголь ездил в Преображенскую больницу в Петербурге, где лечились душевнобольные, постоял возле ворот, не вошел и повернул на извозчике назад. О чем он думал, как хотел поступить? Киевский профессор Я. П. Фрумкин со слов, возможно потомков Гоголя, несколько по-другому пересказывал этот эпизод: якобы Гоголь плакал, стоя у ворот больницы, просил

принять, но ему отказали. Неизвестно, как было на самом деле, но, несомненно, в нем зрело убеждение в необходимости профессиональной помощи.

Гоголя ни разу не осматривал врач - психиатр и никто из терапевтов или хирургов подобных советов не давал. Думается, это объяснялось двумя обстоятельствами: недостаточной уверенностью в необходимости такой консультации, а вернее, предубеждение осмотрами психиатров, как чего- то постыдного. Естественно, никто не мог позволить бросить даже «тень» на знаменитого пациента.

Четко свое состояние Гоголь иллюстрирует в письме от 14 июля 1849 г. Жуковскому: «Мне нужно большое усилие, чтоб написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это – старость или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствование хуже сна?». Отношение Гоголя к работе колебалось от сознания собственного бессилия до уверенности в творческом расцвете. «Я могу теперь работать увереннее, тверже, осмотрительнее...» (из письма Шевыреву, 28 февраля 1843 г.). Интересен отрывок из «Обращения к гению»: «Живи на земле со мною, хоть два часа каждый день, как прекрасный брат мой. Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество! Я совершу!.. “. Однако в периоды ремиссии он с горечью сознает утрату восприимчивости, остроты взгляда, сокрушаясь по этому поводу.

Нет единого мнения о том, чем же был болен великий писатель. В числе возможных диагнозов называются маниакально-депрессивный психоз, шизофрения и даже осложнения после перенесенной малярии. Что касается малярии, якобы перенесенной Гоголем в Италии, то, по мнению доктора психиатрии А. Е. Личко, в возрасте 30 лет, в октябре 1839 г., в Риме Гоголь переболел малярией с поражением головного мозга – малярийным энцефалитом. Известный психиатр Н. Н. Баженов (1902) также утверждал, что Николай Васильевич переболел за границей малярией, правда, затруднялся сказать, в каком году это произошло.

Это предположение представляется мало реальным и ничем не подтверждается. И дело не в том, что в письмах писателя само слово «малярия» не упоминается. Малярию во времена Гоголя называли по-разному: эпидемическая лихорадка, злокачественная лихорадка, трясуха, знобуха, лихоманка и т. п. Ни в каких материалах нет сведений о перенесенной писателем тяжелой инфекционной болезни с перемежающейся лихорадкой, что при большом внимании к своему здоровью непременно было бы отражено в переписке или свидетельствах друзей. Не говоря о том, что осенью частота заболеваний малярией невелика, да и только тяжелая форма тропической малярии приводит к психическим осложнениям, картина которых не соответствует наблюдаемому у писателя.

.Профессора Г. В. Сегалин (1926) и П. М. Зиновьев (1932) считают, что Гоголь болел шизофренией, приводя, в частности, в качестве одного из доказательств его письмо Балабиной: «Вижу знакомые, родные лица, но они, мне кажется, не здесь родились, а где-то в другом месте, кажется, видел, и много глупостей, непонятных мне самому, чудится в моей ошеломленной голове!» (январь 1848). Предпочтительнее мнение В. Чижана (1902) и Баженова (1901), склонявшихся к диагнозу периодической депрессии. Об этом пишут также израильские психиатры из Центра психического здоровья университета имени Бен-Гуриона: «Биполярное аффективное расстройство, неуточненное, возникшее на фоне нарциссического расстройства личности» (В. И. Лернер, Э. Вицтум, Г. М. Котиков, 1996), то есть периодическая депрессия. Такого же мнения придерживается выдающийся клиницист И.А. Кассирский(1970): « весь стиль его письма (Гоголя И.Л.), его искрометный юмор, тот факт, что он мог в полтора часа, сидя в итальянской таверне, написать знаменитую сцену с русской тройкой в «Мертвых душах» - все это говорило скорее не о шизоидной личности, а о необыкновенно противоречивой и сложной душевной организации Гоголя». Впрочем, в приведенном отрывке речь идет о более раннем периоде жизни писателя.

Одним из отличительных признаков шизофрении считают потерю критики. Гоголь же, сознавая нездоровье,

часто обращался к врачам. Нельзя согласиться и с мнением о полном равнодушии писателя к окружающим. Конечно, он реже писал письма, труднее контактировал, чаще уставал и почти не работал. Но такие симптомы наблюдаются и при затянувшейся депрессии, а не только при шизофрении. Даже в последний месяц перед смертью, находясь в крайне тяжелом нервном состоянии, он правил «Мертвые души» и только в состоянии резкого возбуждения сжег их, по поводу чего вскоре сокрушался и плакал. Но, как известно, авторы не столь редко уничтожают сделанное, и, не будучи психически больными – от неудовлетворенности, желания переделать, страха перед публикацией.

Известно, что горе Гоголя от внезапной смерти приятельницы Екатерины Михайловны Хомяковой, сестры поэта Н.М. Языкова, привело писателя к стрессу, справиться с которым не удалось. Это указывает на сохранность эмоциональной сферы, что не характерно для поздних стадий шизофрении.

С наибольшей вероятностью можно предположить у Гоголя тяжелую форму маниакально-депрессивного психоза, что при отсутствии в XIX веке антидепрессантов и транквилизаторов не позволяло в большинстве случаев достичь лечебного эффекта.

До сих пор нет единого мнения и о причинах смерти Гоголя. С уверенностью можно утверждать, что смерть Екатерины Хомяковой 26 января 1852 года явилась для него сверхсильным стрессом. «Все для меня кончено». Николай Васильевич близко к сердцу принял трагедию и смоделировал ее на себя. Ему показалось, что кончина не за горами, одолевал страх смерти.

У него началась тяжелая депрессия. В отличие от прежних приступов болезни Николай Васильевич мало и с трудом двигался, редко выходил из дому. Создавалось впечатление, что он чувствовал приближение смерти и не стремился помешать этому. У него развился депрессивный ступор. Николай Васильевич не хотел лечиться, возможно, не верил в успех.

Между тем, еще в январе 1852 года и даже в начале февраля, Николай Васильевич работал достаточно активно,

готовил к изданию собрание сочинений, ездил в театры на постановки своих пьес. Друзья, общавшиеся с писателем осенью 1851 и в январе 1852 года, единодушно подчеркивали его бодрость и работоспособность. Следовательно, изменения в состоянии здоровья наступили неожиданно и быстро прогрессировали.

Усиливавшаяся по мере развития болезни религиозность обостряла чувство греховности, стремление вымолить прощение. За что? По мнению друзей Гоголя встречи с о. Матвеем Константинопольским только усугубляли болезненное состояние. Будучи аскетом и фанатиком, отец Матвей вольно или невольно стремился влиять на личностные установки великого писателя, беззащитного из-за болезни. Он требовал от Гоголя соблюдать длительный пост для очищения, отказаться от греховного творчества и даже от Пушкина. С требованием предать Пушкина Николай Васильевич не мог согласиться. «Довольно. Оставьте, не могу долее слушать. Слишком страшно». Илья Ефимович Репин на известной картине «Гоголь и отец Матфей» колоритно изобразил согбенную виноватую фигуру писателя и властного проповедника, испепеляющего его грозным взглядом. Таким он виделся многим друзьям писателя. Наставления о необходимости строгого поста, Гоголь выполнял. Много молился, часами простаивая на коленях перед иконой.

Первые недели последней болезни он еще выходил из дому, с трудом, но навещал близких знакомых. Был бледен, с немигающими глазами, устремленными не на собеседника, а куда – то в сторону. Видно было, что он поглощен терзавшими мыслями и не находит ни в чем покоя. Для Гоголя, отличавшегося повышенным аппетитом, писали даже о булимии (В.Гиндин 2005) ограничение в еде было болезненным, сопровождалось головокружениями, дрожанием, возможно гипогликемией. Он сам говорил, что пост до конца срока выдержать никогда не мог.

Не вызывает сомнений, что депрессия в сочетании с голоданием и недосыпанием приводит не только к похуданию, но что значительно тревожнее к повышенной нервозности, потери интереса к действительности и,

конечно, снижению иммунитета, ослаблению защитных сил организма.

4 февраля Гоголь навел доброго знакомого, профессора С.П. Шевырева, жаловался на кишечные расстройства, невозможность из-за плохого самочувствия заниматься корректурами, что его тревожило. Попрощавшись с Шевыревым, Гоголь направился в храм, то есть сил еще хватало. Между тем, изменения внешнего вида Гоголя поразили друга. А вот, что писал доктор Тарасенков 16 февраля 1852 года, (через 12 дней после встречи Гоголя с Шевыревым): «Я ужаснулся. Не прошло и месяца, как я с ним вместе обедал, он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек, как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изнеможения. Все тело его до чрезвычайности похудело, глаза сделались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык трудно шевелился от сухости во рту, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого взгляда». С 10 февраля перестал выезжать из дому. В ночь с 11 на 12 февраля в состоянии крайнего возбуждения Гоголь сжег набело переписанные им же главы второго тома «Мертвых душ». Наутро, придя в себя, плакал и страдал. Граф А.П. Толстой, будущий обер – прокурор Священного синода, у которого жил Гоголь, забил тревогу. Он пригласил лучших московских профессоров.

Его осматривали профессора Ф.И. Иноземцев(1802 – 1869), А.И.Овер(1804 -1864)- профессор Московского университета, терапевт, С.И. Клименков(1805-1858), адъюнкт кафедры врачебноведения, А.А.Альфонский (1796 - 1869), профессор судмедэксперт, И.В. Варвинский(1811-1878,терапевт), А.И. Сокологорский (1812- 1890) владел техникой гипноза, А.Е.Эвениус (1791-1872),хирург, профессор, главный врач Градской больницы, каждый из которых был специалистом в определенной области медицины и заслуживал уважения.

Казалось, все было сделано для спасения писателя. Но врачи знают важность постоянного наблюдения, а не

эпизодических осмотров, от которых многое ускользает, да и мнения часто разнятся.

За 2-3 последние недели жизни, Гоголю выставлялись совершенно разные диагнозы. Его болезнь не была ясна. Поначалу Ф.И.Иноземцев предполагал брюшной тиф, свирепствовавший в то время в Москве. Но достаточно четкой симптоматики не было: писатель не лихорадил, кишечные расстройства не определялись, за исключением почти постоянного запора, боли в кишечнике незначительные и непостоянные, и он усомнился в правильности диагноза. На следующий день заболел Иноземцев и в лечении писателя больше не участвовал. На консилиуме созванном, практически перед смертью, о которой никто из врачей не предполагал даже за 1-2 дня до финала, думали о менингите. Между тем, у писателя не было четкой симптоматики - он не жаловался на головную боль, не было упорной рвоты, ригидности. А кратковременные потери и недлительная спутанность сознания плохо укладывались в клиническую картину менингита.

Возглавлял консилиум Овер, заменивший заболевшего Иноземцева. Он считал Гоголя «мнительным и трудным пациентом». Личный контакт между ними не возник, что затрудняло и лечение. Овер зачитал собравшимся докторам фрагменты истории болезни: «При суждении о болезни взяты в основание его сидячая жизнь; напряженная головная работа (литературные занятия); они могли причинить прилив крови к мозгу. Усиленное стремление умерщвлять тело совершенным воздержанием от пищи, неприветливость к таким людям, которые стремятся помочь ему в болезни, упорство не лечиться — заставили предположить, что его сознание не находится в натуральном положении». Поэтому Овер поставил вопрос: «Оставить больного без пособий или поступить с ним как с человеком, не владеющим собою, и не допускать его до умерщвления себя?» Ответ Эвениуса был: «Да, надобно его кормить насильно», — вспоминал Тарасенков.

Врачи осмотрели Николая Васильевича: он был очень слаб, худой, бледный. На вопросы докторов не отвечал вовсе или отрывисто, слабым голосом просил пить. Со стороны

внутренних органов, кроме тахикардии и общей гиперестезии, повышенной чувствительности, ничего не обнаружили.

Исходя из диагноза менингит, на котором по утверждению Тарасенкова настоял Овер, ему назначили лечение, применяемое в ту пору, - кровопускание, обливание головы холодной водой. Больной при этом лежал в горячей ванне, ему давали пить из рюмки бульон. Гоголь просил оставить его в покое.

Трудно объяснить, но нередко творцы, описывая переживания героев своих произведений, как бы предсказывают собственное будущее. «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мной! Они льют мне на голову холодную воду!.. За что они мучают меня... я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя, и все кружится предо мною». Так писал Николай Васильевич в «Записках сумасшедшего». Почти протокольная точность! Врачи ставили горчичники на конечности, потом мушку (возбуждающее средство) на затылок, лед на голову и внутрь отвар алтейного корня с лавровишневой водой. Приехавший ночью Клименков обкладывал больного горячим хлебом, очевидно, чтобы прогреть, дал таблетку каломели, учитывая запор, но эффекта не достиг. Вскоре после ванны Гоголь на короткое время потерял сознание. «Давай бочонок!» — произнес он однажды, показывая, что желает пить. Ему подали прежнюю рюмку с бульоном, но он уже не смог сам приподнять голову и держать рюмку... Позднее он по временам бормотал что-то невнятно, как бы во сне, или повторял несколько раз: «Давай, давай! Ну, что же!» Часу в одиннадцатом он закричал громко: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» Казалось, ему хотелось встать.

С 18 февраля состояние писателя резко ухудшилось. Доктор А.А.Альффонский предложил попробовать «магнесизирование», гипноз. Он предполагал в состоянии гипноза попробовать убедить Гоголя отказаться от губительного голодания. Для этой цели пригласили доктора Сокологорского (1812 - 1890), специалиста по гипнотерапии, Николай Васильевич не поддавался гипнозу.

Болезнь быстро прогрессировала. По свидетельству друга писателя С. Шевырева, «одним из последних слов, сказанных им еще в полном сознании, были слова: «Как сладко умирать!»»

В 8 часов утра 21 февраля 1852 года при явлениях нарастающей сердечно – сосудистой недостаточности Николай Васильевич Гоголь скончался. "Нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя", - писал И. С. Тургенев. Скульптор Рамазанов снял посмертную маску, на которой просматривается лицо исстрадавшегося человека.

Что же послужило причиной смерти великого писателя, как определить его последнюю болезнь.

Существует много версий и предположений, исходящих из поставленных ему диагнозов – брюшной тиф, менингит, «нервическая лихорадка», под которой понимали любой инфекционно – воспалительный процесс в мозгу.

«Крайнее физическое истощение в результате голодовки (которую он объявил в припадке черной меланхолии, желая побороть дьявола) вызвало острейшую анемию мозга (вместе, по - моему, с гастроэнтеритом), а лечение, которому его подвергли – мощные слабительные и кровопускания, - ускорило смертельный исход: организм больного был и без того подорван малярией и недоеданием» - так выглядела драма писателя под пером Владимира Набокова

Гоголь заболел после сильного стресса, вызванного неожиданной смертью близкого человека. У склонного к депрессиям писателя, пережитая трагедия вызвала острый приступ отчаяния. Общение с о. Матвеем не только не успокоили его, а привело к тревожным раздумьям и даже отказу выполнять отдельные предписания, касающиеся литературного труда, что было для Николая Васильевича равносильно смерти. К сожалению, посты и молитвы неукоснительно соблюдались. Гоголь худел и быстро слабел. Он не стремился выйти из мрачного состояния, считая себя приговоренным к смерти. Недостаточное питание, полного длительного голода все же не было, наслоившееся на неумеренные продолжительные молитвы снижали общий

тонус. При осмотре подчеркивалась сухость кожи, то есть признаки обезвоженности, очевидно, интоксикация в связи с многодневным запором, общая слабость. Кровопускание, контрастные ванны на фоне обезвоживания, и возможного снижения в связи с этим объема циркулирующей крови, неизбежно наступающие при этом, нарушения обменных процессов могли явиться причиной гипоксии мозга с нарастающими галлюцинациями и потерей сознания. В результате развилась острая сердечно – сосудистая недостаточность, приведшая к смерти. Таков комплекс возможных причин, приведших к преждевременной смерти писателя.

В 1995 году К. Смирнов выдвинул другую версию смерти Гоголя от отравления каломелью. Эта теория не нашла сторонников. Гоголь принимал несколько раз по назначению врачей каломель для нормализации деятельности кишечника, что было обычной лечебной процедурой.

Существует мнение, что принудительное кормление приостановило бы процесс. Следует задуматься о назначении в те поры, как и сейчас, принудительного питания. Вспомните тревоги и мучения академика Андрея Дмитриевича. Сахарова, подвергавшегося подобной процедуре во время ссылки в г. Горький. Принудительное питание не улучшило бы настроение больного писателя и поэтому вряд ли эффективно.

Рассуждать можно о многом, но при этом не забывать, что печальные события происходили в позапрошлом веке. С позиций современной медицины многое кажется наивным и немотивированным. Нет сомнений, что, через несколько десятков лет, а может быть и раньше, такой же несовершенной покажется грядущим поколениям медицина начала XX! века.

Литература

- Анненков П.В. Литературные воспоминания, Москва, 1983.
- Баженов Н.Н. Болезнь и смерть Гоголя. Цитирую по книге Чиж В.Ф. Болезнь Н.В.Гоголя, 2001.
- Белышева А. Тайна смерти Гоголя. Нева, 1967, 3.
- Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Москва: Контекст, 1993.
- Вересаев В. Гоголь в жизни. Киев: Прапор, 1990.
- Гиндин В.П. Психопатология в русской литературе. Издательство ПЕРСЭ, 2005.
- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах Москва, 1937- 1952
- Давыдов Михаил. Тайна смерти Гоголя. Еще одна версия. Урал, 2005, 1.
- Зиновьев П.М. Душевные болезни в книгах и образах. Москва: МЕДпресс - информация, 2007.
- Кассирский И.А. О врачевании. Москва: «Медицина», 1970.
- Лихтенштейн И. Болезнь Гоголя. Долгожитель. Приложение к газете Новости недели, 24 мая, 2007.
- Личко А. Как умер Гоголь. Наука и религия, 1966, 12.
- Набоков В.В. Николай Гоголь. Собрание сочинения американского периода в 5 томах, т 1. Санкт-Петербург: Симпозиум, 1997.
- Сегалин Г.В. Шизофреническая психика Гоголя Клинический архив гениальности и одаренности 1926, том 2, вып. 3 Свердловск
- Смирнова - Россет А. Из воспоминаний о Гоголе. В кн. Гоголь в воспоминаниях современников. Москва, 1952, т. 2.
- Смирнов Константин. Смерть Гоголя. Чудеса и приключения, 1995, 11.
- Терц Абрам В тени Гоголя Колибри Москва 2009
- Чиж В.Ф. Болезнь Н.В.Гоголя Записки психиатра. Москва: Республика, 2001.

Трагедия жизни и смерти А.А. Блока.

Конец 19 и начало 20 века вошли в историю не только трагическими политическими событиями, но необыкновенным развитием новых форм и направлений в науке, литературе, живописи, архитектуре. Возникали и исчезали новые веяния, течения, некоторые из которых (символизм, акмеизм, футуризм, абстракционизм и др.) вошли в сокровищницу мирового искусства. Одним из ярких представителей не только символизма, а вообще поэзии 20 века является Александр Блок.

Его называют лучшим поэтом послепушкинской поры. Еще при жизни он считался непревзойденным поэтом, его издавали, знали, любили. Этим в определенной мере объясняется пристальный интерес ко всему, что связано с именем поэта.

Целью нашей работы является взглянуть на Александра Блока глазами врача, пролить ясность на картину его болезни, возможности лечения и предотвращения трагического финала, учитывая состояние медицинской науки первой четверти 20 века. Лишить последние месяцы жизни поэта ненужной таинственности, вымыслов и спекуляций. Много легенд ходило при жизни поэта, не оставили они его и после смерти. Очень грустно, что свою лепту иногда вносили и врачи. Так, в 1928 году, через 7 лет после смерти Блока в «Клиническом архиве гениальности и одаренности» опубликована статья Я.В. Минца, касающаяся нервно- психологического статуса поэта. Он писал о Блоке как о диспластике гипогенитального типа. (Диспластик - бесформенное, неправильное, непропорциональное строение тела, а гипогенитализм – недостаточность в половой сфере при недоразвитии вторичных половых признаков). Это определение не выдерживает критики. В воспоминаниях и на фотографиях виден высокий, гармонически сложенный человек, обладающий развитой мускулатурой и склонный к физическому труду. Что касается половой сферы, то о ней не корректно судить по взаимоотношениям с женой, что объяснялось не физическими проблемами. Известно также, что незадолго до смерти Блок стал отцом. Следовательно, подобные изыскания представляются несостоятельными, а их публикация вызывает сожаление. Много было и других непроверенных слухов в разных русских и зарубежных изданиях.

Все это явилось дополнительным стимулом для изучения истории болезни Александра Блока. Для более полной медицинской характеристики, с нашей точки зрения, недостаточно лишь истории последней болезни Блока, а следует вернуться к началу, ко всему тому, что неизменно отражается на медицинской «карте» любого человека. Сам поэт много думал о своей наследственности, описывая себя как « черного раба проклятой крови». (Ольга Матич, 2006).

Александр Блок родился от второй беременности (первый - мертворожденный) у молодых родителей. Беременность осложнялась тяжелыми конфликтами,

бушевавшими в семье. При всей несомненной взаимной любви несходство характеров, холодный деспотизм мужа разрушал едва начавшуюся семейную жизнь.

Принимая во внимание информационно – волновую теорию и многочисленные неоспоримые факты взаимовлияния матери и плода, не подлежит сомнению, что некоторые элементы личности Блока были заложены и в пренатальный (до рождения) период.

Александр Блок родился 16 ноября 1880 года в Петербурге в доме Бекетовых. Отец поэта, Александр Львович, отличался замкнутым нравом, был довольно угрюмым, мало общительным, деспотичным и даже жестоким человеком, вследствие чего оба его брака после непродолжительного времени распались. Не случайно, вероятно, психологические особенности Александра Львовича заинтересовали Ф.М. Достоевского. Он предполагал сделать его героем одного из романов.

Детство Александра Блока проходило в теплом доме деда, ректора Петербургского университета, профессора Андрея Николаевича Бекетова. Ребенок родился слабым, поздно начал ходить, разговаривать, и только усилиями семейного врача Бекетовых Егора Андреевича Каррика (предки которого приехали в Россию из Шотландии) постепенно окреп. По словам тети и первого биографа поэта Марии Андреевны Бекетовой ребенок отличался «нервностью», был капризный, порой необузданный, с трудно преодолимыми антипатиями. Определенная «нервность» отмечалась с первых месяцев жизни, являясь во многом результатом полученного «наследства».

Первое серьезное заболевание отмечают в 6-летнем возрасте - экссудативный плеврит, с которым Каррик успешно справился. Как известно, отец Блока страдал чахоткой, то - есть, не исключена инфицированность в раннем детстве, несмотря на их редкое общение, в силу проживания в разных городах. В семье авторитет доктора Каррика был непререкаемым и мать Блока, следуя всем его предписаниям « в отношении режима, гигиены и лечения, когда оно было нужно», добилась того, что Блок вырос здоровым и сильным юношей. В письме к А.В.Гиппиусу от

28 августа 1902 года Блок пишет: « не устаю от сорокаверстных поездок верхом». Блок был высок, строен, красив, отличался физической силой и не пренебрегал физическим трудом.

Из перенесенных в детстве заболеваний, кроме плеврита, известно воспаление среднего уха, корь, осложнившаяся бронхитом, т.е. обычные детские болезни.

В письмах и дневниках с юности звучат жалобы на простудные заболевания, воспаления десен, бронхит, боль в горле, воспаление миндалин. Указания на катаральные явления появляются довольно часто, несколько раз в год. Например, из письма матери 18 июля 1908года: «у меня жар, должно быть – простудился». 18 апреля 1912года Л.Н.Андрееву «у меня затянувшийся бронхит, так что я безвыходно сижу дома». Весь день дома, ночью простудился от форточки...» Подобные записи можно продолжить, иногда проскальзывают единичные жалобы на боль в конечностях. Известно также, что от суставного ревматизма лечился дед Блока А.Н.Бекетов.

К 20 годам Блок считался абсолютно здоровым юношей, а принимаемые им ванны при путешествии с матерью в Бад-Наугейм (1897год) были данью курортной моде, от которой он получал удовольствие. Тем не менее, после возвращения с курорта мать показывает Блока популярному русскому врачу- терапевту Владимиру Михайловичу Кернигу(1840 – 1917), автору известного «симптома Кернига» при менингите и работ по воспалению сердца, в частности перикардиту. По мнению доктора, лечить такого молодого человека грешно. Друг поэта В.А. Зоргенфрей отмечал, что физической силой и физическим здоровьем Блок был наделен в избытке.

В то же время, как сказано выше, письма и дневниковые записи самого поэта и, особенно, его матери пестрят различными жалобами и тревогами. Преимущественно подчеркивается «нервность», слабость, душевная связь с изменениями в атмосфере или как он отмечал в письмах «гнет погоды». Известно, что во время путешествия с женой Любовью Дмитриевной (1909г), Блок брал уроки плавания, чему помешала развившаяся ангина с

высокой температурой, прошедшая в течение несколько дней без осложнений. Справедливости ради, нелишне подчеркнуть, что и в век антибиотиков и всего фармакологического арсенала, воспаление миндалин продолжается практически то же количество дней. Касаясь обилия в наши дни лечебных препаратов, приведу слова профессора Вотчала о «безопасной хирургии и опасной фармакологии». Каждое время рождает свои проблемы. Одни болезни приходят на смену другим, что делает врачевание вечной профессией.

Мать поэта зорко следила за здоровьем сына и при малейших проявлениях недомогания спешно обращалась к врачам. Особо часто врачи осматривали Блока в 1909 году. Этот год был по-своему рубежным в душевной жизни Блока. Незадолго до этого рухнули идеальные представления о «вечной женственности», диктующие определенные семейные отношения, что вызвало первые потрясения. Впервые возникла угроза разрыва с женой, что осложнялось и временной ссорой с близким по духу и взглядам Андреем Белым (Борисом Бугаевым), имеющим к семейной трагедии самое прямое отношение, что хорошо известно, но чего не считаю нужным касаться.

«Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм».

Постепенно драма завершилась, Любовь Дмитриевна осталась с мужем. Но проблемы остались. Закрутился вихрь «Снежной маски», увлечение Блока актрисой Н.Н. Волоховой.

Пережитый стресс очень серьезно отразился на всех участниках драмы, во всяком случае, на душевном здоровье не только самого поэта, но и его матери. Последнее, несомненно, важно, в силу их сходной нервной организации и очень теплых отношений. Через какое-то время Блок, помирившись с женой, выезжал в Европу, но в письмах продолжают звучать жалобы на «разнервленность».

По возвращении из заграницы, как и до отъезда, Блока осматривает доктор А.А.Белоголовый, (доктор

медицины, старший врач мужской обуховской больницы) однофамилец, а возможно родственник Н.А.Белоголового, лечившего в прошлом Тургенева и Некрасова, друга и последователя С.П.Боткина. Почти в тоже время его принимают доктора Козловский, Федоров. Практически все специалисты констатируют подавленное состояние, малокровие и предлагают общеукрепляющее лечение. Блок в связи с этим грустно констатирует в письме матери: «всякая болезнь в проклятом Петербурге естественна и разрастается в неопределенные «инфлюэнцы», лечить которые как следует нельзя». Появляется диагноз «цинга». Именно к этому мы будем не раз возвращаться.

В ноябре 1909 года Блок получает известие из Варшавы о тяжелой болезни отца. Он сообщает об этом сводной сестре Ангелине, но только после второго сообщения выезжает в Варшаву. Он не успевает увидеться с отцом, опоздав на несколько часов.

Парадоксально, но «невстреча» с отцом, внезапно приоткрывает Блоку все богатство и своеобразие личности Александра Львовича. В начатой вскоре после смерти отца поэме «Возмездие» он написал: « Да, сын любил тогда отца

Впервой...»

Так заканчивается (Александр Львович умер 1 декабря 1909г.) трудный, в чем-то поворотный год в жизни поэта. Если материальное положение Блоков, благодаря полученному от отца наследству, существенно улучшается, то этого нельзя сказать о душевном состоянии. Он перестраивает Шахматово, создает по своему вкусу комнату для себя и для Любови Дмитриевны, но тревоги и меланхолические мотивы в письмах и дневниках звучат по-прежнему. В 1909 году в письме Л.Д.Блок впервые появляется жалоба на боли в сердце: «Постоянно хватает за сердце».

За лето 1910 года по свидетельству М.А.Бекетовой Блок плохо поправился и вновь обращается к врачу, жалуется на боль в сердце. Осмотр доктора Николая Федоровича Чигаева, (статский советник, доктор медицины, приват-доцент Военно-медицинской академии) показал « сильнейшую степень неврастения и, возможно, зачатки

ипохондрии, назначил общеукрепляющее лечение». Очевидно, жалобы на боли в сердце рассматривались в контексте нервных расстройств, очень часто проявляющихся смутными ощущениями сердечного неблагополучия. На это четко указывает улучшение самочувствия и прекращение жалоб после назначенного и выполненного общеукрепляющего лечения.

При осмотре в 1911 году врачи также отмечают неврастению, «нервы в таком состоянии, что на них следует обратить внимание». Врачи советовали шведский массаж, инъекции спермина, что довольно скоро улучшило общий тонус. Из письма к матери от 21.02.1911- «чувствую себя окрепшим физически и соответственно нравственно. Я физически окреп и очень серьезно способен относиться к телесной культуре, которая должна идти наравне с духовной. Меня очень увлекает борьба и всякое укрепление мускулов, и эти интересы уже заняли определенное место в моей жизни...» Но улучшение состояния здоровья не было длительным. Создается впечатление, что в этот период еще не было органических повреждений и потому эффективным оказывалось общеукрепляющее лечение.

В последующие годы Блок неоднократно обращался к разным докторам в обеих столицах, но кроме нервных расстройств, явлений «цинги» ничего не диагностировалось. Что касается цинги и подагры, то эти диагнозы в XIX и начале XX века нередко звучали без четкой аргументации и были весьма характерными для признаков многих, совершенно различных страданий. Так, например, в 19 веке звучал диагноз - лихорадка, объединявший заболевания различной причины, общим служило лишь повышение температуры. Нервная обстановка в доме, пристрастие к алкоголю, ночные прогулки, нередко по трактирам, не способствовали снятию напряжения. Много, возможно, чересчур много внимания уделяется некоторыми мемуаристами «алкоголизму» Блока. Действительно, были периоды неумеренного употребления крепких напитков. Об этом писал сам поэт: Л.Д. Блок от 23 июня 1908года: «Пишу тебе совершенно больной и измученный пьянством» и далее:

« Пил я мрачно один, но не так уж много, чтобы напиться до крайнего свинства: скучно пил».

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

Таких свидетельств довольно много. Мы их сознательно не приводим, так как они больше, чем следует, приводились мемуаристами. Нередко алкоголизм бесосновательно выставлялся некомпетентными в качестве причины смерти поэта. У Блока не было непреодолимого влечения к алкоголю, что не позволяет говорить об этом, как о заболевании. Скорее всего, периодически возникающее пристрастие к вину, являлось следствием тяжелой психопатии, тяжким «наследством», полученным поэтом от родителей. На таком неблагоприятном фоне возникали, тем не менее, шедевры поэтической лирики.

Тревоги и неуверенность в себе, характерны для Блока на протяжении жизни. В это же время (1910) отмечается ухудшение здоровья у матери поэта: на фоне резкого обострения подавленности, ипохондрии развились эпилептические припадки неизвестной причины, названные «эпилептоидами». Существует множество видов эпилепсии – генуинная, истероидная, психопатическая. В 1956 году Е.И.Лихтенштейн и Н.Б.Маньковский выделили, так называемую, митральную эпилепсию, развивающуюся на почве порока сердца (пороком сердца, по словам М.А.Бекетовой страдала мать Блока). Из-за вызванного пороком сердца изменения кровотока, возникает нарушение кислородного питания сердца и мозга, что может приводить, по мнению авторов, к судорожным припадкам. Подобные припадки не нарушают интеллект пациента, но, несомненно, способствуют душевному дискомфорту. Александр Александрович, не будучи врачом, дает профессионально четкую картину развития приступа у матери, что в переложении М.А.Бекетовой звучит следующим образом – «Начинаются они с неопишуемого блаженства или страдания,

затем краткого беспамьяства. Они сопровождаются известной степенью духовного просветления и очень тяжелы по своим последствиям: потеря памяти, растерянное и удрученное состояние, обычные явления жизни получают характер чего-то дикого и страшного. В период обострения нервной болезни матери Блок писал ей записки такого типа – «Мама, тебе очень грустно. А я думаю о тебе». Приведенные фрагменты переписки еще раз подчеркивает особую, нерасторжимую связь сына с матерью и сходство их психологического облика. Подобная близость не противоречила нередко возникавшим разногласиям и тяжелым конфликтам, особенно связанными с Любовью Дмитриевной.

В 1911 -1912 годах Блок наблюдается попеременно разными докторами. Они независимо друг от друга рекомендуют общеукрепляющее лечение, ограничить употребление алкоголя. Звучит и совет удалить миндалины. (Вихерт). Об этом поэт пишет В.Пясту: ... «У меня все не проходит цынга, и потому железы все время в неестественном состоянии, сражаются с цынгой. А без желез, согласитесь, человек уже не жилец на этом свете: всякий будет над ним издеваться, и уличные мальчишки будут бегать за ним по улице и тыкать пальцами». По нашему мнению, исходя, из картины последней болезни Блока, возможно удаление миндалин могло приостановить ее развитие и отдалить фатальный конец. Но этого сделано не было.

Весной 1913 года у Блока обостряется отит, периодически упоминается о боли в горле, лечится компрессами. Продолжается состояние угнетения и тоски. Доктора рекомендуют «средиземноморское» лечение. Там же на побережье Средиземного моря Александр Александрович заболевает ангиной с высокой температурой, и вскоре возвращается в Россию. Продолжаются жалобы на плохое настроение, тоску. Доктор назначает арреноль, препарат, содержащий мышьяк и бром (М.М.Щерба, Л.А.Батурина,1987).

С 1913 по 1917 почти нет жалоб на простудные заболевания. В 1917 году, навестив мать, Блок обратился к

знаменитому доктору Юрию Владимировичу Каннибаху, очевидно, невропатологу, что отвечало профилю санатория, в котором лечилась Александра Андреевна. Доктор повторил, ставший почти постоянным диагноз: неврастения и назначил бром с валериановыми каплями.

Во время первой мировой войны поэт был призван в армию, занимался штабной работой без особых жалоб. Это продолжалось и в годы февральской и даже октябрьской революции, Блок в гуще событий. Он член нескольких комиссий, фондов, редколлегий журналов, редактирует множество изданий. В 1917 году в письме к матери Блок пишет: « Я очень здоров, чрезвычайно укреплен верховой ездой, воздухом и воздержанием...».

Апофеозом жизни и творчества явилась поэма «Двенадцать», написанная в период увлечения революцией. Эта же поэма, от которой поэт никогда не отказывался, тяжело отразилась на его взаимоотношениях с прежними друзьями и единомышленниками, многие из которых отказались принимать его. (З.Н. Гиппиус, Д.С.Мережковский и др.).

Отрезвление наступило быстро, вызвав симптомы угнетения, тоски. Летом 1919года в дневнике Блок писал: « Чего нельзя отнять у большевиков – это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей». Поэт перестал по его словам «слышать музыку», больше стихов не писал за исключением, посвященного Пушкину, что, как и пушкинская речь явились фактически поэтическим завещанием Александра Александровича.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Вспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окна шторы?
День догорел в душе давно.

В конце жизни, по словам художника Юрия Анненкова, Блок повторял: ... «Мы задыхаемся, мы задохнемся все! Мировая революция превратилась в мировую грудную жабу».

По воспоминаниям М.А.Бекетовой зима 1917- 1918 года была для Блоков самой трудной. Этой зимой он недоедал, замерзал, но, по словам мемуаристки, сохранялось приподнятое настроение, что облегчало тяготы бытия. В последующие годы Любовь Дмитриевна и Александр Александрович много работали, получали пайки и могли даже помогать деньгами и продуктами, плохо обеспеченным материально, матери и тетке поэта. Так что в эти годы Блок не голодал, но в рационе отсутствовало достаточное количество витаминов, пища не отличалась разнообразием. В конце декабря 1919года Джон Францевич Инге, домашний врач Кублицких – Пиотух, (второго мужа матери поэта) осматривая Блока, отмечает жалобы на катаральные явления, фурункулез, диагностирует инфлюэнцу (грипп). В конце марта того же года «вдруг жар- жар меньше, жар больше».

Современник Блока поэтесса, писатель, мемуарист Нина Берберова относит первые приступы болезни к 1918году, когда появились упорные боли в спине и сердце. «Александр Блок и его время»1999. В последующем жалобы на боли в спине не звучат. Возможно, они действительно имели место, но были проявлением банального радикулита, учитывая, что именно в это время Блоку приходилось таскать вязанки дров, мебель при переезде с квартиру на квартиру и.т.д. Что касается неприятных ощущений в сердце, то периодически это звучало, но оставалось без внимания.

Начальные признаки последнего заболевания Александра Александровича стали появляться, по мнению М.М.Щербы и Л.А.Батуриной в 1920 году. В апреле 1921года Блока осмотрел А.Г.Пекелис, прекрасный терапевт, добрый знакомый и сосед по дому. Он нашел остаточные явления гриппа и невроз сердца средней степени. По справедливому мнению М.М.Щербы и Л.А. Батуриной состояние поэта было оценено неверно, возможно над врачом довели прежние осмотры с набором жалоб на общую слабость, угнетенность, что было и при этой встрече.

К сожалению, нередко случаи, когда предшествующие длительные жалобы становятся привычными и на них перестают обращать внимание. Об этом есть прекрасный рассказ, кажется Мюэма, в котором речь идет о женщине с бесконечными недомоганиями, успевшей при этом пережить троих мужей, расстраивающей неоднократно замужество дочери и, умирающая накануне не единожды откладываемой свадьбы дочери, уставшей от многолетних однотипных стенаний матери.

Возвращаясь к болезни Блока, представляется, что не были приняты во внимание столь важные обстоятельства как скачки температуры в марте и апреле, фурункулез, подкожные узелки на ногах, боли в руках и ногах. При повторном осмотре в конце апреля Пекелис отмечал, что температура «никак не может установиться». Я не только полностью согласна с мнением М.М.Щерба и Л.А.Батуриной, 1987 о наличии уже в этот период признаков серьезного заболевания сердца, (конец 1920года), но отношу начало заболевания на 6-8 месяцев раньше. Именно с этого времени чаще обычного возникают «простудные заболевания», отмечается необычная бледность, малокровие, периодически боли в сердце, одышка при ходьбе.

Имеются свидетельства близких друзей поэта об изменении его внешнего облика: тусклые глаза, внезапное старение. Двоюродный брат Г.П.Блок отметил диагностически очень важный симптом – крупные выпуклые ногти, что свидетельствует о воспалительном процессе в организме, возможно, ревматической этиологии.

Весьма интересно, что часто наличие тех или иных признаков заболевания, не зная и не подозревая о них, сообщают внимательные знакомые, нередко писатели. Так, известно, что Л.Н.Толстой в повести «Смерть Ивана Ильича» дал классическое описание рака кишечника, выделив позднее открытый крупным отечественным ученым профессором В.П.Образцовым симптом распространения (интерференции) боли. Известны синдромы «Альфреда де Мюссе» и многие другие. По свидетельству родных, у Блока в зиму 1921 года нередко повышалась температура, появлялись гриппозные симптомы, частые ознобы. Сам поэт

пишет 26 января 1921 года:... «Очевидно, я болен: устаю, голова плохо думает, страшно тяжело». Андрей Белый указывает со слов матери Блока, на появление в январе 1921 года сильнейшей слабости, непрекращающегося чувства холода и ночных потов. Между тем, доктор Пекелис при повторных осмотрах по-прежнему диагностирует грипп.

С весны 1921 года по словам В.А.Зоргенфрея «впервые заговорили внятными для окружающих языком» о болезни Блока: он жаловался на боль в ногах, одышку, «чувствовал» сердце, поднявшись на второй этаж, садился утомленный. Подобные жалобы для физически крепкого с развитой мускулатурой Блока, были не характерны и свидетельствовали о глубоких нарушениях здоровья поэта.

Реконструкция болезни Блока существенно затруднена, так как поэт лечился только в домашних условиях, истории болезни в медицинском понимании не существует. Есть только краткая записка, составленная врачом Пекелисом. Следовательно, приходится основываться на воспоминаниях родных и друзей и очень беглых замечаниях многочисленных врачей, в разное время осмотревших Блока. Как известно, однократные осмотры без серьезного обследования грешат неполнотой и неточностью. Немаловажно, что и в последний год поэта осматривали многие врачи, и лишь финальные три месяца его лечил один врач, доктор Пекелис. Отсутствуют в доступной нам литературе результаты обследования и названия принимаемых Блоком препаратов.

С весны 1921 года доминируют жалобы на боль в ногах, звучавшие, что очень важно и ранее, отмечают и «опухоли» на ногах. О боли в руке, отчего трудно писать, известно из писем и дневников Блока 1920 и 1921 годов. По свидетельству всех мемуаристов в этот период, Блок был очень слаб, похудел, ходил, опираясь на палку из-за болей в ноге. И, тем не менее, в мае 1921 года Блок вместе с К.И.Чуковским и С.М.Алянским выехали в Москву, где предстояло несколько выступлений. Все надеялись, что положительные эмоции окажут, как в прежние годы, целительное действие и наступит улучшение. Приехав 1 мая

в Москву, Блок « с трудом сошел вниз, опираясь на палку, с трудом сел на извозчика».

К.И.Чуковский, близко наблюдавший Александра Александровича в эти дни писал: « передо мной сидел не Блок, а какой-то другой человек, совсем другой, даже отдаленно не похожий на Блока. Жесткий, обглоданный, с пустыми глазами, как будто паутиной покрытый». В Москве поэт обратился к врачу Кремлевской больницы Александре Юлиановне Каннель, (впоследствии она проходила по процессам 30-х годов) обнаружившей сильное истощение, малокровие, на ногах цинготные опухоли и расширение вен. Назначила мышьяк и стрихнин, щадящий режим. Никаких органических изменений не отметила. Таково заключение врача при осмотре в мае 1921, когда болезнь поэта была в разгаре. Блок в этот период в письме матери жаловался на боли в ногах и руке, слабость, плохой сон. В письме К.И.Чуковскому в том же мае 1921года Блок признается: «слопала»- таки поганая, гугнивая, родная матушка Россия, как чушка, своего поросенка». Андрей Белый писал, что из последней поездки в Москву в 1921 году, Блок вернулся больной, подчеркивая при этом, «нервное переутомление, подагра и цинга вместе (как говорили – впрочем, кто разберет)».

Между тем, близкие понимали тяжесть состояния Александра Александровича и, с весны, выполняя совет Пекелиса, начали хлопоты о поездке поэта в финляндский санаторий. Этим активно, заинтересованно занимались А.М.Горький и А.В.Луначарский. По этому поводу было несколько заседаний Совнаркома. По предложению Ленина член президиума ВЧК Р. Менжинский составляет отзыв на письмо: Уважаемый товарищ! Блок натура поэтическая, произведет на него какая- то история дурное впечатление, и он совершенно естественно будет писать против нас. Помоему, выпускать его не стоит...» Ленин проголосовал против поездки Блока в санаторий в Финляндию, Троцкий и Каменев - за. Луначарский хлопоты не прекращал, подчеркивая опасность для большевистской власти упреков по поводу судьбы всемирно известного поэта, и не хотел быть причастным к этому. Не касаясь длительных,

оскорбительных хлопот, известно, что разрешение прибыло за день...до смерти Блока. (Виталий Центалинский 1995). Александр Потапов,(29)09.12.2002 Газете «Версия в Питере» Конкретно ru.

Впрочем, на том этапе развития болезни, как это видится в настоящее время, санаторий, даже финляндский уже не мог остановить процесс, неумолимо ведущий к гибели. Пекелис в середине мая, то - есть, через две недели после Каннель, уже отмечает органические повреждения сердца, расширение границ, появление шумов, удушье и боли в груди, отеки на ногах, ставшее привычным повышение температуры, ее скачки. Но только во второй половине мая при повторном осмотре поэта Пекелис впервые высказывает мнение о серьезном заболевании сердца, а не о неврозе, назначает покой и ежедневно наблюдает. Сам поэт 28 мая 1921 года отмечает: «я болен так, как не был никогда еще: жар не прекращался, и все всегда болит. Уже вторые сутки - сердечный припадок. Я две ночи почти не спал, температура то ниже, то выше 38. Встаю с постели редко, больше сижу там, лежать нельзя из-за сердца». 17 июня по просьбе Пекелиса Блока осмотрели П.В.Троицкий, профессор, заведующий терапевтическими кафедрами женского медицинского института и Военно-медицинской академии и доктор Э.А. Гизе, заведующий неврологическим отделением Обуховской больницы. Был поставлен диагноз – острый эндокардит. Психастения. Профессор Троицкий тогда же сказал: «Мы потеряли Блока». (Щерба и Батурина,1987). Лечение оказалось неэффективным. Состояние ухудшалось. Периодически наступало помрачение сознания. Периоды апатии, депрессии сменялись состоянием крайнего возбуждения, уничтожением рукописей и записных книжек, отказом от еды и приема лекарств, в которые уже не было веры. Блок жаловался на одышку, подчеркивая ощущение, что сердце заняло полгруды.

Подобные жалобы с наибольшей долей вероятности свидетельствуют о стенокардии, упоминания о которой появились в последние дни в записях Пекелиса.

«Последние недели жизни поэт испытывал страшные мучения от удушья, томления боли во всем теле. Он совсем не мог лежать, и сидячая поза страшно его утомляла. Дни он проводил часто в полудремоте, сидя на постели в подушках, ночью иногда просыпался несколько бодрее. Александр Александрович жестоко страдал до последней минуты. Скончался он в 10 утра в воскресенье 7 августа 1921 года в присутствии матери и жены». М.А. Бекетова,(1990).

Известие о смерти Блока потрясло общественность. Поползли гнусные слухи о смерти Блока от...сифилиса, цинги, голода, острого психоза. Бунин, например, по свидетельству Берберовой, утверждал, что Блок был «рахитиком и дегенератом» и умер от сифилиса. Не считаю нужным даже оспаривать приведенную цитату. Впрочем, негативное отношение к Блоку весьма желчного в своих антипатиях Бунина, известно, но не имеет никакого отношения к правде о болезни поэта. Говорил ли об этом Бунин?... Еще большее сожаление вызывает, что нелепая легенда (легенды, как известно, отличаются живучестью) прозвучала и в статье литературоведа Ольги Матич из сборника «Русская литература и медицина», 2006. Она основывается на мнении того же Бунина.

Что же произошло на самом деле? Мы проанализировали доступную литературу, включающую письма, дневники, воспоминания, дополняющие скудные медицинские свидетельства. Следует думать, что у Блока был ревматизм, возможно, с 1910 года. Это мог быть вялотекущий воспалительный процесс, как результат частых ангин, простудных заболеваний, воспаления десен (гингивит), возбудителем которых нередко являются стрептококк и стафилококк, что при ослаблении организма, неблагоприятном эмоциональном фоне, повторяющегося состояния угнетения, сенсibilизации (повышенной чувствительности) может осложниться ревматическим поражением сердца и сосудов. Заболевание протекало в значительной степени бессимптомно, проявляясь неспецифическими жалобами на общую слабость, утомляемость и частыми простудными заболеваниями. Переход заболевания из одной стадии в другую обусловлен

сочетанием множества разнообразных, не всегда идентифицируемых факторов. Очень большое значение, как мы уже отмечали, имеют эмоциональные факторы, общий тонус организма. Неоднократно упоминающиеся в последние месяцы жизни Блока «цинготные» опухоли и утолщения на коже ног, скорее всего, были характерными для ревматизма узелковыми поражениями. Для клинической картины ревмокардита (вовлечение в ревматический процесс сердца) характерны и расширение границ сердца, нарушение звуковой мелодии, что зафиксировано в записях Пекелиса. Отмеченные им стойкие отеки на ногах, являясь симптомами декомпенсации деятельности сердца, подчеркивают тяжесть поражения. В последующем, по-видимому, на фоне резкого снижения иммунитета, произошло обострение заболевания: присоединилось воспаление сердечных оболочек – эндокарда (внутренняя оболочка сердца) и перикарда (наружная оболочка). В пользу наличия последнего свидетельствует одышка, как одна из доминирующих жалоб последних недель. Одышка, несколько облегчалась в сидячем положении. Периодически отмечаемые помутнения сознания, возможно, связаны с преходящими спазмами мозговых сосудов или даже с их эмболией, характерными для этого заболевания.

В «Записках врача» Вересаев(1902) упоминает о салицилатах, хорошо действующих препаратах при лечении начальных стадий ревматизма и их практически полной неэффективности в случаях осложненного течения. Неизвестно назначались ли они Блоку, возможно, и нет, так как не звучал диагноз ревматизма, неизвестно проводилось ли рентгенологическое исследование грудной клетки.

Блок жаловался на ночные поты. В связи с чем, Любовь Дмитриевна опасалась туберкулезного процесса, памятуя об отце поэта, умершем от чахотки. (См. выше). Эти сомнения могла разрешить рентгеноскопия, что сделано не было.

Исходя из того, что в последние месяцы Блок страдал, скорее всего, подострым септическим эндокардитом (Щерба и Батурина,1987) и перикардитом той же причины, то без антибиотиков успешное лечение этого заболевания

невозможно. Нельзя исключить у него и явлений стенокардии и даже инфаркта миокарда, вызванного характерной для данного заболевания эмболией, на что указывают жалобы на боли в сердце спастического характера. Блок образно описывает свои ощущения «сердце занимает полгруды». А в самые последние дни, по свидетельству Е.Ф.Книпович, Блок страдал от очень сильных болей в сердце «и кричал страшным криком, которого во всю жизнь не забыть».

К сожалению, первые электрокардиографические исследования, могущие пролить свет на характер заболевания, были сделаны только в 1928 году Гарольдом Филом и Мортимером Сигел и, следовательно, в описываемое время были не доступны.

Подострый септический панкардит (воспаление всех сердечных оболочек) – является нередко следствием длительного вялотекущего заболевания, развивается чаще у мужчин в возрасте 20-40 лет. Для него характерна слабость, лихорадка, малокровие, похудание вплоть до истощения, озноб. Часто возникают эмболии, попадание тромба в разные органы и сосуды, нередко с фатальным концом.

Заключая попытку реконструкции посмертного диагноза Блока, несмотря на все допущения, из-за скудных медицинских свидетельств, представляется несомненным, что смерть поэта наступила от выраженного, опасного сердечного заболевания, явившегося осложнением длительно протекающего ревматического процесса, вылечить которое, как и верно диагностировать в 20-годы, было крайне сложно или даже не представлялось возможным.

Хочется думать, что все проделанные в этом направлении исследования прекратят беспочвенные слухи о причинах смерти поэта, умершего от болезни сердца, а не от сифилиса или чего-то другого.

В 20-30 годы в отечественных и эмигрантских изданиях опубликовано много правды и еще больше искажений, ничего не имеющих с правдой. Смерть Блока была воспринята эмигрантскими кругами, как продолжение национальной катастрофы. Юрий Анненков (художник)

вспоминал: « Как отозвалась официальная пресса на смерть Александра Блока? В газете «Правда» от 9 августа 1921 года появилась следующая заметка: « Вчера утром скончался поэт Александр Блок». Все: Больше – ни одного слова».

Е.Замятин писал К.И. Чуковскому 8 августа 1921 года на следующий день после кончины поэта: «...Умер Блок. Или вернее: убит пещерной нашей, скотской жизнью. Потому что его еще можно было спасти, если бы удалось вовремя увезти за границу. 7 августа 1921 года такой же невероятный день, как тот – 1837 года, когда узнали: убит Пушкин».

Некоторые отклики привожу по материалам О.Л.Фетисенко. Гельсингфорские газеты 11 августа 1921 года напечатали: Умер от цинги Александр Блок. Лечение оказалось невозможным не только из-за полного отсутствия медикаментов, но и от возраставшего истощения из-за продолжавшегося недоедания. Один из обозревателей «Общего дела» писал –« любимый поэт умирает от голода. Неужели нельзя было спасти хоть его?». «Умер от цинги, от недоедания, от подлого голода бесспорный и первый поэт России». (И, Василевский, 1921). Да вы не поставили его к «стенке», но вы поставили его к «цинге». Он умер от вашего режима.(13 августа 1921 года).

Подобных публикаций великое множество. Конечно, разочарование жестокое и беспощадное в том, что происходит, у поэта наступило. Блок подчеркивал, что успешнее всего большевики разрушают, а не созидают. Как приведено выше, еще в мае 1921года Блок признается: «слопала»- таки поганая, гугнивая, родная матушка Россия, как чушка, своего поросенка». Конечно, он был подавлен и угнетен, конечно, болезнь чаще развивается на таком фоне, но были и другие вполне объективные причины. Правильнее, наверное, говорить обо всем комплексе причин и трагическом их сочетании, с чем справиться не удалось.

Литература

Ахматова Анна. Воспоминания об Александре Блоке. В кн.: Ахматова Анна Стихи и проза. Лениздат. 1976.

Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке Москва: Правда, 1990.

Берберова Н. Александр Блок и его время. Москва: Независимая газета, 1999.

Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. Литературное Наследство, книга 3, с.802, 1982.

Блок Александр. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 8. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963.

Блок Александр Новые материалы и исследования Литературное наследство. Москва, кн.3, 1982.

Блок Любовь. И, были и небылицы о Блоке и о себе http://www.silverage.ru/poets/blok_lub.html

Замятин Евгений из Дневника К.И.Чуковского. Дневник. В двух томах. том. 1, с. 491. Москва, Современный писатель. 1997.

Лихтенштейн Е.И., Маньковский Н.Б. и др. Врачебное дело, 1956 ,2

Лихтенштейн Исанна. История болезни и смерти А.А.Блока. Долгожитель. Приложение к газете Новости недели, 22 декабря 2005.

Матич Ольга. Поздний Толстой и Блок - попутчики по вырождению. Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика: сборник статей под редакцией К.Богданова, Ю.Мурашова др. Москва: Новое издательство, 2006.

Миц Я.В. Клинический архив гениальности и одаренности, т.4.вып.3, 1928.

Пекелис А.Г. Краткая заметка о ходе болезни поэта А.А.Блока. 27 августа 1921 цит. Литературное наследство. кн.4. Москва: Наука,1987.

Потапов Александр. Тайна смерти Александра Блок» Газета Версия в

Питере 48, 09.12.2002 Конкретно RU.

Фетисенко О.Л. Первые отклики на смерть А. Блока в прессе русского зарубежья. Зарубежная Россия 1917 -1945. СПб.2004.

Центалинский Виталий. Новый мир ,1995,4:28.

Чуковский К.И. Дневники в 2 томах. Москва: Современный писатель, 1997.

Щерба М.М. и Батурина Л.А. История болезни Блока Литературное наследие Александр Блок Новые материалы и исследования. Книга 4. Москва: Наука, 1987.

Ангелы и Демоны Врубеля

Автопортрет

Так случилось, что в городе на Днепре получил известность Михаил Александрович Врубель. В Киев приехал, никому неизвестный студент Академии художеств, ученик П.П. Чистякова. Приехал по приглашению профессора- искусствоведа Адриана Прахова для работ по реставрации старинной (12 век) Кирилловской церкви... В Москву через четыре года уезжал прекрасный художник, автор множества монументальных работ и великолепных картин.

Случай? Судьба? Возможно. Так или иначе, молодой художник обязался выполнить в Киеве весьма непростую

работу. По договору Врубель должен был написать для Кирилловской церкви за 1200 рублей четыре образа на цинковых досках для одноярусного мраморного иконостаса в Византийском стиле, купив за свои деньги необходимые для работы материалы. Не могу оценить адекватность оплаты, но тон воспоминаний Адриана Прахова заставляет в этом усомниться. Врубель поселился в мастерской художника В.Орловского в доме Дузинкевича на улице Десятинной14. Живя много лет на Десятинной улице (прежние названия - Трехсвятительская, Жертв революции), ежедневно проходила мимо дома, на котором позднее появилась мемориальная доска, работы Кавалеридзе. Дом примыкал к ажурной, как бы парящей Андреевской церкви, (архитектор Растрелли), прекрасному Андреевскому спуску, прославленному пару десятилетий спустя Михаилом Булгаковым. Через дорогу от дома - фундамент знаменитой Десятинной церкви,разрушенной Батыем в 13 веке. Из окон квартиры Врубеля просматривался Днепр, Подол и дорога к Кирилловской церкви. Город понравился Михаилу: "Какой же прекрасный, однако, Киев! Я люблю Киев!» В городе помнят художника... Обнаруживаются неизданные, нечитанные прежде воспоминания. Слухи, легенды...

Врубель сразу же обратил на себя внимание новых знакомых. Причем воспринимался по – разному. Одним казался денди - аккуратный, подтянутый, с платочком в кармане пиджака, подчеркнуто вежливый и знающий себе цену. Другие описывали Михаила Александровича небрежно одетым, вспыльчивым, недовольным собой.

Почему полярны воспоминания? Чьё мнение ближе к истине? Правы и те, и другие. Таким разным бывал Врубель.

Жизнь и творчество художника никого не оставляли равнодушным. Его принимали или отвергали. Среднего не дано. Друзья и недоброжелатели отмечали, что Михаил Александрович владел в совершенстве всеми видами изобразительного искусства – живопись, портреты, натюрморты, керамика, скульптура, книжная графика, оформление спектаклей. Работал быстро, четко, продумано. Особо подчеркивают цепкую фотографическую память. Он был эйдетиком,-особая образная память. Единожды

просмотренное мог воссоздать по памяти, особенно запоминал цветовую гамму. Эту черту художника: «острую способность все запоминать» подчеркивают Валентин Серов и киевский художник С.П. Яремич. Эйдетики склонны к галлюцинациям, их преследуют зрительные образы, бывают слуховые и обонятельные.

Врубель не укладывается в прокрустово ложе определенного направления в искусстве, он сам – направление, сам воплощенное искусство. Писать мог в любой манере, но писал так, как виделось необходимым для воплощения конкретного замысла. Иногда замыслы менялись, и автор переделывал, казалось, законченную работу. Нередко на одном и том же холсте были заметны следы предыдущих работ. Художник не поспевал за полетом фантазии. Он творил. Врубеля очень трудно объяснить другому, его только можно показать и спросить: «приемлется это или нет» (Н.И. Мурашко Воспоминания старого учителя).

Спустя годы творчество художника по-прежнему вызывает восторг и неприятие, не утихают споры и о личности Врубеля, его болезни. Как разобраться в переплетениях жизненных коллизий, тяжелой болезни одного из лучших художников 20 века?

Следую мнению Уинстона Черчилля, что «хронология – это ключ к успешному повествованию», коснусь биографических моментов необходимых для изложения.

Михаил Александрович родился 5(17) марта 1856 года в Омске в семье военного юриста Александра Михайловича Врубеля и Анны Григорьевны Басаргиной, дочери Астраханского вице-губернатора, родственницы декабриста Басаргина. Профессия отца была причиной частых переездов и связанной с этим необходимостью менять место учебы, приспосабливаться к жизни в новых условиях, к новым знакомствам. Трагическим событием стала смерть мягкой нежной матери, умершей от туберкулеза, когда Михаилу едва исполнилось 3 года. Через три года отец женился на Елизавете Христиановне Вессель, пианистке. Судя по всему, отношения в семье были уважительными, гармоничными. Врубель хорошо учился в

разных городах и разных школах, куда судьба забрасывала семью. Михаил окончил с золотой медалью Ришельевский лицей в Одессе. Учился легко, интересовался языками, литературой, с 3-5 лет проявилась тяга к рисованию. Отец заметил способности сына и с детства обучал рисованию. В Одессе Михаил учился в художественной школе. Познакомился здесь же с художником Леонидом Пастернаком, дружеские отношения с которым продолжались до конца жизни Михаила Александровича. В картине «Демон сидящий» друзья отмечают сходство с молодым Борисом Пастернаком. Врубель бывал в доме у Леонида Осиповича, так что сходство вполне объяснимо. (Леонид Дубшан Близнец Демона «Звезда» 2000, 9)

Еще в школьные годы родные и соученики нередко отмечали особую задумчивость молодого Михаила, отрешенность, поглощенность какими – то мыслями. Казалось, не видел ничего вокруг, как бы отсутствовал. Очевидно поэтому в гимназии получил прозвище «философ». Дома его называли «молчуном». Отец замечал перепады настроения сына и волновался: «опять ты впал в свое оцепенение» (Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Изд. Искусство. Ленинград, Москва, 1963).

Врубель талантом, увлеченностью, неординарным подходом к изображению сразу же обратил на себя внимание студентов академии. Интересовался творчеством художников из объединения « Мир искусства». Но по свидетельству биографов мало с кем из художников дружил.

В 1884 году крутой судьбоносный поворот-приезд в Киев. Немедленно включается в работу. Изучает фресковую Византийскую живопись по сохранившимся фрагментам в Кирилловской церкви и, конечно, в Софиевском соборе (11 век) Много читает. Быстро овладевает мастерством фресковой живописи, иконописью и в течение короткого времени пишет для мраморного иконостаса храма иконы « Богоматерь с младенцем», «Христос» «Кирилл» и «Афанасий». Кроме того он создал и настенные росписи. Отношения с коллегами дружеские, но как и в Академии художеств, без особой близости. Несмотря на некоторую отстраненность, известны теплые воспоминания Мурашко о

совместной работе, а художник Степан Петрович Яремич стал автором первой фундаментальной биографии Врубеля.

В Киеве вскоре после приезда сложились хорошие отношения с семьей Адриана Прахова, особенно с его женой Эмилией. Врубель был очень увлечен Эмилией Праховой, трагично переживал отсутствие взаимности. Михаил Александрович в состоянии отчаяния даже нанес себе повреждения ножом на груди. По словам Константина Коровина, он видел следы порезов, о причине рассказал Врубель.

Лицо Праховой просматривается в лике Богородицы и даже Христа. Впрочем, Врубель как и другие художники, использовал в качестве моделей своих знакомых. Прототипом образа Богородицы в центре апостольской группы "Сошествия Святого Духа" (1884) явилась Мария Федоровна Ершова, фельдшер, которая ухаживала за Эмилией Львовной во время болезни. В образе одного из апостолов (третий слева снизу) запечатлен профессор Адриан Викторович Прахов. Известный русский психиатр, психоаналитик профессор Иван Дмитриевич Ермаков в бытность студентом, видел Врубеля в клинике Московского мединститута. В последующих статьях и в рукописной работе «Новеллы о творчестве» Ермаков отметил, что портрет Христа Врубель написал с лица женщины, заразившей его сифилисом. При этом он усилил «страдальческое, глубоко ушедшее в себя и в то же время благостное выражение» этого лица. Автор подчеркивает роль творчества как психологической защиты: «сам находясь в состоянии глубокой подавленности, Врубель занялся не своими проблемами, а образом женщины, ее горем, ее ужасом». Таинственная «Девушка на фоне персидского ковра» -дочь владельца ссудной кассы Дахновича. В киевский период, нуждаясь в деньгах, Врубель периодически бывал у Дахновича. Безденежье «помогло» запечатлеть для потомков ничем не примечательную девочку и создать шедевр. «Когда б Вы знали, из какого сору растут стихи».

Девочка на фоне персидского ковра

Михаил Владимирович Алпатов называл Врубеля «художником – визионистом», вспоминая героя Чеховского «Черного монаха». По мнению Михаила Нестерова, (знакомы по совместной работе в Киеве) Врубель, «совершенно бескорыстный невинный, витал в своих видениях- грезах, а эти грезы, посещая его, не оставались его гостями долго, уступая свое место новым мечтам, новым образам, еще невиданным, неожиданным, негаданным... прекрасным видениям жизни и фантазии чудесного художника "нездешних стран». Он был чувствительным и чутким человеком». (подчеркнуто мною И.Л.)

По окончании работ в киевских соборах, Врубель какое –то время продолжает жить в любимившемся городе, преподает в рисовальной школе у брата художника Мурашко, пишет по фотографиям картины. Денег не хватает. Но получив, распоряжается по «Врубелевски». Когда Мамонтов купил у него панно за 5000 рублей, пригласил всех друзей и знакомых в “Метрополь” и угостил так, что и этих денег не хватило. И весь вечер повторял: “Смотрите, как все рады! Я так счастлив!” (Леонид Лернер Последний полет Михаила Врубеля « Чайка»3 марта, 2006)

В 1885 в Киеве появляются первые изображения Демона. В 1889 года едет в Москву, не думая прощаться с

Киевом. Судьба совершила очередной вираж. Врубель подружился с Саввой Мамонтовым, выезжал с семьей мецената за границу, работал в знаменитом Абрамцево, занялся керамикой, оформлением спектаклей Частной оперы. Познакомился с прекрасной певицей Надеждой Забелой, по иронии судьбы много лет учившейся в Киеве. Мало того, сценическая карьера Забелы началась в 1893 году в Киеве, в оперном театре И.Я. Сетова, так же как художественная Михаила Врубеля. Город не отпускал художника. Как не стать фаталистом! В Москве художник Петр Кончаловский, увидев Демона, заказал Врубелю иллюстрации к произведениям Лермонтова. Душевное родство поэта и художника было очевидным.

Встретились Надежда Забела с Врубелем на репетиции оперного спектакля «Гензель и Гретель» по одноименной сказке Братьев Грим в Панаевском театре(Петербург) в самом конце декабря 1895 года. В 1896 году поженились в Женеве. Врубель очень любил жену, восторгался ее артистическим мастерством, часто писал портреты в жизни и ролях.

С этого времени художник прощается с Киевом, как оказалось не навсегда. В Киеве произошло смею думать самое трагическое событие в полной трагизма жизни Врубеля. В 1903 году Врубели остановились в Киеве по пути в усадьбу известного коллекционера и общественного деятеля В.В. фон Мекка(племянник Надежды Филаретовны фон Мекк). Внезапно заболел двухлетний Саввочка Врубель и в течение нескольких дней умер от менингита, по некоторым данным от воспаления легких. Растерянные, убитые горем родители хоронят сына и, не зная, что делать, продолжают поездку. Врубели безутешны. Михаил Александрович винит себя в смерти сына, реально не будучи повинным. Психиатрами даже было высказано подозрение о наличии у Врубеля симптома Котара-Бредовые идеи ипохондрического содержания, часто в сочетании с идеями ущерба. (описан французским психиатром Жюлем Котаром, 1880).

Савва Врубель родился 1 сентября 1901года с незаращенной,раздвоенной верхней губой, в быту «заячьей

губой». Трепетно ожидающий рождения ребенка от любимой женщины, адепт красоты, совершенства, Михаил Александрович трагично принял случившееся. Он считал врожденный дефект у ребенка наказанием за грехи(сифилис?), впал в депрессию, из которой с трудом вышел. По мнению Н.М.Тарабукина настроения художника заметны в портрете сына. (Тарабукин Н.М. Михаил Александрович Врубель. "Искусство". Москва, 1974).

Портрет сына художника

Между тем подобная патология, заячья губа - результат нарушений внутриутробного развития. Причиной чаще всего являются заболевания матери вирусного характера в первые 3 месяца беременности. Наличие «заячьей губы» никоим образом не свидетельствует о ментальных нарушениях, оперативно лечится, доставляя

только небольшие косметические проблемы. Начиная с 1901 года состояние Врубеля выходит за пределы обывательского мнения о плохом настроении, раздражительности и.т.д. Однако художник продолжает много и увлеченно работать. Мысль о Демоне не покидает. Врубель возвращается к нему снова и снова. Меняется подход к Демону, меняется художник. Между ними создается нерасторжимая душевная связь – героя и творца. Впрочем хорошо известно, что и писатель проникается

создаваемым образом, находится под его влиянием. Так, например, у Флобера возник горький вкус во рту при описании отравления мышьяком Эммы Бовари. Бальзак теряет сознание описывая смерть отца Горио. Следовательно, в этом периоде вряд ли уместно утверждать о развернутой картине заболевания. Другое дело, что и в так называемый здоровый период, художник отличался эксцентричностью, подвижными эмоциями. По воспоминаниям художника Павла Александровича Сведомского(1849- 1904), подготавливая орнаменты для Владимирского собора, Врубель случайно измазал кончик носа зеленой краской. Коллеги обратили внимание и сказали художнику. Вместо того, чтобы вымыть лицо он еще больше замазал и пошел по улицам Киева в гости. Однажды Врубель загримировался под недавно умершего знакомого и в таком виде появился в обществе. Многие усматривают этот факт как проявление болезни. Но, учитывая озорной характер Михаила, его давнюю любовь к переодеваниям, маскарадам не следует делать далеко идущие выводы, но, конечно, запомнить... Тревожнее выглядит другой, также случившийся в Киеве эпизод, когда Михаил одолжил денег для поездки якобы на похороны отца. Ничего не подозревающий отец живой и здоровый оказался в городе. Через несколько дней без тени смущения Михаил Александрович появился в знакомых домах. Как трактовать это происшествие? Вряд ли смерть служит предметом розыгрыша?!(подчеркнуто мною И.Л.)

В 1902 году Врубель в последний раз писал Демона: долго и непрерывно переделывал. Можно выделить три основных изображения Демона – сидящий, Демон летящий и Демон поверженный – каждый со своей историей, очередной этап не только творчества, но и жизни художника.

На выставке художников «Мир искусства» был представлен «Демон поверженный». Михаил Александрович продолжал наносить мазки на законченную работу, от чего Демон менял облик от мягкого, задумчивого до грозного и поверженного. Александр Бенуа написал по свежим впечатлениям : «На четвертой выставке «Мира искусства»... появилась поразительная картина Врубеля «Демон», вообще

одно из самых замечательных произведений последней четверти века. Создание этого образа давалось с трудом. Врубель измучился, постигая умом, но, не видя ясно, облик сатаны. Сначала он представился ему каким-то изможденным, гадким и все же соблазнительным змеем; в его глазах, в отвратительно выгнутой шее чувствовалось что-то раздавленное, но ползучее и живучее, живучее «на зло». К сожалению, рисунок первой версии был безобразен, и Врубель не решился его так оставить. Он принялся исправлять, и мало-помалу из кошмарного слизня его Демон превратился в несколько театрального, патетического падшего ангела. Но Врубель и на этом не остановился и все продолжал менять и менять, усиливать и усиливать выражение, пока не впал в шарж, во что-то карикатурное и дикое, в нехорошем смысле этого слова. Тем не менее и до сих пор есть большая таинственно чарующая прелесть в этой картине. Демон очеловечился, Врубель подошел к границе банальности (при этом ошибки, вернее, невероятности рисунка стали заметнее), но не перешел ее. Испортил, но не погубил своего создания. Но по своей фантастичности, по своей зловещей и волшебной гамме красок эта картина несомненно одно из самых поэтичных, истинно поэтичных произведений в русской живописи». Александр Бенуа, как видно, весьма положительно оценивает произведение Врубеля. В этой же статье автор подчеркивает, что Врубель отходит от «ухарства» и заметно «успокоение». Поразительно, что говорится об успокоении, очевидно творческом, в период появления тяжелейших симптомов психического страдания. Очень важно, что проницательный художник, искусствовед не заметил ничего болезненного в творениях автора, называя их «истинно поэтическими» в русской живописи. "Демон - дух не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, при всем этом дух властный, величавый» писал Врубель отцу в 1885 году только приступая к работе. Думается, мнение художника кардинально не изменилось. Но все же в непрерывных исправлениях законченной работы чудится повышенная нервозность.

Между тем с января 1902 года жена художника, а вскоре и другие стали со страхом замечать у него симптомы психического расстройства. Вот как рассказывала об этом Е.И.Ге(сестра жены): «Все близкие и знакомые замечали, что с Михаилом Александровичем происходит что-то неладное, но и сомневались постоянно все-таки, так как в речах его никогда не было бессмыслицы, он узнавал всех, все помнил.(И.Л.) Он сделался лишь гораздо самоувереннее, перестал стесняться с людьми и говорил без умолку. В это время картину «Демон» перевезли в Петербург для выставки «Мира искусства», и Михаил Александрович, несмотря на то, что картина была уже выставлена, каждый день с раннего утра переписывал ее, и я с ужасом видела каждый день перемену.»...

С начала февраля 1902 года состояние художника резко ухудшилось. Периодически бывал агрессивен. Родные вынуждены были 10 февраля госпитализировать Михаила Александровича в клинику Первого государственного Московского университета. Это была первая, в череде последующих, госпитализация Михаила Александровича. По словам Анны Александровны Врубель с 1902 года «начинаются последние скорбные годы брата, годы его душевной болезни, с двумя, однако, светлыми промежутками: первый с февраля по май 1903 года,- второй с июня 1904 года по март 1905, после чего, через год, наступает быстрое падение зрения, а затем и окончательная потеря его....».

Историю болезни художника во время пребывания в клинике Московского университета изучала доктор М.И. Цубина.

Фрагменты истории болезни : «Из анамнеза стало известно, что отец матери страдал маниакальным состоянием - дед по отцу алкогголизмом. Сестра Михаила Анна перенесла «острое маниакальное состояние», временный паралич. При поступлении в клинику крайне возбужден, мания величия, считает себя императором, требует только шампанское, склеивает из бумаги платки. Считает, что из платков покажется Борис и Глеб. Эротичен. Беспокоен. Через некоторое время успокаивается, рисует. После

полугодичного пребывания в клинике выписывается со значительным улучшением.

11 марта 1902 года художника осмотрел профессор Владимир Бехтерев. Диагноз при поступлении: прогрессивный паралич, *Paralysis progressive*. Через полгода при выписке диагноз не изменился».

К сожалению, ремиссия была недолгой. С апреля до конца августа он лечился в Москве в клинике Ф. А. Савей-Могилевича – (невропатолог и психиатр, владелец психиатрической клиники на Погодинской улице в Москве,) а с 6 сентября по 18 февраля 1903 года — в клинике профессора В. П. Сербского(1858-1904, основатель московской школы психиатров) при Московском университете. Тяжелый стресс вызвала смерть сына. Мания величия сменилась самобичеванием, считал себя виновным во всех бедах и несчастьях семьи. Изматывали галлюцинации: как будто терпит издевательства, жена голодает, нищенствует, лишился рук и ног, грозит тюрьма. Временами становился агрессивен.

К концу года в течении заболевания наметилась положительная динамика. Как всегда, в относительно благополучном периоде, художник увлеченно рисует, пишет много прекрасных портретов и автопортретов. Ремиссии сменяются обострением процесса и так все время. 9 июля 1904 года Врубеля в состоянии крайнего возбуждения, даже агрессии помещают в частную клинику доктора Ф.А. Усольцева(1863-1947).

Федор Арсеньевич Усольцев был истинным врачом – профессионалом и человеком. Доктор организовал частную лечебницу, в которой создал домашнюю атмосферу. Пациенты, состояние которых позволяло, обедали вместе с Федором Арсеньевичем и его женой. Организовывались совместные чтения, прогулки. Находясь в клинике Михаил Александрович сделал эскиз решетки, установленной вскоре по краям усадьбы.

В конце 1904 года во время ремиссии Врубель с женой едут в Петроград. Смотрят спектакли в Панаевском Но вскоре художник вновь становится тревожным и беспокойным. Чувствуя обострение болезни, просит вызвать

Портрет Ф. Усольцева

доктора Усольцева. В марте 1905 года приехавший доктор увозит Врубеля в клинику. К сожалению, с этих пор Михаил Александрович находился постоянно под наблюдением врачей в разных клиниках, в разных городах. В декабре 1905 года у него резко ухудшается зрение. В конце февраля 1906 года художник полностью ослеп. 6 марта из клиники Усольцева Врубеля перевели в Санкт - Петербург в клинику Конасевича и Оршанского. Перевод Михаила Александровича в Петербург объясняется не медицинскими, а семейными причинами: Надежда Забела продолжала выступать в Мариинском оперном театре. С осени 1906 года Михаил Александрович лечился в клинике известного доктора А.Э. Бари на Васильевском острове. При

госпитализации в клинику доктора Бари Врубель утверждал, что помнит как строили в Киеве Десятинную церковь, рассказывал об участии вместе с мастерами Возрождения в росписях Ватикана. Интересно, что в бреду возникали события недавнего прошлого, полюбившийся Киев, работа в соборе. Пока сохранялось зрение, при улучшении состояния начинал рисовать. Одной из последних попыток больного Врубеля была неоконченная работа над «Видением Иезекииля». Совершенно слепой, он мог без отрыва руки от бумаги нарисовать силуэт лошади или чей-то другой, но отрывая руку не мог продолжать – не видел. Последняя картина, которую он смог написать — прекрасный портрет поэта В. Я. Брюсова. Из письма художника жене в период работы над портретом: «Очень интересное и симпатичное лицо: брюнет с темно-кариими глазами, с бородкой и с матовым бледным лицом: он мне напоминает южного славянина, не то Инсарова, не то нашего учителя Фейерчако... Я работал 3 сеанса: портрет коленный, стоя со скрещенными руками и блестящими глазами, устремленными вверх к яркому свету». Впечатления о встрече с Врубелем у поэта делятся на первое тяжелое: «Вошел неверной тяжелой походкой, как бы волоча ноги... хилый больной человек, в грязной измятой рубашке. У него было красноватое лицо; глаза — как у хищной птицы; торчащие волосы вместо бороды. Первое впечатление: сумасшедший!»

Но далее Брюсов рассказывает, как преображался художник во время работы. «В жизни во всех движениях Врубеля было заметно явное расстройство... Но едва рука Врубеля брала уголь или карандаш, она приобретала необыкновенную уверенность и твердость. Линии, проводимые им, были безошибочны. Творческая сила пережила в нем все. Человек умирал, разрушался, мастер — продолжал жить». Брюсов был очень доволен портретом и даже шутил, что стремится быть таким, как изображен Врубелем.

Портрет Валерия Брюсова

Затем появились прекрасные стихи:

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.
Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,

Михаил Александрович Врубель умер 1(14) апреля 1910 года, 54 лет. Непосредственной причиной смерти было воспаление легких.

Отпевали в Академии художеств, академиком которой он стал в 1905 году, будучи неизлечимо больным. Священник Новодевичьего монастыря сказал: «Художник

Михаил Александрович Врубель, я верю, что бог простит тебе все грехи, так как ты был работником».

Трагическая жизнь Михаила Врубеля, его болезнь по-прежнему волнуют искусствоведов и врачей.

Перипетии жизни Врубеля, история колебаний настроения, знакомство с особенностями душевного облика близких родственников позволяют составить более полное представление о клинической картине заболевания. На протяжении ряда лет у Врубеля наблюдались повторяющиеся депрессии, сменяющиеся галлюцинациями. Доминирующим было угнетение, подавленность каким – то грехом. Желая искупить мифическое преступление художник голодал, лишал себя сна и т.д. О душевных страданиях Михаил Александрович рассказывал, в частности, в письмах жене: « Я единственный человек в мире, который проявил столько злых и нечестных мечтаний; и об этом мне твердили голоса и внутреннее чувство с тех пор, как тянется моя болезнь. А она возникла на отвратительном перегибе моей души». Подобные настроения высказывал Михаил Александрович и во время работы над портретом Брюсова, о чем вспоминал поэт. « Очень мучила Врубеля мысль о том, что он дурно, грешно прожил свою жизнь, и что в наказание за то против его воли в его картинах оказывались непристойные сцены...Он добавлял « несколько понизив голос, но так, что нельзя было различить, говорит ли в нем безумие или истинная вера: Это он делает с моими картинами («Дьявол». прим. Брюсова.) Ему дана власть за то, что я, не будучи достоин, писал Богоматерь и Христа». Примерно так же протекали последние месяцы жизни измученного чувством вины и ослабленного голоданием и молитвами Гоголя.(Исанна Лихтенштейн, 2012). Как написано выше, Врубель страдал попеременно от мании величия или от самоуничужения. Оба состояния явились следствием болезни, возможно комбинации патологий. Так, если для прогрессивного паралича более характерна мания величия, то для депрессивного состояния, естественно, ощущения вины... Очевидно, Врубель болезненно относился к заражению сифилисом. В ту пору несмотря на широкое распространение заболевания, оно оставалось в сознании

общества постыдным, ханжески постыдным. Нет постыдных страданий. Лечение не было успешным, а препараты ртути сами по себе приводили к тяжелым последствиям. Среди осложнений при лечении ртутью называют эмоциональную возбудимость наряду с комплексом неясной вины.

В родительской семье, как отмечено ранее, один из дедушек был подвержен приступам маниакальности, второй страдал алкоголизмом. Родная сестра Михаила Александровича, его биограф-Анна лечилась от депрессии. Вспомним, с детства Михаил отличался экспрессией и экспансивностью. Периодически впадал в «оцепенение», что обращало на себя внимание и волновало отца. Так же рано проявились неординарные творческие порывы, увлеченность рисованием. На протяжении жизни периоды подъема жизненных сил сменялись упадком, что влияло на интенсивность труда.

Доктор Усольцев длительно наблюдавший Врубеля в разные стадии болезни утверждал, что у него не было агрессивности «паралитиков» и по мере выхода из обострения он мало чем отличался от прежнего. Также увлеченно и прекрасно писал, не выпускал из рук карандаша. Кстати, написанный в больнице портрет Усольцева выполнен твердой рукой мастера. И даже много раз исправленный(?) портрет В.Я.Брюсова, созданный слепнувшим художником указывает на сохранность творческого духа и мастерства. Здесь хочется сослаться не на писателя Чехова, а на врача Чехова: „Условия хождественного творчества не всегда согласны с научными данными“. Среди последних картин болеющего Врубеля – Жемчужина. Существует легенда, что красивую раковину, отливающую перламутром, сохранившую звук прибора подарил Михаилу Александровичу Максимилиан Волошин. Прошло время...

Основные произведения созданы художником до начала заболевания. Что касается написанного в состоянии ремиссии, при выписке из отделения или в клиниках в состоянии относительного благополучия, то они выполнены большим художником. Именно эти моменты подчеркнуты, что очень важно доктором Усольцевым. В больницах Врубель много писал с натуры,- служителей, пациентов,

врачей. Возможно существуют хаотические наброски, выполненные в бредовом состоянии... их никто не представляет на обозрение. Цикличность, чередование фаз болезни, выход из них практически без ментальных потерь подтверждают предположение о сочетанной патологии. По мнению профессора Барштейна (Барштейн Е.И., Нуллер Ю.Л. 1975 Терапевтическая резистентность при шизофрении и аффективных психозах. Сб. статей. JL, с.39-44) у больных с циркулярной конституцией прогрессивный паралич принимает циркулярную форму. Профессор Федор Егорович Рыбаков (1868-1920) утверждал, что у больных с отягощенной циклофренической наследственностью при прогрессивном параличе наблюдается ранняя слепота. Так и случилось. У Врубеля проявилась циркулярная форма прогрессивного паралича – со сменой маниакальных и депрессивных эпизодов. Известна точка зрения специалистов, что развитие данной формы отмечается у лиц с наследственной предрасположенностью к эндогенным психическим заболеваниям. Стадия предвестников нейросифилиса продолжается от двух до шести месяцев и включает неспецифические симптомы нарастающей астении, повышенной утомляемости, раздражительности, слабости, нарушений сна. У Михаила Александровича с 1900 по 1902 гг.: наблюдается нестабильная аффективность – он много работает, возбужден, болтлив, становится раздражительным, рассеянным, при этом его не покидает чувство тревоги–гипоманиакальное состояние сменяется резким возбуждением, речевым и двигательным беспокойством. Тяжелое психическое заболевание художника отличалось полиморфностью, сочетанностью патологий. Споры о точном диагнозе продолжаются. В медицинской истории болезни принято ставить основной диагноз и сопутствующие. Основным заболеванием у Михаила Александровича является прогрессивный паралич, симптомы нейросифилиса. В качестве сопутствующего биполярное аффективное расстройство. (Михаил Александрович Врубель: взаимосвязь психопатологии и творчества Владимир Лернер, Михаил Каневский, Элизер Вицтум Независимый психиатрический журнал, 2004, 1).

Поэты – символисты восторгались творчеством художника, им была понятна и созвучна трактовка Демона, образный стиль произведений. Прекрасные стихи после одной из выставок написаны Осипом Мандельштамом:

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпя положил.
Он понял масла густоту-
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето
Расширенное в духоту.

Александр Блок, давний почитатель художника, выступая на панихиде, сказал: «Он оставил нам своих Демонов, как заклинателей против лилового зла, против ночи. Перед тем, что Врубель и ему подобные приоткрывают человечеству раз в столетие, я умею лишь трепетать. Тех миров, которые видели они, мы не видим». (Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 г.) .

По мнению профессора П.И. Карпова: «...душевные болезни обладают способностью вскрывать иногда внезапно родники творческого процесса...» и обогащать искусство «новыми ценностями», «душевнобольные творят по тем же законам, как и здоровые люди...» «Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники» (1926).

Известно спорное утверждение Аристотеля: « Нет великих гениев без присоединившегося безумия».

Могучий талант Врубеля, его трагическая жизнь не перестают тревожить врачей и любителей живописи.

Демон поверженный

Литература

Алпатов М.В., „Книга для чтения по истории живописи, скульптуры, архитектуры“, М., „Искусство“, 1961.)

Барштейн Е.И., Нуллер Ю.Л 1975 Терапевтическая резистентность при шизофрении и аффективных психозах Сб. статей. JL, с.39-44

Бенуа А. http://benua.su/a_wrubel

Брюсов. (1 декабря 1873 г. – 9 октября 1924 г.)

Поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик. Родился 1 декабря 1873 года в Москве, в купеческой семье среднего достатка. Отец будущего поэта воспитывал сына в духе передовых идей того времени. В 1893 г. Брюсов...

Подробнее >>. За моим окном. М., 1913

Блок А. Памяти Врубеля. Собрание сочинений в 6-ти томах. Издательство Правда, Москва, 1971, т.5, стр.337-340

Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Изд. Искусство. Ленинград, Москва, 1963

Дмитриева Н. А. Михаил Александрович Врубель. — Л.: Художник РСФСР, 1990

Дубшан Леонид Близнец Демона «Звезда» 2000, 9

Ермаков И.Д. Новеллы о творчестве» <http://schelkovo.tv/time-st2-19.html>

Лернер Леонид Последний полет Михаила Врубеля «Чайка» 3 марта, 2006

.Лернер Владимир, Каневский Михаил и др. Михаил Александрович Врубель : взаимосвязь психопатологии и творчества Независимый психиатрический журнал, 1, 2004

Лихтенштейн Исанна Николай Васильевич Гоголь Глазами врача» Новости медицины и фармации» 2012, 409

Мурашко Н.И. Воспоминания старого учителя «Воспоминания старого учителя» 1907-1909

Рерих Н.К. «Забытая книга», 1906.

Рыбаков Ф.Е. Душевные болезни. (изд.2). Москва, 1917

Суздалев П.К. Врубель Личность Мировоззрение.Метод Москва» изобразительное искусство,1964

.Тарабукин Н.М. Михаил Александрович Врубель. "Искусство". Москва, 1974

.Цубина М.И. Болезнь и творчество Врубеля с психопатологической точки зрения. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). Свердловск

.Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997 гСвердловск,1925,т1вып.2

.Яремич С. Михаил Александрович Врубель. Жизнь и Творчество. Издание Кнебель, Москва,1911

История болезни Леси Украинки

Больше ста лет прошли со дня смерти Леси Украинки. Творчество великого поэта сохраняет притягательность для читателей и приковывает внимание литературоведов. Классиков нужно перечитывать

Чуть больше ста лет прошли со дня смерти Леси Украинки. Творчество великого поэта сохраняет притягательность для читателей и приковывает внимание литературоведов. Классиков нужно перечитывать. Не зря возвращаются к запомнившимся произведениям, восприятие не статично, многое ускользает. Каюсь, много лет редко вспоминала Лесю Украинку, разве что пробегая на работу в Киевский институт клинической медицины имени академика Н.Д.Стражеско, мимо ее киевского музея на улице Сакаганского. Неожиданный разговор о Лесе Украинке вернул в прошлое. Возникла настоятельная потребность не только читать великого писателя, но и задуматься о судьбе Ларисы Петровны Косач, её болезни. Познакомиться с врачами, наблюдавшими великого поэта, методами лечения, не забывая, что речь идет о прошлом и позапрошлом веке.

Леся Украинка происходила из семьи украинской интеллигенции, связанной родственными и дружескими узами с выдающимися деятелями украинской культуры: Михаилом Старицким, Николаем Лысенко, Иваном Франко и многими другими.

Предки матери Леси - Драгомановы - из Греции. Драгоман в переводе с греческого языка означает: переводчик. Один из прапрадедов выполнял дипломатические поручения при правлении Богдана Хмельницкого. В роду были переводчики, писатели, люди чести и достоинства. В XIX веке один из родственников матери участвовал в восстании декабристов, погиб на каторге.

Мать – Ольга Петровна Драгоманова – Косач (1852 – 1930), популярная писательница, редактор, писавшая под псевдонимом Елена Пчелка.

Отцовский род корнями уходит в Боснию. В 1444 году влиятельный вельможа Стефан Косач, сербский наместник, получил от германского императора Фридриха титул герцога, и отсюда весь округ стали называть Герцеговиной. Менялись власти, приходили люди другой веры,- название Герцеговина сохранилось, а после распада Югославии возникло одноименное государство. После завоевания края мусульманами, Косачи служили польским королям. Один из Косачей - Петр Косач — польский шляхтич — отличился в войсках Яна Собесского, победивших турок в 1673 году под Хотинном, а в 1683 — под Веной. Другой Косач переехал в Украину, принял православие и поселился на Черниговщине, где в 1841 году родился Петр, отец Леси. Петр Антонович Косач (1841—1909), дворянин, действительный статский советник, человек передовых взглядов.

25 февраля 1871 года в семье Косачей родилась дочь Лариса, ставшая великим поэтом. С детства Леся (так называли ее в семье) жила в любви родных, общалась с интересными, доброжелательными, интеллигентными родственниками и друзьями. Дети Косачей получали домашнее воспитание, их учили языкам, музыке, литературе, математике. До определенного времени детские годы

Ларисы (Леси), папиной любимицы, дружившей с сестрами и, особенно, братом Михаилом складывались прекрасно и казались безоблачными. Михаил Косач, разносторонне одаренный ученый, физик, писатель подписывавшийся псевдонимом Михаил Обачний, нежно относился к сестре, был ее «Добрый ангелом».

Неожиданно « сказка» кончилась. 6 января 1881 начавшаяся как будто банальная простуда не проходила, обростала несвойственными катаральному состоянию симптомами. Появились болезненные отеки рук, лечили салициловыми мазями, предполагая ревматическое воспаление суставов. В одном из писем Леся упоминает хорею. Между тем, хорея действительно один из симптомов ревматической инфекции. Была ли она или предполагалась врачами, думающими о ревматизме? В 1882 году появился новый диагноз: золотуха. Так или иначе, болезнь внесла существенные коррективы в жизнь юной пианистки. Порой забывают, что уже с 5-6 лет Леся начала учиться игре на фортепиано, занимаясь с преподавателем Ольгой Александровной, женой композитора Николая Лысенко. Девочка не только быстро обретала силу и уверенность как начинающая пианистка, но и сочиняла небольшие пьесы.

Лечение не помогало. Боли не проходили, а, напротив, усиливались. И только летом 1883 после длительных сомнений диагностирован туберкулезный процесс с локализацией в костях.

И уже в октябре 1883 года профессор, Александр Христианович Ринек (1837 -1916) сделал первую, но, к сожалению, не последнюю операцию. Описывая многолетнюю мучительную череду обострений болезни, разные виды лечения, включая климатическое, нельзя обойти молчанием врачей, делавших все, что было в их силах. Даже беглое знакомство с врачами, лечившими Лесю, показывает их высокий профессиональный уровень и занимаемое положение. Среди медиков не было случайных, родители делали все возможное...

Так, профессор Ринек, швед по национальности, окончил в 1864 году Медико - хирургическую академию в Петербурге. С 1872 года работал ординатором в Киевском

военном госпитале, которому везло с блестящими специалистами. Вспомним: В.И.Даля, Н.И.Пирогова, М.А.Булгакова... Затем с 1878 по 1893 годы Ринек возглавлял разные кафедры в Киевском университете Святого Владимира. Одним из первых применил асептику при оперативных вмешательствах, разработал технику операций на кишечнике с сохранением его непрерывности, лечил кишечные свищи и это далеко не все. Вот к такому специалисту обратились Косачи. Что именно, какое оперативное вмешательство перенесла 12 –летняя Лесья, сказать трудно. Скорее всего, судя по не врачебному описанию, а по воспоминаниям родных, удаляли секвестр, некротические (омертвевшие) участки, возможно, с последующей пластикой. Во время одной из последующих операций, врачами был применен только вошедший в лечебную практику метод Гоц – Грекова - метод иодофилии, введение иода – считавшийся эффективным при лечении секвестров. www.detskiysad.ru/medkonsultant/infekcia24.html. Такова была техника оперативного лечения в начале прошлого века. В XXI веке, благодаря специфическому лечению секвестры стали редкостью. Оперативное лечение облегчило страдания Леси, но ненадолго.

В 1896 году Лесю лечили впрыскиванием иода, о чем известно из письма Л.М. Драгомановой от 7 декабря: «положили мене в «абсолютний покой» і роблять вприскування йодоформу. Се процедура довга і неприємна, та нічого робить, не викрутишся від неї, бо нога за остатній час все одно зовсім не хотіла мені служити, а до того ще і вночі спати не давала. Після першого вприскування вона суток з 5 ще дужче боліла, зато тепер утихла і сливе не болить, як не зачіпати. Може, справді, з сих впорскуваннів буде толк, як обіцяють лікарі. Вони кажуть, що сей спосіб часом зовсім вилічує туберкульоз костей, а в кождім разі значно поправляє стан хворого сустава». Лечение облегчило страдания Леси, но ненадолго.

В 1899 году последовала новая операция, на сей раз в Германии, Берлине у знаменитого профессора Эрнеста Бергмана(1836-1907).Выпускник Юрьевского (Тартусского) университета профессор Бергман одним из первых занялся

профилактикой раневых осложнений. С этой целью в 1886 году в его клинике начинают стерилизовать паром инструменты и перевязочный материал. В 1891 году профессор Бергман вводит асептические методы в хирургической практике. Лариса Косач несколько раз приезжала на осмотр к профессору, пока он после длительных колебаний, решился на операцию, не будучи, вероятно, до конца убежденным в эффекте. Но состояние пациентки не оставляло выхода. В Берлин Леся поехала с матерью и братом Михаилом, окончившим физический факультет того же Юрьевского университета, что и Бергман. Михаилу, обладавшему разносторонними талантами, удалось самостоятельно сконструировать аппарат, используя X-лучи сделать снимок пораженных участков руки и ноги сестры. Его очень интересовал, естественно, результат операции, и он просил сделать аналогично выполненный снимок после операции. Судя по всему, Михаилу удалось использовать лучи, называемые Рентгеновскими.

В мае 1890 года уже после операции в письме брату Михаилу Леся писала: Я снова хожу на костылях, болят ноги в стопе, и из-за этого хожу по - кошачьи, да еще спина болит сильнее, чем прежде». И в то же время мужественная Леся продолжает работать, о чем пишет в том же письме брату:— «Я воскресла! И снова берусь поднимать на гору «Сизифов камень», имея в виду стихи... В письмах Леся Украинка признавалась: отрывки будущих произведений словно диктуются ей свыше, без поблажек. Молодая девушка обладала недюжинной силой воли, непреодолимым желанием и способностью творить.

Хто вам сказав, що я слабка,
що я корюся долі?
Хіба тремтить моя рука
чи пісня й думка кволі?
Ви чули, раз я завела
жалі та голосіння, –
то ж була буря весняна,
а не сльота осіння...

Это же стихотворение в переводе на русский язык
Самуила Маршака

Кто вам сказал, что я хрупка,
Что с долей не боролась?
Дрожит ли у меня рука?
И разве слаб мой голос?
А если были в нем слышны
И жалобы и пени,
То это бурный плеск весны,
Не мелкий дождь осенний...

Старалась в меру сил не рассказывать о страданиях даже близким людям, придавать жалобам юмористический оттенок. Молодая 19-летняя Леся, вынужденная из-за болезни длительно неподвижно лежать в кровати, 20 марта 1890 года пишет брату из села Колодяжное – (имение отца)

Так само, як і я, –
Прив'язана за ногу
Фантазія моя.
... Вернусь на ґрунт “реальний”,
До ближчих, власних справ:
Учора мене папа
Як слід у шори вбрав!
Вночі тепер сплю мало,
А ледве сліз не ллюю,
А вдень зо всеї сили
Об землю лихом б'ю.

Не работать она не может. Очень важное замечание об отношении к творчеству, содержится в письме украинскому писателю Осипу Маковею (1867—1925)... «У мене ж сей настрої поетичний залежить найбільш від того, яка погода в душі, і я пишу найбільше в ті дні, коли на серці негода, тоді чогось швидше робота йде». 1893.

К сожалению, причин для тревог было много, но без таланта остаются только беды...

Леся и в дальнейшем соглашалась на рискованные операции. «Якщо мене там на столі заріжуть, — однажды призналась она своему давнему приятелю, ученому-полиглоту Агатангелу Крымскому (1871-1942), — то перед смертью я собі скажу так: «Прийшов Прокіп — кипів окріп. Пішов Прокіп — кипців окріп. Українська література і без мене перебудеться». (Иван Денисюк и Тамара Скрипка

Литературна творчість др. из сайта) В то же время, как всякий большой художник, она знала цену своему дарованию: «Я в серці маю те, що не вмирає!» — сказала Леся Украинка устами Мавки из поэмы «Лісова пісня».

Страдания продолжаютсЯ. И вновь горькие строки в письме брату Михаилу: «Вже ж мені так не минеться, – жартує вона. – “Кому-кому доведеться, а кучому не минеться!» Отож-то... Жаль якось і вимовить, але мушу сказати, що моє оце двохмісячне лежання в липких кайданах було зовсім надаремнісінько, отак-таки зовсім надаремно! А прибуток хіба тільки той, що тепер знов ходжу на двох милицях, що болять ноги в ступнях і через те я ходжу покотячому, та ще й спина болить гірш, ніж перше, – більше яких трьох минут не можу рівно сидіти, ні на що не спершись. Отака-то твоя сестра ледача, Михайлику».

В 1891 году родители повезли Лесю в Вену на консультацию к знаменитому профессору Теодору Бильроту (1829 -1894). Блестящий хирург – новатор, Бильрот разработал технику оперативных вмешательств органов брюшной полости, циркулярную резекцию желудка с последующим анастомозом, вошедших в хирургическую практику, как Бильрот- 1 и Бильрот-2. Именно к нему обращался за помощью тяжело заболевший великий Н.И. Пирогов. Разносторонне одаренный врач, Бильрот был и прекрасным музыкантом, дружил с Иоганном Брамсом. Вот к такому специалисту привезли Лесю. Доктор не считал нужным оперативное вмешательство и посоветовал продолжить климатическое лечение.

Пытливый ум Ларисы, наблюдательность позволяли ей наблюдать за работой врачей и выносить продуманные вердикты. Так, например, в письме от 11 января 1895 года литератору М. І.Павлику (1853 - 1915) написано: «Нема гірше, як дурний лікар, часом більше пошкодить словами (знаєте, ота лікарська ширість, як у Нотнагеля!), ніж поможе рецептами». Речь идет о Венском профессоре Германе Нотнагеле (1841-1905) , предвидевшем смерть пациента от разрыва аорты и сказавшему об этом самому больному, отравив по мнению Леси последние четыре! года жизни.

Нельзя не согласиться. А как быть с современными представлениями – ничего не скрывать от больного?! Справедливости ради, трудно представить подобное поведение профессора Нотнагеля. Он входит в список 100 лучших врачей мира. О его диагностическом даре и человеколюбии рассказывают многие. Он считал, что природа — величайший доктор. Она располагает всеми секретами лечения. Задача врачей, по его мнению, отыскать эти секреты и способствовать работе природы. Но если идти против законов природы, то можно лишь навредить пациенту - основные постулаты профессора Нотнагеля. Умирая, он диктовал близким свои ощущения, описав, таким образом, картину стенокардии...

С конца 90-х годов начинается крымский период жизни Леси. 14 июня 1897 г. в еженедельной газете «Ялта» (№ 109) в списке лиц, приехавших в город, значились имена - Косач Лариса Петровна и ее тетка - Тесленко-Приходько Елена Антоновна, которые остановились в гостинице «Мариино». В Крыму она живет подолгу, в разных местах – Евпатории, Ялте, Балаклаве, Севастополе.

В конце века Крым превратился, условно говоря, в центр лечения туберкулезных больных. Сухой воздух, море, субтропический климат считался оптимальным для страдающих заболеваниями легких. Именно в эти годы в Крым из средней полосы России переехал А.П. Чехов, лечился А.М.Горький, врач – писатель С.Я. Елпатьевский, С.Я.Надсон (умер в Ялте от туберкулеза легких 1888г.), отдыхали А.И. Куприн, И.А. Бунин, позднее около года на Гаспре жил заболевший Лев Толстой. Леся любила творчество Надсона, знала много стихов наизусть, несмотря на трудную дорогу, приходила на могилу поэта. Ему же посвящено трогательное стихотворение:

Надсонова домівка в Ялті
Смутна оселя!.. В веселій країні,
В горах зелених, в розкішній долині
Місця веселого ти не знайшов,
Смутний співець! умирать в самотині
В смутну оселю прийшов.

Звідси не видно ні моря ясного,
Гомону з міста не чути гучного,
З бору соснового шум тут іде;
Гори лунають од вітру буйного,
Часом де дзвін загуде...
Стали в саду кипариси стіною
Оберігати в оселі спокою,
Лаври – неначе зсушила журба,
Тихо, журливо кива головою,
Віттям плакучим верба.
Все тут журливе кругом сеї хати, –
Та найсмутніші отії кімнати,
Де безталанний поет умирав:
Все тут забрали, що можна забрати, –
Смутку ж ніхто не забрав.
Вікна тьмянії, мов очі слабого,
В хаті порожній самотньо, убого,
Висить свічадо на голій стіні,
Млою повите, – дивитись на нього
Сумно здавалось мені...
Тута остатні «огні догоріли»,
Тута остатні «квітки облетіли»,
Тільки зосталася муза одна,
Що не лишила співця до могили,
Тута витає сумна.
Тіло поета в далекій чужині, –
Там, у тій самій холодній країні,
Серце на смерть отруїли його!
Смутная муза літа в самотині,
Кличе поета свого

Одним из зачинателей климатического лечения туберкулезных больных в Крыму был врач - климатолог Владимир Николаевич Дмитриев(1839 -1904). По совету С.П. Боткина он приехал лечиться от туберкулеза легких в Крым, где и остался, даже полностью излечившись. Владимир Николаевич много сделал для развития лечебной базы на полуострове. Его усилиями создан первый санаторий для больных туберкулезом - «Яузлар» (1900 год), разработана, ныне забытая, методика лечения виноградным соком и много

других полезных дел. Владимир Николаевич жил в Ялте с 1875 года, когда 4-5 десятков приезжающих в летние месяцы определяли успешность сезона. В эти же годы Антон Павлович Чехов с доктором Исааком Наумовичем Альтшуллером и многими другими способствовал открытию в Крыму туберкулезного санатория для мало обеспеченных больных, что и было сделано. К сожалению, сам Антон Павлович этого уже не узнал...

Позднее, в 90-е годы XIX века цифры приезжающих на лечение увеличились во много раз.

Среди врачей, лечивших Лесю Украинку в Крыму, кроме Дмитриева, следует вспомнить и доктора Мартироса Семеновича Дерижанова (1867 – 1900). У него на вилле «Ифигения» в 1897 – 98 годах жила и лечилась Леся Украинка. В доме доктора ей было комфортно: уютно и, по-домашнему, тепло. В знак привязанности и благодарности, Лариса Петровна подарила доктору вышитую ею украинскую рубашку. Позднее появилась драма «Ифигения в Тавриде».

Не желая, полностью находиться на иждивении родителей, стараясь уменьшить их расходы и будучи человеком гордым, Леся стремилась сама зарабатывать. В местных газетах неоднократно появлялось объявление: «Чтица, знающая 6 языков, ищет занятий в городе».

В Крыму Леся, пожалуй, впервые полюбила. Все окрашивалось в цвета любви, если у любви есть цвет! Таким было чувство к Сергею Мержинскому. Они познакомились в 1897 году в Ялте. Молодой, красивый, образованный, увлеченный революционными идеями и не чуждый поэзии, Сергей пробудил в молодой девушке прекрасное чувство любви. Болезнь заставляла их периодически жить в Крыму и лечиться зачастую у одних и тех же врачей. Они старались думать о добром и светлом грядущем. Правда, Леся не позволяла чувствам ввести себя в заблуждение. Она не считала возможным из – за болезни создавать семью. Что свело их отношения, поэтому или не только поэтому к роману в письмах, прерываемому редкими встречами. Не стану углубляться в чувства молодых людей, они были такими, как были. В 1901 году Леся получила письмо от

доктора Сергея Савельевича Элиасберга, наблюдавшего Мержинского. Доктор писал- Больной тает как свеча...Вдобавок он еще и охрип. Презрев все опасности, Леся выехала в Минск. Последние две недели угасающей жизни Сергея Мержинского, они провели вместе. Как удалось молодой нездоровой девушке выдержать тяжелейшее физическое и эмоциональное напряжение, приходится только догадываться... За одну ночь у постели умирающего Мержинского, Леся Украинка написала драму «Одержимая». В произведении отразилась боль и горе, преодолеть которое так и не удалось до конца дней. В письме Ивану Франко от 13 – 14 января 1903 года отмечено: « Я її в таку ніч писала після якої буду, певне, довго жити, коли вже тоді жива осталась...»

Пронзительная тоска выражена в стихах этого периода.

Привожу одно из них:

Уста говорять: «Він навіки згинув!»

А серце каже: «Ні, він не покинув!»

Ти чуєш, як бринить струна якась тремтяча?

Тремтить-бринить, немов сльоза гаряча,

Тут в глибині, і б'ється враз зі мною:

«Я тут, я завжди тут, я все з тобою!»

Так завжди, чи в піснях забути хочу муку,

Чи хто мені стискає дружньо руку,

Чи любая розмова з ким ведеться,

Чи поцілунок на устах озветься,

Струна бринить лагідною луною:

«Я тут, я завжди тут, я все з тобою!»

Kimpolung, 7.06.1901

Длительное пребывание в Крыму приносило облегчение, но не являлось панацеей, да и расходы превышали возможности. Не раз Лариса возвращалась в Украину, жила в Киеве и в имении отца, селе Колодяжном на Буковине.

После смерти Сергея Мержинского у Леси Украинки резко обострилось заболевание и, что еще тревожнее, процесс начался в легких, иначе и быть не могло. Только творчество помогало смягчить боль утраты: «Якщо прийде

журба, то не думай її рознести у веселощах бучних... краще йди в темний гай або в поле, де вітер гуляє» («Якщо прийде журба»)

В 1902 году она приехала на Гуцульщину и Буковину
Леся любила бывать в замечательном краю, общаться с доброжелательными людьми, слушать народные сказки и легенды.

«Юрба образів не дає їй спати по ночах, гомін весняних вод так дивно єднається з візерунками гарячки, стіни кімнати викликають образ готичного склепіння, світло, що впало крізь вікно, викликає полиски пожежі, весняний шум і гук вулиці наводить образ війни» («Мрії»).

Закаты и восходы, шум дождя и шелест листьев, пение птиц в тиши ночей приносили облегчение.

Но и здесь, к сожалению, не обходилось без встреч с врачами. Как случилось не раз, доктор оказался добрым интеллигентным человеком, не чуждым литературе, что делало общение приятным. В Колодяжном ее наблюдал доктор и писатель Модест Левицкий(1886 – 1932). Он издал несколько популярных медицинских брошюр («Лихі хвороби на очі», «Сибірська язва» и т. д.) и книгу об инфекционных болезнях, специально предназначенную для массового крестьянского читателя («Лікарський порадник») Врач назначил в очередной раз общеукрепляющие процедуры, ванны, свежий воздух, прогулки...

С удовольствием Леся приезжала в Киев, виделась с друзьями, посещала поэтические вечера и театральные спектакли. Дом Косачей привлекал интересных людей и был всегда полон.

Встречи с врачами продолжались и в Киеве. Ремиссии сменялись обострениями и попытками найти способ облегчения страданий.

Одним из блестящих киевских врачей той поры был профессор Феофил Гаврилович Яновский (1860-1928). Его отличал не только высокий профессионализм, но и редкие во все времена душевные качества. Специалист по лечению туберкулеза он способствовал открытию в Киеве туберкулезного института, носящее ныне его имя. Феофил Гаврилович использовал в лечении новейшие методы, делал

все возможное и невозможное. По его совету Леся принимала физио-терапевтические процедуры в частной клинике популярного доктора Иосифа Дейча. Клиника располагалась по улице Михайловской 22, в центре города, вблизи знаменитой Владимирской горки. Мне хорошо знаком этот дом. Я часто бывала там у друзей. Справедливости ради, не знала предыдущей истории дома. А жаль! Аромат прошлого сохраняется...

Через шесть лет после смерти Сергея Мержинского Леся Украинка вышла замуж за фольклориста и музыковеда Климента Васильевича Квитку(1880 – 1953). Венчались в июле 1907 года в Киевской церкви Вознесения. Медовый месяц провели в городе на Днепре, на улице Ярослав вал 32.Климент давно и безответно любил Лесю. Его чувства были настолько глубоки и светлы, что он стремился помочь Лесе ухаживать за умирающим Мержинским. Таким был муж Леси Украинки. Он трепетно хранил память о Лесе, выполняя ее заветы и пожелания.

Как ни странно, родные, особенно мать, неодобрительно отнеслись к браку дочери, считая его мезальянсом. В этой истории Леся проявила настойчивость и неожиданную для родителей непреклонность. Брак состоялся. Муж тоже болел туберкулезом, и потому им обоим приходилось жить то в Крыму, то в других местах.

Наступил совершенно новый этап жизни. Леся практически не получала материальной помощи от родителей или ее стало существенно меньше и приходилось самим искать средства к существованию. Основная нагрузка пала на Лесю. Она много работала: занималась переводами, давала уроки и т.д.

И, тем не менее, в поисках здоровья, выполняя советы врачей, с трудом находя средства, Лариса Петровна подолгу жила не только в Крыму, но и в других странах, например в Египте. Из дальних стран возвращалась в Украину, затем опять Крым, Кавказ. Положение существенно осложнилось распространением туберкулезного процесса на почки, что означало в ту пору – безнадежность. Лариса Петровна обратилась к известному берлинскому профессору Израели, но туберкулезное поражение почек, препятствовало

радикальному лечению. Профессор посоветовал только климатическое лечение – поездку в Египет. В Африке Леся пробыла около трех зим с переменным результатом. В одном из писем она признавалась, что и другой врач, не рискнул применить туберкулин, опасаясь навредить - «Що до мене, то і тутешній лікар так, як Ізраелі, не квапиться приступатись до мене з туберкуліном і взагалі воліє мене ніяк не зачіпати, бо людей з такою «рідкою» слабістю, як у мене, – він сам признається, – бачив тільки двох за весь свій вік – і не знає, як з такими обходитися. Тим часом се шкода, що нема хоч яких паліативів, бо досить мене мучать всякі болі в поражених місцях і те, що раз-у-раз нудить (сього торік не було), але видко, окрім Єгипта, нема мені лікарства, бо приписаного мені іхіолу не приймає мій організм, а від сироліну виразних наслідків не бачу. Через те я все марю про Єгипет». Впрочем, туберкулин не был панацеей и от него быстро отказались. Доктор Конан Дойль, приехав к Коху в Берлин, довольно быстро отверг туберкулин как лечебное средство. При этом способе лечения много противопоказаний.

Климент Квитка вспоминал, что Леся никогда не боялась смерти, но страшилась маразма. Больше всего ее беспокоило не заметить нарушений и продолжать в таком состоянии писать. Как велико у поэта было чувство чести и ответственности!

В Суринаме (Кавказ) 19 июля 1913 года закончилась сложная жизнь великого украинского поэта.

Хроника последних дней Леси Украинки в Суринами: « 26 июня 1913 (даты подаем по старому стилю) Лесин человек Климент Цветок телеграфирует Ольге до Екатеринослава, что Леси хуже на здоровье и чтобы приехала сестра Изидора. Матери поэтессы он не пишет.

28 июня К. Цветок сообщает сестру Ольгу с Кутаісу о тяжелом Лесин состоянии и потребность вывезти ее из Кутаісу. Того же дня вечером написал, что Леси лучше.

29 июня К. Цветок извещает Ольгу, что улучшение Лесиногo состояния продолжалось всего несколько часов, а теперь ей опять очень плохо.

29 июня сестра Изидора срочно телеграфирует Ольге, что она поедет к Лесе на Кавказ.

30 июня К. Цветок писал Ольге, что Леси будто лучше.

4 июля сестра Изидора с матерью приехала в Кутаїсу. Здесь же телеграфуют Ольге в Екатеринослав. Мать извещает, что приехала сюда «в четверг рано». Леся очень тяжело больна. Взгляд у нее такой, которого мать никогда не видела.

6 июля мать пишет к Ольге с Кутаїсу. Описывает тяжелое Лесин состояние.

7 июля сестра Ольга с Лоцманской Каменки отписывает матери к Кутаїсу.

Начало июля. Леся диктует матери конспект своей поэмы, что обещала написать для сборника «Арго».

10 июля Лесю перевозят с Кутаїсу к Сураму.

11 июля сестра Изидора пишет Ольге уже с Сураму, с дачи Попова, приветствуя Ольгу с именинами. Леся приписала на этой открытке «Целую. Леся». Это она вывела последний раз в своей жизни...

13 июля утром мать написала с Сураму Ольге, что Леси очень плохо, мать боится сказать «безнадежно». Того же дня Изидора описывает Ольге очень тяжелое Лесин состояние.

16 июля иметь телеграфирует в Екатеринослав о том, что потеряна надежда на Лесине выздоровления. Телеграмма не застает Ольги дома, потому что она уже раньше уехала на Кавказ к Ольге.

17 июля Елена Пчилка извещает Ольгу, что Лесю кормят искусственно, потому что ничего не может есть через тошноту. Леся очень ослабла. Еле шепчет. Не хотят Леся и иметь, чтобы Ольга приезжала, чтобы не маялась. Но Ольга была уже в дороге.

17 июля от Елены Пчилки до Екатеринослава летит телеграмма, чтобы Ольга не приезжала.

18 июля К. Цветок телеграфирует Ольге, чтобы она приезжала.

19 июля мать Леси Украинки телеграфирует в украинской редакции газеты «Совет» в Киев: «Тяжело

прибиты большим горем мать и другая семья посылают весть на Украину, что 19 июля на рассвете умерла на Кавказе в Сурами Леся Украинка (Лариса Цветок, урожденная Косачивна). Похоронят в Киеве. Елена Пчилка».

26 июля на Байковом кладбище в Киеве Лесю похоронили между могилами отца и брата Михаила».

Николай Чабан.

Источник: <http://gorod.dp.ua>

Тридцатилетнее мучительное сражение с болезнью отражает уровень медицинских знаний описываемого времени. Вспомним судьбы А.Чехова, С. Надсона, Ф. Кафки...список можно продолжать до бесконечности.

Как было и что изменилось в диагностике и лечении туберкулеза?

Устаревшее название туберкулеза чахотка, от слова чахнуть. Так уходили больные... Туберкулез известен с глубокой древности. Сквозь тьму веков дошли сведения о том, что и в отдаленные времена заболевание считалось контагиозным, заразным. Еще в Вавилонском кодексе Хаммурапи с болеющим туберкулезом разрешался развод.

За прошедшее столетие произошло несколько знаковых событий, изменивших представление о заболевании и возможностях лечения.

Так, в 1819 году знаменитый французский врач Рене Лаэннек(1781- 1826) придумал устройство, облегчающее выслушивание, стетоскоп. Врачи смогли выслушивать легкие, сердце пациента, не прикасаясь ухом, что в некоторых случаях оказалось важным. Так, благодаря аускультации (выслушиванию) облегчилась ранняя диагностика туберкулеза, что давало надежду на ремиссию. Австрийский профессор Леопольд Ауэнбрюггер(1722- 1809) впервые применил в 1852 году метод перкуссии, постукивания, позволявший уловить разный звук в зависимости от плотности ткани. В 1882 итальянский ученый Карло Форланини (1847-1918) предложил для лечения легочного туберкулеза пневмоторакс. Форланини сделал то, что в 1822 году не удалось Джеймсу Карсону, впервые разработавшему методику введения воздуха в плевру для спадания каверны - полости в легком. В России этот метод

успешно использовал профессор Московского университета Леонид Ефимович Голубинин (1858- 1912). Начиная с 1891 года, искусственный пневмоторакс применялся и в клинике профессора А. Остроумова(1845 – 1908). В то время отрабатывались критерии использования пневмоторакса и, очевидно, метод применялся ограниченному числу больных, не став еще широко распространенным. И, тем не менее, введение в лечебную практику пневмоторакса стало огромным достижением и спасло много жизней. Кавернозные формы туберкулеза стало возможным лечить, пусть и не всегда успешно. Но можно было пытаться лечить и побеждать!

Но самым главным достижением, прорывом явилось открытие в 1895 году X- лучей, названных по имени открывшего их ученого Рентгеновскими. С этого момента диагностика многих заболеваний, в частности туберкулеза разной локализации, стала на много порядков легче и надежнее. Произошла поистине смена вех!

Первые эффективные лечебные препараты появились в середине

40-х годов XX века: Зельман Ваксман – уроженец украинского местечка Прилуки, уехавший в 1910 году из Российской империи в США, открыл в 1943 стрептомицин. Примерно в те же годы широко использовались новые препараты – паск и фтивазид. Это было только начало...

В арсенале современной медицины, кроме огромного числа лекарственных средств, существенная роль принадлежит оперативным методам лечения. Никто не отменял, как в прежние годы, климатическое и санаторное лечение.

Туберкулез по сей день считается серьезным заболеванием, требующий упорного лечения, но безнадежность отошла в прошлое.

Несмотря на болезнь, Лариса Петровна стремилась по возможности вести жизнь здорового человека. Как только болезнь отступала, она охотно путешествовала, знакомилась с достопримечательностями стран, куда забрасывала судьба... Впечатления ложились на бумагу, создавая особый

мир философских раздумий, прозрений, предвидений. Продолжался неустанный труд – переводы, уроки.

Выходят новые стихи, драмы, критические статьи и очерки. Эта часть жизни оставалась как бы неподвластной житейским бедам. Именно творчество помогало жить. Но, конечно, бывали грустные периоды, когда надежда ускользала: Из цикла «Невольницькі пісні»

Ще старість не прийшла, а все минуло
не раз мені стає перед очима,
і я дивлюсь так пильно, мов боюся,
що більш мені не прийдеться побачить
того садочка спогадів моїх.

О Лесе Украинке, ее творчестве написана не одна монография, ее пьесы с успехом идут на театральных сценах, созданы художественные фильмы. И это только начало.

Я коснусь некоторых произведений, в которых отразились медицинские темы. И здесь, Леся Украинка проявила недюжинные знания в разных областях.

В 1896 году Лариса Петровна приехала в гости к дяде доктору А.П. Драгоманову, главному врачу санатория для психических больных, в поселок Творки под Варшавой. В повести «Місто смутку», написанной после пребывания в месте скорби показательно все, включая эпитафию, отражающий философский вопрос, нерешенный поныне.

Motto: «Де та границя, що відділяє нормальне від ненормального»

Автор описывает встречи с пациентами, проходящими лечение в специализированном санатории, каждая из которых индивидуальна. Благожелательно, по доброму, относится писатель к больным, сострадает и сочувствует им. Долгие разговоры с дядей, помогли Лесе многое понять и прочувствовать. Очень хорошо, практически профессионально описаны ею разные виды бреда. Привожу встречу с молодой женщиной – поэтессой: «Ось проходить передо мною молода поетеса з ясним хвилястим волоссям, з чудовими синіми очима, де так ясно блищать і зливаються в один промінь талан і божевілля,

чарівні музикальні строфи ллються з її уст, так і віє од них гірським повітрям, гірською волею, раптом вони обриваються смутно-сатиричним жартом, повним божевільного юмору, і сміхом, похожим на плач! «Так завжди, – згадуються мені її слова, – поезія, поривання *ins Vlaai*, зражені надії і... і нещасне кохання, а потім все кінчається тут, у добрім товаристві...» – і знову лунає сміх, а з ним єднається прикрим акомпанементом цинічний регіт підстаркуватої жінки з кокетливими жестами, їх обох заглушають гуки розбитого фортеп'яно, то грає божевільна композиторка, у неї лице подібне до візантійської ікони, очі дивляться поважно і суворо в одну точку, вона грає «Grande Polonaise»»...

Затем описана мания величия у больной, считающей себя королевой - одно из распространенных бредовых состояний:

«Ось її величність королева ласкаво подає мені роблені власноручно квітки, їх багато лежить у неї на столі поруч з самодіяльною короною. «Се невеликий дарунок, але його робили королівські руки. Як підете туди, між мій народ, розкажіть, якою ви бачили його королеву, – тут її величність показала трагічним жестом на свої стоптані черевики і потерту сукню, – ось чого дочекалась наймилостивіша з королев від свого народу! Скажіть, що я не пам'ятаю зла, а тільки требую свого права».

И еще щемящее описание пациента врача – психиатра: «А окрім того, я професор нової психіатрії... Поганий тепер сезон, спека, студенти не хочуть займатись, але професорам так не можна, професор повинен двигати науку, – він дивився в просторінь і, здавалось, зовсім забув про мене, далі витяг з кишені чверточку паперу і олівця і почав щось писати у себе на коліні, шпарко, не одриваючись. Потім підвів голову, глянув угору і всміхнувся мені. – От і готово! – і чогось почервонів.

– Що ж се ви написали? – спитала я.

– Конспект лекції на завтра; от візьміть, коли хочете, ви ж, певне, теж студентка?

Я вас прошу, не показуйте сього тутешнім лікарям – се такі обскуранти!

Mania erotica

Систематичний бред

Симптоми: Ідеалізація об'єкта кохання, платонічність, інтенсивність, безнадійність, безвихідність (прикл[ад] Я), при акт[ивній] формі – дикі напади, убійство і самоубійство. Форми: латеральна і експансивна.

Етіологія: Нерівні відносини серця до мозку. Мало досліджено (тут якісь невиразні ініціали та значки, либонь, цитати).

Ступінь розширення: Не так рідко, як думають вони (знов значки).

Ліки: Паліативи: Aqua Lethae, зміна місця, робота, autosuggestio. Способи радикальні: знам. Dr. Гейне радить Pulv. B. Schwarzii в виді моментальних компресів на груди і на голову. Можна теж Tinct., Op., Stroph., C. Cian. (ars., phosph. не рекомендується). В давні часи удавались до хірургії, напр., perforatio pectoris – устаріло. Результати: Beatitudo neutralis. Краще залишити натуральній течії. (Ініціали, між ними знов Я).

Профілактика, прогноз: Все одно, не варт про се думати.

На сьому кінчалась записка

Интерес к открытиям Моргана – Вейсмана, роль наследственности в причинах развития многих заболеваний по понятным причинам волновал Ларису Петровну. Мы уже упоминали, что она не считала для себя возможным замужество и лишь через много лет решилась на брак... с человеком, как и она, болеющим туберкулезом. Особую роль в разноплановом творчестве писателя, особое место отведено переживаниям людей с нездоровой психикой. Во второй половине XIX, начале XX века было переосмыслено отношение к людям с нарушенной психикой, гуманизировалось отношение к пациентам в психиатрических отделениях. Великий французский врач, профессор Пинель(1745 -1826) ,в частности, облегчил пребывание психических больных в профильных учреждениях, сняв с них «кандалы». Понятие нормы и патологии приобрело новое звучание, впрочем

продолжающее оставаться неоднозначным и
дискутабельным.

С этой точки зрения появление драмы «Блакитна троянда» находится всецело в русле времени. Кроме того, Лесю Украинку тревожили собственные раздумья и проблемы. Пьеса написана в 1896 году, в 1898 году Леся перевела драму на русский язык. Автору 25 лет, из которых 15 лет она болеет, болеет и лечится. Один из глубинных мотивов пьесы - рассуждения о наследственности, допустимости или невозможности из этических соображений супружеских отношений, появления потомства. У главной героини Любочки, мать болела психическим расстройством. И это довлеет над дочерью. «Ні, справді, чому про душевну слабість не можна говорити без того, щоб не вийшло ніяково? Так, наче се щось ганебне! Ні, се не ганебно, се тільки дуже, дуже сумно для родини... О, той, кому загрожує ся страшна хвороба, не повинен би дружитись, се просто злочин...» «діти таких слабих? Не тільки можуть, а навіть повинні думати про се»...

И далее она прямо ссылается на законы наследственности: «Закон причинності, спадковість, виродження – от наші нові боги... Ніж доходить на лютім, повільнім вогні, краще блиснути враз і згоріти». Доктор пытается снизить накал страстей: «! Як станемо розбирати, в кого яка мати, та дід, та баба, то половину людей прийдеться хіба в ченці постригти. Знаю я таких, що, здається, всі ворони кракали на їх шлюб, а вони собі живуть любесенько, дарма що у Крафт-Ебінга та Вейсмана благословенія не просили». Упоминание Крафт-Ебинга и Вейсмана подчеркивают не только образованность писателя, но и глубокое знакомство с современными биологическими открытиями.

Страдания дочери пробуждали сложные, противоречивые мысли у матери Ольги Косач – Драгомановой, выраженные в письме Ивану Франко, опубликованном Денисюк и Т.Скрипкой в «Дворянском гнезде Косачей» - «...по- моему не велику прислугу роблять надто недолугим дітям, коли, так сказавши, силою затримують їх при житті...дивлячись на Лесю, не раз, не два

винуватила себе, що виратувала її, коли вона дуже слабувала на першому році життя... Чи ж не смерть була б кращою долею...» По мнению Оксаны Забужко(2007) письмо свидетельствует о жестком отношении матери к больной дочери. Так ли это? Или невозможность, нестерпимая боль наблюдать нескончаемые страдания? Я склоняюсь к последнему. Между тем ответ содержится в письме Леси Кримскому от 27.10.1911 р. «Зрештою, життя моє не було убогим, і сором було б мені плакати на нього». С этим утверждением нельзя не согласиться.

Самое поразительное в аспекте нашей тематики выражено в фантастической драме « Осенняя сказка». Еще в 1905 году Леся Украинка предсказывала ...карательную медицину!

король тут хоче збудувати шпиталь,
щоб всіх людей загодити, а разом
шпиталь той буде й за тюрму служити.
Тюрма для божевільних! Добра штука!
Се вигадав один учений лікар
написав про те грубезну книгу,
а наш король йому дав надгороду
і вже тепер новий наказ готує,
кого вважати треба божевільним,
хто має право на «шпиталь довічний». (выделено
мною И.Л.)

Поистине трагическое, но гениальное предвидение!
Маленькая, больная женщина не только превозмогла
отпущенные судьбой беды, но стала великим писателем XX
века!

Литература

Забужко Оксана Notre Dame D'Ukraine Видавництво «Факт» Київ, 2007

Заблудовский Павел Ефимович, Крючок Григорий Романович

Изд. Медицина «История медицины» 1981

Квитка К. Воспоминания о Лесе Украинке

Костенко Анатолий «Леся Украинка» ЛитМир
Электронная библиотека

Украинка Л. Сочинения в 5-ти т., т. 5. Письма 1881 – 1913. К., 1956

Леся Українка. Зібрання творів у 12 тт. – К. : Наукова думка, 1975 р., т. 3, с. 271 – 376

Леся Украинка в воспоминаниях современников
Перевод с украинского

Составление, вступительная статьи и комментарии
Александра Дейча

Оформление художника Н. Крылова М.,-Худож. лит.,
1971

Менье Л., История медицины, пер. с франц., М. — Л.,
1926

Электронный сайт: Энциклопедия жизни и творчества
Леси

Украинки (2006 – 2014 Н.И.Жарких)

Хроника последних дней Леси Украинки в Суринами
: Чабан Николай <http://gorod.dp.ua>

Денисюк Иван Скрипка Тамара Турбота про Лесю
[http://www.t-](http://www.t-skrypka.name/LUkrainka/Gnizdo/Figures/OPchilka/Care.html)

[skrypka.name/LUkrainka/Gnizdo/Figures/OPchilka/Care.html](http://www.t-skrypka.name/LUkrainka/Gnizdo/Figures/OPchilka/Care.html)

Шапкина Вера Леся Украинк Украинка
<http://lytera.ru/vera-shapkina-lesya-ukrainka.html>

Медицинские темы в творчестве писателей

Врачи в «Человеческой комедии»

Давно известно, что доброе слово лечит, придает силы и уверенность. Выдающийся русский ученый Г.А.Захарьин(1829 – 1897) утверждал, что если после встречи с врачом больному хоть на минуту не стало легче, то врач должен задуматься о соответствии профессии. О.Генри писал, что если больной считает кареты в похоронной процессии, то его шансы на выздоровление ничтожны. Врач и писатель Владимир Даль считал весьма желательным для медика уметь говорить с пациентом в буквальном смысле на одном языке, не пренебрегая местными говорами, что он и делал.

Конечно, миграция, характерная для современного мира, вряд ли позволяет следовать советам Даля. Но, по сути, он по-прежнему прав.

«Сколько бы вы, милостивые государи, ни выслушивали, ни выстукивали, вы никогда не сможете безошибочно определить болезнь, если не прислушиваетесь к показаниям самого больного», – неизменно наставлял своих учеников знаменитый Г. А. Захарьин. Сомерсет Моэм (врач по профессии) подчеркивал, что человек со здравым смыслом и даром сочувствия, предоставляя свободу природе больного, приносит не меньше пользы, чем иные высокообразованные медики. Очень часто причиной тревог является неведение, неизвестность, непонимание. «Страх порождается, – как полагает выдающийся ученый-онколог Зильбер, – отсутствием информации, и, следовательно, информация – мать не только интуиции, но и бесстрашия».

Великолепные строки сочувствия человеку, углубленному в свои беды и невзгоды, находим в произведениях искусства. Примером служит, в частности, творчество Бальзака. Творческому методу писателя свойственен системный подход, отразившийся в «Человеческой комедии».

Медицинские темы в романах Бальзака определяются характерной для автора особенностью – из романа в роман рядом со страдающим героем постоянно находятся врачи – доктор Бьяншон, несколько реже его учитель профессор Деппен («Обедня безбожника») и эпизодически доктор Бенаси («Сельский врач»).

Бьяншон настолько занимал воображение писателя, что он поверил в реальность созданного своей фантазией врача и к нему, умирая, обращался за помощью. Бальзак не только поверил в существование врача по имени Бьяншон, но убедил в этом и читателя.

Описывая встречи с Бьяншоном, я определенным усилием воли вспоминаю, что это придуманный герой, а не реальный человек, настолько великолепен типаж. Кто же такой Бьяншон, чем знаменит, какими качествами наделен и когда появляется в мыслях и романах Бальзака?

Впервые он встречается в романе «Отец Горио», снимает комнату в «Доме Воке», где начинается жизнь множества персонажей, проходящих через все романы писателя. «Дом Воке» населяют, как правило, люди, попавшие в затруднительное положение, бедные студенты или разорившиеся буржуа, иногда, впрочем, сохраняющие надежду поправить состояние...

Здесь, в пансионе, состоялось знакомство не только с Бьяншоном, но и с будущим стряпчим, героем светских романов и интриг, Эженом Растиньяком, отцом Горио, его дочерьми, ростовщиком Гобсеком, бывшим каторжником Вотреном и многими другими, в прошлом посетителями парижских салонов, ресторанов, а затем, по воле случая, жителями ночлежек.

Занимательна, а порою страшна эволюция героев, преображающихся по прихоти судьбы и романиста. «В этой первой комнате стоит особый запах... его следовало бы назвать запахом пансиона. В нем чувствуется затхлость, плесень, гниль, он вызывает содрогание, бьет чем-то мозглым в нос, пропитывает собой одежду, отдает столовой, где кончили обедать, зловонной кухмистерской, лакейской, кучерской» («Отец Горио»).

За неимением средств, в пансионе живет студент-медик Орас Бьяншон. Он молод, остроумен, открыт общению, любознателен, пытлив, дружелюбен. Он, в отличие от друга Растиньяка, не готов к обогащению любой ценой. «Человеческие склонности находят и в пределах очень маленького круга такое же полное удовлетворение, как и в пределах самого большого. Наполеон не съедал двух обедов и не мог иметь любовниц больше, чем студент-медик, живущий при Больнице капуцинов. Наше счастье всегда будет заключено между подошвами наших ног и нашим теменем – стоит ли оно нам миллион или сто луидоров в год, наше внутреннее ощущение от него будет совершенно одинаково».

С первых встреч обнаруживается острый специфический взгляд, особый склад мыслей Ораса, развивающихся под влиянием учебы на медицинском факультете. Так, встречаясь в столовой с одной из «пансионерок», он шепчет Вотрену: «Меня всегда пробирает дрожь от этой старой летучей мыши. Я изучаю систему Галля и нахожу у Мишоно шишки Иуды». То есть одно из первых появлений Бьяншона как бы атрибутировано профессиональными познаниями. Модная в то время теория Галля, автора учения о френологии, – связь внешней конфигурации черепа с особенностями личности – известна студенту-медику. Термин «френология» принадлежит ученику Галя, Иоанну Шпурцгейму. Исходя из этой же теории, студент - медик характеризует отца Горио: «Я щупал его голову: на ней только один бугорок – как раз именно отцовства, это отец неизлечимый».

Бальзак устами Бьяншона обнаруживает пронизательность при описании первых признаков заболевания отца Горио, возникших после нервного потрясения от общения с дочерьми, от их непомерных требований. Он (отец Горио) рыдал, возбуждение сменялось подавленностью и затем: «Что-то мне давит лоб, это мигрень... Какая-то завеса закрывала мне глаза...» Вскоре появился Бьяншон и высказал предположение о возможности апоплексии (кровоизлияние в мозг И.Л.). Вот его обоснование: «Нижняя часть его [отца Горио] лица

довольно спокойна, а черты верхней, помимо его воли, дергаются кверху.... Затем взгляни на его глаза: они точно посыпаны какой-то мельчайшей пылью... Эта особенность указывает на кровоизлияние в мозг». Одновременно Бьяншон интересуется, что предшествовало изменениям состояния, высказывая предположение о возможном потрясении. Для него очевидна связь нервного стресса и развития нарушений мозгового кровообращения.

Умиравший отец Горио в полубессознательном состоянии, испытывая физические страдания, грезит о дочерях, что является доминантой: «О, какая боль! Вся голова трещит! Как вы думаете, они придут? Они, конечно, ничего не знали о моей болезни? Вылечите меня! Вылечите! Я им еще очень нужен! Их состояние под угрозой».

На пороге смерти другой обитатель пансиона, ростовщик Гобсек, не перестает думать о своих богатствах, как Горио о дочерях: «Я уйду, голубчик... куда уйду – не знаю, но уйду отсюда. У меня уж карфология (бессознательные движения рук умирающего – И. Л.) началась, – добавил он медицинский термин, что указывало на полную ясность сознания... Куда ж теперь все добро мое пойдет? Мне вдруг почудилось, будто по всей комнате золото катится, и я встал, чтобы его подобрать... Он приподнялся на постели: его лицо четко, как бронзовое, вырисовывалось на белой подушке. Протянув высохшие руки, он вцепился костлявыми пальцами в одеяло, будто хотел за него удержаться, взглянул на камин, такой же холодный, как его металлический взгляд, и умер в полном сознании...».

Бальзак с тонким психологизмом описывает страдания заболевших, отношения к ним друзей и врачей, нюансы последних мгновений, отличающиеся не только по характеру заболевания, но и в зависимости от структуры личности конкретного человека.(сравники мысли умирающего отца Горио о дочерях и Гобсека о деньгах). Литературоведы отмечают особое свойство писателей проникать в мысли и чувства созданных ими персонажей. Иногда персонажи, «вырастая», диктуют авторам иные коллизии, действуя независимо от воли автора.

Особенно эмоциональны и точны у Бальзака картины болезни и смерти героев.

«Его [полковника Шабера] подтачивал один из тех недугов, для которых медицина не нашла еще имени, они не имеют постоянного очага и гнездятся в нервной системе, являющейся, по-видимому, самым уязвимым местом нашего организма. Эту болезнь можно было бы назвать «сплином несчастья».

Задолго до открытий физиологов, в частности И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Бальзак на основании наблюдений убедился в огромной роли нервной системы в развитии и течении заболеваний, в специфике отдельного случая. «Я всегда посещаю семьи, удрученные смертью близких людей, чтобы узнать, не заболел ли кто от горя... Горе так же разрушает душу, как разрушает тело нестерпимая боль» («Сельский врач»).

В этом же произведении устами доктора Бенаси звучит утверждение, намного опередившее время, но очевидное для Бальзака: «В наши дни медицина соприкасается со всеми науками...».

В повести «Побочная семья» Бьяншон преуспевает в лечении графа де Гранвиля именно потому, что понял причину его страданий и тяжелой депрессии. Для него ясна психологическая основа болезни. «Вы больны и должны мне позволить вылечить вас» – в этой короткой фразе заключен один из постулатов практической медицины – быть ближе к человеку и стремиться вызвать доверие к себе.

Так же поступают и другие доктора, живущие на страницах «Человеческой комедии». Один из них великий врач – профессор Деппен – был учителем Бьяншона. Он в молодости, как Бьяншон, жил в меблированных комнатах, испытывая жестокую нужду, часто голодал. Его спас небогатый водонос, сосед по жилью, отдавший ему все скопленные невероятным трудом сбережения, чем помог получить образование. Профессор, человек довольно закрытый, никогда не говорил о том периоде жизни, но в тайну случайно удалось проникнуть Бьяншону. Он неожиданно для себя заметил атеиста Деппена, входящим в церковь. Оказалось, что Деппен ежегодно заказывает мессу

по давно умершему водоносу-овернцу, тем самым, отдавая дань любви, уважения и памяти верного друга. Если по характеру Деппен отличался от открытого, общительного Бьяншона, то подходы к больному, к лечению формировались у молодого врача именно под влиянием учителя. «У Деппена было поразительное чутье: он постигал больного и его болезнь не то природной, не то приобретенной интуицией, позволявшей ему установить индивидуальные особенности данного случая и точно определить тот час и минуту, когда следовало производить операцию, учтя при этом атмосферические условия и особенности темперамента больного».

Осмотрев слепую госпожу Миньон, он понял, что может вылечить ее, и назначил операцию. «Быстрота и ясность, с которой Деппен отвечал на все вопросы г-жи Миньон, его манеры и деловой тон – все это впервые дало Модесте [Миньон] правильное представление о таланте... Он был нежен с Модестой». Впервые больная поверила врачу, поверила в исцеление. После общения с врачом больной стало спокойнее – таково основное требование деонтологии. Не преемственностью ли объясняется творческий метод ученика?

Так Бальзак неизменно подчеркивает острый взгляд Бьяншона, фиксирующий малейшие изменения мимики, выражения глаз, позволяющие заподозрить у больного то или иное заболевание. Для того чтобы поставить диагноз, порой достаточно внимательного осмотра, к которому современные врачи, увлеченные действительно чудодейственной диагностической базой, но не видящие самого больного, прибегают все реже и реже.

Профессор Е.И.Лихтенштейн с неизменным восхищением вспоминал ученика В.П.Образцова профессора Ф.А.Удинцева, который, входя в палату и внимательно вглядываясь в ожидающих обхода больных, особым чутьем почти мгновенно составлял мнение о заболевании каждого. Поразительно верными оказывались его предположения.

Бальзак подробно описывает, как заботливо и профессионально ухаживает Бьяншон за отцом Горио, не жалея ни сил, ни времени, без какой-либо платы за труд. «К

изможденному телу старика ставили пиавки, за ними следовали припарки, ножные ванны и другие лечебные средства, возможные лишь благодаря самоотвержению и физической силе...» Уходя в клинику, Бьяншон объясняет Растиньяку, на что обратить внимание, наблюдая больного, так как малейшие нюансы могут изменить суждение о характере процесса, прогнозе и т.д. «В болезнях подобного рода все необычно. Когда удар случается... в затылке... бывают странные явления: работа мозга частично восстанавливается, и тогда смерть наступает позже. Кровоизлияние может и не дойти до мозга, а избрать другие пути...» Трогательным является отношение Бьяншона к страдающему человеку: «врачи привычные видят только болезнь, а я пока еще вижу больного».

Между тем в неизбежном диалоге «врач–больной» нельзя игнорировать обязанности и поведение того и другого. «Врачи привыкли разбираться в людях и их поступках, наиболее искусные из нас, изучая тело, изучают душу. Я узнал светских дам. Мы проводим ночи напролет у их изголовья, из кожи вон лезем, чтобы не допустить малейшего ущерба для их красоты. Не выдаем их тайн, молчим как могила. Когда присылаем счет, они находят его чрезмерным...» («Дело об опеке»). И еще: «...Представители трех профессий в нашем обществе – священник, врач и юрист – не могут уважать людей». («Полковник Шабер»).

Это грустная правда. Потеряно в значительной мере уважение к профессии. В современной прессе читаем и о рукоприкладстве, что не имеет разумного объяснения. Впрочем, нельзя забывать о холерных бунтах в прошлом, о жестокости вельмож по отношению к врачам. Но все же это не было распространенным явлением. Из семейных преданий знаю, что во время петлюровских погромов в Украине моему деду сохранил жизнь один из пациентов.

Достоинство у постели бедного старика Горио ведут себя и коллеги Бьяншона, пришедшие по его зову, заметьте, не за деньги, а из уважения к студенту-медику и исходя из понимания врачебного долга. Они совместно обсуждают метод лечения в зависимости от обстоятельств: «Если у больного появятся признаки рассудка, если он заговорит,

поставь ему продольный горчичник, так чтобы охватить спину от шеи до крестца, и пошли за нами». Они обсуждают возможные сдвиги, указывающие на изменения в течение болезни, а, следовательно, лечения и, главное, прогноза.

Описывая Бьяншона как самого любимого врача писателя, не следует забывать, что его прототипом является профессор Жан Батист Наккар, автор диссертации «Новая физиология мозга», член Королевского медицинского общества, личный врач семьи Бальзаков и преданный друг Оноре. Он отличался пытливым умом, добрым сердцем и большими знаниями.

Возможно, дружба с таким человеком, его рассказы о работе, о сложностях и тревогах, радостях и свершениях помогли созданию притягательных, полнокровных, запоминающихся, живущих самостоятельной жизнью образов врачей.

Известный русский врач Мудров писал, что лечить нужно не болезнь, а больного. Хорошо известно, что одно и то же заболевание протекает по-разному у разных людей. Но для этого необходимо внимание, да и сострадание. Ведь слово может и спасти, и убить. Автору этих строк довелось быть свидетелем нескольких возмущивших его бесед врача с пациентом. Одна из них: бегло посмотрев в компьютере результаты исследований, не отрываясь от него, извлекает напечатанный рецепт, подает пациенту со словами: у вас все сосуды забиты, органы не работают и.т.д. Был другой эпизод: желая предостеречь 18-летнюю студентку, от преждевременного выхода на занятия после болезни, в качестве аргумента, профессор привел случай смерти в аналогичной ситуации другой девушки.

Допустимо ли такое? Вопрос риторический. А ведь уже много лет назад выделена группа иатрогенных заболеваний, то есть внушенных врачом. Известны случаи тяжелых состояний, вызванных не болезнью, а реакцией впечатлительных людей на неосторожные слова.

Бальзак касается болезненных проблем угасания, смерти не только с философской точки зрения, но и пытается найти объяснение соответствующих биологических механизмов. «...На его лице болезненно запечатлелась

борьба между жизнью и смертью, происходившая в механизме, где мозг уже утратил сознательные восприятия, от которых у человеческого существа зависят чувства радости и скорби... В таком состоянии он пробудет еще несколько часов, и смерть наступит незаметно, он даже не захрипит. Мозг, вероятно, поражен целиком». («Отец Горио») Осматривая отца Горио, позднее Бьяншон замечает: «Машина [сердце] работает, но в его состоянии – это несчастье».

Врач сострадает неизлечимому больному. Отсюда, пожалуй, не так далеко до эвтаназии, будоражащей умы не только врачей. Где границы дозволенности? В чем больше гуманизма – в продлении неизлечимых страданий или их прекращении? Удастся ли исключить злоупотребления? Эта тема не терпит суеты.

Известен интерес Бальзака к естественным наукам, он читал учебники, изучал психологию и психиатрию, знал об острых общественных дискуссиях своего времени. Устами доктора Бьяншона он дает оценку опытам Месмера (1734–1815), одного из создателей учения о животном магнетизме. Согласно Месмеру, все объекты живой природы взаимосвязаны и взаимодействуют посредством особых флюидов: «Я думал о магнетизме... Я глубоко убежден в могуществе человеческой воли, этой движущей жизненной силы. Магнетические внушения, полученные во время сна, с точностью выполнялись в состоянии бодрствования. Воля одного становилась волей другого» («Дело об опеке»).

Учение Месмера и его последователей второе столетие продолжает занимать умы и, будучи на периферии конвенциональной медицины, находит все больше сторонников в ученном мире. В лечебной практике, преимущественно в ортопедии, применяются различные магнитофоры.

Особенно полно и разносторонне взгляды писателя проявились в описании психологических особенностей личности в философском романе «Шагреновая кожа». Замысел романа складывался постепенно, что видно по записям в рабочих тетрадях. Окончательная формулировка следующая: «Она (философская сказка) останется формулой

нашего теперешнего века, нашей жизни, нашего эгоизма». Герой повести молодой поэт Рафаэль задавлен нуждой. Он жил в мансарде со стенами, «сочившимися нищетой», мечтал о славе, популярности, богатстве, женщинах. Повесть не автобиографична. Но, возможно, Бальзаку вспомнились трудные годы, проведенные в мансарде на улице Ледигьер, свой каторжный труд, смелые планы, полуголодное существование. Талантливый юноша в отчаянии бродит по улицам города, думая о самоубийстве, не находя выхода из одиночества и нищеты. «...Сквозь уличный шум он слышал один только голос – голос смерти». И в то же время автор четко подмечает: «...на краткий миг он сбрасывал с себя бремя дум и воспоминаний, останавливаясь перед цветами, головки которых слабо колыхал среди зелени ветер». Внимание рассеивается, значит, понимает читатель, не все потеряно. И вот далее: «И вдруг он [Рафаэль] услышал слабое звяканье монет у себя в кошельке, и улыбка надежды озарила его лицо. Так постепенно мысль о самоубийстве уходит в тень, уступая место иным заботам и желаниям».

Автор «Человеческой комедии», писатель и тонкий психолог, касался и тем самоубийства. «Я считал, что самоубийство – это последняя стадия духовного недуга, как естественная смерть – завершение недуга телесного. Но чтобы пресечь свою жизнь, нужно согласие разума: значит – убивает мысль, а не пистолет». Бальзак утверждает, что человек могущественен, лишь, когда он обладает неограниченной свободой действий. Действительно, свобода человеческого разума и воли обладает важной защитной ролью.

После долгих мучительных сомнений доктор Бенаси («Сельский врач») говорит: «...раз у него [человека] хватит силы воли умереть, значит, у него должно хватить силы воли, чтобы жить и бороться». Примерно так происходит с Рафаэлем, оставляющим мысль о самоубийстве от самой малости – от найденных в кармане монет. Он продолжает ходить по городу и забредает в антикварный магазин, где становится обладателем шагреновой кожи. Условия владения кожей жесткие – любое желание выполняется. Но оплачивается жизнью – каждое осуществленное желание

уменьшает кожаный лоскут. Надпись на коже гласит: «Но соизмеряй желания со своей жизнью».

Вспоминается договор Фауста с Мефистофелем: в обмен на радость бытия отдается душа, за чем неотвратимо придет смерть.

Не анализируя философские концепции романа, о чем много писали, и будут писать специалисты, коснемся медицинской тематики, усилий врачей в лечении больного поэта.

У постели заболевшего Рафаэля собрался консилиум в составе четырех врачей. Они «с подчеркнутым вниманием щупали ему пульс, осматривали его и расспрашивали. Больной старался угадать их мысли, следил за каждым их движением, за малейшей складкой, появлявшейся у них на лбу». Ни в ком из врачей не было сострадания, казалось, будто они думают о чем-то другом. «На какие бы грозные симптомы ни указывал Бьяншон, один только Бриссе изредка цедил в ответ: «Хорошо! Так!». Между тем «лицо Ораса выдавало огромную муку и скорбное сочувствие». Он не мог оставаться равнодушным к мучениям больного и бесстрастно стоять у смертного ложа. «Около получаса доктора, если можно так выразиться, снимали мерку с болезни и с больного, как портной снимает мерку для фрака с молодого человека...».

Прошло время, и больной «уже представил себе собственные похороны, слышал пение священников, мог сосчитать свечи... Все, некогда сулившее ему долгую жизнь, теперь пророчило скорую смерть». Удивительная переключка с О.Генри: «...когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы [пациентка] хоть один раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти вместо одного из десяти».

Не подлежит сомнению необходимость создания для больного спокойной обстановки, дабы оставалась надежда на исцеление. Не зря выдающиеся врачи в работах по медицинской деонтологии, подкрепляли свои мысли и фрагментами из произведений художественной литературы

(В. П. Образцов, Н. Д. Стражеско, А. Л. Мясников, И. А. Кассирский, Е. И. Лихтенштейн и другие).

Изучение медицинских тем в произведениях искусства способствует гораздо более глубокому пониманию сложных переплетений мира чувств и мыслей, сердца и разума.

Врач и писатель, каждый по-своему, разбираются в природе человека во всем ее многообразии, и их единение приводит к лучшему взаимопониманию страждущего с целителем. Нет изолированных наук, человек целостен, а не состоит из суммы органов, и рассматривать его следует в единстве всего многообразия жизни.

Литература

Бальзак Оноре Собрание сочинений в 15 томах. Огиз - Государственное Издательство Художественная литература, 1945.

Кассирский И.А. О врачевании. Москва: Медицина, 1970.

Лихтенштейн И. Врач и больной. Долгожитель. Приложение к газете Новости недели, 28 апреля, 2007

Эмиль Золя «Ругон – Маккары» Заметки врача

Интерес к писателю иногда возникает от случайных причин. Нечто подобное произошло и у меня.

Неведомыми путями в наш дом попал маленький, с трехкопеечную монету, выпущенный франко-русским обществом писателей позолоченный жетон, на одной стороне которого написано «французский писатель Золя», на другой – «французский капитан Дрейфус». Год выпуска не обозначен, но надпись, выполненная в старой русской орфографии, позволила сотрудникам киевского исторического музея датировать жетон концом XIX – началом XX века.

Имя Золя прочно связано с историей Дрейфуса, в перипетиях жизни которого роль писателя оказалась судьбоносной. Золя, ознакомившись с материалами, собранными и переданными ему в ноябре 1897 года журналистом Бернаром Лазаром, убедился в невинности капитана французской армии еврея Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. Золя «не мог молчать» и

напечатал 13 января 1898 года в газете «L'Aurore» знаменитое письмо «Я обвиняю», обращенное к президенту республики Феликсу Форю. Публикатором был друг Золя, потомственный врач, а впоследствии один из самых успешных премьер-министров Франции Жорж Клемансо. Это письмо своим эмоциональным накалом, страстностью и убежденностью взорвало общественную жизнь Франции.

В истории есть не много документов подобной нравственной силы и мужества. С этого момента популярность Эмиля Золя необыкновенно возрастает. Велик его международный авторитет. Но это не помешало французским властям обвинить писателя в клевете и вынести жесткое обвинительное заключение: год тюремного заключения и штраф. Не стихает и накал антисемитских выступлений.

Толпы людей, шагая по парижским улицам, распевали «Антисемитский марш»:

«Смерть евреям! Смерть Евреям!

Надо их вешать

Без промедления,

Смерть евреям! Смерть евреям!

Их надо вешать

За длинные носы!»

«Золя - позорище! Итальяшка» (из книги Анри Труайя о Золя, 2005)

Адвокат Лабори, защитник писателя, сказал на суде: «...С изумительным сознанием своей силы и мужества, которые навеки покроют его славой, Эмиль Золя написал письмо, и его вам приходится судить... Оно было жестоко, и таким ему надлежало быть; оно в некоторых частях было крайним – это тоже было необходимо; но по существу оно было правдиво, и я доказал это. Оно было мужественно, оно было истинно, и – скажу больше – оно было величественно. Для того чтобы написать его, нужен был весь гений Золя, все его сердце... Этот человек – честь Франции». Золя бежит в Англию и возвращается в Париж только после отмены приговора. Успехи, слава не сваливаются с неба, к ним неизменно ведет упорный труд.

Эмиль Золя родился 2 апреля 1840 в семье Франсуа Золя талантливого инженера-строителя, автора смелых опережающих время проектов, по происхождению полугрека-полуитальянца и матери - француженки Эмили – Орели Обер. Детские годы писателя прошли в Эксе, где он учился в одном классе и дружил с Полем Сезанном. Отец строил каналы в Эксе и спроектировал первую железную дорогу (от Будвейна до Линца). Его внезапная смерть привела 6-летнего сироту к серьезным материальным и психологическим бедам. Волевым, активная мать в надежде на помощь друзей мужа переехала в Париж, где им предстояли, однако, долгие годы лишений. Эмиль учился в разных колледжах, в том числе, в известном «Эколь Нормаль», но так и не сдал экзамен на бакалавра права.

Многое в становлении Золя сложилось под влиянием его матери, панически боявшейся нищеты и впоследствии не простившей обществу безразличия к судьбе своей семьи. Мать до конца своих дней оказывала на Золя влияние, оставаясь самым близким и родным человеком.

В первые парижские годы их положение было катастрофическим. Мать некоторое время жила в приюте. Будущий писатель влачил жалкое существование, скитаясь по углам среди сомнительных личностей. Но призвание, энергия и упорство позволили вырваться из нищеты. Годы скитаний остались позади. Он начал работать в известном издательстве Ашетта, печататься в газетах и вскоре стал читаемым автором.

Внешне жизнь Эмиля Золя не богата событиями. Он поздно женился на красивой молодой девушке-швее, с которой был близок несколько лет до этого. Брак оказался бездетным. Золя рано располнел, отпустил окладистую бороду, будучи близоруким, пользовался лорнетом. Он выглядел старше своих лет, но в 48 лет неожиданно резко переменился, похудел, помолодел... влюбился в 20-летнюю служанку жены, которая родила ему двоих детей. К чести жены, после смерти Золя она воспитывала его детей, дала им фамилию и всячески помогала.

Если внешняя жизнь писателя относительно монотонна, то внутренняя, напротив, очень насыщена: им

задумано и сделано необыкновенно много. Он отличался обостренным чувством справедливости, смелостью публично отстаивать свою гражданскую позицию и оставил огромный след в истории Франции не только как писатель, что не нуждается в подтверждении, но и как гражданин.

Эмиль Золя одним из первых статьями и корреспонденциями поддержал с трудом пробивающихся к признанию молодых художников, позднее названных импрессионистами. Некоторые из них стали его личными друзьями. Всем памятен блестящий портрет писателя работы Эдуарда Мане.

Теоретические взгляды Золя уже в конце 60-х годов складываются в определенную систему. Он считает необходимым, чтобы художественное произведение соответствовало «науке о человеке» и отличалось точностью документа. Если, по мнению Андре Моруа, из произведений Бальзака можно почерпнуть немало сведений о законах кредита, купли, продажи, рекламы, то по романам Золя можно изучать сложные законы биологии. У Бальзака замысел «Человеческой комедии» созрел по мере написания романов, а Золя составил грандиозный план 20-томной серии «Ругон-Маккаров», только приступая к работе. Подзаголовок серии – «Биологическая и общественная история одной семьи в эпоху Второй империи». Он, подобно архитектору, видел здание, еще не приступив к строительству. В плане с удивительной четкостью было обозначено все осуществленное впоследствии и, самое удивительное, практически не претерпевшее изменений за последующие десятилетия.

Его интересовали успехи естественных наук, в них ему виделся прогресс изучения мира и человека. Проблемы наследственности явились основой создания эпопеи с аргументированными, интересными выводами. Так сложилась на практике теория «экспериментального романа». Он знакомится с трудами Клода Бернара, автора основополагающих постулатов естественных наук. Для Золя это было важным, так как он видел: «медицина в глазах очень многих остается еще на степени искусства, подобно роману». Между тем, по его мнению, «писатель – прежде

всего человек науки». Именно поэтому он практически становится исследователем, изучает работы не только особо ценимого Клода Бернара, но и Дарвина, Тэна, Люка. Большое внимание писателя привлекает не столько теория происхождения видов Дарвина, сколько его идея борьбы за существование. Изучение трактата о естественной наследственности доктора Люка и «Введения в экспериментальную медицину» Клода Бернара приводят его к мысли о «научном» романе, основанном не только на жизненном факте, но и на опыте, производимом писателем над своими героями. Для него крайне важна и обязательна документальная точность событий, отраженных в произведениях. Он внимательно ознакомился с реальными местами, в которых жили или будут жить герои романа, округой, дорогами, средствами передвижения, газетными публикациями того времени, общественными настроениями и т. д.

Отражение медицинских тем в творчестве писателей обнаруживает не только их многообразие, но и принципиальные различия. Так, Лев Толстой, благодаря наблюдательности и художественной правде описывает в повести «Смерть Ивана Ильича», болезнь героя, известную врачам, как рак толстой кишки. И. С. Тургенев в «Живых мощах» – описывает картину страдания, в которой угадывается, по мнению некоторых специалистов, склеродермия. Иван Сергеевич при этом основывается исключительно на интуиции и наблюдательности. Писатели в художественных произведениях нередко превосходят научное описание. Мало того, Толстой в упомянутой повести «Смерть Ивана Ильича» по позе больного, по тому в каком положении облегчается состояние, описывает практически открытый позднее симптом «интерференции боли».

Золя же в ряде произведений пользуется для достоверности описанными в учебниках симптомами того или иного страдания, художественно перерабатывает их, что отражает его требования к подлинности изображения. Несколько раньше братья Гонкуры, описывая эволюцию своих героев, большое значение придавали физиологии, Бальзак – социальным факторам, Золя задумался о роли

наследственности.

Как обычно случается, идеи носятся в воздухе, диктуются реальностью. Главное их почувствовать и вдохнуть в них жизнь.

В конце XIX века внимание к медицинским проблемам усиливается. Но каждый художник это делает, исходя из своего понимания и своих требований к изображению. Так, изучив творчество Генриха Ибсена, известный врач и мыслитель Макс Нордау (Симха Меир Зюдфельд) отмечает во многих пьесах драматурга нелепости в диалогах врачей, в их общении с больными. Ни о каких подобных погрешностях в романах Золя говорить не приходится.

Составляя план «Ругон-Маккаров», Золя продумал роман «Доктор Паскаль» как заключающий серию. В этом романе, по мысли автора, врач-ученый, второй сын Пьера Ругона, завершит эпопею, создав генеалогическое древо семьи Ругон-Маккаров, поняв на судьбе поколений одной семьи роль наследственности, среды и прочих факторов становления личности, философский код жизни и смерти. Пытливый врач и философ Паскаль Ругон появляется уже в первом романе «Карьера Ругонов». Для него объектом исследования становится собственная семья, судьба которой в значительной степени ясна врачу-мыслителю. «Он изучал мать и ее сыновей с любопытством натуралиста, наблюдающего за метаморфозой насекомого. Он думал о том, как разрастается семья, подобно стволу, дающему множество разных побегов... На мгновение, точно при вспышке молнии, перед ним предстало будущее Ругон-Маккаров, этой своры выпущенных на волю вожделиний, пожирающих добычу в сверкании золота и крови».

В «Докторе Паскале» синтезированы основные положения естественнонаучных взглядов автора. Герой романа олицетворяет, по мнению Золя, лучших представителей человечества – тех, кому можно доверить судьбу. Он относительно молод, красив, образован, увлечен профессией. Проработав 12 лет практическим врачом, накопив капитал, он уезжает в небольшой провинциальный город Плассан, в котором начинает научные исследования.

Паскаль безгранично верит в могущество науки. Кредо Паскаля – не отрицание непознаваемого, а лишь признание еще не познанного: «Я верю, что будущее человечества – в завоеваниях разума, вооруженного наукой. Я верю, что научные поиски истины и есть тот единственный высший идеал, к которому должен стремиться человек. Я верю, что, познавая все больше и больше, человек приобретает безмерную власть и если не счастье, то, по крайней мере, ясность духа...». Трудно найти в художественной литературе другие примеры столь глубокого описания научных проблем и попыток их решения, чем у Золя.

Доктор Паскаль изучает наследственность не только на примере поколений родственников Ругон-Маккаров, но и собирает обширный материал при обследовании и расспросе пациентов; знакомясь с их бабушками и дедушками, он узнает максимально много о прошлых и нынешних болезнях, особенно повторяющихся в том или ином роду. «Интуитивно он предвосхитил теорию Вейсмана, которая получила признание позднее, и остановился на том, что существует тонкая и сложная субстанция – зародышевая плазма, – часть которой всегда остается в запасе у всякого нового существа, чтобы потом перейти из поколения в поколение в устойчивом неизменяемом виде». Он продолжает: «Целый мир подобия передается сперматозоидом и яйчком, а человеческий глаз не различает в них ничего даже при наибольшем увеличении микроскопа». Автор приводит настолько специальные материалы, что я, спустя более 100 лет, не рискую усложнять ими текст. Историки науки могут с полным основанием использовать материал романа для воссоздания естественнонаучных представлений биологической науки той поры. Паскаль то увлекается медициной, то разочаровывается в ней. Он болезненно переживает неудачи в лечении.

Для врача очень интересна логика его научных экспериментов. Он активно работает в анатомическом театре, получая при этом бесценные сведения о многих заболеваниях, о развитии плода на разных стадиях, о врожденных и приобретенных болезнях. До сих пор подробный расспрос больных о заболеваниях в роду

является серьезным подспорьем в диагностике. Клинико-патологоанатомические конференции, помогающие установить истину, исправить ошибки в диагностике и лечении, по сей день, не утратили своего значения. Пожалуй, доктор Паскаль чересчур хорош и совершенен, чтобы выглядеть реальным. Он отказывается от всего во имя науки и больного. И только на склоне лет у него возникает нежная романтическая любовь к своей молоденькой племяннице и единомышленнице Клотильде. По-видимому, в этом эпизоде нашла отражение любовь самого автора к юной Жанне Розеро. Доктор Паскаль – любимый герой Золя, к которому он шел долгие 20 лет. По существу, доктор Паскаль исповедовал только одну веру – веру в жизнь: «В душе Паскаля, близко видевшего болезни и смерть, пробуждалось воинствующее сострадание врача. Его заветной мечтой было оздоровить человечество, ускорить наступление всеобщего счастья». Он считал, что «наследственность определяет лицо мира, поэтому если бы удалось ее изучить, овладеть ею, подчинить себе – мир можно было бы создать по своему усмотрению». В устах Золя это светлые и добрые мысли. Но задумаемся о «выведении новой породы людей» – что это напоминает? Так опасны и близки друг к другу диаметрально противоположные подходы и цели. Больные встречают Паскаля «как спасителя, как долгожданного мессию» Он и сам радовался, если лечение оказывалось успешным: «Но продлить ему жизнь хоть немного – это тоже чего-нибудь стоит!» Уходя после осмотра и лечения прозябающей в нищете семьи, «Паскаль оставил на столе 20 франков. Ему часто случалось платить своим больным, вместо того чтобы получать от них за визиты». В современной жизни такие эпизоды представляются чистой фантазией, между тем в прошлом они действительно случались. Так поступал киевский профессор Ф. Г. Яновский, которого равно уважали и любили жители Киева вне зависимости от вероисповедания. Так поступал мой дед, земский врач, о чем вспоминали его коллеги и пациенты.

Доктор Паскаль думает о границах дозволенного, возможно ли «исправить природу, вмешаться в нее, изменить ее... Вылечить человека, отсрочить его смерть ради него

самого, продлить его жизнь в ущерб всему роду человеческому – не означает ли это разрушить то, что наметила природа?»

Мысль об эвтаназии в том или ином виде занимала воображение и людей предшествующих эпох, оставаясь до сих пор небесспорной. В то же время: «...конечно, я по-прежнему мечтаю облегчить страдания, устранить их!.. Я не могу видеть страдания, прихожу в исступление от зрелища этой чудовищной, бессмысленной жестокости природы. И я лечу только для того, чтобы люди так не мучились».

Как мыслящий врач он постоянно искал, отвергал и вновь искал. Наряду с определяющей ролью наследственности в развитии живого, доктор Паскаль пришел к выводу: «Человек живет только благодаря взаимодействию с окружающей его внешней средой, получаемые извне ощущения преобразуются им в действия, мысли, поступки... Доктор убедился на собственном опыте, что работа лучший регулятор жизни». Вряд ли кто-то сможет оспорить это не утратившее значения утверждение.

Доктора Паскаля очень волновали эволюционные процессы. «Осуществляется ли с течением веков физический и духовный прогресс? Увеличивается ли мозг по мере того, как растут научные познания?» Учеными проведены сравнительные определения веса и структуры мозга на протяжении веков – принципиальные различия не найдены. Можно ли, в самом деле, считать человека XX! века умнее Сократа или Рамбама, Леонардо да Винчи или Демокрита? Думается, ответ очевиден. Впрочем, возможно, для эволюционных изменений еще прошло слишком мало времени.

Несмотря на важнейшую роль наследственности в жизни человека, его успехах, взлетах и падениях, немалое значение имеет и влияние среды, окружения. Именно сочетание обоих факторов определяет и контролирует существование и развитие всего в природе.

С документальной точностью описана предсмертная болезнь доктора Паскаля: «Мучительная боль не проходила, а онемевшая левая рука оттягивала плечо, словно была свинцовой... Лежа в мучительном полубытьи, Паскаль

отдался далеким, смутным надеждам, как вдруг почувствовал, что где-то глубоко в груди возникает новый приступ... Больной успел проговорить, до того как начал задыхаться: «сделайте впрыскивание...». Даже находясь в тяжелом состоянии, сознавая это, он руководит лечением и, более того, делится с учеником и другом, доктором Рамоном, профессиональными задумками, сомнениями и тревогами. Кстати, врачи, болея, не всегда сохраняют профессионализм, и это также отразил Золя в других эпизодах романа.

В сентябре 1891 года Золя с женой отдыхал в Пиренеях и сделал остановку в Лурде. Он поделился впечатлениями с Эдмоном Гонкуром о пережитом во время путешествия: «Вид всех этих больных, увечных, вид умирающих детей, которых принесли к статуе, людей, распростертых на земле в молитвенном экстазе... вид этого города веры, порожденной галлюцинацией 14-летней девочки, вид этого средоточия мистики в наш век скептицизма...». Золя был потрясен увиденным. У него тотчас возник замысел романа.

В основе сюжета романа: история детской дружбы будущего аббата Пьера Фромана и Марии де Герсен. Коллизии их взаимоотношений в значительной мере романтические, идеалистические, далекие от реальности. Мария, будучи еще ребенком, упала, повредила ногу и осталась прикованной к постели. Возвратившийся после учебы в родной город Пьер Фроман, ставший священнослужителем, но чувствующий серьезные сомнения в вере, встречается с Марией и проникается состраданием к ней. Попытки помочь давней знакомой приводят его к желанию поехать с девушкой в Лурд, известный в народе своими чудесами.

Внимательное прочтение романа убеждает в попытке автора научно осмыслить происходящее в Лурде, понять его истоки. Перед трудной многочасовой поездкой в Лурд Марию осмотрели «двое врачей, давно пользовавших больную, – один, констатировавший разрыв основных связок, другой – паралич, вследствие поражения спинного мозга, – сошлись во мнении, что у Марии паралич и, возможно, некоторые нарушения со стороны связок». Но

был еще один осмотр – молодого пытливого доктора, малоизвестного, имевшего репутацию чудака: «Он измерил зрительное поле больной, незаметно, путем пальпации, выяснил, что боль локализовалась в левом яичнике и при нажиме подступала к горлу тяжелым клубком, который душил девушку. Он не придавал значения диагнозу своих коллег о параличе ног». Он считал, что больная, несомненно, исцелится, приехав в Лурд, так как очень в это верит: «Он даже предсказал, как произойдет чудо: это будет молниеносно, больная очнется после состояния сильнейшего возбуждения, и адская боль, которая мучит девушку, вспыхнув в последний раз, внезапно исчезнет, словно вырвавшись наружу с ее дыханием». Золя описывает в романе множество историй болезни, трагедии несчастных. Исцеление выпало на долю немногих страждущих, на таких, как Мария, болезни которых не были органическими, а имели в основе глубокую истерию.

Эмиль Золя в этом романе касается не только проблемы врачевания, но и суеверий, причины их возникновения. Он задумывается над весьма сложным вопросом: нужно ли «отказывать человечеству в иллюзиях... во лжи, в надежде на потусторонний мир?» И далее: «по мере того как наука идет вперед, увеличивается доля реального и уменьшается доля идеального... Романист должен уметь подойти к самой границе идеального и реального». Он пишет об усилении веры в чудеса в переломные периоды, когда жизнь оставляет мало надежд и требует сложных решений и больших усилий.

Многогранное творчество Золя, его равнодушие к жизненным коллизиям, умение не говорить, а делать, не боясь ответственности, вызывает огромное уважение к его личности. Он давно стал классиком, что не нуждается в подтверждении.

Мне хотелось рассказать о медицинских темах в творчестве романиста, подчеркнув особую четкость, научный подход и даже профессионализм при описании заболеваний.

Важна для нас и его смелая позиция в «деле Дрейфуса», за участие в котором, он, возможно, поплатился жизнью.

Слишком туманна версия о «забитом дымоходе» и отравлении угарным газом, что случилось 28 сентября 1902 года...

Литература

Гербстайн А.В. Эмиль Золя. В кн.: Писатели Франции. Составитель Е.Эткинд. Москва: Просвещение, 1964.

Золя Эмиль. Собрание сочинений в 26 томах. Госуд. изд. Художественная литература, 1960.

Лану Арман. Здравствуйте, Эмиль Золя. Москва: Прогресс, 1966.

Лихтенштейн И. Медицинская тема в творчестве Эмиля Золя и личность писателя. Долгожитель. Приложение к газете Новости недели, 28 июня 2007.

Нордау Макс. Вырождение. Издательство. Республика, 1995.

Пузиков А. Жизнь Золя. В кн.: Портреты французских писателей. Москва: Художественная литература, 1981.

Психологические портреты

Неожиданный Оноре де Бальзак Глазами врача

Трудно представить человека столь разностороннего, как Оноре де Бальзак. В этом талантливом, умеющим быть разным человеке, с безудержным темпераментом, любовью к жизни, неординарными поступками сочетались высокие помыслы и великие свершения с рискованными авантюрами, мелким честолюбием, подобострастием к чинам и званиям. Глубина познаний в сугубо специальных областях, например в естественных науках позволяла ему практически профессионально разбирать проблемы антропологии, психологии, рассуждать о Сведенборге, Галле, болезнях и лечении, о великих врачах. Созданные в «Человеческой комедии» образы врачей, описание их нелегкого труда и взглядов на медицину представляют совершенно особый пласт не столько для филологов, сколько для медиков. Еще предстоит осмыслить, как в мозгу одного человека хранилась

столь огромная информация, неисчислимые знания и чем ему за это приходилось расплачиваться.

История жизни каждого человека складывается из множества закономерностей, в значительной степени обусловленных генетически, и было бы неверно это игнорировать. Показательна в этом плане и своеобразная история Бальзаков.

Бернар Франсуа Бальзак (отец писателя) родился в бедной многодетной крестьянской семье, в деревне Нугейрье в департаменте Тарн 22 июня 1746 года. Ему, старшему из одиннадцати детей, прочили духовную карьеру. Но активный, умный, жизнерадостный молодой человек не собирался отказываться от соблазнов бытия, следовательно, сутана не входила в его планы. Кредо его жизни – здоровье. Он считал, что доживет до ста лет, дышал здоровым деревенским воздухом, пил древесные соки и до старости не стеснял себя в любовных интригах. Отличался эксцентричностью. Он очень гордился тем, что не дал аптекарям возможности заработать на своих болезнях ни одного су. Никакие неприятности не принимал близко к сердцу, стараясь во всем находить радость. Так, страдая от подагры, он утешался тем, что этот недуг был и у царя Давида. Огорчало его лишь отсутствие наложниц и одалисок. Он занимался делами различного свойства с одной-единственной целью – разбогатеть, но, впрочем, был брезглив, законопослушен и не замечен в преступных аферах. В карьерном росте ему очень помогла Великая Французская революция. «Кто был ничем, тот станет всем» – пришло к нам, как известно, из Франции. В числе разрешенных путей к обогащению в кодексе удачливого карьериста фигурировала и женитьба. Достигнув определенного успеха в делах, к пятидесяти годам нотариус Франсуа Бальзак, жуир и сердцеед, пышущий здоровьем, задумал жениться, естественно, не на бесприданнице. Он женился на дочери своего начальника, девушке из почтенного буржуазного семейства Саламбье и получил солидное приданое. Невеста была моложе жениха на 32 года, склонна к романтическим приключениям и истерична, но женитьбе это не помешало.

Отец Бальзака, прекрасный рассказчик, не имея прочных знаний, писал брошюры на любые темы, интересовался всем на свете, и после женитьбы продолжал достаточно свободную жизнь.

Мать писателя, неглупая, чувствительная, склонная к мистике, обиженная на весь мир, не чужда была, как и муж, романов на стороне. Особо нежно она любила своих внебрачных детей и довольно прохладно относилась к первенцу – Оноре. Ее постоянное брюзжание, жалобы на мнимые хвори, бесконечные требования послушания, непомерная жесткость «во благо» отравляли детские годы старшего сына. Травмы, полученные в детстве, преследовали его всю жизнь, отразились в поведении, последующих привязанностях, психическом состоянии и, конечно, в творчестве. Немалое потрясение испытал молодой писатель после казни дяди, брата отца, за убийство беременной крестьянки.

После этого душевного потрясения Оноре Бальзак, к тому времени известный писатель, решительно прибавил к своей фамилии дворянскую приставку «де», чтобы отмежеваться от нежелательного родства, хотя принадлежность к аристократическому роду д'Антраг осталась недоказанной. Легенду о родстве с аристократическим родом, Оноре услышал от отца как шутовское предположение. Но счел за лучшее, принять на веру.

Оноре дал негативную характеристику матери в одном из писем Эвелине Ганской, что в тот период их отношений психологически не очень понятно и, очевидно, можно трактовать, как «не могу молчать». На каком-то этапе уже взрослые дети, предполагая у матери душевную болезнь, советовались с врачом, наблюдавшим ее свыше тридцати лет. «О нет, – ответил врач, – она не сумасшедшая. Она только злюка». Тем не менее, она все же отличалась психопатическими чертами. Бальзак считал мать причиной многих своих бед, хотя на склоне лет только ей доверял следить за своими финансовыми и прочими делами.

Детство Оноре провел не в родительском доме, будучи до трех лет на попечении кормилицы, затем – в пансионе и, наконец, в Вандомском колледже отцов-

ораторианцев (религиозный орден, члены которого не принимают монашеский обет). Годы, проведенные в колледже, Бальзак вспоминал с неослабевающей горечью. Полное отсутствие свободы, муштра, физические наказания нанесли ему непреодолимую душевную травму. Единственной радостью во время учебы служили книги. Он неограниченно ими пользовался с разрешения библиотекаря Высшей политехнической школы, обучавшего его математике.

С этого времени чтение заменяло Бальзаку реальную жизнь, рождало и подпитывало неумные фантазии, настолько захватывавшие мальчика, что он зачастую не слышал происходящего на уроках и подвергался за невнимание нещадным поркам. Некоторые учителя считали его тупым, что объяснялось, однако, глубокой погруженностью в мечты.

Однажды его наказали «деревянными штанами» – надели средневековые колодки, после чего он заболел нервным расстройством. Очевидно, его состояние встревожило родителей, и они срочно забрали сына из колледжа. Трудно сказать, чем конкретно болел в то время Оноре, какой диагноз ему поставили. Известно только, что у него развилось сомнамбулическое состояние, он бродил по дому с отсутствующим взглядом, ничего не слыша вокруг, с трудом возвращаясь в реальность, замедленно отвечал на вопросы. В этот период, по воспоминаниям сестры, он был очень замкнутым, говорил мало, но мать ощущала в подростке огромную работу мысли и страдала от угадываемого ею в нем чувства превосходства.

Возможно, состояние некоторой отрешенности, аутичности являлось проявлением тяжелого невроза, вызванного пребыванием в колледже. Неизвестно, лечили ли Оноре в этот период, но врач, несомненно, его осматривал. Семью Бальзаков наблюдал профессор Жан-Батист Наккар, серьезный ученый, автор труда «Новая физиология мозга», последователь идей Галля (1758-1828) установившего связь психических заболеваний с определенными участками мозга, автор учения о френологии, секретарь Королевского медицинского общества Франции. Впоследствии он стал

другом семьи и особенно – Оноре де Бальзака. Писатель не без помощи Наккара попал под влияние учения Галля о френологии, интересовался связью психических заболеваний с определенными участками мозга, что отразилось и в его творчестве.

Постепенно Оноре вышел из состояния подавленности и отрешенности, продолжил занятия в другом учебном заведении, окончил его без особых успехов и начал трудиться на юридическом поприще. Но не это увлекает Бальзака.

Им всецело овладевает страсть к сочинительству, и он объявляет ошеломленным родителям, что станет писателем и просит материальной поддержки для осуществления честолюбивого замысла. На семейном совете, несмотря на первоначальное сопротивление матери, решено было в течение двух лет содержать сына, прекратив помогать ему в случае неудачи. Умная мать, пожалуй, первой поняла решимость Оноре и безнадежность противодействия ему. Он принялся за работу. При этом его совершенно изматывала внутренняя «фабрика идей», требовавшая выхода.

Одно из первых произведений было читано членам семьи в присутствии доктора Наккара. Чтение успеха автору не принесло. Но труд продолжался.

На этом сложном пути приходилось выполнять различную «поденную» работу, даже быть «литературным негром». Никому не известно, сколько романов, и под какими именами он напечатал. Этот анонимный автор еще не был Бальзаком. Он искал темы, вглядывался в людей, в общество, в окружающую действительность.

Определяющим началом личности Бальзака, по мнению исследователей его творчества и наблюдавших врачей, была неиссякаемая творческая фантазия, идеи наплывали друг на друга и теснились в, казалось, «безразмерном мозгу». Этот ритм никто не мог выдерживать, у него не было секретаря. Да и что это был за ритм!

Распорядок дня своеобразный и жесткий: он ложился спать в шесть-семь вечера, но в час ночи вставал и работал до восьми утра. Затем спал часа полтора, завтракал, пил кофе

и вновь проводил у письменного стола несколько часов до четырех часов дня. Затем принимал ванну и вновь принимался за работу. «Дни бегут, – писал Бальзак, – они тают у меня в руках, как лед на солнце. Я не живу, я чудовищно растрачиваю свои силы, но какая разница, умереть от работы или еще от чего-нибудь».

В отличие от отца, Оноре не предполагал прожить долго, относясь к своему здоровью достаточно легкомысленно. Страдая от проблем с зубами, он не обращался к врачам, ссылаясь в шутку на волков, не лечащих зубы. В результате он их в значительной мере и лишился в молодом возрасте.

Наставления доктора Наккара не выполнялись. Всепоглощающая страсть к творчеству не давала «остановиться – оглянуться».

Критическим стал 1832 год. Он знаменит. Написаны принесшие славу романы, включая «Шагреновую кожу», издатели щедро платят авансы под еще не оконченные произведения. И вдруг возникает заболевание, возможно, идущее из детства, из колледжа отцов-ораторианцев. У него развиваются словесные нарушения, зрительные и слуховые галлюцинации, которые, по мнению крупного исследователя Грэхема Робба, уже невозможно было рассматривать только в контексте «художественных» фантазий. Кроме того, у Бальзака в это время определяют симптом парафазии, то есть неправильного произнесения звуков или замены одних слов другими близкими по значению и звучанию. Писали и о кратковременной потере памяти. Александр Гумбольдт («научный сплетник», как его называли) попросил друга-психиатра познакомить его с одним из своих пациентов. На обеде наряду с пациентом оказался и Бальзак. Он производил достаточно странное впечатление одеянием и непонятной речью – как бы с полным ртом. Друг Бальзака, литератор Луи Гозлан (1803 -1866) вспоминает неожиданный приход писателя к нему в ночное время с предложением отправиться на восток, где Великие Моголы, по его словам, открыли гору из золота. Он обещал другу гору бриллиантов. Получив отказ, повалился на пол и тотчас уснул на ковре. Утром к ночному происшествию не возвращался. В этой истории есть

нюанс: Бальзаку действительно подарили индийское кольцо – и вот так история трансформировалась. К свидетельствам Гозлана следует относиться осторожно. Он опубликовал книгу «Бальзак в домашних туфлях» 1856, состоящую преимущественно из анекдотов о Бальзаке, но дух писателя в ней сохранен. Другой знакомый, Хаммер-Пургсталь вспоминал, что Бальзак рассказывал ему о стремлении написать роман, о России, но колебался, чувствуя за собой слежку царских агентов. Стефан Цвейг в романизированной биографии Бальзака пишет о присущих писателю чудачествах, проявлявшихся на протяжении всей жизни.

По Парижу поползли слухи о странном поведении Оноре де Бальзака, о бессвязной речи и необъяснимой «задумчивости». Писатель, чтобы пресечь домыслы и сплетни, уезжает в Саше, где поселяется в семье давних знакомых – доброжелательных и отзывчивых людей.

Особенностью нездоровья Бальзака, к счастью, явилась полная сохранность сознания, работы мысли, интеллекта. Речь идет о своеобразном психическом заболевании, не затрагивающем личность. Но писатель остается писателем, и, стремясь разобраться в своем состоянии, выйти из него, пишет блестящий роман «Луи Ламбер», в котором придает герою характерные симптомы своего страдания. Трудно себе представить пораженного недугом человека, блуждающего в тревожной задумчивости по городу и замку в Саше, сознающего свое нездоровье и продолжающего, несмотря ни на что, творить, не скрывая своих бед и страданий. Личность Бальзака, его огромный талант, постижение им психологических проблем, профессиональное их описание является, пожалуй, непознанным человеческим и медицинским феноменом. Вот несколько фрагментов из романа: «Ламбер не ответил. Я смог, наконец, его увидеть, и он представил мне одно из таких зрелищ, которые навсегда запечатлеваются в памяти. Он стоял, опершись обоими локтями на выступ, образованный деревянной панелью стены, таким образом, что его торс казался согнувшимся под тяжестью его склоненной головы. Его волосы, длинные, как у женщины, падали на его плечи и обрамляли его фигуру, придавая

сходство с бюстами, которые представляют великих людей эпохи Людовика XIV. Его лицо было абсолютной белизны. Он привычно тер одну из своих голеней о другую машинальными движениями, которые ничто не могло остановить, и это непрерывное трение двух костей производило ужасный звук. Рядом с ним находился лежащий на доске матрац, набитый мхом.

– Он очень редко ложится спать, – сказала мне мадемуазель де Вильнуа, – хотя каждый раз он спит в течение нескольких дней.

Луи продолжал стоять, как я его видел, и день и ночь, с неподвижным взглядом, не опуская и не поднимая веки, как мы это обычно делаем... Я пытался несколько раз с ним заговорить, но он не слышал меня. Это был обломок, вырванный из могилы, нечто вроде победы, одержанной жизнью над смертью или смертью над жизнью. Я там находился приблизительно в течение часа, погруженный в необъяснимую задумчивость, во власти тысячи печальных мыслей.

Я слушал мадемуазель де Вильнуа, которая мне описывала эту жизнь от ребенка в колыбели во всех подробностях. Вдруг Луи прекратил тереть свои ноги одна о другую и произнес медленным голосом: «Ангелы – белые!»

Известно увлечение Бальзака мистическим учением Сведенборга, отсюда и упоминание об ангелах, привидевшихся Луи Ламберу. Сведенборг полагает, что в человеке существует внутреннее начало – ангел и внешнее – то, что окружает его. Если человек поддерживает внутренний мир, свойственный ему, душа поднимается над материей и старается от нее отделиться. Когда их разделение совершается в той форме, которую мы называем смертью, ангел, достаточно сильный, чтобы отделиться от своей оболочки, продолжает существовать, и начинается его новая жизнь. Бесконечные особенности, которые делают людей различными, не могут быть объяснены ничем, кроме этой двойственности бытия.

Выстраданные мысли автора приданы его героям: «Без сомнения, – сказала мне она (госпожа де Вильнуа. – И. Л.), – Луи должен казаться сумасшедшим, но он не

сумасшедший, если слово «безумный» относится только к тем, у кого по неизвестным причинам повреждается мозг и кто не отдает себе отчета в своих поступках. У моего мужа все совершенно скоординировано. Если он вас не узнал физически, не думайте, что он вас вообще не видел. Ему удалось отделиться от своего тела, и он вас видит в другой форме, но я не знаю, в какой». И далее: «Когда он говорит, он высказывает удивительные вещи. Однако довольно часто он заканчивает словом мысль, начатую в его рассудке, или начинает фразу, которую заканчивает мысленно. Другим людям он покажется больным, для меня, живущей в его мыслях, все его идеи ясны. Я прохожу по дороге, проложенной его духом, и хотя я не знаю всех ее поворотов, тем не менее, мне удастся встретиться с ним у цели».

Здесь Бальзак как бы выступает последователем Пинеля (1745–1826) врача, добившегося отмены ношения кандалов психически больными. Умопомешательство, по Пинелю, имеет рассудок, и сумасшедший не бессмыслен для того, кто сумеет воспринять его рассуждения. Для большей убедительности диагностические предположения писатель подтверждает на воображаемой консультации Луи Ламбера у врача-психиатра Эскироля (1772–1840). Именно в годы издания и переиздания романа публиковались статьи Эскироля, что подтверждает глубокое понимание и интерес Бальзака к проблемам психиатрии. Специалисты полагают, что очень точным описанием Бальзак задолго до профессионалов выделил новую форму психического заболевания. Впоследствии, такие признаки определяли, как одну из разновидностей шизофрении – «сохранение поз, двигательные стереотипы, нарушение цикла сна и бодрствования», внезапно произнесенные фразы, внешне лишённые смысла, и т. д. Картина настолько точна, что, по мнению Грэхема Роб (1994) и Ж. Гаррабе (1970), не может быть плодом воображения, и Бальзак должен был писать ее с натуры. Поскольку роман считают в определенной мере автобиографическим, полагают, что Бальзак описывал свое состояние.

С этим утверждением трудно согласиться. Известны классические работы доктора В. Чижана (1901, 1902), в которых

разбираются психологические особенности персонажей, в частности в произведениях Тургенева, притом, что к личности автора они отношения не имеют. Судить о заболевании только по художественному описанию рискованно, нужны дополнительные доказательства.

Вместе с тем человек, работающий в столь бешеном темпе, не позволяющий себе отдохнуть и расслабиться, перепутавший день с ночью, очень уязвим. В подобной ситуации возможны психические симптомы нередко функционального характера без органических повреждений.

Довольно скоро Бальзак почувствовал себя значительно лучше, обрел уверенность и вернулся в Париж. Это было и возвращением к прежнему изнуряющему образу жизни. Он, как и раньше, пил в огромных количествах кофе, ставшее необходимым допингом, даже изучал разные способы приготовления этого напитка для еще большего «взнуздывания» себя. Бальзак научился готовить кофе по-турецки, заливая его до кипячения небольшим количеством холодной воды и поняв: чем меньше воды, тем кофе крепче. В своем пристрастии к кофе он не был одинок. Другой любитель кофе, композитор Россини сетовал, что эффект от употребления кофе длится не более трех недель, однако этого достаточно, по его словам, для написания оперы. Примерно по этому же принципу жил Бальзак: закрывался от всего и всех на один-два месяца и выходил из добровольного заточения с новым романом. После знакомства с Жорж Санд кофе чередовалось или подкреплялось кальяном.

Бальзак, несомненно, знал цену своему дарованию, но это не мешало ему страстно и мучительно искать знакомств в высшем обществе, в том обществе, которое он разоблачал в романах.

Мне кажется, что это характерно для уязвимых личностей с особым складом нервной системы и является проявлением некоторой душевно-эмоциональной раздвоенности. Влияние детских переживаний, связанных со сложными отношениями с матерью, сказалось практически на всех привязанностях Бальзака, первой из которых оказалась мадам де Берни, по возрасту годившаяся ему в матери. Он всю жизнь искал в женщинах не столько эротику,

несмотря на высокую сексуальность и влюбчивость, сколько материнское начало – настолько глубокую травму он перенес в детстве. В последующие четыре года жизни сохранялось душевное и физическое здоровье.

26 июня 1836 года во время прогулки Бальзак почувствовал прилив крови к голове, шаткость походки, неустойчивость и головокружение. Он потерял сознание и упал. Обморок длился не долго, на следующий день он чувствовал лишь легкую слабость. Но после этого случая привычными стали жалобы на головные боли.

Очевидно, кратковременный обморок явился следствием гипертонической болезни. Во всяком случае, известно, что последующий год писатель работал, опустив ноги в миску с горчичной водой, что делает предположение о гипертонии достаточно достоверным. Нечего и говорить, что рекомендации доброго друга доктора Наккара не выполнялись. Бальзак торопился, замыслы теснились, он хотел писать, создавалась единственная в своем роде «Человеческая комедия».

Этот год оказался сложным. Он был вынужден судиться с популярным издателем, опубликовавшим без разрешения автора незаконченное произведение. Коллизии точно повторяли грустные страницы «Человеческой комедии» о поисках справедливости. Произошло и много других печальных событий, в результате которых он на две недели угодил в тюрьму, где, однако, продолжал творить. Все это, естественно, осложняло лечение.

Наряду с почти непрерывной творческой работой Бальзак со всей страстью неумейной натуры пускался в различные коммерческие проекты – от строительных фирм до железнодорожных. Он неизменно увлекался, вкладывал силы и с трудом заработанные деньги в очередную химеру. Впрочем, в действительности, химерой это оказывалось только для Бальзака. Он часто проигрывал, что не умеряло пыл его дальнейших не менее рискованных операций. Такова была его натура, поражающая активностью, стремлением к обогащению как освобождению.

После окончания очередного романа Бальзак появлялся в свете. Какое-то время он восстанавливал

пошатнувшиеся связи и знакомства, активно искал общения, поддержки, любви. Он, как описывают биографы, производил странное впечатление: с всклокоченными невымытыми волосами, в одежде не всегда по мерке и по моде. Но стоило ему включиться в разговор, как он мгновенно овладевал вниманием присутствующих, перестававших замечать особенности его внешнего вида. Широта познаний, увлеченность, ум, искрящаяся талантливость не оставляли никого равнодушным.

К сожалению, и в периоды наивысшей славы и признания он в душе сохранял тревожную задумчивость мальчика из Вандомского колледжа. Некоторые полагают, что Бальзак мистифицировал собеседников мнимыми странностями, обраставшими впоследствии легендами. Несомненно, однако, что он был очень впечатлительным и восприимчивым наблюдателем и слушателем. Хорошо известно, что герои его произведений нередко представлялись ему реально существующими. Однажды друг обнаружил Бальзака на полу без сознания: «Что случилось?» – «Ах, только что умер отец Горио!». По воспоминаниям доктора Наккара, весной 1835 года во время работы над книгой «Евгения Гранде», великий писатель довел себя до такого изнеможения, что несколько раз погружался в состояние, пограничное между сном, обмороком и смертью.

Роден, прекрасно чувствующий натуру, придал Бальзаку «экстатически-испуганное выражение, как у человека, пробуждающегося от трагических галлюцинаций». Психиатры считают, что очень впечатлительные люди могут упасть в состояние, сходное с летаргией.

На протяжении двух десятилетий длилась изнурительная душевная зависимость Бальзака от «прекрасной незнакомки» – графини Ржевусской, в замужестве Эвелины Ганской. Естественно, мы не будем копаться в эмоциях Оноре де Бальзака, но непрерывное упоминание в письмах о возлюбленной ее высокого родства подчеркивает прежнюю страсть выходца из крестьянской семьи к титулам. Небезынтересно, что сестры Ржевусские по прихоти судьбы причастны к гениям. Так, Каролина Собаньская, сестра Эвелины, долго тревожила воображение

Адама Мицкевича и Александра Пушкина. Они, правда, не предполагали, что она была агентом «третьего отделения».

В библиотеке Александра Сергеевича были книги великого французского романиста, в частности «Луи Ламбер». Пушкин, как и Бальзак, увлекался учением Галля, о чем писал Анне Керн.

В последующие годы в «истории болезни» писателя то и дело встречаются жалобы на одышку, беспокойство, в легких прослушивались хрипы.

В 40-е годы он перенес желтуху, привычными стали желудочные колики, подергивания век. «У меня постоянно подергиваются веки, и я очень беспокоюсь, так как вижу в этом признак какого-то надвигающегося нервного заболевания», – писал Бальзак. Отмечалось появление папулезной сыпи, в связи, с чем подозревали сифилис, но дальше подозрений не пошло. Собственно – не отвергли и не подтвердили. Смерть друга Фредерика Сулье от гипертрофии сердца потрясла писателя. «Это меня поразило. Мне кажется, что у меня гипертрофия сердца», – писал он в одном из писем. Он плохо себя чувствовал, временами не мог работать. «Удивляйтесь, что вы еще не услышали о моей смерти».

В 1846 году наступил рецидив болезни, выразившийся в нарушении памяти, сложностях в общении: он иногда забывал существительные, названия предметов. Александр Гумбольдт вспоминал, что Бальзак обсуждал с ним несовершенство психиатрических терминов, равно как и процесс диагностики. Меттерних полагал, что «voyage de Paris а Java» Бальзака является своеобразным гомеопатическим «лечением» лунатизма, «вакцинацией» для мозга.

Обнаружена некоторая цикличность психических нарушений у Бальзака, проявившихся первоначально в Вандомском колледже, а затем в 1832 и 1846 годах. Неизвестно, прибегал ли писатель к врачебной помощи, и требовалась ли она. Он сам выходил из болезненного состояния и, как правило, с новым произведением.

К сожалению, трудно с уверенностью говорить о том, что происходило с пациентом десятки лет назад, не имея

достаточно полного профессионального описания, точнее – истории болезни. По мнению Ж. Гаррабе у Бальзака в 1832 и 1846 годах наблюдались симптомы психического заболевания. Определенный диагноз он, однако, не ставит. Несомненно, что Оноре де Бальзак был акцентуированной личностью.

Начиная с конца 40-х годов, писатель страдал преимущественно различными заболеваниями внутренних органов. Он дважды ездил из Парижа в далекую украинскую Верховну, в имение Ганской – с матримониальными целями.

Как правило, в Украине Бальзак, в отличие от иных путешествий, почти не писал. И тогда в письмах он сетует, что не заработал ни гроша, думая о неотложных платежах. В Верховне Бальзак перенес так называемую молдавскую лихорадку, характерную для этих мест. Известно, что от нее скончался Григорий Потемкин, полководец времен императрицы Екатерины Великой, ею болел Пушкин в период молдавской ссылки.

В понятие лихорадки входило множество неясных заболеваний, протекающих с температурой. Чаще полагают, что причиной этой болезни являются риккетсии, иногда ее называют окопной лихорадкой. Заболевание протекало около двух месяцев, изрядно измотав писателя. Его лечили немецкие врачи отец и сын Кнотте, ученики известного Франка, профессионализм которых писатель высоко ценил.

Бальзак поправился и, не решив личных дел, вернулся в Париж к обычным занятиям, но ненадолго. С 1849 года он опять в Верховне, болеет, нарастает сердечная слабость, одышка, бесконечные бронхиты, снижена острота зрения. Возможно, начиналась отслойка сетчатки в результате гипертонической болезни или в связи с развивающимся заболеванием почек. Он даже отказывается из-за болезни от предполагаемых путешествий в Москву и Петербург.

Едва поправившись, писатель едет в уездный город Бердичев, где, наконец, состоялось долгожданное венчание. Но всем ясно, что Бальзак неизлечим. Дождавшись приемлемой погоды, супруги отправляются в Париж. Путешествие очень утомило писателя, они вынуждены были задерживаться в разных городах для отдыха. Наконец, они

приезжают в любовно обставленный дом. Бальзак с дороги дает матери последние указания, вплоть до названия цветов и куда их поставить. Ведь приезжает двоюродная внучка Марии Лещинской, французской королевы! Готье говорил: «Нет ничего опаснее, чем осуществленное желание». Казалось все достигнуто, а жизни не осталось.

После кратковременного улучшения состояние вновь ухудшилось, и на сей раз фатально. Предчувствие подтвердилось, у него развивалась гипертрофия сердца (нарушение питания сердца с последующими сдвигами обменных процессов), отеки, жидкость в брюшной полости.

Летом 1850 года созывают консилиум в составе д-ра Наккара, Луи, Ру и Фукье. Доктор Наккар сказал: «У него острое белковое мочеизнурение (острая почечная недостаточность). Прогноз пессимистический». В письме Теофилю Готье Бальзак в последний месяц жизни дописывает: «Я уже не могу ни читать, ни писать». Вскоре присоединяется гангрена. Бальзак периодически бредит. Его навещают немногочисленные друзья, Виктор Гюго, оставивший поразительные по трагичности записки. Незадолго до смерти, согласно легенде, состоялся разговор больного писателя с врачом:

«– Доктор, – сказал Бальзак, – я хочу знать всю правду. Я вижу, что болен серьезнее, чем я думал, я тщетно пытаюсь возбудить аппетит, воображение, все внушает мне отвращение. Как вы думаете, сколько времени я еще смогу прожить?

– Мой дорогой больной, сколько времени вам нужно, чтобы сделать все необходимое?

– Шесть месяцев, – ответил Бальзак с видом человека, который все хорошо взвесил.

Доктор отрицательно покачал головой.

– Дадите вы мне шесть дней?.. Шесть дней. Я сумею быстро просмотреть мои пятьдесят томов. Я вырву неудавшиеся страницы и отмечу лучшие...

– Мой дорогой больной, – произнес врач, – кто в этом мире может поручиться хотя бы за час? Ведь тот, кто хорошо себя чувствует, может умереть раньше вас... Но вы хотите услышать правду?.. Завещание надо написать сегодня...

Бальзак приподнял голову. Такого ответа он не ожидал. Последняя фраза была равносильна смертному приговору...». Был ли этот разговор неизвестно, но Бальзак понимал тяжесть своего состояния. Он не только чувствовал обострение болезни, но и читал тревогу в глазах, доброго друга, доктора Наккара.

«Один лишь бог знает, как много мы потеряли, что не собрали последних высказываний Бальзака, его замечаний о созданных характерах, о его планах и замыслах... которые впервые его перо уже не могло запечатлеть» (Из записок доктора Наккара).

Один из величайших писателей погибал в тяжких муках, на руках матери. Перед смертью, в бреду, он просил: «Пригласите доктора Бьяншона, он спасет меня». (Бьяншон – один из героев, проходящий через всю «Человеческую комедию».) До последнего вздоха Бальзак жил в мире созданных им образов. Он вызвал их из небытия и оживил. Как Пигмалион, он создал свою Галатею, которой суждена долгая счастливая судьба.

Оноре де Бальзак умер в ночь с 18 на 19 августа 1850 года.

Литература

Бальзак Оноре Собрание сочинений в 15 томах. Москва: Художественная литература, 1955.

Бальзак в воспоминаниях современников. Москва: Художественная Литература, 1986.

Гаррабе Ж. История шизофрении psychiatry_the_hystory_of_shizofrenia.zip - ZIP archive, unpacked size 1 511 936 bytes

Гюго Виктор. Посмертные записки. Москва: Кучково поле, 2007.

Лихтенштейн И. Оноре де Бальзак: Страницы жизни. Долгожитель: Приложение к газете Новости недели, 28 декабря, 2006.

Лихтенштейн И. Врач и больной, там же, 28 апреля 2007.

Моруа Андре. Прометей или жизнь Бальзака. Киев, 1986.

Цвейг Стефан. Бальзак. Москва: Молодая гвардия, 1962.

Robb Graham Balzak a biography Madness chapter 9
W.W. Norton Company
New York London, 1994.

Ромен Гари «Меня душит мое «Я»

2 декабря 1980 в дождливый хмурый день парижской зимы, Ромен Гари покончил собой, в собственном доме, пустив себе пулю в рот. Ему было 66 лет. Трагическая весть всколыхнула Францию. Догадки, объяснения следовали одна за другой, и так же быстро опровергались.

Писатель, юрист, дипломат, киносценарист, отважный военный летчик, активный участник французского Сопротивления, личный знакомый и искренний почитатель генерала Шарля де Голля. Друг писателя, журналист Франсуа Бонди, в 1974 году писал о Гари: он «похож на мозаику, сложен из разных кусков — русский, азиат, еврей, католик, француз: автор, который пишет по-французски и по-английски, говорит на русском и польском». Все в этом человеке загадочно, необычно и в, значительной мере, таинственно.

Каждую профессию он рассматривал как новую жизнь. Он всегда начинал сначала, но за каждой из

«прочитанных» жизнью по его словам, было еще «много тайных».

Он, наш современник, о котором написано много книг, воспоминаний друзей и сослуживцев, не стал от этого менее таинственным или более познанным. Нет единого мнения даже о месте рождения. Его биография полна неразгаданных эпизодов, чем отличались, и фантастические рассказы матери, не позволяющие с уверенностью судить о многом.

Его детство было тревожным, омраченным не только личными проблемами матери, но в большей степени мировой войной и революцией. Ранние скитания по городам и странам, новые языки общения, обычаи - все это не могло не отразиться на внутреннем мире впечатлительного ребенка.

Сопоставляя факты из разных источников, представляется наиболее вероятным, что Роман родился в Вильнюсе 29 июня 1914 года. Матерью была актриса Нина Овчинская, по сцене Борисовская. В выданной метрике отцом записан (Арье – Лейб) Леонид Касев. По версии Романа родители разошлись вскоре после его рождения. Общения отца с сыном не было или по некоторым сведениям краткие встречи. У отца была другая семья. Но, узнав, после войны о смерти Леонида Касева от разрыва сердца у входа в газовую камеру, Роман испытал шок и тоску. Он долго сохранял фамилию, данную при рождении. Этой же фамилией началась писательская карьера Романа.

В феврале 1935 г. в парижском литературно-политическом журнале «Gringoire» появилась новелла «Буря», 21 однолетнего автора за подписью: Роман Касев. Но это было много позднее.

В 1918 году мать с маленьким ребенком уезжают из Москвы в Литву, где она впервые успешно выступает на сцене. Но всепоглощающая любовь к сыну лишает ее честолюбивых устремлений, и все бросив, они уезжают в Варшаву, а затем во Францию - без языка, поддержки, навстречу неизвестному.

Нина Овчинская обладала недюжинной жизненной силой при довольно эксцентричном характере. Ее рассказы

отличались пестротой, красочностью и пересказывались не всегда с особой точностью, что, впрочем, не огорчало слушателей и не подрывало веру сына, чье мнение было для нее определяющим.

Мать не гнушалась никакой работой: стирала белье, шила шляпки и выполняла много разного.

Целью ее жизни был любимый сын, Ромушка, для благополучия которого она трудилась без устали. Став взрослым, Роман вспоминал нешуточные споры, возникавшие у него с матерью, питавшейся гораздо хуже, несмотря на его активные возражения. Запах жареного мяса надолго сохранил для него привкус нищеты.

Неоднородное эмигрантское сообщество с кастовыми предрассудками окружало Нину и ее сына. Известно, впрочем, что они общались с представителями художественной интеллигенции, например с известным художником Малявиным. Так что в определенной мере неудавшаяся актриса сохраняла дореволюционные знакомства.

Во время приездов в Париж их неизменно навещал известный актер, герой немого кино Иван Мозжухин. Знакомые семьи неоднократно слышали рассказы о Мозжухине, имя которого окруженное ореолом, много значило для матери. Она довольно прозрачно намекала на его отцовство. Роман вспоминал, что в периоды особо суровой нужды, мать кому-то писала, после чего следовали денежные переводы. Во время одной из встреч, Иван Мозжухин подарил мальчику велосипед.

Над этой легендой досужие слушатели посмеивались, считая одной из многочисленных фантазий Нины Овчинской. Так ли это? После смерти Нины остались аккуратно перевязанные тесемкой письма Мозжухина.

Вернувшийся с фронта Роман застал пепелище - мать умерла еще в 1942 году. Он не стал читать письма Мозжухина, сохраняя, как говорил, уважение к тайне. Впрочем, вероятно, речь шла не о тайне, письма были читаны другими и содержание их известно, а болезненности для Романа темы отцовства. Знакомые писателя, между тем, говорили об их портретном сходстве.

На протяжении жизни он настойчиво утверждал, что никогда не интересовался именем отца, не задавая ненужных вопросов. Впрочем, думается, это одна из мистификаций Гари. Он щадил мать.

Неудавшиеся личные и творческие амбиции матери воплотились в непомерные требования к сыну. Она настойчиво внушала ему и, переругиваясь с назойливыми соседками, выкрикивала грядущие титулы сына. Она предрекала ему военное, дипломатическое поприще и литературные успехи не меньше, чем у Габриэля Д-Аннунцио. Фантазия?! Но все, о чем грезила Нина, сбылось. Он даже одевался в Лондоне, как того хотела мать.

Во время войны, тяжело заболев, она написала загодя множество открыток, проставив разные даты, и просила регулярно посылать сыну на фронт, чтобы он не беспокоился. Тем страшнее оказалось возвращение в осиротевший дом. Он вернулся воином, увенчанным наградами за мужество, писателем, принятым критикой. Но не с кем было поделиться «той грустной радостью, что я остался жив». Роман впервые испытал одиночество. К сожалению, это чувство не оставит его и в дальнейшем.

Мистификация с материнскими письмами нанесла Гари, по-видимому, тяжелую травму. Кстати, четко не известно, сколько писем он получил и сколько прочитал, вернувшись. Но факт их существования несомненен.

Очевидно, жизненное кредо Ромена Гари заключено в высказывании о де Голле: «Де Голль, — говорил он впоследствии, в книге 1974 года «Ночь будет тихой», — де Голль для меня это человек [...] который вопреки своей одинокой слабости говорил нет величайшим державам мира, нет — уничтожению, нет — капитуляции самого человека; отказ от капитуляции — это, пожалуй, единственная форма человеческого достоинства, на которую мы можем претендовать». Может быть, исходя из подобных установок, возник и псевдоним. Известно, что он очень любил русскую песню: «гори, гори, моя звезда», оставшуюся навсегда в его писательской судьбе - Ромен Гари повелительное наклонение от русского слова «гори», с измененной гласной в имени Роман - Ромен, более созвучной для французского

уха. Франсуа Бонди, он как-то сказал: «По-русски гори — это повелительное наклонение глагола гореть; от этого приказа я никогда не уклонялся ни в творчестве, ни в жизни».

Между тем, в реальной жизни их преследовало немало проблем. Они меняли квартиры, покупали в долг продукты, терпели унижения. Мать при всей любви стремилась воспитать сына отважным, смелым, совестливым и, что очень для нее было важно, защитником. Когда во время одной из перепалок с соседями, сын молчал, то выслушал наставления на будущее. Суть указаний свелась к однозначному требованию – защищать мать, даже, если принесут после этого «на носилках». Гари писал: «мать отправляла меня бить морду то одному, то другому, кто ее «оскорбил». (Ночь будет спокойной).

Из последующих воспоминаний ясно, насколько процесс «битья морды» угнетал юношу, не во всех случаях разделявшего правоту матери. Но он понял необходимость защищать честь, достоинство, помнить о совести, что отразилось в жизни.

Роман Касев получил прекрасное образование: диплом юриста в Сорбонне и филолога в Варшаве, шел по пути, начертанному матерью. Он был образован, успешен, красив, пользовался вниманием у женщин и, тем не менее, в диалогах с Франсуа Бонди называет себя аутсайдером. Думается, что русский еврей, сын бедной эмигрантки, не знавший отца страдал от какой – то душевной ущербности при бесспорных личных достоинствах и достижениях. Казалось, мог бы и не страдать, получив все мыслимые награды в разных сферах деятельности. Но такова особенность его психики.

Отношения с матерью привлекают внимание исследователей жизни и творчества Романа Гори, выстраивающих при этом его личностные характеристики и строя различные предположения. « Я с удовольствием оставляю шарлатанам и полоумным, управляющих нами в стольких областях, труд объяснять мои чувства к матери какой – либо патологической опухолью. Учитывая, чем стали свобода, братство и благороднейшие чаяния людей в

их руках, я не вижу, почему простой сыновней любви не превратиться в их больном воображении в некую крайность». Мать заложила основы его мировоззрения, она дала нравственные установки. Любовь слабой, бесправной немолодой женщины дала чувство защищенности. В предсмертной записке Нина Овчинская написала: «Благословляю тебя! Будь сильным и мужественным». Эта записка, помещенная в рамку, висела в кабинете Гари до последнего дня.

Будучи студентом, как многие другие, он подрабатывал на разных работах, в частности, сопровождал туристские группы. Ему предлагали деньги содержатели борделей, чтобы он приводил туристов, в частности, в кинотеатр «Феерия» на показ порнофильмов. Отвечая на вопросы Франсуа Бонди (Ф.Б.), он говорил: « Я всегда отказывался, моя мать бы меня прибила».

Ф.Б. «Она бы никогда не узнала».

Р.Г. «Та, что внутри меня самого, узнала бы. Я носил ее в себе». « Я всегда носил в себе свидетеля и сейчас еще ношу. Подростки становятся хулиганами, потому что у них нет свидетелей». Из диалога со всей очевидностью вытекает глубинная душевная связь Романа с матерью, не прервавшаяся со временем.

Несмотря на признание его заслуг военным командованием и лично Де Голлем, несмотря на литературные успехи, что – то важное, - стержень ослабел. Он лишился «тыла», безграничной преданности, которую не нужно было завоевывать, она неизменно «лежала у ног». И он вынужден был «умирать от жажды возле каждого фонтана». «Через материнскую любовь на заре вашей юности вам дается обещание, которое жизнь никогда не выполняет. Поэтому до конца ваших дней вы вынуждены питаться всухомятку. Всякий раз, когда женщина сжимает вас в объятьях, вы понимаете, что это не то. Вы постоянно будете возвращаться на могилу своей матери, воя как покинутый пес». Роман слыл ловеласом, победителем сердец, а в действительности робел перед каждой женщиной.

Инстинкт самосохранения в числе прочих чувств подсказал возможный выход в женитьбе. И Гари женился на

американке, журналистке Лесли Бланш, которая была старше его на 7 лет. Женщина умная, волевая, талантливая. После нескольких лет совместной жизни, всецело подчиненной интересам мужа, она написала роман, ставший бестселлером, после чего вновь отошла в тень. Брак длился 16 лет.

Годы, прожитые с Лесли Бланш, пожалуй, можно было считать счастливыми. После расставания с Гари она работала консультантом у Питера Устинова, поставившего прекрасный фильм по роману «Леди Л.», посвященному Лесли. Главную роль в фильме исполнила Софи Лорен. Он много писал, публиковался, получал награды, включая самую престижную литературную премию Французской республики – Гонкуровскую (в 1956 году за роман «Корни неба»), успешно работал в ООН. В это время Гари был, как пишут, неправдоподобно красив, обаятелен, окружен влюбленными женщинами. Его в шутку называли не пресс-атташе, а секс - атташе. Но в душе сохранялась неясная тревога и чувство одиночества, от чего он пытался избавиться увлечениями, сменой занятий, городов и стран.

Знакомство с молодой, знаменитой актрисой Голливуда Джин Сиберг изменило Гари. Он в 46 лет, со всем пылом души влюбился в 23 –летнюю обаятельную, неординарную женщину. Он был старше, опытнее, много знал, изведал и ощутил потребность опекать не только по-мужски, но и по отцовски молоденькую жену. Лесли Бланш, хорошо зная мужа, не советовала ему жениться: «Пусть эта американочка будет твоей любовницей, но не женись на ней, это равносильно самоубийству». «Разница в возрасте ужасна, когда вы женаты на молодой женщине, которой на несколько веков меньше, чем вам...»- писал позднее Гари. Впрочем, много причин разрушили их брак, притом, что они оба любили друг друга, даже расставшись. Джин всегда могла рассчитывать на помощь мужа. Они попали в какую – то карусель, замешанную на политике, разных взглядах на те или иные проблемы. Много терпели они из - за вмешательств в их жизнь досужих приятелей. Крахом отношений стала смерть новорожденной дочери (1970), названной в честь матери Романа, Ниной.

После смерти ребенка Джин Сибберг впала в депрессию, стала зависимой от антидепрессантов, пристрастилась к наркотикам. Гари помещал ее в клиники, но прервать порочный круг не удавалось. Ее перестали снимать, она болела, увлеклась движением «черные пантеры» за равноправие негров, общалась с сомнительными личностями. Брак окончательно распался, остался сын(1963года рождения) - Александр - Диего.

Ромен Гари тяжело пережил крушение. И в этот же момент, критики наперебой изощрялись в нелестных отзывах, считая, что его слава прошла. Новые романы принимались без прежнего восторга. Он почувствовал усталость и апатию.

В этот трудный период писатель задумал мистификацию, решил обмануть читающую публику. « Мне надоело быть самим собой. Мне надоел образ Ромена Гари, который мне навязали раз и навсегда тридцать лет назад, когда «Европейское воспитание» принесло неожиданную славу молодому летчику, и Сартр написал в «Тан модерн»: « надо подождать несколько лет, прежде чем окончательно признать «Европейской воспитание» лучшим романом о Сопротивлении...».

И он снова затосковал по молодости, «по новому началу». « Начать все заново, еще раз все пережить, стать другим – это всегда было величайшим искушением моей жизни». Стремление к «многоликости», по словам Гари, одна из его характерологических особенностей. Эмиль Ажар, (новый псевдоним), по мысли Гари, был его новым рождением. « Все было подарено мне еще раз. У меня была полная иллюзия, что я сам творю себя заново». В новом псевдониме заключен старый смысл: горение, жар. Писатель одновременно писал и публиковал романы под именами Гари и Ажара.

В то время как Гари считали исписавшимся, слава Ажара росла. Высказывались предположения о том, кто может скрываться под именем Ажара, предполагали Арагона, не обошли и Гари. Для определения авторства достаточно было провести несложный анализ текста. Гари не волновался. « Я знал, что эти дамы и господа (критики И.Л.)

не станут заниматься своим прямым делом и сравнивать тексты». Более того, писатель дважды опубликовал роман под тем же названием, и этого тоже никто не заметил. В целом мистификация потребовала от Гари слишком много эмоциональных сил: он писал за двоих, продумывал стиль поведения, ввел в игру своего племянника Поля Павловича. Для ограниченного молодого человека с ранимой психикой, роль популярного, входившего в моду писателя оказалась достаточно болезненной. Их родство перестало быть тайной, когда он по просьбе дяди вступил в игру, давал интервью, подписывал договор с издательством, выступал по телевидению. Они были достаточно близкими родственниками. Мать Поля – двоюродная сестра Нины Овчинской также бежала из Литвы во Францию, занималась неудачно ювелирным бизнесом, а дни свои закончила в приюте для душевнобольных, не справившись с тяготами эмиграции.

Последнее десятилетие жизни Ромена Гари было насыщено проблемами личного и творческого плана. Он расстался с любимой женой, похоронил новорожденную Нину, не удалась попытка виртуального возрождения матери, ее имени в родном существе.

О нем много говорили и писали, подчас обидного, что читать его новые романы скучно, не в пример произведениям племянника, успешного Ажара. Весело задуманная игра лишилась радости. Разгадка мистификации становилась делом времени, осложнились отношения с племянником Полем Павловичем, активно входившем в роль новоявленного творца. Он даже затребовал рукописи, которые мог бы предъявить. Гари рукописи дал, предварительно сняв с них копии. Ажар – не единственный псевдоним, не считая Гари, который воспринимается, скорее как истинная фамилия, вместо забытой - Касев. Есть и другие псевдонимы Романа, правда, не столь известные - Люсьен Брюляр, Фоско Синибальди и самый впечатляющий — Сатана Бога.

Он иногда романы писал на английском языке, а затем сам переводил на французский язык для новизны. «Все мои книги насыщены нашим веком до бешенства»- говорил

он. «Если я долго остаюсь собой, становится тесно — меня душит мое я».

В сентябре 1979 году в машине пригнанной к дому Гари находят тело Джин Сибберг без следов насилия. В машине нашли бутылку минеральной воды, флакон с барбитуратами и некоторые вещи. До этого трагического случая Джин 8 раз пыталась покончить собой.

Смерть Джин потрясла Романа, хотя внешне он казался достаточно уравновешенным. Нарастали сложности с мистификацией, требовавшие усложнения игры.

Незаметно, но неизбежно он старел. Умер де Голль. На похороны Гари пришел в потертой форме солдата участника Сопротивления, на груди блестели ордена времен войны. Но это уже никого не интересовало. Наступала смена поколений.

Гари раскрывает некоторые особенности своей личности, пристрастий, жизненных установок в книге «Ночь будет спокойной» и в «Жизни и смерти Эмиля Ажара». «Мои внутренние побуждения были всегда противоречивы и увлекали меня одновременно в разные стороны. Спасли меня — я имею в виду мое психическое равновесие, — пожалуй, только сексуальность и литература, чудесная возможность все новых и новых воплощений. Сам я для себя постоянно был другим. И когда я обретал некую константу: сына, любовь, собаку Санди, то моя привязанность к этим незабываемым опорам доходила до страсти...Я одержал верх над ненавистными мне пределами и над «раз и навсегда». Важнейшие понятия, связанные с явлением маргинальности в творчестве Гари, — граница и предел. С этим связана идея постоянной смены масок, идея перевоплощения, многоликости персонажей (Голубчик — удав; араб Момо — еврей Мойша, которых мадам Роза заставляет поменяться ролями, чтобы Момо остался с ней) и даже самого Гари (мистификация Гари—Ажар—Павлович).

Герои Гари стремятся преодолеть собственную необычность с целью реализовать себя в ином качестве: маленькому Момо очень хочется жить в семье и обрести дом, что в финале романа ему удастся. И хотя все персонажи-маргиналы Гари, чувствуют себя вполне

комфортно в своей среде, они живут с ощущением близости другого, чуждого им мира, и хотят хоть ненадолго стать его частью.

В романе «Псевдо», написанном как «автобиографический» роман Поля Павловича, осязаема юношеская тревога, о чем Гари «грезил со времени своих двадцати лет». Постепенно Гари почувствовал, что, материализовавшись Ажар, вытеснил его из мифа, а значит, угасла новизна и смысл мистификации. Между тем в «Голубчике» и в романе «Корни неба» - «один и тот же вопль одиночества». Неустанно автор повторяет в разных романах под разными псевдонимами – «людям нужны друзья».

В эссе «Жизнь и смерть Эмиля Ажара», опубликованном согласно завещанию Гари, после смерти автора, он подробно объясняет историю создания романа «Псевдо», получение разрешения от Поля Павловича на публикацию, поскольку он изображен нелицеприятно и пояснение ряда других сюжетных линий.

Накануне самоубийства Роман позвонил Лесли Бланш, первой жене, сказав «я неправильно разыграл свои карты». Еще одна загадка Гари. Важнейшая функция памяти писателя, по Гари, — передача слов давно умерших людей и памяти как таковой: «С новыми друзьями, появившимися у меня после войны, я только сильнее ощущал отсутствие тех, с кем продолжаю жить бок о бок. Порой я забываю их лица; их смех и голоса ускользают от меня, но это только делает их ближе». Может быть поэтому, перед самым тяжелым решением, он возвращается памятью к Лесли Бланш, приблизив ее к себе перед уходом... Он не забывал друзей и родных...

Гари писал, что литературное творчество стало для него «лазейкой, через которую пытаешься бежать от невыносимого, возможностью отдать душу, чтобы остаться в живых».

Полагают, что сочинительство, игра, писание картин и сочинение музыки нередко позволяют творцу расслабиться, воплотив мысли и чувства в созданном

произведении. Не составлял исключения и Ромен Гари: с каждым романом он начинал жизнь заново.

Мудрый писатель, человек разносторонних интересов и профессий – каким он был? Этот вопрос задают читатели и те, кто пытается поглубже проникнуть во внутренний мир этого незаурядного, возможно, ускользающего от праздного любопытства.

Существуют разные подходы и попытки проникнуть во внутренний мир творческого человека. Прежде всего, знакомство с творчеством – «я сердцем никогда не лгу». Как правило, настоящий художник даже, вопреки желанию, конъюнктуре не может солгать, не получается – это один из принципов творения. Кроме того, изучают биографию, воспоминания, критические разборы. Мне представляется предпочтительным и более точным идти к человеку, отталкиваясь от него самого: его писем, естественно по возможности разным корреспондентам, высказываниям, интервью. Это позволит уловить многогранность пишущего, его отношение к родным, личным и деловым знакомым. Истина выявляется при сравнении и сопоставлении. Конечно, никогда нельзя быть уверенным в верности догадок, необходима интуиция и психологическая близость или попытка погружения в состояние героя. Скорее всего, таким образом, можно четче выстроить особенности интересующей личности, понять мотивы его поступков, выработать личностное отношение к ним.

Роман Касев, Ромен Гари, Эмиль Ажар. Чем бы ни занимался этот неординарный человек, под какой фамилией ни трудился, на каком языке ни писал, каких премий ни удостоивался, он оставался в своем сознании все тем же мятущимся «аутсайдером».

Отвечая на вопросы Франсуа Бонди («Ночь будет спокойной»), Гари заметил: «Я от рождения принадлежу к меньшинству. В Варшавском университете я сидел рядом с теми, кто в меньшинстве. Я всегда против самых сильных».

«Ночь будет спокойной», служит ключевой к психологической характеристике Романа Гари. Пожалуй, вряд ли кто – нибудь мог так охарактеризовать смелого,

крепкого, мужественного человека не раз выходившего победителем из, казалось, безвыходных ситуаций.

В XX веке удивительным образом в литературных сообществах разных стран при неоднородных обстоятельствах, трагедия добровольной смерти знаменитых писателей повторялась. Общим была непредсказуемость ухода сильных личностей, трибунов, глашатаев – Владимир Маяковский, Эрнест Хемингуэй, Ромен Гари, Сергей Есенин, возможно, Антуан де Сент-Экзюпери. Почти все пишущие о Гари цитируют критика газеты «Монд» Жаклин Пиатье, написавшей после его смерти: «Эти сильные натуры, живущие перенасыщенной жизнью и необузданными требованиями, нередко таят в себе тревогу, глубокие трещины, трагическое сомнение в смысле бытия, и вдруг неожиданно для всех они должны рухнуть. Тогда их исчезновение создает ничем невозполнимую пустоту».

Ромен Гари умел дружить, не забывая со временем ушедших. Он рассматривал память как способ преодоления смерти — эта тема чрезвычайно важна для Гари. Ромен Касев, несмотря на внешне очень успешную карьеру, оставался ранимым, впечатлительным человеком. При неоднократно проявленной смелости в разных сферах деятельности, включая летчика боевой авиации во время войны, нарушения душевного общения надолго выводили его из привычного ритма. Так, неожиданно прервавшийся роман с любимой девушкой (впоследствии выяснилось, что она попала в психиатрическую больницу) привел Романа к депрессии, длившейся несколько месяцев. Мало того, через много лет, разговор о ее трагической судьбе и рассказ, что она в минуты просветления, вспоминает о давней любви, вызвал у Гари повторный приступ тоски. По его словам депрессия проявлялась упадком сил и физической слабостью. Однажды в такой период он уехал на Гаити и «тупой секс», как он выразился, помог выйти из болезненного состояния.

Была ли у Гари депрессия, как врачебный диагноз, или душевная тоска, чувство неприкаянности – трудно сказать с уверенностью. Несомненно, однако, что он был

человеком чувствительным, остро реагировал на окружающий мир.

«У меня тяга к чудесному. Это остатки детства. Без этого не бывает творчества». И, в то же время, он говорит: «Я не советую никому – в том числе и своему сыну – быть на меня похожим».

Еще в 1974 году на вопрос Франсуа Бонди: «Ты живешь один»? Ромен Гари: ... «Я живу с мисс «Одиночество» и слишком привязываюсь к ней, это, правда, было бы немного грустно усвоить эту привычку, я не люблю привычки»... О том же говорит герой романа «Корни неба», француз Морель: «Все очень просто. Люди ощущают себя до смешного одинокими, им нужно общение, им нужно нечто крупное, могучее, на что можно положиться, нечто и в самом деле обладающее стойкостью». На вопрос был ли он счастлив, прозвучало: «Нет...Да. Не знаю. Между подаграми». Все это было сказано еще в 1974 году. С тех пор негативные эмоции множились. Эмиль Ажар постепенно становился «самостоятельным» и уже лишался для Гари притягательности. Грозило разоблачение. Накапливалась физическая и душевная усталость. 1979 год – гибель Джин Сиберг. Мисс «одиночество» не уходила. В последние месяцы началась волокита с налогами, что как ни странно, обеспокоило писателя до крайности.

В оставленном предсмертном письме он кое - что объясняет «...всё это можно отнести за счет нервной депрессии, но тогда придется признать, что она длится с того момента, как я стал мужчиной... И так, почему? Может быть, ответ содержится в заглавии моего автобиографического труда «Ночь будет спокойной» и в последних словах моего последнего романа «Воздушные змеи» — «...лучше не скажешь»». Еще: «Никакого отношения к Джин Сиберг. Ревнителям культа разбитых сердец обращаться по другому адресу».

Самовольный уход из жизни – интимное движение души. Прикосновение болезненно и, возможно, не уместно. О самоубийстве рассуждают на протяжении истории человечества. Эта тема вечная как жизнь. «Никто не мыслит абсолютно новые, уже раньше не высказанные мысли»

говорил Гете. « Хорошо умереть» значило у Сенеки избежать опасности плохо жить.

Отношение к самоубийству менялось во времени от признания у древних народов естественной смертью, до предания самоубийц остракизму с запретом хоронить на кладбище в средние века, резко негативное отношение монотеистических религий.

В наше время отказались от мысли объяснять самоубийство только психическим заболеванием. Это и защита чести, нежелание страдать без надежды на возможность справиться с состоянием, безысходность и одиночество.

Что произошло с Гари? Почему он счел такой поступок единственно возможным? Если попытаться взглянуть со стороны на этого красивого, необыкновенно талантливого, свободного воина, дипломата, писателя, то видно, что стадию «Crescendo» он прошел. Наступала старость с неизбежной немощью, потерпела крах любовь, мистификации грозило разоблачение, преследовало одиночество, нарастала нервная усталость и тоска. «Я часто выигрывал в своей жизни, но мне понадобилось много времени, прежде чем я понял, что можно выиграть битву, но нельзя выиграть войну. Для этого необходима помощь со стороны, которой пока что ждать неоткуда» («Обещание на рассвете»). И дальше – « Жизнь прожита не зря». Индивидуальный, одинокий бунт, по Гари, — единственно возможная и достойная позиция человека в наше время, если он хочет остаться человеком. Однако это трагический бунт — в силу своей исключительности и единичности; «последний, несуразный крик наивысшего человеческого мужества». (Е.Эткинд, 2000).

По крайней мере, так представлялось максималисту Гари, не умевшему сдавать позиции. «Я хорошо повеселился. Прощайте и спасибо». Дальше – тишина. (Жизнь и смерть Эмиля Ажара»). Его мятущаяся натура, со склонностью к самоанализу, требовала выхода.

Выход был найден. Верный? – не нам судить. Ромен Гари остался в романах, прославляющих доброту, участие, честь и мужество.

Литература

Анисимов Мириам. Ромен Гари. Хамелеон. Деком, 2007.

Винокур Надежда. Французская версия Хемингуэя. Вестник, 6: 343,17 марта,2004.

Гари Ромен. Собрание сочинений. Комплект из 10 книг. Санкт – Петербург: Симпозиум, 1999.

Гари Ромен. Ночь будет спокойной. Санкт – Петербург: Simposium, 2004.

Лихтенштейн И. Меня душит мое я. Ромен Гари. Вестник Дома ученых Хайфы, том 17,18 2008.

Прокофьева Елена. Три жизни Романа Гари. Копирайт: Gala Биография, 2008.

Чхартишвили Григорий. Писатель и самоубийство, Новое литературное обозрение, 2003.

Эткинд Е. Две смерти Романа Гари. Иностранная литература, 6,2000.

«Ищите меня в том, что я пишу»
Антуан де Сент-Экзюпери

Чуть более полувека прошло со дня трагической гибели Антуана де Сент-Экзюпери. Его имя ассоциируется, в первую очередь, с трогательным «Маленьким принцем», ищущим и любящим людей, свою маленькую планету, за которой трепетно ухаживает и на которую возвращается. И лишь потом вспоминаешь мужественного летчика, участника второй мировой войны, журналиста,

Граф Антуан де Сент-Экзюпери происходил по отцу из древнего аристократического рода, упоминания о котором встречаются, начиная с 1235 года - «сеньоры Сен-Жермена в Лимузене и Мирмонта в Оверни», по матери - из старинных провансальских дворян. К моменту рождения Антуана 29 июня 1900 года отец служил страховым инспектором в Лионе. Семья была дружной, ласки хватало на пятерых детей сплоченной четы.

Когда Антуану исполнилось 4 года, отец скончался, и вдова с детьми переехала к матери в замок Ла Молль возле

Коголена в Массиве Мор, тянущемся вдоль средиземноморского побережья департамента Вар. В этом обширном доме с круглыми башнями, а затем в замке Сен-Морис де Реманс, принадлежавшем его двоюродной бабушке госпоже де Трико, километрах в пятидесяти от Лиона проходили детские годы будущего писателя.

Антуан был очень привязан к матери и сохранил эти чувства до конца дней. Детство было самой счастливой беззаботной порой, о чем он постоянно вспоминал в письмах матери: «Откуда я? Из детства. ... Я не очень-то уверен, что жил после того, как прошло детство». Далее он пишет ей же: «Мир мирного, ничего более дружелюбного, чем маленькая печь в «верхней комнате» Сен-Мориса. Ничто и никогда так не убеждало меня в полнейшей безопасности мира». Письма к матери не только полны нежных мыслей о прошедшем детстве, но подчеркивают силу привязанности к ней, самого, пожалуй, сильного и постоянного чувства: «Стоит только подрасти и милосердный бог оставляет вас на произвол судьбы» слова, сказанные Сент-Экзюпери в тридцатилетнем возрасте являются по нашему мнению, ключом к пониманию сложной жизни писателя.

Младший современник Сент-Экзюпери знаменитый французский писатель и летчик Ромен Гари, по сути, высказывает те же мысли: «Через материнскую любовь на заре вашей юности вам дается обещание, которое жизнь никогда не выполняет. Поэтому до конца ваших дней вы вынуждены питаться сухомятку. Всякий раз, когда женщина сжимает вас в объятьях, вы понимаете, что это не то. Вы постоянно будете возвращаться на могилу своей матери, воя как покинутый пес». Интересная душевная схожесть, есть о чем подумать.

Смелый летчик, популярный писатель, вылетая из Алжира во Францию с боевым заданием, Антуан почти всегда пролетал над замком Сен - Морис де Реманс, вспоминая ушедшее детство, как бы черпая в этом силы, как Антей, прикасаясь к матери Земле.

С детства у Антуана проявились выраженные способности к творчеству, экспериментированию. Он создавал модели моторов, к велосипеду приделывал экран из

ивовых прутьев и простыни, надеясь, что когда – нибудь он взлетит и достигнет небес. Сестра Симона вспоминает: "Наше детство - это семейный дом, мир животных, мир растений нашего парка. Нас было пятеро, и мы меняли свои дружбы и привязанности в зависимости от настроений и времен года. В хорошую погоду устраивали себе убежища на деревьях, строили шалаши, выстилая их мохом, в сиреневых кустах. Мы выращивали овощи и задорого «продавали» их домашним. В дождливые дни играли в шарады или забирались на чердак. В тучах пыли, под осыпающейся штукатуркой, мы обстукивали каменные стены, толстые воспоминаний детства, нашего языка и наших игр... всегда будет мне казаться бесконечно более реальным, чем любой другой... Я не помню ничего более «доброе» и старые балки, ища «сокровище»,- мы верили, что в каждом старом доме есть клад. Наша вера в таящееся где-то сокровище мерцала для Антуана всю жизнь».

Он бредит солнцем, небом, необъятными просторами. В то же время успешен в точных науках, особенно математике, а склонность к изобретательству не случайна, а следует за ним по жизни. Не случайно боевого летчика назначают начальником аэродрома, где он творчески решает разнообразные сложные технические задачи. Он продолжает изобретательство и в летном деле. Так, в 1941 году Сент-Экзюпери встречается с известным американским специалистом по аэродинамике профессором Теодором фон Карманом, руководителем лаборатории аэронавтики фонда Гугенхейма в Пассэдине. Фон Карман чрезвычайно заинтересовался новыми идеями Сент-Экса по аэродинамике. Американский ученый пригласил его в лабораторию в Пассэдине. При встрече Антуан изложил фон Карману ряд идей, одну оригинальнее другой. После разговора с Сент-Эксом фон Карман написал директору Национального консультативного комитета по вопросам аэронавтики - главного исследовательского центра США - письмо, в котором подчеркивал новизну высказанных мыслей, которые, по мнению ученого способны внести переворот в науку. «В особенности одна из них, которая показалась мне настолько интересной, что я прошу вас

срочно приступить к опытам по проверке ее». Обрадованный Сент-Экзюпери ответил: «Это еще что! После войны мы приведем в исполнение мои идеи относительно реактивных двигателей. Увидите, они произведут революцию... И у меня есть все основания полагать, что идеи эти могут получить практическое применение. В моей жизни я взял пять патентов на изобретения - и четыре из них я продал».

Еще раньше друзья и соученики дали ему прозвище «Лунатик» и «Звездочет» за погруженность в мечты и увлеченность звездами. Он как будто открыт к общению, но вместе с тем сближается с трудом. «Он был нелюдимым и одиноким. Трезвонящий телефон вызывал у него ужас. Но при этом любил хорошую кампанию» - из воспоминаний жены Консуэло де. Сент-Экзюпери, 2006. Та же мысль выражена в исповедальном, как всегда, письме матери: «немногие могут сказать, что я был с ними откровенен и поверял им свою душу и что они хоть сколько-нибудь знают меня». 1925г. Друзья опасались подтрунивать над ним из-за быстрой и резкой реакции.

Его внутренний мир сложен, увлечения сменяются жестокими разочарованиями, требования к дружбе иногда непомерны. Впрочем, себя друзьям он отдавал целиком, не все выдерживали такой накал отношений.

В октябре 1909 года Антуан поступает в колледж Нотр-Дам де Сен-Круа, где раньше учились отец и дядя, преемственность важна для него. В октябре 1914 года Антуан и его брат Франсуа начинают учиться в колледже Монгре в Вильфранш-на-Соне, а в конце первого семестра оба мальчика едут продолжать образование у маристов во Фрибуре в Швейцарии. В 1917 году от ревмокардита в Швейцарии умирает младший брат Франсуа. Это первая тяжелая душевная травма, испытанная молодым Антуаном. Экзюпери сдает во Фрибуре экзамен на аттестат зрелости. Чтобы подготовиться к конкурсу в Военно-морское училище, он поступает в школу Боссюэ в Париже, а затем там же переходит в интернат при лицее Сен-Луи, где изучает дополнительный курс математики. Он не прошел по конкурсу в военно-морское училище – сочинение на тему: "Расскажите о впечатлениях эльзасца, возвратившегося в

родную деревню, снова ставшую французской» не получает положительной отметки. Он написал всего несколько фраз и получил самый низкий бал. Существует мнение, что Антуан сделал это намеренно, не желая поступать в училище. Позднее Антуан, прекрасный рисовальщик, поступил на архитектурное отделение при Академии художеств.

Любовь к рисованию у будущего писателя проявилась рано, впоследствии он прекрасно проиллюстрировал сказку о «Маленьком принце». Друзья нередко видят его с карандашом в руке.

Несмотря на сиротство, детство Антуана не омрачено материальными невзгодами, они придут позднее. Его в эти годы тяготит, вынужденная из-за учебы разлука с матерью. Больше ему не с кем поделиться тревогами и сомнениями. Не знаю достоверно, но предполагаю, что ему не хватало отца, мужского воспитания. О степени тоски и необходимости общения с матерью свидетельствует выдержка из письма к ней: «Дорогая мамочка! Франсуа только что получил ваше письмо, где вы говорите, что приедете только в начале марта. А нам так хочется видеть вас в субботу! Почему вы задерживаетесь? Ведь для нас ваш приезд - такая радость! Вы получите наше письмо в четверг, может быть, в пятницу. Не можете ли вы сразу же послать нам телеграмму, что вы приедете? Вы отправитесь в субботу утром экспрессом и вечером уже будете во Фрибуре. Мы будем так рады. Мы так надеемся, что вы приедете» (1916).

Письма к матери, написанные в разные годы, уже прославленным писателем сохраняют прежнюю тональность: «Что вы делаете, мама? Пишете ли вы картины? Ответьте мне. Ваши письма помогают мне жить, они приносят свежесть. Мамочка, откуда вы берете такие прелестные слова? Хожу под их впечатлением целый день. Вы нужны мне так же сильно, как в детстве».

Он был привязан к дому, родному замку, парку, помнил шелест трав, мерцание светил. Молитвенная скамеечка, обтянутая потертым красным бархатом, кувшин с горячей водой, мягкая постель, любимый зеленый стульчик, который он повсюду таскал за собой, ища по замку мать, -

все это сопровождало его и снилось ему в Париже, в пустыне, в дальних странствиях.

Мать Антуана получила медицинское образование, но основной ее страстью стало искусство, она рисует, и время от времени продает картины. Несомненно, художественные наклонности, музыкальный слух он унаследовал от матери. Антуан хорошо играл на скрипке.

Уже в раннем возрасте его одолевает потребность выразить свои мысли на бумаге. Это переполняет и тревожит, но до поры до времени он не чувствует себя в силах доверить бумаге сокровенное. «Мама, я хотел бы отважиться писать. Мне так много нужно высказать» - писал он ей в 1927 году.

Ему интересно и привлекает многое, но он не оставляет мечту о небе. Притягательность парения в воздухе, отрыв от земли, мерцающие звезды создают особую атмосферу так необходимой ему свободы. Антуан, поднявшись в двенадцатилетнем возрасте в воздух в роли пассажира, грезит о профессии летчика. Легко представить романтический ореол профессии, особенно в начале воздухоплавания, поддерживаемый не только подстерегающими опасностями, но и подвигами.

Все, знающие де Сент-Экзюпери пишут о его ничем не ограниченной смелости. И потому, сдав экзамены в летную школу, он без долгих размышлений оставляет архитектурный факультет. Его мечта – небо! « Вы представить себе не можете, какой покой, какое одиночество испытываешь на высоте 4 тысяч метров наедине с мотором» писал Сент-Экзюпери матери уже в 1923 году. Он смел и отважен, нежен и робок, чувствителен и резок. Друзья отмечают влюбчивость, но вместе с тем Антуан неровен, трепетен в обращении с женщинами.

В юности он влюбился в Луизу де Вильморен-Женевьева из состоятельной семьи и даже сделал ей предложение. Мать невесты не считала брак с обедневшим аристократом, подходящим для дочери. Впоследствии оказалось, что предложение было принято как «помолвка ради смеха». Между тем, Антуан очень долго болезненно переживал «шутку». Увидев Луизу через 7 лет, он едва не

потерял сознания, настолько глубоко засела в нем печаль и тоска. Очевидно, отношениям с Луизой посвящены строки из «Ночного полета». «Люди, долгое время жившие большой любовью, а затем лишенные ее, подчас устают от благородного одиночества. Они смиренно возвращаются к жизни и находят счастье в будничном чувстве. Они находят усладу в самоотречении, в заботах, в покое домашнего очага».

Тема «дома», очага покоя и надежности словно преследует Сент-Экзюпери. Мысли об этом неустанно звучат в письмах родным и строках романов. Он ищет женщину способную «успокоить внутреннюю тревогу», чтобы не чувствовать себя неприкаянным: «я очень одинок в этой комнате». О таком доме он грезит всю жизнь, сохраняя в душе память о детстве, матери, о защищенности. «Я люблю, когда меня любят. Я не люблю брать то, что мне не принадлежит» из письма будущей жене Консуэло.

Тревога! Она сопровождает писателя на всех этапах его удивительной жизни, в которой, казалось бы, не должно быть для нее места.

Мысль о доме в той или иной форме отражена практически во всех произведениях Антуана де Сент-Экзюпери. С высоты полета ему видна: «простая звездочка во мраке – это дом, и в нем – одиночество. А та, что погасла – это дом, приютивший любовь...Или тоску». (Ночной полет).

К этой же теме в ином аспекте он возвращается в «Планете людей». Для него совершенно ясно, что «Дом» важно не только построить, «надо вдохнуть жизнь в новый дом, у которого еще нет лица». Затерянный летными тропами в пустыне, «окруженный опасностями, беззащитный среди песков и звезд», он погружался в нелегкие раздумья о судьбе. Силы он обретал, отдаваясь «колдовству памяти»: «Был где – то парк, густо заросший темными елями и липами, и старый дом, дорогой моему сердцу...Он существует – и этого довольно, в ночи я ощущаю его достоверность...Я обретаю себя - в этом доме я родился, память моя полна его запахами, прохладой его прихожих, голосами, что звучали в его стенах. Даже

кваканье лягушек в лужах – и то донеслось до меня. Мне так нужны были эти бесчисленные приметы, чтобы вновь узнать самого себя, чтобы понять, откуда, из каких утрат возникает в пустыне чувство одиночества, ...когда не слышно даже лягушек».

Юность омрачалась материальными проблемами, мать обеднела и не могла обеспечить сыну достойное существование. Он трудился в разных местах, выполняя зачастую малоинтересную работу, например коммивояжера. И только летное дело призвано было успокоить мятущуюся душу. Он стремился летать как можно больше, участвовал в непредсказуемых военных операциях, а когда стал летчиком почтовой авиации, преодолевал огромные расстояния над горами, пустыней с одной целью – почта должна быть доставлена вовремя.

Сент-Экзюпери после многочисленных аварий, сопровождавшихся переломами и травмами, становился физически все менее пригодным для полетов. Но жизнь без неба он себе не представлял: «Я нуждаюсь в этом. Я испытываю в этом одновременно физическую и душевную необходимость...» Бескрайние просторы вселенной, небесный шатер над головой, одиночество освобождает его от груза обид, он как бы парит в неограниченном ничем, свободном пространстве. Между тем, жизнь подбрасывает все новые испытания. Вторая мировая война вторгается в жизнь Франции. Антуан де Сент-Экзюпери, в отличие от Романа Гари, не является безусловным последователем и сторонником генерала де Голля. Вольно или невольно он вовлекается в сложные коллизии, разделившие воюющую страну. И это сказывается на судьбе военного летчика и писателя Экзюпери. Его долгие хлопоты о возвращении в боевую авиацию полны истинного драматизма не только из-за справедливых опасений связанных с физическим состоянием, но из-за клубка жизненных противоречий. «Для всех вас, одним вылетом больше, одним меньше, не имеет никакого значения. Вы должны понимать, что летать мне осталось совсем недолго, так что для меня каждый вылет очень важен. Я нуждаюсь в них, этих вылетах, нуждаюсь не только морально, но и физически» - вспоминает Жан Леле,

начальник штаба эскадрильи 2\33. И, тут же Экзюпери в своей обычной, полушутливой манере рассказывал, что гадалка напророчила ему гибель в морских волнах, приняв, его видимо за матроса! (Григорьев В.П. 1973).

Если эта фраза из воспоминаний верна, то очевидно, тревожные мысли не покидали автора «Маленького принца». Впрочем, в этом нет ничего неожиданного – тяжелый труд, опасности полета, не говоря о боевых действиях, не могли не волновать его.

Нередко случайное пророчество не перестает тревожить человека всю жизнь. Этот феномен как «Синдром приговора» описан Л.Фиалковым (2007). Тяжелые предчувствия тревожили Сент-Экзюпери, о чем пишет Консуэло: «он обречен на смерть». И далее она продолжает: «Умереть – это так просто, говорил он мне. Утонуть. Позвольте, я расскажу вам...» Не исключено, что незабытые слова гадалки будоражили воображение писателя. И в то же время сильные, нередко полярные эмоции помогали ему творить, любить, вызывали бурные чувства. «Я очень быстро устаю от самого себя и, должно быть, из-за этого ничего не сделаю в жизни. Мне уж очень нужно быть свободным» - из письма близкой подруге Риннет в декабре 1926 года. Я хочу, чтобы меня видели в том, что я пишу, и что составляет скрупулезный и продуманный итог всего, что я думаю и вижу» – пишет он матери в 1925 году.

В приведенном отрывке заключена, пожалуй, нервно – эмоциональная сущность писателя и человека.

Автор монографии о Сент-Экзюпери Марсель Мижо справедливо отмечает, что в душе писателя и в его творчестве сохраняется «привкус меланхолии, грусти легкой и прозрачной, но на самом деле глубокой». Он молод, красив, разносторонне талантлив, любим. Откуда душевная усталость и недовольство, неверие в себя?

Не так ли когда – то писал успешный, яркий талантливый Ромен Гари: «Меня душит мое я». Почему он (Гари) называл себя аутсайдером?

Что объединяет этих столь схожих и полярных французов: Гари - нищий эмигрант из России, не знавший отца, выросший в бедности и Экзюпери - потомок древнего

аристократического рода, неизменно возвращающийся памятью в окрашенное добротой детство? Они оба росли без отца. Отсутствие мужского влияния, по-видимому, укрепило особую связь с матерью. «Я люблю вас, как не любил никого» пишет Антуан матери в 1925 году. Достаточно напомнить, что военный летчик, знаменитый писатель Антуан де Сент-Экзюпери, неистово стремящийся к женитьбе на Консуэло, любящий ее, неожиданно откладывает свадьбу, ожидая благословения матери. Об этом вспоминает жена писателя «Мы назначили дату свадьбы... пошли в мэрию расписаться. Раз его мать не приехала, ладно, мы отложили до ее приезда венчание в церкви. Оба мы оделись во все новое». Последовали вопросы служащей мэрии вначале к Консуэло. Она отвечала... «Потом настал черед Тонио. Он дрожал, глядя на меня со слезами, как ребенок». Они покинули мэрию. «Спасибо, спасибо, вы так добры, вы очень добры. Я не могу жениться вдали от родных. Моя мать скоро приедет». На первый взгляд это кажется странным, но такова внутренняя зависимость человека безудержной смелости от...матери.

Думаю, что так поступил бы и Гари, если бы к моменту женитьбы жива была его мать. Им обоим требовалась безоговорочная поддержка, полная надежность, отсутствие которой придавало зыбкость существованию. «Надо, чтобы вы смогли понять меня, как мать понимает сына. Мне нужна именно такая любовь». (Из воспоминаний жены писателя 2006). «Мама, я жду от жены прекращения...беспокойства. Поэтому она так и нужна... Я, слишком одинок в этой комнате». 1925 –1926 год. Эти факты не случайны, они подчеркивают ранимость, душевную незащищенность и зависимость от матери, не прервавшуюся с возрастом, несмотря на огромные творческие достижения, популярность, успешность.

Сложно складывались отношения со страстно любимой женой Консуэло. Еще раньше, он как всегда обнажено искренне, пишет матери, что женщина, о которой грезит, как бы составлена из двадцати. Он не заблуждается в тщетности попыток найти идеал.

Что касается Консуэло, то эта молодая вдова, красивая, яркая, талантливая художница, скульптор, женщина с вулканическим темпераментом привлекала романтика, писателя, летчика Экзюпери и одновременно страшила его, ищущего безграничной, трепетной материнской любви. Они жили в свободном браке, от чего оба безумно страдали. Они любили друг друга, сближались и отдалялись, расставались и вновь бросались в объятия. Они были, как писал Борис Пастернак: «Сними ладонь с моей груди, Мы провода под током. Друг к другу вновь того гляди, Нас бросит ненароком». После гибели мужа Консуэло вела не свойственный ей замкнутый образ жизни и только через много лет, преодолев депрессию и душевную усталость, прикоснулась к рукописям Сент-Экзюпери. Она написала честные воспоминания об их непростой жизни. Сквозь ткань воспоминаний отчетливо просвечивает их трагическая любовь. Творчеством графини Консуэло де Сент-Экзюпери восхищались Пабло Пикассо, Диего Ривера, тепло относился к ней Андре Моруа. Впрочем, список известных имен легко можно продолжить. И, тем не менее, эти двое влюбленных не смогли дать друг другу покой. Неровные отношения с женой усугубляли тревожные ощущения эмоционального, вспыльчивого Антуана де Сент-Экзюпери. После долгих хлопот в мае 1944 года Антуан получил разрешение на продолжение полетов. Он выполнил разрешенные полеты, явно преодолевая болезненное состояние, сказывались прежние травмы, да и новые модели самолетов, изменившаяся высота полетов, плохо отражались на здоровье немолодого летчика. Тем не менее, он стремился летать.

Однажды после продолжительного разговора с генералом Гавуалем, Антуан отдал ему маленький чемоданчик со своими рукописями: «Это было похоже на завещание, - пишет Гавуаль. - У меня было предчувствие, что его скоро не станет. Мы оба плакали, и я его оставил очень поздно, захватив чемоданчик в свою комнату <http://www.darkgrot.ru/cult/momento-mori/aviakatastrofi-/article/2438>

Из последнего полета 31 июля 1944 года Антуан де Сент-Экзюпери не вернулся. Что произошло в небе? Какую тайну скрывают небо и морские волны, в которых навеки скрылся великий писатель и талантливый авиатор?

Существует много теорий, догадок, причины трагической гибели Антуана де Сент-Экзюпери. Найден браслет Консуэло, бывший в полете у Антуана. Идентифицированы обломки самолета с бортовым номером, на котором улетел в последний рейс летчик Экзюпери. Появились воспоминания немецкого летчика, якобы сбившего самолет, затем последовали опровержения – никто не сбивал. Изучение обломков самолета не обнаружило пробойн корпуса.

Последнее слово еще не сказано. Не исключено, что во время полета Антуан потерял сознание, как не исключена и внезапно возникшая техническая причина... Так или иначе, самолет рухнул в океанские просторы. Сбылось предсказание гадалки?! И он не противился этому? Или он выбрал такой путь прощания с миром?...

Структура его неординарной личности, живущая в произведениях, известная из воспоминаний, писем, статей, его тревожная мятущаяся жизнь позволяет сделать осторожное предположение. Он должен был уйти непобежденным, сильным, молодым, знаменитым. Он улетел на «маленькую планету», нашел свой дом, в котором остался.

Литература

Грачев Рид. Сент-Экзюпери.- В кн.: Писатели Франции. Москва: Просвещение, 1964.

Григорьев В. П. Антуан Сент-Экзюпери: Биография писателя. Ленинград: Просвещение, 1973.

Мижо Марсель. Сент-Экзюпери. Москва: Молодая гвардия, 1965.

Моруа Андре. Антуан де Сент-Экзюпери. В кн.: От Монтеня до Арагона. Москва: Радуга, 1983.

Надеждин Николай. Полет длиною в жизнь. «Майор», 2008.

Пелисье Жорж. Пять обликов Сент-Экзюпери. Современная проза, 2000.

Сент-Экзюпери Консуэло. Воспоминания Розы. КоЛибри, 2006.

Сент-Экзюпери Антуан. Планета людей. Кишинев: Карта молдовянескэ, 1971.

Фиалков Л. Синдром приговора. Долгожитель. Приложение к газете Новости недели, 26 апреля 2007.

НЕРАЗГАДАННЫЙ ГЕНИЙ Лев Толстой

«Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Достоевский. Все – огромные, горы, и, как горы эти, такие же неподвижные, окутанные дымкою сверхчеловеческого величия. Среди них – такой же, как они, Лев Толстой». Когда Вересаев писал эти строки, Толстой еще был жив, «ходит по земле, дышит, говорит ненаписанные слова, еще можно увидеть его, говорить с ним». Пожалуй, трудно привести еще хотя бы один пример такой прижизненной славы. «Территорией совести» называл Ясную Поляну Борис Пастернак.

Более ста лет прошло со дня смерти Льва Толстого. Многие наши современники, были и современниками писателя. Так, например, Сергей Елпатьевский, лечивший Льва Николаевича в Крыму, в некоторых поисковых системах называется - кремлевским врачом, что соответствует истине. Звучит странно: Лев Толстой и...большевистский Кремль.

В. В. Вересаеву, выпало счастье быть гостем писателя, разговаривать с ним, услышать добрые слова о «Записках врача». Викентию Викентьевичу принадлежит запись разговора Льва Николаевича с лечащим врачом. Толстой спросил у домашнего врача продолжать ли принимать назначенные капли, уточнив при этом «по пятнадцати или по двадцати капель». Между тем одной из причин отказа Вересаева от предложения быть домашним врачом писателя, служило убеждение о полном пренебрежении Толстого медицинскими советами. Свидетельство врача – писателя Вересаева очень важно, так как разрушает миф о сугубо негативном отношении Льва Николаевича к врачам и медицине.

Читая «Дневники» Льва Николаевича, записи Софьи Андреевны, воспоминания родных и многочисленных гостей Ясной Поляны убеждаешься, что писатель, казавшийся несокрушимым, довольно часто и серьезно болел и по разным поводам обращался к врачам. Льва Николаевича не обошли туберкулез, желчнокаменная болезнь, малярия, стенокардия, склеротические поражения сосудов, не говоря о травмах, переломах и.т.д. Пытливый ум Толстого, естественно, анализировал встречи с медиками, логику назначений, эффективность лечения. Особый интерес вызывала у писателя манера общения с пациентом, внимание к нему, сочувствие, желание помочь.

Несмотря на исключительное положение графа Льва Николаевича Толстого, доступность общения с любым доктором, не все проходили проверку на профессионализм, милосердие, стремление помочь страждущим.

Известно, что Толстой больше, чем какой – либо другой писатель отталкивался в творчестве от биографических событий. Он пытался сделать единое целое из жизни и творчества, стремился жизнь превратить в текст. Лев Толстой навестил А.П. Чехова во время его пребывания в клинике профессора Остроумова по поводу упорного легочного кровотечения. При этом Антону Павловичу показалось, что Лев Николаевич ожидал увидеть его в тяжелом состоянии, понаблюдать, пообщаться. А может быть – это подозрительность больного человека?! Известно,

что Толстой посещал умирающих людей: чтобы понять загадку смерти? реально описать переход от жизни к смерти? избавиться от страха?... Так думали многие писатели, в частности Ромен Роллан, Максим Горький, И.А.Бунин. Это нашло отражение в письме Софье Андреевне после посещения оперы: « Мне было очень приятно и от музыки, и от вида различных господ и дам, КОТОРЫЕ ДЛЯ МЕНЯ ВСЕ ТИПЫ» (выделено мной И.Л.) Томас Манн и Стефан Цвейг считали Толстого одним из самых автобиографичных писателей мира. По мнению писателя, человеческая жизнь похожа на реку, носящую одно и то же имя от истока до устья, но не имеющая двух точек, в которых она была бы одной и той же. Подобной текучестью обладает человеческая природа и характер, находящиеся в постоянной связи. "Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо" (АВТО) БИОГРАФИЧНОСТЬ ТОЛСТОГО Croat. Slav. Iadert. iv (2008), 497-511

Писатель внимательно вглядывался в родных и знакомых, оценивал их поступки, реакции на вызовы судьбы, умение общаться, любить, ненавидеть...

Не случайно, творческая жизнь Толстого успешно началась романизированными воспоминаниями о детстве, отрочестве, юности. Читающая аудитория России быстро оценила опубликованные произведения, и с нетерпением ожидала продолжения. Ворвавшись метеором в литературу, Толстой и дальше оставался недостижимым. Значительно позднее, на вершине жизни и творчества писателя, А.П. Чехов заметил, «когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех». (28 сентября 1900, М.Меншикову).

Творческая жизнь многих писателей начинается с семейных воспоминаний. Отличием в случае Льва Николаевича, кроме непреходящей художественной привлекательности, сохраняется пожизненный интерес автора к прошлому семьи, трагическая боль сиротства.

Сильный физически, одной рукой подымал пять пудов, выносливый он становился «маленьким», слабым, вспоминая мать, ее раннюю смерть.

И совершенно неважно, помнил ли Лев Николаевич мать осознанно, лично, лишившись ее в возрасте 2 лет, или созданный любовью образ. Трудно определенно говорить о причине смерти матери: пишут о перенесенном кровоизлиянии в мозг с тяжелыми ментальными осложнениями, об опухоли мозга. Не это важно, а трепетное отношение сына к матери, сохранившееся чувство утраты.

Толстой рос, дружил, общался с тремя братьями и сестрой. Возникшие отношения не закончились порой детства, а сохранились до последних дней. В Шамордино на встречу с сестрой Марией, монахиней спешил, покинувший Ясную Поляну восьмидесяти двухлетний писатель, стремясь обрести утерянный покой.

Одним из сильнейших впечатлений в зрелом возрасте была последняя болезнь и смерть брата Николая. Лев Николаевич выехал летом 1860 года на Юг Франции ухаживать за умирающим от туберкулеза братом. « Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания жизни,- это был лучший мой друг, пишет Толстой. В «Дневнике» появляется запись: «самое сильное впечатление моей жизни. Правду он (Николенька) говорил, что хуже смерти ничего нет. А как хорошенько подумать, что она все –таки конец всего, так и хуже жизни ничего нет». Лев Николаевич раздавлен горем, не знает, как жить дальше. Размышляет, ищет. «Одно средство жить – работать. Чтобы работать, надо любить работу». Труд для Толстого не только важная составляющая жизни, но и средство сохранения бодрости духа. Из воспоминаний Софьи Андреевны, дневниковых записей Льва Николаевича (в этом плане они совпадают) видны спады настроения во время творческой паузы.

1 сентября 1869 Толстой (счастливый отец семейства?) поехал в Пензенскую губернию покупать имение. Остановился в Арзамасе. Из письма Софье Андреевне: «Было 2 ночи, я устал страшно, хотелось спать, и

ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал и никому не дай Бог испытывать». Состояние, вошедшее в историю жизни писателя, как «Арзамаский ужас» потрясло Толстого. Он часто мысленно возвращался к этому событию. Через много лет написал «Записки сумасшедшего», отразив в блестящем рассказе муки охватившего страха. Новелла осталась незаконченной, несмотря на частые возвращения к ней. Была опубликована через два года после смерти Льва Николаевича. Рассказ ведется от первого лица: Герой, как и автор, едет покупать имение, останавливается на ночёвку в Арзамасе, ложится, ненадолго погружается в дрёму, но скоро пробуждается и его охватывает необъяснимая тоска. Он выходит в коридор, но легче не становится. «Да что это за глупость, — сказал я себе, — чего я тоскую, чего боюсь». — “Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». От этого слабого голоса герой замирает. Голос смерти? «Да, смерти. Она придёт, она вот она, а её не должно быть».

Приступив к написанию «Записок сумасшедшего», писатель читал специальную медицинскую литературу, встречался с врачом – психиатром Павлом Ивановичем Ковалевским(1850—1931), редактором журнала « Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», наблюдал за поведением больных в профильной лечебнице, разговаривал с ними. Хорошо известно, что Толстой в творчестве отталкивался от реальных событий. Так описание первых родов Кити Щербацкой в романе «Анна Каренина», близко по тексту к дневниковым записям С.А. и Льва Николаевича. Писатель не только анализировал, но запоминал услышанные и заинтересовавшие мысли и действия знакомых. Очень тщательно, без утайки, откровенно фиксировал собственные ощущения и переживания. В этом плане чтение писем, дневников – неоценимая возможность проникновения в творческую лабораторию писателя. Лев Николаевич Толстой – один из немногих как бы выпускает в «святую святых творческого

процесса». Возможно, впускает, но что бы разобраться, нужно быть Толстым...

Продолжая, идя за автором, читать «Записки сумасшедшего», обнаруживаешь следы личных переживаний, не только «Арзамасского ужаса». Вспомним, разговор в детской: « За что они его били (Христа И.Л.)? Он простил, да за что они его били. Больно было. Тетя, больно ему было? А может быть, это неправда, его не били.

Ну будет.

И опять на меня нашло, рыдал, рыдал, потом стал биться головой об стенку. Так это находило на меня в детстве». Нечто подобное – ранимость звучит в автобиографической трилогии. В детстве он часто плакал не от боли, а от жалости, « беспредельной потребности любви». Братья подраживали, называя «девочкой», а домашние – Лева-рева». Это свойство сохранялось на протяжении жизни. П.И. Чайковский вспоминал, что слушая анданте его первого квартета, Толстой заплакал. Ни до, ни после авторское самолюбие по утверждению композитора не было столь высоко вознаграждено. Известная родным реакция на понравившееся музыкальное произведение отмечена другом и частым гостем, Ясной Поляны пианистом Александром Борисовичем Гольденвейзером. Он вспоминал, как слушал Лев Николаевич стихи. « Он лежал на спине, судорожно сжимая пальцами, край одеяла и тщетно старался удержать душившие его слезы. Несколько раз он прерывал и начинал сызнова. Но наконец, когда он произнес конец первой строфы: «все во мне и я во всем» голос его оборвался» Многим, в том числе Гольденвейзеру, запомнился «детский» искренний смех Толстого. Писатель был очень восприимчивым человеком с подвижными эмоциями, перепадами настроения.

Лев Николаевич, кажется, прожил не одну, а много жизней - так существенно отличается друг от друга юность, зрелость, старость. Но есть и общее: самоуглубленность, терзания совести, попытка видеть себя со стороны.

Вслед за братьями Лев Николаевич поступил в университет, но не закончил. Ему было скучно заучивать и повторять. Семинарист Поплонский, готовивший братьев

Толстых к поступлению в университет написал: « Лев не хочет и не может». Здорово! Покидая университет, Лев Николаевич должен был по правилам

явиться к управляющему казанским учебным округом. И вот, что услышал: «было бы очень печально, если бы ваши выдающиеся способности не нашли применения». Управляющим округом в ту пору был знаменитый математик Н.И. Лобачевский(1792—1856). Увидел, понял, предвидел! А семинарист?!

Несмотря на сиротство, Лев Николаевич рос в любви среди родных людей. Вел жизнь, соответствующую положению молодого человека, графа, помещика. Светская жизнь, балы, рауты увлечения, карты с большими проигрышами и...служба в армии, смелость в сражениях, «все смешалось» в одном человеке.

Между тем в нем непрестанно шла напряженная внутренняя работа. Он искал, находил, отвергал...страдал, болел.

Жизнь каждого человека, Лев Николаевич не исключение, складывается из тревог и радостей, здоровья и болезни, неизбежного общения с медиками.Врачебная тема широко представлена в творчестве и, конечно, медики в силу жизненных обстоятельств часто посещали Толстого в Ясной Поляне, в Хамовническом переулке, Крыму и других местах. Не только Лев Николаевич, но и члены его большой семьи обследовались врачами в России и за ее пределами. Известно, что Лев Львович обращался к парижским врачам; профессору Потэну (1825-1901), члену академии наук, врачу – психиатру и невропатологу Бриссо (1852-1909) по поводу недомогания, на чем настаивал Лев Николаевич. 16 февраля 1894 года он писал из Москвы: «Тревожит нас, что от тебя, Лева, нет писем давно. - Есть тут доктор Викторов, который очень не одобрил твое обращение к Potain, а советует обратиться к Brissaud, наследнику Charcot, специалисту по нервным болезням». Виктор Петрович Викторов (1853- ?) на чье мнение ссылается Лев Николаевич, был уважаемым врачом, специалистом по внутренним болезням и психиатрии. Он открыл в Москве в 1841 году на Погодинской улице клинику нервных болезней.

В то же время, у Толстого порой проявлялось, труднообъяснимое, отношение к болезням. Привожу письмо сыну Илье Львовичу от 31 декабря 1906 года, Ясная Поляна: «Бедный и жалкий Илья. Болезнь как состояние, удаляющее нас от соблазнов и приближающее нас к смерти, очень полезное состояние. Советую тебе как можно лучше использовать его. Прощай, желаю тебе подольше и поплодотворнее поболеть»

Думается, приведенные отрывки из писем сыновьям, написанные с разницей в 20 лет отражают мучительную двойственность Льва Толстого, произошедшие мировоззренческие перемены, трудные поиски истины. Так, после «Анны Карениной», появилось «Воскресение», «Крейцера соната», «Отец Сергей» с одной стороны- «Дьявол» и «Хаджи Мурат с другой!»

Длительная дружба связывала Толстого с одним из лучших врачей России того времени профессором Московского университета Григорием Антоновичем Захарьиным (1829 —1897). Доктор Антон Чехов считал Захарьина в медицине сопоставимым по уровню с Толстым в литературе. Добрые личные отношения были у Льва Николаевича со многими врачами, оказывавшими помощь ему и членам семьи. Общение с врачами, обсуждение, дискуссии помогали уяснить биологические особенности всего живого, ход эволюции и еще много разного. Следует говорить не о НЕПРИЯТИИ МЕДИЦИНЫ, (выделено мною И.Л.) а собственном отношении писателя – мыслителя к болезни, резервным возможностям организма, жизни и смерти.

Тем не менее, неизменно тиражируется негативное отношение Льва Толстого к медицине в целом. Но не все так однозначно. Из дневниковых записей литературоведа Владимира Федоровича Лазурского, с 1894 года жившего в семье писателя в качестве учителя сыновей Андрея и Михаила, ясно, что нелестными эпитетами Лев Николаевич аттестовал частнопрактикующих врачей. В его представлении эти доктора лечили только имевших возможность заплатить, что претило представлениям писателя. Известный педиатр, историк медицины Эсфирь

Мироновна Конюс (1896-1964) приводит еще одно высказывание Толстого, записанное Лазурским: «Пока медицина служит богатым классам, она представляет какой-то безнравственный порядок, при котором купчиха, имеющая возможности выписать Шарко из Парижа, вылечивается, а жена дворника, страдающая такой же болезнью, даже в меньшей степени, умирает, так как никто не придет ей на помощь». Приведенные мысли не случайны, отражают взгляды писателя, его жизненные принципы. Ему трудно говорить о пользе медицины в стране, где от дифтерита спасают «одно дитя из тысячи тех детей, которые без дифтерита нормально мрут в России» - до 50% в бедных семьях и 80% в воспитательных домах. Конечно, цифры впечатляющие и не располагают доброму отношению к врачам. Но виноваты не врачи, а социальная реальность. Прочитав в «Войне и мире» о ранении князя Андрея, Антон Павлович Чехов написал Суворину 25 октября 1891г.: «Если б я был около князя Андрея, то я бы его вылечил. Странно читать, что рана князя, богатого человека, проводившего дни и ночи с доктором, пользовавшегося уходом Наташи и Сони, издавала трупный запах. Какая паршивая была тогда медицина! Толстой, пока писал свой толстый роман, невольно должен был пропитаться насквозь ненавистью к медицине». Доктор Чехов знал, что за прошедшие несколько десятилетий медицина шагнула вперед и могла больше. Но, если посмотреть с сегодняшнего дня в чеховское время, то все выглядит достаточно грустно и уныло. Впрочем, такова реальность: все течет, все меняется.

С 80-х годов крестьянам Ясной Поляны семья Толстых начинает оказывать медицинскую помощь. В это время у Льва Николаевича еще не было постоянно живущего в доме врача, в обязанности которого входило оказание помощи яснополянским крестьянам. Этим первоначально занималась Софья Андреевна и надо подчеркнуть с благословения, «презирающего медицину» мужа. К ней обращались по разным поводам, с разными жалобами. В «Моей жизни» Софья Андреевна рассказывает о том, как помогала больным и увечным, откуда черпала умение: «Отчасти вынесла я кое-какие знания из моего

родительского дома, отчасти научилась от докторов, лечивших в нашем доме, уже когда я вышла замуж, а то справлялась по лечебникам, особенно по Флоринскому» (1834 – 1899). (Имеется в виду- «Лечебник для нар. употребления, напис. орд. проф. Казан. ун-та В.М. Флоринским Казань : Унив. тип., 1880») И далее: «Рецепты докторов я всегда берегла и по ним, зная, в каких случаях употреблялись лекарства, я их брала для своих больных». Лев Николаевич поощрял усилия жены помогать крестьянам, радовался успехам. « ...Он (мужикИ.Л.) говорил, что знает одного мужика, которого все лечили, и никто не вылечил, а ты вылечила. Мне лестно даже было». Софья Андреевна, несомненно, нередко помогала. В современных поликлинических кабинетах в компьютерной программе предусмотрены схемы лечения при некоторых распространенных видах патологии, иногда указывается совместимость препаратов. (защита от некомпетентности?! И.Л.)

Толстой многократно выступал в печати, привлекая внимание к пользе кормления детей грудным молоком. В Ясной Поляне в созданном и патронированном писателем издательстве «Посредник» печатались научно – популярные брошюры, в которых излагались важные для общества положения санитарно - профилактического характера. Лев Николаевич внимательно и тщательно относился к выбору авторов, пишущих для «Посредника». Он предварительно общался с врачами и только после этого заказывал публикацию. Например, Е.А.Покровский(1838—1895), один из основателей отечественной педиатрии, главный врач первой детской больницы в Москве, подготовил по просьбе Льва Николаевича две брошюры: «Первоначальное физическое воспитание детей» и «Полезна ли соска?» Естественно, все подлежащее печатанию проходило жесткую редакторскую правку Толстого после консультации с автором.

Хорошо известно мнение Льва Николаевича о недопустимости сосредотачивать внимание на одном большом органе, а думать о человеке в целом. Не случайно в «Войне и мире» описан великий врач М.Я. Мудров (1776-

1831). Известна его максима: «Лечить не болезнь, а больного». Трудно возражать против этого совершенно справедливого утверждения. Предполагая издавать «картинки героя с надписями», (рабочее название) Толстой заказал И.Е. Репину портрет врача Ильи Ивановича Дуброво(1843—1883), ординатора военного госпиталя, погибшего от дифтерии. Доктор заразился от больного при отсасывании дифтерийных пленок. Вскоре замыслы писателя изменились, но первым, о ком хотел написать Лев Николаевич был один из многих врачей, гибнущих на работе.

Дуброво считается прототипом доктора Дымова в рассказе Чехова «Попрыгунья». Доктор Чехов лично знал Илью Ивановича, скорбел о трагедии. Так причудливо переплетаются дела и замыслы великих художников.

Большую семью Толстого не обходили невзгоды и болезни, поэтому врачи часто приезжали, а нередко постоянно жили в семье писателя. Известно, что кроме Г.А. Захарьина Лев Николаевич дружески относился и доверял докторам Владимиру Андреевичу Щуровскому (1852- 1931), лейб- медику Льву Бернардовичу Бертенсону (1850 – 1929), Павлу Сергеевичу Усову (1867–1917), Григорию Моисеевичу Беркенгейму (1872–1919), семейному врачу Толстых в 1903 году и не только им...Особая роль в жизни Толстого принадлежит домашнему врачу Душану Петровичу Маковицкому, с кем писатель отправился в последнее путешествие...

Профессор Щуровский позднее обвинял Душана Петровича за непринятие мер против ухода Толстого из Ясной Поляны...

В 1901 году Лев Николаевич тяжело заболел. Простуда? грипп? туберкулез? осложнились воспалением легких и плевритом. Писатель очень ослабел и по совету врачей выехал в Крым. По предложению графини Светланы Владимировны Паниной(1871 -1956) Лев Николаевич с семьей поселились на ее пустовавшей даче. В довершении страданий ослабленный болезнями Лев Николаевич заболел тифом.

Для врачебного наблюдения был приглашен доктор Дмитрий Васильевич Никитин (1874— 1960). 30 марта 1902 года доктор приехал в Крым ко Льву Николаевичу. Софья Андреевна записала в дневнике 23 октября: «Пережила тяжелое время болезни Л. Н.. Его доктор Никитин очень разумно лечил, делал ванну, горячее на живот»... Лев Николаевич познакомился с Никитиным в 1900 году в клинике профессора А.А. Остроумова, в которой молодой врач в то время был ординатором. Никитин оставался в Ясной Поляне в качестве домашнего врача с 30 марта 1902 г. по сентябрь 1904 г., а во время отсутствия с 1 февраля по 2 июня 1903 г. его замещал Эразм Леопольдович Гедговт. По мнению Александры Львовны Толстой, пережившей увлечение Гедговтом, он круто обходился с больными, покрикивал. Впоследствии доктор - морской врач, погиб в 1904 году на фронте во время русско- японской войны.

В девятисотые годы в Крыму по воле судьбы и случая жили и работали Антон Павлович Чехов, Алексей Максимович Горький, врач – писатель Сергей Яковлевич Елпатьевский, (1854 – 1933) И.А. Бунин, А.И. Куприн и другие. Каждый из них стремился оказать посильную помощь Льву Николаевичу, увидеть и услышать великого писателя.

Болезнь Льва Николаевича привлекала внимание друзей писателя, многочисленных почитателей. В Крыму его лечили девять врачей, каждый из которых делал все возможное для спасения Толстого. Многие из них оставили воспоминания, что позволяет в определенной степени реконструировать, во – первых ход болезни и во- вторых прояснить отношение великого писателя к врачам, медицине и, что важнее к жизни и смерти. Одним из мало известных докторов был Константин Васильевич Волков (1871 -1938), выполнявший обязанности земского врача в Крыму. Позднее, в 1935 году он стал доктором медицины. Хороший врач, добрый человек он был приятен Льву Николаевичу. Его с нежностью вспоминала Софья Андреевна.

Трудно четко определить распределение обязанностей врачей, лечивших Льва Николаевича в Крыму. Между тем, известно, что при каждой серьезной болезни Толстого его

осматривали разные специалисты. Если болезнь развивалась в Ясной Поляне, то обычно, кроме тульских врачей и (личного врача, если он в ту пору был) непременно приглашали профессоров из Москвы и Петербурга. Пациентом Толстой был неровным, но все же выполнял назначения врачей. Доверял немедикаментозным средствам: банкам, компрессам, особенно охотно выполнял применение «мушек». Лев Николаевич высоко ставил защитные силы организма, способные одолеть болезнь. Встречался с И.И. Мечниковым, но позиции их существенно различались.

Болезнь Льва Николаевича в Крымский период (1901- 1902) жизни достаточно полно известна, благодаря подробным врачебным записям, особенно Исаака Наумовича Альтшуллера (1870—1943) и Сергея Яковлевича Елпатьевского (1854 – 1933). К Альтшуллеру Толстые обратились по совету Антона Павловича Чехова, полностью доверявшего доктору.

Через много лет сын Исаака Наумовича, врач Григорий Исаакович в Чехии по настойчивой просьбе Марины Цветаевой, не будучи акушером, присутствовал и помогал при родах Мура. В семье Альтшуллеров в Праге будет жить некоторое время Сергей Эфрон.

Семидесятирехлетний Толстой при первой встрече произвел на Альтшуллера тяжелое впечатление: « В постели лежал дряхлый старичок; беззубый рот; широкий приплюснутый нос, очень большие, высоко посаженные уши...поразили только пристально установившиеся на меня глаза...Под этим взглядом, я убежден, лгать, говорить неправду было бессмысленно». Практически все пишущие о Толстом отмечают пронизывающий, изучающий собеседника взгляд. Лев Николаевич рассказал Исааку Наумовичу о своей болезни, рассказ постоянно дополняла Софья Андреевна. Доктор узнал о перенесенной малярии, которая все еще давала о себе знать, о приступе стенокардии, диагностированной В.А. Щуровским еще при осмотре Льва Николаевича в Ясной Поляне. Затем Альтшуллер осмотрел Толстого, обнаружил увеличенную селезенку, заподозрил цирротические изменения в печени, определил расширение сердца и склероз сосудов. Назначил лечение. От инъекций

мышьяка поначалу Лев Николаевич отказался, но уже через несколько дней при очередном визите, сам напомнил о мышьяке. Примерно в таком ритме проходило лечение: отказ от каких-то препаратов и затем согласие их принимать. Многое зависело от состояния здоровья, тонуса, надежд и разочарований. Иногда на фоне доброго отношения к лечащим врачам звучало неуважительное мнение об ученых, медицине: «глуп, как профессор. Чем учение, тем глупее». Или в другой раз: « как могут врачи лечить: вино пьют, табак курят, мясо едят». Как-то очнувшись после тяжелого приступа, попросил прощения у Альтшуллера: « Я был неправ. В камфару я верю и в касторку...». Неровность во взаимоотношениях с врачами отражает неровность характера писателя, его постоянные размышления и поиски.

Интересные воспоминания оставил доктор С.Я. Елпатьевский, перекликающиеся с заметками других врачей, в частности Альтшуллера: «Утром и вечером мы устраивали консилиум, и один из нас поочередно оставался на ночь. Лев Николаевич был покорный и безропотно переносил все то, что мы назначали ему: и компрессы, и мушки, и впрыскивания под кожу и лекарства.

Мне кажется, что и отношение к медицине у него было, так сказать, крестьянское. Он, так же как крестьяне, признавал только серьезное лечение, действенное, очевидное, показательное. Он сколько угодно позволял себя выстукивать и выслушивать, хотя ему было тяжело, и с помощью других держал свое тело на весу, охотно измерял температуру, охотно ставил спиртовые компрессы. В особенности, кажется, уважительно относился он к мушкам, и, сколько мы ни терзали его, он никогда против мушек не протестовал,— и мне думается, не только потому, что мушки всегда сказывались значительным эффектом и улучшали его состояние, а и потому, что мушки вообще «серьезное» средство, которое и у крестьян в большом почете. Но он глубоко презирал всякие «микстуры», и на почве этого у меня вышло даже с ним недоразумение, единственное за все время лечения».

Вот, что произошло в одну из тревожных крымских ночей: «Среди ночи, когда пришло время для очередной

ложки дигиталиса, Лев Николаевич отказался принять, и не помогли никакие мои просьбы и убеждения. Я дал ему ложку шампанского, но, когда и в следующую очередь он заявил, что он вообще дигиталиса принимать не будет, я со всей деликатностью сказал ему фразу, которую долго обдумывал:

— Лев Николаевич, помогите нам лечить вас и не делайте моего пребывания здесь излишним.

Он, очевидно, очень рассердился и раздраженно, угрюмо ответил:

— Выпью... Только уйдите». И выпил!

Известно, что в прежние годы по совету профессора Захарьина Лев Николаевич несколько раз ездил на кумысолечение для лечения туберкулеза. К лечению кумысом Толстой относился с доверием. По предположению доктора Валентина Коровкина №37(923), 10 Сентябрь 2009г. у Толстого было доброкачественное течение инфильтративной формы туберкулеза. В родительской семье Льва Николаевича братья и другие близкие родственники страдали этим недугом, его всю жизнь опасался писатель.

Прошло время. Лев Николаевич поправился, вернулся в Ясную Поляну. И вновь, как прежде, звучали неприятные слова по отношению к врачам.

Софья Андреевна (1844—1919) 1 июля 1903 г. записала в дневнике: “Сегодня отвратительный разговор за обедом. Л. Н. с наивной усмешкой, при большом обществе, начал обычно бранить медицину и докторов. Мне было противно (теперь он здоров), но после Крыма и девяти докторов, которые так самоотверженно, умно, внимательно, бескорыстно восстановили его жизнь, нельзя порядочному и честному человеку относиться так к тому, что его спасло... Наш тяжелый разговор 1 июля 1903 года не есть случайность, а есть следствие той лжи и одиночества, в которых я жила” (С. А. Толстая. Дневники. Т. 2. 1901—1910. М., 1978, с. 93).

Тот же эпизод в пересказе Александры Львовны: « Был неприятный разговор за обедом. Разговаривали о медицине, и папа сказал, что в медицину можно верить или не верить, как можно верить или не верить в Иверскую. Мама сразу перевела разговор на личную почву. Стала

говорить о том, что папа спасли в Крыму доктора, что если бы он не верил в медицину, он мог бы не лечиться и не глотать такое количество облаток и т. п. и т. д. Папа, конечно, страшно взволновался и сказал: “Я знаю много людей, которые не верят в церковь, а ходят туда только потому, что боятся огорчить близких» («Октябрь» 2001, 9 Дневник Александры Толстой)

Еще много тревог и болезней выпало на долю Льва Николаевича. Как всегда его лечили врачи, трепетно относящиеся к великому пациенту. Толстой много лет страдал заболеваниями желудочно –кишечного тракта, что по мнению Софьи Андреевны было одной из причин отказа от мяса. Но это ей, по-видимому, только казалось. Еще осенью 1865 года Лев Николаевич пишет доктору А.Е. Берсу: «Есть в Петербурге профессор химии Зинин, который утверждает, что 99 из 100 болезней нашего класса происходит от объедения. Я думаю, что это великая истина, которая никому не приходит в голову и никого не поражает только потому, что она очень проста». Мысль об объедении как причине болезней совпала со спадом творческой активности, снижением жизненного тонуса и в таком виде закрепилась. Лев Николаевич стал вегетарианцем, что послужило одной из причин мировоззренческих изменений.

Последние годы, несмотря на ослабление физической активности, частые недомогания, Лев Николаевич стремился сохранять прежний образ жизни, не отказываться от верховой езды, что давалось с трудом. Несколько раз он падал с лошади, случались потеря сознания. Повторяющиеся припадки, нередко судорожные с последующей амнезией, волновали членов семьи и врачей. До сих пор дебатруется вопрос о характере приступов, их причине: сосудистой, истерической, или эпилептической.

Во все периоды длинной жизни Лев Николаевич вопреки желанию был связан с врачами. Почему отношение к врачам было столь переменчивым? Что мешало и что примиряло? Нет четкого ответа на этот вопрос. Был ли он у Толстого или отличался изменчивостью под влиянием обстоятельств? Несомненно, однако, что Лев Николаевич требовал от медика внимания к пациенту, хотя бы во время

осмотра. « Работа докторов могла бы быть хорошая, если была бы одухотворена». Медицина, как она представляется Толстому, слишком занята телом, не уделяя достаточного внимания духу, тону. Можно ли возражать? - нет, конечно. Лев Николаевич правдиво и предельно четко описывал болезни героев в художественных произведениях, врачебные осмотры и т.д. Не случайно, некоторые симптомы, например интерференция (распространение) боли раньше описана Толстым в « Смерти Ивана Ильича», а потом симптом вошел в учебники. Нельзя забывать и о недостаточной эффективности лечебных процедур, что вызывало недоверие.

Лев Николаевич размышлял о смерти, страшился ее, отвергал и думал: « Все мы пассажиры в этой жизни. Но один только входит в свой поезд, а другие, как я схожу».

Уход или бегство из Ясной Поляны ночью явилось кульминацией длительных, непростых размышлений и колебаний мыслителя Толстого. Он долго жил в состоянии мучительного раздвоения и это тяготило. Ушел... навстречу смерти. Есть предположение о подсознательном предвидении им конца и желании встретить финал в соответствии с убеждениями.... Кто знает? Кто может утверждать?

В какой – то мере трагическая развязка была предрешена. Ночная поездка в плохую погоду в состоянии крайнего нервного возбуждения, страх погони – не способствуют здоровью. Как можно было надеяться остаться незамеченным... великому Льву Толстому?

На небольшой станции Астапово в окружении близких людей, приехавших из столиц врачей, окончилась жизнь одного из величайших людей планеты.

Последние слова: « Люблю истину».

Литература

Альтшуллер И.Н. Воспоминания о Толстом Новый журнал,1942,2

Басинский Павел — Лев Толстой: Бегство из рая
Издательство Астрель 2010

Вересаев В.В. Лев Толстой «Русская литература и фольклор» 1978, стр.284

Вересаев В.В. Живая жизнь Лев Толстой Собрание сочинений

Гусев Н.Н. Два года жизни с Л.Н. Толстым
Художественная литература, Москва,1974

Елпатьевский С.Я. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом в книге Толстой в воспоминаниях современников Москва 1978 г

Ларинский Николай Лев Толстой и Медицина .
<http://uzrf.ru/publications/publicistika/nikolay-larinsky-tolstoy-i-medicina/>

Маковицкий Д. П У Толстого, 1904 - 1910:
"Яснополянские записки". - М.: Наука, 1979. - (ЛН; Т. 90, кн. 1 - 4).

Никитин Д. В. Последние часы Льва Толстого
Яснополянский сборник. Тула, 1960. С. 185 - 192

Новак Ф. Мои лучшие годы Доктор Альтшуллер и Л.
Толстой Слово «Word» 2005,47

Порудоминский Владимир Если буду жив или Лев
Толстой в пространстве медицины Санкт – Петербург,
Алетейя 2014

Полнер Т.И, Лев Толстой и его жена. История одной
любви http://dugward.ru/library/tolstoy/polner_lev_tolstoy.html

Сегалин Г.В., К патологии Льва Толстого,
Клинический архив гениальности и одаренности с. I-XXIII

Толстой Л.Н. в воспоминаниях современников в двух
книгах Художественная литература. Москва 1978 г.

Толстой Лев Николаевич Дневники Толстой ru - сайт
о Л. Н. Толстом

Толстой Л.Н. Собрание сочинений ,т.12 изд.
Художественная литература»Москва, 1964

Толстая С.А. Моя жизнь в двух томах 2011, изд.
Кучково поле

Толстая С.А. Моя жизнь Новый мир 1978, 8 Москва
1978 г

БИОГРАФИЧНОСТЬ ТОЛСТОГО Croat. Slav. Iadert.
iv (2008), 497-511

Марина Цветаева

Трагедия поэта

Цветаевы одна из выдающихся семей России, оставивших огромный след в истории страны. И при этом трудно найти семью со столь неоправданно, непоправимо трагической судьбой.

Марине Цветаевой (1892 – 1941), лучшему поэту XX века по утверждению Лауреата Нобелевской премии по литературе Иосифа Бродского, посвящены многочисленные исследования и жизнеописания. Тем не менее, сложный душевный мир поэта по-прежнему остается загадочным и в достаточной мере непонятым.

Трагический финал, случившийся в Елабуге заставил по-другому, взглянуть на перипетии жизни Марины Цветаевой. Как ни горько, осмысление приходит с опозданием.

Известно, что личность любого индивидуума, так задумано природой, складывается из сочетания наследственных факторов и внешних обстоятельств. Что важнее, что определяет поведенческие реакции по сей день служит предметом дискуссий и скрупулезного анализа разными специалистами на пересечении наук.

Сложная жизнь Марины Цветаевой, на наш взгляд, обусловлена наряду с драматическими внешними обстоятельствами, в определенной мере наследственными особенностями. Поэтому привожу сведения о родителях поэта с робкой надеждой что – либо прояснить.

Отец семейства Иван Владимирович Цветаев после длительных упорных усилий, подвижнического труда, преодоления невероятных сложностей создал в Москве Музей изящных искусств, в современном звучании - Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Сложно вообразить, как сыну бедного священника из деревни Шуя Владимирской губернии, удалось достичь европейской известности, стать крупным ученым - филологом, искусствоведом. Первоначально Иван

Владимирович предполагал продолжить семейную традицию. Цветаев шесть лет учился в Шуйском духовном училище, после чего еще шесть лет во Владимирской семинарии. И только после 12! лет учебы в духовном училище и семинарии, резко изменил жизнь, поступил и окончил в 1870 году классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Коротким эпизодом было годичное обучение медицине в университете. Даже из беглого перечисления занятий Ивана Владимировича видно, как серьезно и вдумчиво он относился к выбору профессии. Сколько зигзагов пришлось преодолеть в поиске дела всей жизни. Все знавшие Ивана Владимировича отмечают добрый нрав и полную погруженность в профессиональные заботы, не оставляющие ни на что другое душевных сил.

Мать Марины Цветаевой Мария Александровна Мейн, по матери принадлежала к древнему польскому роду Бернацких. В дворянском гербовнике, в шестой его части имеется и родовой герб Бернацких.

В щите, имеющем красное поле, изображена ветвь с серебряной розой. Щит увенчан обыкновенным дворянским

шлемом с дворянской короной, на поверхности которой также видна ветвь с розой. Марина Цветаева пишет о гербе: Герб Бернацких — мальтийская звезда с урезанным клином (— счастья!) Я всегда, не зная, мальтийскую звезду до тоски любила. Из письма Вере Муромцевой – Буниной в 1933 году: «Узнала об отце прадеда (после знакомства в Парижской богадельне с родственниками матери): Александре Бернацком, жившем 118 лет (род. в 1696 г., умер в 1814 г.), застав четыре года XVII в., весь XVIII в. и 14 лет XIX в, т. е. всего Наполеона! Прадед — Лука Бернацкий — жил 94 года. Зато все женщины (все Марии, я — первая Марина) умирали молодые: прабабка графиня > Ледуховская (я — ее двойник), породив семеро детей, умерла до 30-ти лет, моя бабушка — Мария Лукинична Бернацкая — 22 лет, моя мать, Мария Александровна Цветаева — 34 л<ет>. Многое и другое узнала, например > что брат моей прабабки был кардиналом и даже один из двух кандидатов в папы. В Риме его гробница, та старушка (мне рассказывавшая) видела».

Древний дворянский род матери и священнический отца, отмечала Марина Цветаева в известном стихотворении:

«Обеим бабкам я вышла - внучка:

Чернорабочий - и белоручка!»

Мария Александровна Мейн осиротела в три с половиной недели, воспитывалась отцом и приглашенной из Швейцарии гувернанткой. Маленькая Маша ладила с гувернанткой, любила отца. Александр Данилович - потомственный дворянин, внесенный в шестую часть (древнее дворянство)) дворянской родословной книги Петербургской губернии, а в 1881 году – в третью часть (выслуженное дворянство) дворянской родословной книги Московской губернии. Окончил кадетский корпус. Занимал важные должности в Москве, а 1883- 84 году даже претендовал или думали, что будет претендовать на должность Московского генерал -губернатора. Одно время был членом совета Международного банка, директором Московского земельного банка, директором Коммерческого страхового общества. Дружески общался с Андреем Евстафьевичем Берсом, отцом Софьи Андреевны Толстой. Был знаком и с Львом Николаевичем, считавшим его умным

и толковым человеком. Впрочем, их личные отношения не сложились. Кроме того, Александр Данилович был обозревателем ряда Московских газет, сотрудничал с «Русскими ведомостями». Мейн собрал огромную библиотеку, а так же коллекцию античных слепков; и то, другое подарено им городу. В воспоминаниях Марина Цветаева отмечала доброту деда Мейна, почему – то запомнились принесенные им бананы. Так случилось, что коллекцию античных слепков усердно создавал и Иван Владимирович, заказывая и закупая их при зарубежных поездках для строящегося музея, то есть коллекции деда и отца Цветаевой составили основу нового музея.

Возвратившись из эмиграции, переезжая из квартиры на квартиру, бесприютная, мечущаяся в вечном поиске жилья и заработка, Марина Ивановна не раз вспоминала сделанное ее отцом и дедом для России: Библиотеку, огромную, трудо и трудноприобретенную, не изъяв ни одного тома, отдал (отец- И.Л.) в Румянцевский музей. Библиотеку (свою и дедовскую) тоже отдала в музей. Так, от нас, Цветаевых, Москве было три библиотеки. Отдала бы и я свою, если бы за годы Революции не пришлось продать».

Мария Александровна Мейн получила прекрасное домашнее образование, знала европейские языки, была разносторонне талантлива. Она замечательно рисовала, занималась живописью у блестящего художника Петра Карловича Клодта, писала стихи, но подлинной страстью была музыка. Мария Александровна очень успешно училась музыке у Н.А. Муромцевой, (1848- 1909) одной из лучших учениц Николая Рубинштейна, заслужившей похвалу самого! П.И. Чайковского. Маше Мейн прочили блестящую карьеру. И только семейные обстоятельства, скорее предрассудки, помешали стать профессиональной пианисткой. Юная Мария Мейн влюбилась в женатого или некоторые исследователи уточняют, несвободного юношу, что вызвало гнев отца и запрет на продолжение знакомства. Тяжелая травма не прошла бесследно, оказав влияние на последующую жизнь и поведенческие реакции. По воспоминаниям Марины: «Была мать неуравновешенна, требовательна, презрительна, деспотична характером и

жалостлива душой». Мария Мейн была из породы натур суровых, приговоривших себя к невезению. (Бояджиева Людмила. «Марина Цветаева»). В качестве иллюстрации - запись из дневника Марии Александровны: «Разве мы живем? Неужели это жизнь, без смысла, без цели?– Скучно! Я, например, в материальном отношении имею всё, чего только можно желать, но всё-таки это не удовлетворяет... я хочу жить, а это ведь – прозябание!»

Дом Цветаевых с приходом Марии Александровны из открытого к общению, вечно поющей Варварой Иловойской (первая жена Цветаева) превратился в строго зарегулированную обитель спартанского типа.

Обе дочери – Марина и Анастасия получили сначала домашнее образование, а затем учились в известной гимназии Брюхоненко. Марина в 5-6 лет начала рифмовать не только на русском языке, но складывала стихотворные строки на французском и немецком языках. По воспоминаниям Марины мать ею гордилась, а любила Анастасию, Асю. «Недолюбленность» - мучила Цветаеву с детства. Не важно, так ли было, так воспринималось и больно ранило. Мария Александровна с ненужным упорством заставляла Марину заниматься музыкой, дабы дочери удалось то, что не получилось у нее. Марина была разносторонне талантлива: сохранились ее единичные рисунки, указывающие на незаурядную одаренность.

«Ноты мне – мешали: мешали глядеть, верней не глядеть на клавиши, сбивали с напева, сбивали со знания, сбивали с тайны, как с ног сбивают, так – сбивали с рук, мешали рукам знать самим, влезали третьим, тем „вечным третьим в любви“ из моей *поэмы* (которой по простоте – ее, или сложности – моей, никто не понял) – и я никогда так надежно не играла, как наизусть.

Марина боготворила мать, старалась ее не огорчать, но призвание было неумолимо, не оставляя выбора.

Болезнь матери, выезд для лечения в Европу на несколько лет, в корне изменил привычный московский уклад, разорвал начавшиеся у 8-10 летней Марины дружбы. Сестрам приходилось менять учебные заведения, жить и учиться в интернатах, каждый раз привыкать к новым преподавателям, соученикам, местным особенностям (выделено мною И.Л.). Хорошее знание языков избавляло от словесных преград, но не избавляло от душевных. Для девочки с тонкой душевной организацией перемещения по странам с больной матерью, сохранявшей прежние установки, требовало большого напряжения. Еще больший стресс случился после смерти матери. Прежняя жизнь рухнула. Отец, занятый музеем, подавленный смертью жены, не смог создать семейную, уютную атмосферу в доме. По свидетельству родственников и друзей, девочки пользовались почти неограниченной свободой. Так Иван Владимирович не знал, попросту не заметил поездку Марины и Аси на похороны Льва Толстого.

В 1910 году Марина тайно от отца издала на свои деньги первый стихотворный сборник «Вечерний альбом». В московском издательстве «Мусагет» Марина Ивановна познакомилась с Максимилианом Волошиным и подарила ему только что вышедший стихотворный сборник. Через день он появился в доме Цветаевых, гадал по руке... Посвятил юной поэтессе строки:

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца.

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты, как я,
Что мы в кольце одной неволи,
В двойном потоке бытия.

Волошин написал о «раздвоенье линий воли» и «двойном потоке бытия». Как не поверить в особость поэта, в дар предвидения!

Изданный тиражом в 500 экземпляров, в «Типографии А.И. Мамонтова» «Вечерний альбом» стал известен поэтам и любителям поэзии. Цветаева посвятила книгу памяти Марии Башкирцевой, памяти ее знаменитого «Дневника». По сути «Вечерний альбом» явился объяснением в стихах с молодым поэтом, переводчиком Львом Эллисом – Кобылинским (1879-1947), был своеобразным дневником юной Цветаевой,

Появились положительные рецензии. Кроме Максима Волошина откликнулся и Николай Гумилев в «Письмах о русской поэзии» - «Марина Цветаева (книга «Вечерний альбом») внутренне талантлива, внутренне своеобразна...Многое ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, например, детская влюбленность: ново непосредственное, бездумное любование пустяками жизни. И как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что это книга – не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов...» В рецензии Мариэтты Шагинян «Самая настоящая поэзия», через год после выхода первого цветаевского сборника, отмечается: «...отсутствие риторики, обдуманность и самостоятельность в выборе тем; почти удивительно для начинающего поэта отсутствие заметных влияний модернистов. Видна хорошая поэтическая школа, и при всем том нет ни заученности, ни сухости наших молодых поэтов» В целом положительный отзыв написал и строгий В.Брюсов. Но некоторые замечания огорчили молодого поэта, и в новом сборнике «Волшебный фонарь» (1912), она ему ответила.

Улыбнись в моё «окно»,
Иль к шутам меня причисли, -
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.

<http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/literaturoznavstvo2/13.html>

Цветаева быстро стала читаемой, знаменитой, известной. Дружба с Волошиным, пребывание в гостеприимном Доме в Коктебеле, нежные отношения с матерью поэта, знаменитой Пра, раскрепостили юную Цветаеву, позволили ощутить многоцветие жизни. Здесь же в Коктебеле она встретила с молодым, красивым, романтичным, Сергеем Эфроном. Семья Эфрон – Дурново, ее идеалы, верность народовольчеству, бескомпромиссность не могли не взволновать воображение романтической, свободолюбивой девушки. Марина полюбила благородного юношу, поверила в него, сочла встречу судьбоносной. Вскоре они поженились. Больной туберкулезом Сергей продолжил лечение, окруженный преданным уходом жены. При всех сложностях их жизненного пути, увлечениях, раздорах, драматических встречах после разлук в чем-то главном для них, они оставались верны друг другу.

Елизавета Кругликова

Силуэтный портрет Цветаевой

Билис 1931г. Портрет Цветаевой

Борис Шаляпин 1933г. Портрет Цветаевой

Магда Нахман 1913 Портрет Цветаевой

Рисунок К.Б. Родзевича

Друг Цветаевой, журналист, переводчик Марк Слоним (1894 -1976), в написанных после смерти Марины Ивановны воспоминаниях подчеркивал: «Она, в сущности, была однолюбом и, несмотря на увлечения и измены, по-настоящему любила одного лишь Сергея Эфрона, ее мужа».

Революция, гражданская война, попытки найти без вести пропавшего Сергея, воевавшего в Белой армии, тревога за него занимали мысли и чувства Марины Ивановны. Когда стало известно, что Эфрон жив и находится в Чехии, Цветаева без долгих размышлений эмигрировала из большевистской России. Так же она поступила спустя годы, реэмигрировав вслед за мужем, вернувшимся в СССР. Цветаева сознавала трагичность возвращения. Она шла за мужем... Вместе с тем вообразить, что случится после возвращения не дано было и Марине Ивановне с ее даром предвидения... Неполное перечисление крутых поворотов в жизни Цветаевой, трагических испытаний, выпавших на долю одного человека вызывает неподдельный ужас. А, если помножить все это на ее неприспособленность, нужду и личностные характеристики, то ситуация трудно представляема для любого человека.

Еще в сентябре 1923 году Марина Ивановна писала другу, литературному критику Александру Бахраху (1902-1985): «К имени моему — Марина — прибавьте: мученица». «Ведь я не для жизни. У меня всё — пожар! — Я могу вести десять отношений (хороши «отношения»!) сразу и каждого, из глубочайшей глубины, уверять, что он — единственный. А малейшего поворота головы от себя — не терплю. Мне больно, понимаете? Я ободранный человек, а Вы все в броне. У всех вас: искусство, общественность, дружбы, развлечения, семья, долг, у меня, на глубину, ни-че-го. Всё спадает, как кожа, а под кожей — живое мясо или огонь: я — Психея. Я ни в одну форму не умещаюсь — даже в наипросторнейшую своих стихов! Не могу жить. Всё не как у людей... Что мне делать — с этим?! — в жизни». Нет оснований сомневаться в том, какие бури одолевали Марину Цветаеву, как трудно было достичь лада с самой собой! Те же мысли неоднократно звучали в переписке поэта. Вот отрывок из письма мужу: «Ах, Серёженька! Я самый

беззащитный человек, которого знаю. Я к каждому с улицы подхожу вся. И вот улица мстит». В том же 1923 году, Сергей Яковлевич пишет Максимилиану Волошину: «Марина рвется к смерти. Земля давно ушла из под ее ног. Она об этом говорит непрерывно. Да если бы и не говорила, для меня это было бы очевидным».

Птица Феникс я, лишь в огне горю,
Поддержите высокую жизнь мою.
Высоко горю и горю дотла,
И да будет Вам ночь светла.

В.С. Пилипер. Цветаева "Птица Феникс".
Бронза. 1990

Эмиграция, даже внешне успешная, требует пластичности, умения принимать новые условия, усвоить неизвестные прежде простейшие жизненные коды. Каждый эмигрант любой «волны», в любой стране, это хорошо прочувствовал на себе. Творческие люди, особенно гуманитарии, в отличие от специалистов технических профессий, ощущают сложности в большей мере. Во - первых, в иноязычной среде они, их профессии мало

востребованы, во – вторых, мало кто в состоянии полноценно творить не на родном языке, даже при свободном владении языком страны проживания. Не зря существует понятие: родной язык. Кроме того, эмигрантское сообщество, как правило, замкнутое - в силу чего больше других раздираемо противоречиями, склоками, завистью. Для всех эмигрантов актуальна самоидентификация, сохранение статуса, постоянный поиск источника дохода, что также создает драматические коллизии.

Что говорить о поэте состоявшемся, идущим собственным творческим путем, не примыкающим ни к одному течению, а создающем свой поэтический почерк, свою «незарастающую» стезю?!

Если вдуматься, Марина Цветаева прожила жизнь вопреки обстоятельствам; сохранила индивидуальность, отстаивала свои представления, не примыкала ни к кому.... Из письма Марины Цветаевой к Р. Н. Ломоносовой от 11 марта 1931 «– да, не принадлежу ни к какому классу, ни к какой партии, ни к какой литературной группе никогда. Помню даже афишу такую на заборах Москвы 1920 года. Вечер всех поэтов. Акмеисты – такие-то, нео-акмеисты – такие-то, имажинисты – такие-то, исты – исты – исты – и в самом конце, под пустотой: -и– Марина Цветаева (вроде как – голая!). Так было, так будет...»

Положение Марины Цветаевой осложнялось и тем, что практически единственным источником заработка являлись ее редкие публикации; короткое время чешская стипендия и поддержка благотворителей. Сергей Эфрон часто подолгу болел, лечился в санаториях, до этого учился в университете и почти ничего не зарабатывал. Приходилось часто менять квартиры и страны. За годы эмиграции Цветаева жила в Берлине (недолго), Чехии и Франции. Пожалуй, комфортнее всего было в предместьях Праги: друзья, единомышленники, природа...

Одиночество, как ни грустно, преследовало поэта, она жила внутри этого одиночества. В сущности, об этом писала Марина Ивановна поэту и критику Ю.Иваску (1907 -1986) в апреле 1933: «... ни с теми, ни с этими, ни с третьими, ни с сотыми, и не только с «политиками», а я и с писателями —

не, ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака...» Думается, речь идет не о реальном одиночестве (муж, дочь, любимый сын Мур), а о восприятии Цветаевой. Именно это важно!

Марина Ивановна своеобразно сходилась с людьми: влюблялась, мгновенно создавала образ, осматривалась, пелена спадала с глаз, разочаровывалась. Увлечения и разочарования почти всегда гиперболизировались. В этом была Цветаева! «Боюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего по – настоящему, до конца, не люблю, не умею любить, кроме своей души, т.е. тоски, расплесканной и расхлестанной по всему миру и за его пределами. Мне во всем, в каждом человеке и чувстве,- тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец. Я не могу жить, т.е. длить, не умею жить во днях, каждый день, - всегда живу вне себя. Эта болезнь неизлечима и зовется: душа». Из письма литератору и журналисту О.Е. Колбасиной-Черновой (1886-1964) в январе 1925 года.

Потребность любви, неудовлетворенность, мотив «недолюбленности» отчетливо ощущается в жизни поэта, отражается с потрясающей откровенностью в письмах. «Всю жизнь «меня» любили: переписывали, цитировали, берегли мои записи (автографы), а меня – так мало любили, так – вяло. (выделено Цветаевой) Из письма Б.Л. Пастернаку Цит. по кн. Мария Белкина «Скрещение судеб» Изд. Книга Москва 1988, стр. 139.

Много написано о Константине Родзевиче, как считают, самом сильном чувстве Марины Ивановны. Впрочем, достаточно прочитать «Поэму горы» и «Поэму конца». Независимо от истинного отношения Родзевича к Цветаевой, письма ее он сохранил и передал после Второй мировой войны дочери поэта Ариадне Эфрон, которую помнил маленькой девочкой... Как понять: берег автографы или хранил память? Михаил Козаков неожиданно в доме матери встретился с пожилым джентльменом, ее знакомым с дореволюционных лет. Михаил Михайлович, увлеченный открывшейся ему в то время Цветаевой, бесконечно и

вдохновенно читал гостю стихи, не зная, кто сидит перед ним. Им оказался Константин Родзевич...

Цветаева женщина ревнует к Цветаевой – поэту. Страдает. В «Записных книжках» послереволюционных лет появляется запись: «Я, конечно, кончу самоубийством, ибо всё моё желание любви — желание смерти».
<http://www.vilavi.ru/sud/240507/240507.shtml>

Источником сведений о жизни русской послереволюционной эмиграции, в значительной мере, служит книга Берберовой «Курсив мой». В частности она пишет и о Марине Цветаевой: «В ней самой, в характере ее отношения к людям и миру, уже таился этот конец: он предсказан во всех этих строчках, где она кричит нам, что она — не такая, как все, что она гордится, что она не такая, как мы, что она никогда не хотела быть такой, как мы. Она была незащищена, беззаботна и несчастна, окружена «гнездом» и одинока, она находила, и теряла, и ошибалась без конца». И еще: «... Все, что говорит Цветаева, мне интересно, в ней для меня сквозит смесь мудрости и каприза, я пью ее речь, но в ней, в этой речи, почти всегда есть чуждый мне, режущий меня большой надлом, восхитительный, любопытный, умный, но какой-то нервный, неуравновешенный... (подчеркнуто мной И.Л.). Нина Николаевна Берберова отличалась аналитическим умом, наблюдательностью и в отличие от Цветаевой прагматизмом и железной волей.

Незадолго до отъезда в СССР Марина Ивановна встретила писателя, публициста, верного друга Марком Слонимом. Ему запомнилась растерянность и, пожалуй, потерянная Цветаевой: «Я помню, как просто и обыденно прозвучали ее слова. «Я хотела бы умереть, но приходится жить ради Мура, Але и Сергею Яковлевичу я больше не нужна». Сергей Яковлевич и Аля в это время были в ожидании перемен, активно шли навстречу, чего - не догадывались...

Илья Эренбург дружил с Цветаевой в годы их московской молодости. В книге « Люди, годы, жизнь» он вспоминал: « Марине Ивановне Цветаевой, когда я с нею познакомился, было двадцать пять лет. В ней поражало

сочетание надменности и растерянности; осанка была горделивой — голова, откинута назад, с очень высоким лбом; а растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие...» Тогда она читала Эренбургу стихи, одно из которых запомнилось:

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет.
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.

Марина Цветаева
художник Георгий Шишкин

Русская поэтесса Ирина Одоевцова хорошо знала Марину Ивановну по Петербургу и Парижу. Она замечает: «Смерть, смерть, смерть — мысли о ней не покидают ее, но это не мешает ей страстно любить жизнь»:

Быть нежной, бешеной и шумной
— Так жаждать жить! —
Очаровательной и умной,
Прелестной быть,

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины.
О возмущенье, что в могиле
Мы все равны...
И далее:
Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб,
и вторые — снова о смерти, о могиле:

Я вечности не
приемлю!
Зачем меня
погребли?
Я так не хотела в
землю
С любимой моей
земли,

Ирина Одоевцева приводит одно из самых
трогательных, по ее мнению, стихотворений Цветаевой:
К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!)
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно
За правду да и нет,
За то, что мне так часто слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
Послушайте! Еще меня любите
За то, что я умру.

Марина Ивановна оживала за письменным столом: здесь ее любили, ценили, славили, здесь она властвовала. Но со всех сторон наступала жизнь с ее радостями и проблемами.

К середине 30-х годов роли в семье поэта четко определились, ничего изменить уже нельзя было. Сергей Яковлевич со всей пылкостью души, желанием замолить грех участия в Белой армии, стал тайным сотрудником НКВД. В семье впервые появились деньги и неотвратимая беда. Об этом не подозревали ни Аля, ни Сергей Яковлевич, стремившиеся поскорее попасть на Родину. Предчувствие беды, овладело Мариной Цветаевой...

Из письма С.Я.Эфрона сестре – Е.Я.Эфрон 4.12.35. в Москву « Марина много работает. Мне горько, что из-за меня она здесь. Ее место, конечно, там. **НО БЕДА В ТОМ, что У НЕЕ ПОЯВИЛАСЬ С НЕКОТОРЫХ ПОР ОСТРАЯ ЖИЗНЕБОЯЗНЬ, И НИКАК ЕЕ ИЗ ЭТОГО СОСТОЯНИЯ НЕ ВЫРВАТЬ,...**Последние стихи ее очень замечательны и вообще одарена она, как дьявол».-

Так или иначе, ее судьба была решена. 18 июня 1939 года Марина Ивановна с сыном Муром вернулась на родину после 17- летней эмиграции. Встретилась с мужем и дочерью...ненадолго. Через два месяца 27 августа арестовали Ариадну Эфрон, а 10 октября « забрали» Сергея Эфрона. Клетка захлопнулась. Впереди - бесполезные очереди в различные приемные, передачи дочери и мужу. Полная неизвестность и непонимание произошедшего. Трагическая растерянность в те годы была у многих.

Читая воспоминания, живших в то безумное время обнаруживаешь удивительную схожесть восприятия. При том, что они не были реэмигрантами и не скитались по чужим домам в родном городе.

Как не впасть в отчаяние! Не говоря о трагической судьбе мужа и дочери!!!

Фрагмент триптиха Виталия Глебовича Клеруа «М.И. Цветаева. Возвращение».

В Москве в ту пору у Марины Ивановны оставалось еще достаточно много прежних знакомых и друзей. Но не все хотели общаться. Слишком опасно было поддерживать дружеские отношения с бывшей эмигранткой, да еще при арестованных родственниках.

И все же! Общение было как с немногими прежними знакомыми, так и с новыми. В трагические 40-е годы у Марины Ивановны было и сердечное увлечение, как всегда нелегкое, молодым поэтом Арсением Тарковским ... Пожалуй, благодаря этой встрече появилось одно из последних прекрасных стихотворений Цветаевой.

Арсений Тарковский написал «Я стол накрыл для шестерых». Марина Ивановна ответила. Через несколько лет после трагической гибели Цветаевой, Тарковский прочел стихотворное послание и, по словам близких к поэту лиц, не смог скрыть огромную боль утраты...

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Стол накрыт на шестерых –
Розы да хрусталь...

А среди гостей моих -
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука,
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло:
"Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло".

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

"Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Я стол накрыл на шестерых..."
Все повторяю первый стих
И все переправляю слово:
- "Я стол накрыл на шестерых"...
Ты одного забыл - седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах - дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть - седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально - им, печален - сам,
Непозванная - всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
- Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий -
Ты сам - с женой, отец и мать)
Есть семеро - раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых -
Быть призраком хочу - с твоими,

(Своими)..
Робкая как вор,
О - ни души не задевая! -
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! - опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, -
Вся соль из глаз, вся кровь из ран -
Со скатерти - на половицы.

И - гроба нет! Разлуки - нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть - на свадебный обед,
Я - жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг - и все же укоряю:
- Ты, стол накрывший на шесть - душ,
Меня не посадивший - с краю.

6 марта 1941

После ареста дочери и мужа Марина Ивановна осталась без жилья и была вынуждена вместе с Муром, скитаться с большим багажом по чужим случайным комнатам. Жить в Доме творчества писателей ей отказали, предоставив только талоны в столовую.

22 июня 1941 стало для Цветаевой тяжелейшим потрясением, страх за сына превратился в навязчивую доминанту. Вопрос с жильем стоял все также остро. Вот, что говорит об этом Марина Ивановна 31 августа 1940 года в письме В.А. Меркурьевой:... «Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь. ...Словом, Москва меня не вмещает. Мне некого винить. И себя не виню, п.ч. это была моя судьба. Только — чем кончится?!(И.Л.) Я свое написала. Могла бы, конечно, еще, но свободно могу не.(выделено М.Ц.). У меня есть друзья. Но они бессильны. И меня начинают жалеть(что меня смущает, наводит на мысли...) совершенно чужие люди....я от малейшего доброго слова- интонации - заливаюсь слезами, как скала водой водопада... И Мур впадает в гнев. Он не понимает, что плачет не женщина, а скала. Я от природы очень веселая. Мне очень мало нужно было, чтобы быть счастливой. Свой стол. Здоровье своих. Любая погода.- Все-....». И этой малости Марина Ивановна лишилась.

27 августа 1940 года по совету Бориса Пастернака Цветаева пишет отчаянное письмо в правление Союза писателей Петру Павленко, рассказывает о своей беде. Письмо длинное, в нем звучит безграничное, неприкрытое страдание, вопль о помощи. « - Меня жизнь за этот год — добила. Исхода не вижу.

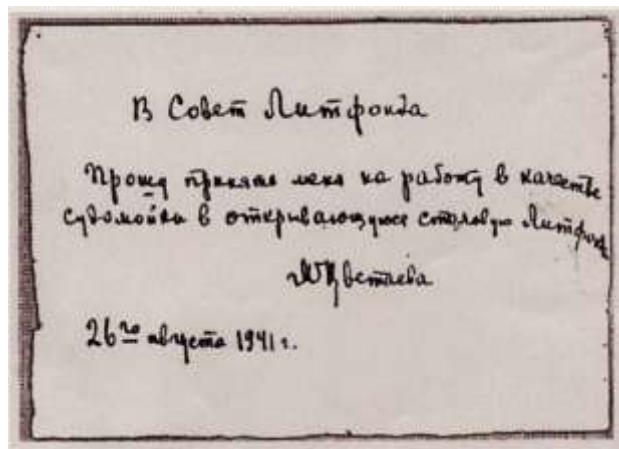
Взываю к помощи».

28 августа Борис Леонидович, прочитав письмо Марины Ивановны, пишет от себя и просит помочь: « ...Я ее

знаю как очень умного и выносливого человека и не допускаю мысли, чтобы она готовила что –нибудь крайнее и непоправимое. Но, во всяком случае, эта разгоряченная таинственность мне не по душе и очевидно не к добру». Борис Леонидович не думает о непоправимом, но тревожит «разгоряченная таинственность»...

Положение на фронтах ухудшается. Начинается эвакуация из Москвы. Марина Ивановна страшится бомбардировок, Мур к ее ужасу тушит зажигательные бомбы, уезжать из города отказывается. Они спорят. После долгих колебаний, Марина Ивановна решает эвакуироваться. Семьи писателей уже эвакуированы специальным рейсом на пароходе в Чистополь. Цветаева едет в Елабугу. Ее провожал Борис Пастернак, Виктор Боков, Лидия Либединская. У Цветаевой поломался замок на чемодане, и она попросила Бориса Леонидовича принести веревку, чтоб закрыть чемодан. Он не забыл, принес... На пароходе было 10 или 15 семей писателей. Татьяна Сикорская, писатель (1901 -1984) плыла вместе с Мариной Ивановной, о чем спустя годы, в 1948 году написала Ариадне Эфрон: «В течение 10 дней мы очень сблизились с Мариной Ивановной, читали друг другу стихи, грустили о Москве. Она иногда подходила к борту нашего маленького пароходика и говорила: « Вот так – один шаг, и все кончено». Ее особенно пугала мысль об анкетах, которые придется заполнять на службе. « Лучше поступить судомойкой в столовую. Это единственное, что я могу». Гибель и смерть казались ей неизбежными – вопрос в месяцах, а не в годах жизни. Ей все казались врагами – это было похоже на манию преследования. Мур был с ней груб и резок...» Я привела небольшой отрывок из подробного описания общения с Мариной Ивановной на пароходе, затем в Елабуге и поездке в Чистополь. Сикорской казалось, что после встречи в Чистополе с Николаем Асеевым Марина Ивановна обрела надежду. Там же Цветаева встречалась с друзьями,- обещали помочь найти комнату. Марина Ивановна навестила идишистского писателя Ноаха Лурье, (1885 – 1960) с которым подружилась в Доме творчества в Голицыно. В один из дней в Чистополе Цветаева встретилась с Лидией Чуковской. Они вместе ожидали решения

партийного собрания - Цветаевой прописку в Чистополе разрешили после письменного обращения Николая Асева (на собрании он не пришел), против голосовал только Константин Тренев. Всех поименно надо знать и помнить!

Заявление, в котором Цветаева просит принять ее судомойкой в столовую Литфонда, было написано 26 августа 1941 года. Этот листок до самых своих последних дней тайно хранил Иван Игнатьевич Халтурин, писатель, литературный редактор, журналист: http://www.gorod.lv/novosti/35419-ryadom_s_tsvetaevoy#ixzz35AohPwsE.

Казалось, все улажено и Цветаева с сыном переедут в Чистополь. Август заканчивался. Мур хотел учиться в Чистопольской школе. Нужно было торопиться к началу учебного года. Марина Ивановна в те дни, казалось, утратила самостоятельность, ничего не могла решить, металась от одного к другому.

Решать нужно было быстро, проблемы не отступали. Тревога о судьбе мужа и дочери не давала сосредоточиться.. Сын с максимализмом молодости требовал всего сразу и быстро.

Круг сужался.

Дом семьи Бродельщиковых в Елабуге, в котором несколько дней жила и трагически погибла Марина

Что случилось 31 августа 1941 года, что послужило причиной рокового решения, навсегда останется тайной?!

В «Записных книжках» - мысль о КРЮКЕ звучит настойчиво. Еще в 1940 году в дневнике Цветаева записала: "Я не хочу умереть. Я хочу не быть" и еще: "Никто не видит, не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк».

В феврале 1941 года написаны страшные, не оставляющие надежды строки:

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Надверный...

Иосиф Бродский сказал, что о причине самоубийства спрашивать следует у самоубийцы. По сути, верно, но как узнать!?

Что думала о самоубийстве Марина Ивановна? В отклике на гибель Маяковского она пишет: « Если есть в этой жизни самоубийство, оно не там, где его видят, и длилось оно не спуск курка, а двенадцать лет жизни... Если есть в этой жизни самоубийство, оно не одно, их два, и оба

не самоубийства, ибо первое – подвиг, второе – праздник. Превозможение природы и прославление природы. Прожил как человек и умер как поэт. (Из статьи « Поэт и время», 1932)

Еще раньше в начале января 1926 года написано стихотворение при получении известия об уходе Сергея Есенина.

Брат по песенной беде —
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
— Помереть в отдельной комнате! —
Сколько лет моих? лет ста?
Кажодневная мечта.

И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.
Много жил — кто в наши жил
Дни: всё дал, — кто песню дал.

Жить (конечно не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть —
Потолочные крюки.

Вновь упоминание КРЮКОВ!

В статье в журнале « Поэт и время», 1932 Цветаева написала: Есенин погиб, потому что не свой, чужой заказ (времени – обществу) принял за свой заказ. Есенин погиб, потому что другим позволил знать за себя, забыл, что он сам – провод: самый прямой провод!..

... Есенин погиб, потому что забыл, что он сам такой же посредник, глашатай, вожатый времени по крайней мере настолько же сам себе время, как и те, кому во имя и от имени времени дал себя сбить и погубить».

Совершенно четко выражена позиция человека и поэта.

«Душевный строй поэта располагает к катастрофе» - утверждал Осип Мандельштам.

Сергеев М.П., Гордова В.С. врачи - психиатры (2006) пришли к заключению, что Марина Ивановна Цветаева страдала с 1913 года циклотимической депрессией, отмечая при этом сезонные колебания в творчестве.

Вряд ли стоит высказывать категорическое суждение о наличии психической патологии у поэта. Трудно вместить в Прокрустово ложе диагноза сложный душевный мир Марины Ивановны Цветаевой.

«Я знаю, существует легенда о том, что она покончила с собой, якобы заболев душевно, в минуту душевной депрессии — не верьте этому. Ее убило время, нас оно убило, как убивало многих. Как оно убивало и. меня. Здоровы были мы – безумием было окружающее — аресты, расстрелы, подозрительность, недоверие всех ко всем и ко вся. Письма вскрывались, телефонные разговоры подслушивались; каждый друг мог оказаться предателем, каждый собеседник - доносчиком; постоянная слежка, явная, открытая...»- делилась Анна Ахматова с Ариадной Эфрон.

Случившееся значительно сложнее. В душевной катастрофе Марины Цветаевой сплелись воедино личностные особенности человека и поэта, наследственная отягощенность. В качестве пускового фактора послужили трагические семейные обстоятельства, казавшиеся безвыходными.

Памятник Марине Цветаевой в Тарусе
Автор памятника - Владимир Соскиев.
Архитектор памятника Борис Мессерер

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух - не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле!- Неба дочь!
С полным передником роз!- Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре!- Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари - и ответной улыбки прорез...
- Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева
Таруса - надпись на камне.

«Я хотела бы лежать на Тарусском Хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая крупная в тех местах земляника».

Закончу суждением Марины Ивановны Цветаевой - Самоубийство – не там где его видят».

Литература

Белкина Мария Кн. «Скрещение судеб» Москва Книга 1988

Берберова «Курсив мой» 2009 Издательство: Захаров
Бояджиева Людмила « Марина Цветаева. Неправильная любовь» Изд. Аст, Астрель Москва 2010

Бродский о Цветаевой: интервью. Эссе Москва Независимая газета, 1998

Гумилев Николай Письма о русской поэзии http://www.e-reading.by/chapter.php/96272/3/Cvetaeva__Recenzii_na_proizvedeniya_Mariny_Cvetaevoi.html

Журнал «Звезда». Спб. 1992. № 10 (номер, посвященный М. Цветаевой)

Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992.

Кудрова Марина Гибель Марины Цветаевой http://reading.ws/bookreader.php/1012712/Kudrova__Gibel_Mariny_Cvetaevoy.html

Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. М.: Культура и традиции; Дом Марины Цветаевой, 1992.

Одоевцева Ирина На берегах Невы— М.: Захаров, 2005.

Саакянц А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910 — 1922). М.: Сов. писатель, 1986.

Саакянц Анна Марина «Цветаева Жизнь и творчество» М.: Эллис Лак 1997

Сергеев М.П., Гордова В.С. Психопатологический анализ жизни и творчества Марины Цветаевой Вестник психиатрии и психологии Чувашии Чебоксары 2006,2,77-93

Марина Цветаева « Неизданные письма» под общей редакцией Г.П. Струве и Н.А. Струве Париж YMCA-PRESS, 1972.

Цветаева Марина Неизданное Семья: история в письмах Москва Эллис Лак 1999

Цветаева Марина «Просто сердце» Москва «Эксмо-пресс» 1998

Цветаева М. Сочинения: В 2 т. Т. 1 (или 2). М.: Худож. лит., 1984.

Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990 (Библиотека поэта. Большая серия).

Швейцер Виктория Марина Цветаева Изд. Молодая гвардия, 2009

Эренбург Илья «Люди, годы, жизнь» В 3-х томах. — М.: Текст, 2005

Эфрон Ариадна «Неизвестная Цветаева» Воспоминания дочери» Москва Алгоритм 2012

Эфрон Георгий Дневники в 2- томах Издательство Вагриус, 2004

«Я весь боль и ушиб» Владимир Маяковский

Время, в которое жил и работал Владимир Маяковский, отличалось драматизмом, динамичностью и неожиданными зигзагами. Он родился на сломе эпох, с болью уходило прошлое, с трудом пробивало дорогу будущее. Поражения сменялись победами. Вчерашние поражения становились будущими победами.

Неожиданные идеи не отпугивали несбыточностью, а принимались на веру как данность. В штормовой поток попал и молодой Владимир Маяковский из грузинского города Багдади.

Можно думать, что казацкая вольница предков отца поэта скромного лесничего нашла благодатную почву в лице сына Володи Маяковского. По матери Владимир состоял в дальнем родстве с писателем – историком Данилевским, а через него, как ни фантастично, с потомками Пушкина и Гоголя. Дворянские семьи были причудливо связаны между собой родственными узами в течение столетий. В памяти семей бережно хранилась память поколений. Так по одной из версий у предков Маяковского по отцовской линии перед Полтавской битвой останавливался Петр Первый. Рассказы

тешили. Обедневших дворян радовали истории о блистательном прошлом. Оставалась надежда, сохранились честь и достоинство.

Детские годы Маяковского прошли в Грузии в благополучной дружной семье. Интерес к Грузии, не покидал поэта. Он охотно бывал в Тифлисе, прекрасно владел грузинским языком.

Неоднократно маленький Володя объезжал с отцом лесничество, слушал интересные воспоминания и рассказы. Отец прекрасно и охотно декламировал, любил литературу. В семье все рисовали.

Но спокойная жизнь длилась недолго. В 1906 году Владимир Константинович умер от заражения крови, уколовшись иголкой от скоросшивателя. Смерть отца, трагичная сама по себе, резко травмировала сына. С этих пор до последних дней жизни Маяковский боялся уколоться, заразиться, отличался мнительностью и гиперболизировано, неадекватно страшился недомоганий.

Осиротевшая семья переехала в Москву. Жили трудно, сдавали комнату квартирантам. А вокруг кипела столичная жизнь. Многочисленные соблазны, неожиданные знакомства. Маяковский учился в гимназии в одном классе с Шурой (Александром) Пастернаком, младшим братом поэта, впоследствии архитектором. С поэтом Пастернаком поэт Маяковский знакомится в 1914 году. «За его манерою держаться чудилось нечто подобное решению, когда оно приведено в исполнение, и следствия его уже не подлежат отмене. Таким решением была его гениальность, встреча с которой когда-то так его поразила, что стала ему на все времена тематическим предписанием, воплощению которого он отдал всего себя без жалости и колебания ... Немного спустя он предложил кое-что прочесть... Это была трагедия „Владимир Маяковский“, тогда только что вышедшая. Я слушал, не помня себя, всем перехваченным сердцем, затаив дыхание. Ничего подобного я раньше никогда не слышал. Здесь было все. Бульвар, собаки, тополя и бабочки. Парикмахеры, булочники, портные и паровозы. ... И как просто было это всё! Искусство называлось трагедией. Так и следует ему называться. Трагедия называлась „Владимир

Маяковский“. Заглавие скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающийся к миру». (12) Так восторженно описывает Борис Пастернак встречу с поэтом Маяковским.

Среди гимназистов были юнцы увлеченные переустройством мира. Они раздавали прокламации, помогали ссыльным, искали единомышленников. Маяковский с его повышенной активностью, обостренной совестью, романтизмом ощутил себя частью движения. Стал членом РСДРП. Вряд ли ему удалось что-либо реально сделать, на что-то серьезно повлиять, но в тюрьму попал довольно быстро. Его дважды сажали, по малолетству отпускали, но в третий раз угодил на 11 месяцев. Ершистого, не терпящего принуждения, Маяковского за нарушение режима посадили в сто третью одиночную камеру знаменитой и в дальнейших перипетиях жизни страны Бутырской тюрьмы.

Фотографии Маяковского сделанные во время следствия

Считают, что пребывание в одиночной камере оказало влияние на личностные особенности Владимира

Владимировича. Он стал замкнутым, возникло чувство тревоги. Еще во время первого ареста его направили на психиатрическую экспертизу, однако доктора в то время отклонений от нормы не определили. В последующие годы, вскоре после выхода на свободу врачи определяли у Маяковского невроз, психастению, рекомендовали продолжительный отдых.(5)

Владимир, оказавшись на свободе, продолжил прежние знакомства, но в партию больше не поступал.

В 1911 году Маяковский на похоронах Валентина Серова знакомится с художницей Евгенией Ланг - дочерью крупнейшего русского врача Г.Ф. Ланга. Евгения ввела Владимира в круг молодых художников. Любивший и умевший рисовать Владимир учится в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, знакомится с братьями Бурлюками. Семья Бурлюков, все члены которой обладали недюжинными талантами в живописи и поэзии – необычный феномен. Дружба с братьями Бурлюками, особенно с Давидом, оказала влияние на Владимира, на взгляды и пристрастия в искусстве, внесла серьезные коррективы в образ мыслей, в мировоззрение.

Давид Бурлюк считается основателем русского футуризма. Маяковский увлекся футуризмом и вместе с Бурлюком участвовал в публичных выступлениях. Громкий, склонный к провокационным поступкам, грубоватый, Владимир поначалу вызвал гнев Бурлюка, едва не приведший к тяжелому разрыву. К счастью, отношения друзей не пострадали. Осенью 1912 года, гуляя с Бурлюком, Маяковский прочитал одно из своих стихотворений, не признаваясь по неуверенности в авторстве. Бурлюк понял, кем написано стихотворение и немедленно со свойственной молодости экспрессией заговорил о гениальности молодого поэта. По воспоминаниям Бурлюка Маяковский вдруг, "подобно Афине Палладе, явился законченным поэтом". (Фундаментальная электронная библиотека Русская литература и фольклор Библиотека семейных историй)

Маяковский. Казань, февраль 1914 года

До той поры Маяковский не относился серьезно к поэтическим опытам, считая себя художником. Владимир Владимирович действительно был одаренным художником
Рисунки Владимира Маяковского.

В. Маяковский
Рулетка

В. Маяковский
Шарж на Чуковского

В. Маяковский
Натурщица 1912- 1913

В. Маяковский «Я напишу Ваш портрет»
Портрет И.Е. Репина

В. Маяковский
Рисунок

В. Маяковский.
Малоизвестный автошарж

Из небольшого числа приведенных рисунков отчетливо видно умение автора работать во многих жанрах, используя разную технику. В последующем Владимир Владимирович нередко иллюстрировал свои произведения, рисовал плакаты, рекламные материалы.

Маяковский увлекся футуризмом и стал активным проводником идей движения. В 1913 году Владимир был

одним из основных авторов листовки – манифеста «Пощечина общественному вкусу». В сборнике напечатали стихотворение «Ночь», издание иллюстрировал замечательный художник Павел Филонов!

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.
Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.
Толпа - пестрошерстая быстрая кошка -
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.
Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул, пугая
ударами в жезл, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая

Пожалуй, общее мнение по поводу «Манифеста футуристов» выразил Корней Чуковский: «Все сломать, все уничтожить, разрушить,- и самому погибнуть под осколками - такова его, 'по-видимому, миссия».

Княгиня Зинаида Шаховская в книге «Таков мой век» (Москва, «Русский путь», 2006, с.145) вспоминает выступление Маяковского в Туле в послереволюционные годы. Молодая девушка увидела оратора обнаженного по пояс. Запомнились произнесенные слова: «Товарищи! Я против рукопожатия!...жать руку неизвестно кому, неизвестно, где, посторонним людям, это просто смешно! Товарищи, долой рукопожатие» Эпатажные выступления были характерны для футуристов, особенно этим отличался Маяковский.

Грозные призывы бросить с «Парохода современности» Пушкина, Достоевского, Толстого и других были не только вызовом символизму, но и желанием нового, свежего, справедливого порядка существования. Одновременно с грозными призывами Маяковский читал наизусть Пушкина, увлекался Блоком, следил за поэтическими новинками.

Вызывающее поведение Маяковского, по мнению друзей, маскировало неуверенность в себе, застенчивость. Высокий, плечистый, крепкий, красивый, мужественный с сильным голосом трибуна, Владимир Владимирович, на поверку был мягкий, сомневающийся, нуждающийся в бережном отношении. В этом противоречии таилась сложность судьбы поэта, только кажущегося огромным, могучим, и бескомпромиссным, а на поверку — незащищенным.

Читая и перечитывая Маяковского после длительного перерыва, оставив в стороне «Трибуна, агитатора, главаря», увидела тревожного, сомневающегося, сентиментального и романтического поэта. Поразила частота мотивов смерти, размышлений по поводу ухода в «мир иной».

Показалось интересным попытаться разобраться в структуре личности Маяковского, обращая внимание на перепады настроения, привязанности, взаимоотношения с друзьями и недругами, опираясь при этом на произведения поэта, письма, воспоминания.

С юности поэт вел активный образ жизни, довольно быстро стал популярным и вызывал полярное отношение к себе. Нарочитая грубость не мешала девичьим

влюбленностям в поэта. Он и сам был увлекающимся, легко влюблялся. Следы увлечений легко прочитываются в стихах и поэмах.

В 1914 году в Одессе Маяковский безответно влюбился в молодую художницу Марию Денисову. Ее образом навеяна поэма «Облако в штанах».

В.Маяковский Портрет Марии Денисовой

Строки, посвященные Марии:

Вошла ты,
резкая, как "нате!",
муча перчатки замш,
сказала;
"Знаете -
я выхожу замуж".

Что ж, выходите,
Ничего.
Покреплюсь.
Видите - спокоен как!
Как пульс
покойника.

...Спустя годы Мария Денисова вылепила скульптурный портрет поэта. В письме Маяковскому она дала свое толкование: Скульптура "Поэт" построена на остром угле — да и по существу Вы остро-угольный".

Мария Денисова
Бюст Маяковского

Дружеское общение поэта с художницей продолжалось до последних дней поэта. Приведенный портрет, созданный в 20-е, лучшие годы определяет личность поэта как остроугольную. Свидетельство давней знакомой заслуживает внимания.

В 1913 году вышел первый сборник Маяковского из четырех стихотворений. Они были написаны от руки на особой бумаге, изобретенной художником Василием Чекрыгиным, иллюстрирована книга художником Львом Жогиним – сокурсниками автора по Строгановскому училищу.

В 1913 – 1915 годы Маяковский посещал кафе «Бродячая Собака», находившееся в Петербурге в доме Жакоба. В Кафе часто бывали поэты, писатели, режиссеры и другие: Гумилев, Ахматова, Осип Мандельштам, Николай Гумилёв, Игорь Северянин, Надежда Тэффи, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Всеволод Мейерхольд,

Михаил Кузмин, Артур Лурье, Константин Бальмонт, Тамара Карсавина, Алексей Толстой, Аркадий Аверченко. Сергей Судейкин расписал стены подвала.

Автор эмблемы художник М.Добужинский

Маяковский дружески общался со многими посетителями «Кафе», в частности с Мейерхольдом, ставившим впоследствии его пьесы.

В 1915 году во время войны «Кафе» было закрыто. По одной из версий виной послужило, вызвавшее бурный протест стихотворение Маяковского: ВАМ

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!

Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие нажраться лучше как,
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..

Если он приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваеете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!

Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

Официальной причиной закрытия «Бродячей собаки» была продажа алкоголя, нарушающая принятый во время войны «сухой закон».

Летом 1915 года Эльза Каган (Триоле), увлеченная Маяковским, познакомила поэта с сестрой Лилей. С этого времени Лилия Брик становится главной женщиной в жизни Владимира Маяковского. Мучительный и одновременно счастливый роман(?) продолжается, существенно изменяясь, приобретая характер дружбы до кончины поэта. Этой странице жизни Владимира Владимировича посвящено бесконечное множество публикаций, отличающихся отношением к Лиле, ее спорной роли в судьбе Маяковского. В аспекте настоящей работы этот роман вызывает интерес возможностью лучше узнать перипетии жизни Маяковского, его отношение к непростым вызовам судьбы.

В первой четверти XX века любовь втроем не была чем-то исключительным, соответствуя в определенной степени взглядам творцов Серебряного века; например Мережковский, Гиппиус и Философов, Иван Бунин, Вера Бунина и Галина Кузнецова, Блок и его особые отношения с женой, еще раньше Полина и Поль Виардо и Тургенев. Многие названные и неназванные, известные и неизвестные проживали такие периоды в жизни. Важным является другое: приемлемость или невозможность подобных отношений для разных людей.

Почему так было? Кто знает? В любом случае у каждого из них была свобода, пользоваться которой они могли в силу особенностей характера, морали, глубине чувств...

Произошла Октябрьская революция. Маяковский принял ее восторженно, много и вдохновенно воспевал до конца 20-х годов. Негативные мотивы прозвучали в сатирических пьесах «Баня» и «Клоп», по силе и направленности сходные с «Собачьим сердцем» Михаила Булгакова.

Владимир Маяковский – молод, популярен, собирает огромные залы, активно печатается, обеспечен материально, много и часто ездит по миру. Он в каждой стране знакомится с писателями, оставляя добрый след в душе, судя по

написанным воспоминаниям. Карел Конрад, Незвал, Юлиан Тувим, Анатолий Стерн; Теодор Драйзер, Арагон; Назым Хикмет не абстрактные фигуры для Маяковского, он с ними знаком! Ему удается уловить литературные течения времени.

Дружит с художниками - Пикассо, Браком, Шагалом, познает Париж в значительной мере, благодаря Эльзе Триоле, но не только. Он встречается с Мариной Цветаевой, которая как переводчик участвовала во встречах поэта с французской публикой, видится и с другими. Создается впечатление, что такой успешный, яркий, талантливый человек ощущает себя счастливым.

Между тем, первая пьеса «Владимир Маяковский» определена автором как трагедия. Уже с этого времени (1913) в творчестве поэта отчетливо прослеживаются мотивы тоски, обреченности, мысли о смерти.

Почему первая пьеса «Владимир Маяковский» названа трагедией? Как знать? Поэт, легко справлявшийся с огромными аудиториями, открытый слушателям, с блеском отвечавший на каверзные вопросы, отличался скрытностью. Френсис Бекон утверждал: – скрытность прибежище слабых. Борис Пастернак, хорошо знавший Маяковского, считал, что «пружиной его беззастенчивости была дикая застенчивость, феноменально мнительное и склоненное к бесконечной мнительности безволие». Можно ли назвать Маяковского слабым?! Он был сложным и неоднозначным. Ему проще удавалось овладевать другими, чем справляться с самим собой, что и явилось, пожалуй, причиной личной трагедии.

В стихотворении «Я» (1913) поразительные строки:

Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
У идущего к слепым человека!"

В 1916 году он пишет:

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,

весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

Человек творческий лучше всего познается в том, что создает. Произведения не терпят неискренности, и потому в них проглядывает характер автора, его очищенная от всего лишнего личность. Мотивы грусти, одиночества, неустроенности в личной жизни звучат во многих произведениях, начиная, как видно, с самых ранних.

« Вам хорошо, а мне с болью- то как?
Заштопайте мне душу». « Владимир Маяковский»

Приведенные цитаты относятся к раннему периоду творчества. Поэт молод, талантлив, мир открыт перед ним, откуда грусть? Если бы минорные мысли были редки, то и говорить было бы не о чем, но они упорно повторяются.

« Лягу светлый,
В одеждах из лени
На мягкое ложе из настоящего навоза,
И тихим, целующим шпал колени
Обнимет мне шею колесо паровоза».

«Из трагедии Владимир Маяковский»

Лиля Брик и Эльза Триоле вспоминают, что попытки самоубийства были у поэта несколько раз. Причем практически всегда «по принципу рулетки», в обойме один патрон. «Суицидальные мотивы в его творчестве и поведении проявлялись с раннего возраста. Многие стихи буквально сочатся агрессией, направленной то вовне, то - в депрессивные периоды - на самого себя ("А сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою...")(16)

Из совпадающих по тональности воспоминаний друзей и знакомых вырисовывается специфический образ Владимира Владимировича. Человек чести, верности раз и навсегда взятым обязательствам – одной женщине, одной стране, несмотря на очень многое, не укладывающееся в подобные представления. Достаточное постоянство прослеживается в привычках, например в требованиях чистоты. Замечено, что он долго, часто и тщательно мыл руки, дверь открывал рукой завернутой во что – то, часто в

обшлаг пиджака, боялся заразиться, избегал чихающих и кашляющих, с тревогой относился к собственным недомоганиям. Владимир Владимирович - игрок, стремившийся не к денежному выигрышу, а к победе, вплоть до того, что нередко доигрывал партию в домино или бильярд, едва успевая попасть ко времени то ли на выступление, то ли в отъезжающий поезд. Мог подсчитывать номера машин, трамвайных билетов, приходя в зависимости от задумок к выводу: будет, не будет. Стихи Владимир Владимирович писал, не сидя за столом « под лампой с зеленым абажуром», а на ходу.... Один из товарищей по училищу Л.Ф. Жегин вспоминает: "Забравшись в какой-нибудь отдаленный угол мастерской, Маяковский, сидя на табуретке и обняв обеими руками голову, раскачивался вперед и назад, что-то бормоча себе под нос. Точно так же (по крайней мере, в ту пору), путем бесконечных повторений и изменений создавал Маяковский и свои графические образы... (10) Он был вечно в движении, не мог долго усидеть на одном месте. Как похоже на постоянные скитания Н.В.Гоголя, не имевшего собственного дома, на странствия тяжело больного А.П. Чехова... Прослеживается нечто общее у совершенно разных, казалось бы, людей!

Лиля Брик вспоминает, что Маяковский постоянно говорил, что умрет молодым, называя даже цифру – 30. Ей вторит и Эльза Триоле, тесно общавшаяся с поэтом, не только в юности, но и в поздние годы, во время его приездов во Францию.

«Мотив самоубийства, совершенно чуждый футуристической и лефовской тематике, постоянно возвращается в творчестве Маяковского, — заметил хорошо знавший поэта Роман Jakobson в статье «О поколении, растратившем своих поэтов». — Он примеривает к себе варианты самоубийства... В душе поэта вращена небывалая боль нынешнего времени».

На долю Маяковского выпало жить в переломную историческую пору. Он принимал в ней живейшее участие, внимательно всматриваясь в калейдоскопически меняющееся время. Великий, пронзительный лирик он был и

гражданским поэтом, что не так легко сочетается, нередко противореча одно другому.

По Якобсону, смерть Маяковского так тесно переплетена с его поэзией, что понять его можно только на этом фоне; он с яростью обрушивается на тех, кто этого не понимает. Конечно, это Маяковский стрелял, а не "кто-то другой", все есть в его творчестве, которое "едино и неделимо". Роман Якобсон подметил, что одновременно с мыслями о смерти, Маяковский думал о бессмертии и возможности воскрешения. "Мастерская человечески воскрешений" - была навязчивой идеей Маяковского. Его творческой концепцией, его верой. (8) Узнав от Якобсона основные положения теории относительности Эйнштейна, поэт неожиданно сказал: Я совершенно убежден, что смерти не будет! Будут воскрешать мертвых. Я найду физика, который мне по пунктам растолкует книгу Эйнштейна... Я этому физика академический паёк платить буду. (17)

Вторая половина 20-х годов отличалась большими переменами не только в жизни Республики Советов, где Сталиным постепенно ликвидировались Советы, но и личными бедами. Ему начинает казаться, что он идет не в ногу со временем. Стихотворение «Домой» заканчивалось горькими строками:

Я хочу быть понят моей страной, а не буду понят —
что ж?!

По родной стране пройду стороной, как проходит
косой дождь.

Анна Ахматова совершенно четко выразила свое мнение о настроении Маяковского: «Он всё понял раньше всех, во всяком случае, раньше всех нас. Отсюда “в окнах продукты, вина, фрукты”, отсюда и такой конец» (11).

28 декабря 1925 года покончил собой Сергей Есенин. Отношения двух поэтов не были безоблачными, но смерть Сергея Александровича потрясла Маяковского. В течение долгих трех месяцев он неотступно проживал гибель поэта, мучительно писал, отвергал и вновь возвращался к стихам, посвященным памяти Есенина. Приведу несколько отрывков:

« В горле
горе комом -
не смешок».

«Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.

Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье.

Вам
и памятник еще не слит,-
где он,
бронзы звон,
или гранита грань?-
а к решеткам памяти
уже
понанесли
посвящений
и воспоминаний дрянь.

Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни

помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Звучит скорбь по ушедшему поэту, дань большому таланту, защита от беззастенчивых нападок. Боль утраты несомненна!

Отношения Лили Брик с Маяковским потеряли прежнюю влюбленность, по крайней мере, с ее стороны. Поэт страдал и метался в поисках дома, тепла...

25 октября 1928 году в Париже Эльза Триоле познакомила грустящего Маяковского с Татьяной Яковлевой. Молодая, красивая, образованная девушка пленила поэта. Чувство было сильным и глубоким. Татьяне Яковлевой, единственной, кроме постоянного адресата Лили Брик, посвящено стихотворение.

Привожу фрагменты:

Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,

гром
ругней
в небесной драме,-
не гроза,
а это
просто
ревность двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски,-
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы...
ну их!-
вспухнут вежи,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты -

ста миллионам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны -
спортом
выпрямишь не многих,-
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму -
одну
или вдвоем с Парижем.

Владимир Владимирович надеялся, что ему удастся уговорить Татьяну вернуться в Москву « одну или вдвоем с Парижем». Потянулись месяцы переписки, надежд и разочарований. Ожидание писем, а если они задерживались, наступали приступы безудержного, характерного для Маяковского, не знающего границ отчаяния.

Через 21 день после отъезда Маяковского, 24 декабря 1928 года, Татьяна отправляет письмо матери в Россию: "Он такой колоссальный и физически, и морально, что после него - буквально пустыня. Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след..."

Маяковскому в Париж приехать не удалось, Татьяна Яковлева вышла замуж. Удар был очень сильный.

В любви, по воспоминаниям друзей, поэт отличался чрезмерностью, в том числе предъявлял непомерные требования, лишавшие объект любви самостоятельности, возможности принимать решения. «Я должен сказать, что Маяковский и при всей своей вот этой внешности и громающей поэзии был... человек женского склада, как Тургенев. Когда он влюблялся, его интересовали какие-то такие... мазохистические элементы, это легко усвоить из всех его лирических поэм... - властные женщины Он любил быть страдающим». (1).

Возможно, это было реакцией на особые отношения с Лилей Брик, неосознанно требовался реванш.

Брики познакомили поэта с молодой актрисой МХАТ, женой актера Яншина красавицей Вероникой Полонской. Маяковский искал отдушину, хотел любить и быть любимым. Душевное состояние Владимира Владимировича в это время было крайне неустойчивым, подвижным, бодрость духа резко сменялась тоской и грустью. Он длительно лихорадил, грипповал, что всегда тревожило мнительного поэта.

В это трудное для себя время Владимир Владимирович решил сделать выставку: «20 лет работы Маяковского». Обдумывал тщательно, сам готовил иллюстративный материал. Ждал поэтов и писателей...не

пришли.

В Журнале «Печать и революция» печаталась статья, посвященная юбилею поэта, и вкладка с портретом. На вкладке написали: "В. В. Маяковского, великого революционного поэта, замечательного революционера поэтического искусства, неумолимого поэтического соратника рабочего класса, горячо приветствует "Печать и революция" по случаю 20-летия его творческой и общественной работы". Но...случилось неожиданное: по приказу начальника ОГИЗА портрет вырезали и аннулировали приветствие. В письме в редакцию начальник Огиза написал: «"...как осмелились попутчика Маяковского назвать великим революционным поэтом". (8). Подобного рода оскорбление, тем более неза заслуженное, трудно перенести любому человеку, не только крайне обидчивому, не терпящего поражений, эмоциональному Владимиру Владимировичу. Описанное событие случилось в апреле 1930 года!

14 апреля 1930 утром Маяковский привез к себе домой Веронику Полонскую. Он требовал от нее остаться здесь, с ним, немедленно, навсегда, оставить мужа, отказаться от театра. Разговор был достаточно трудный, нервный. Полонская впервые получила желанную роль, репетировала с Немировичем – Данченко, не допуская опоздания. Она вышла из квартиры, пообещав вернуться и...прогрел выстрел!!!

Врач Агамов, фельдшер Константинов и санитар Ногайцев прибыли по вызову на квартиру Владимира Маяковского. Им выпала на долю печальная обязанность зафиксировать смерть поэта!

После них были следователи, судебные медики, извлеченный мозг передали на хранение в институт мозга, много чего было после ...

Известный московский скульптор Константин Леонидович Луцкий (1882-1954) снял посмертную маску. Следователь Синцов в присутствии врача - судмедэксперта Ясенцева составили протокол.

Посмертная маска Маяковского
Скульптор - Константин Луцкий

Все последующие печальные события ничего изменить не могли.

Трагедия случилась!

В дневниковых записях М.Я.Презента, найденных в архивах Кремля литературоведом Валентином Скорятиным, есть упоминание о том, что поэт рано утром 14 апреля 1930 года, за три часа до выстрела, поехал на телеграф и дал в Париж на имя Татьяны Яковлевой телеграмму: "Маяковский застрелился". Слухи? Легенда? Факт? Трудно сказать...

Узнав о гибели Владимира Владимировича потрясенная Татьяна Яковлева писала: "Мамулечка моя родная! Я ни одной минуты не думала, что я причина. Косвенная -- да, потому что все это расшатало нервы, но не прямая, вообще. Не было единственной причины, а совокупность многих + болезнь. (Под болезнью она разумела, конечно, расшатанные нервы, переутомление.-- П. Л.) ...Здесь тоже массу пишут, но как мало знали его -- человека. Только теперь многие спохватились и говорят: "А ведь мы просмотрели самое главное, что было в его душе, самое властное, что привело его к такому концу",-- и все парижские критики, по-видимому, немного сконфужены бывшим поверхностным суждением. Пожалуйста, береги газеты..." Цит.по книге Павла Лавута.

Что происходило потом, подробно описано и хорошо известно.

Поведение Маяковского, его чувства, действия и в относительно спокойные периоды отличались склонностью

к преувеличению, гиперболизации, что, по мнению Моники Спивак, объяснялось его чрезмерной чувствительностью, эмоциональностью не всегда уравновешенной поступками.(14).

Трагическая смерть Маяковского никого не оставила равнодушным. Вспоминали большого поэта и человека.

Думали, почему случилось то, что случилось, искали причину.

« Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил... Жил как поэт, умер как человек» -написала Цветаева, узнав о смерти поэта.(18)

Самоубийство всегда порождает слухи, всплывают истинные, а чаще выдуманные события, а порой и просто нелепица. По утверждению французского философа Камю, "причин для самоубийства много, и самые очевидные из них, как правило, не самые действенные».

Ф.М. Достоевский в «Бесах» устами Кирилова определяет самоубийство как самый ответственный поступок человека в этом мире. Поскольку право на него принадлежит любому из нас с рождения и остается с каждым до самого конца. И это — единственное право, которое не может быть у человека отобрано.

Художник Юрий Анненков вспоминал последнюю встречу с Маяковским в Париже, когда в ответ на предложение вернуться в Россию художник посетовал, что обстановка в России не способствует творчеству, на что поэт якобы ответил: «Я тоже не могу работать. То, что я пишу, давно не стихи». (2). За два дня до смерти в разговоре с кинорежиссером Довженко Маяковский сказал: "...то, что делается вокруг, - нестерпимо, невозможно".

Писатель Нина Берберова считала самоубийство Маяковского неизбежным: «Быть может, с этим согласятся те немногие, кто прочел внимательно и полностью последний том его сочинений, где приведены стенограммы литературных дискуссий 1929–1930 годов между РАППом (и МАППом) и Маяковским — автором поэмы (неоконченной). «Во весь голос». Сначала «во весь голос»

шла ругань, потом «во весь голос» прозвучал на всю Россию его истошный крик. Потом «весь голос» замер. Раздался выстрел, и жизнь, казалось не имевшая конца, кончилась. Отступать он не привык, не умел и не хотел. «Заранее подготовленных позиций» у него не было и у поэта его судьбы и темперамента быть не могло. Он застрелил не себя только, он застрелил все свое поколение».

Думается, в последний год Маяковский вспоминал посвященные ему строки Пастернака:

Я знаю, ваш путь неподделен,
Но как вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем вашем пути».

Тридцать седьмой год жизни Маяковского был труден, и нелегко было найти повод для оптимизма.

Отношение к поэту менялось: пьесы снимались с репертуара, в печати появлялись недоброжелательные отклики. Что касается личной жизни, то он по-прежнему метался в поисках уюта, дома, тепла...

Владимир Владимирович всю зиму плохо себя чувствовал, одолевал повторяющийся грипп. Он был раздражен и возбужден, даже впервые отказался от выступления, утомляла аудитория.

Врачи Кремлевской больницы отметили нервное истощение и посоветовали полугодичный отдых. (7).

По мнению врача – психиатра, профессора Михаила Буянова: «Маяковский был психопатической личностью, но с выраженной гиперкомпенсацией. Ранимый, сентиментальный, склонный к панике, постоянно самоутверждавшийся в собственных и чужих глазах, он старался выглядеть нахалом, лидером, неотразимым любовником, особой, приближенной к руководству страной». (3)

Профессор М.Е. Бурно считает Маяковского психопатом – ананкастом. Впервые это явление описано в 1923 году немецким психиатром и психологом Куртом Шнайдером (1887-1967). Термин Ананказм- от греческой богини неизбежности судьбы Ананке.

Богиня Ананке

Главной особенностью людей - ананкастов является преувеличенная педантичность, на основе которой развиваются ананказмы (навязчивости). Ананкасты отличаются тревожно- мнительным характером, боязнью заразиться, заболеть, опасаются воров, патологически аккуратны. Они застенчивы, конфузливы и в то же время демонстративны, авторитарны, бесцеремонны.

По сути такую же характеристику ананкастам дает крупнейший психиатр, профессор П.Б. Ганнушкин. Тревоги ананкастов сопровождаются суицидальными мыслями.

В отличие от Михаила Буянова, Вадим Руднев полагает, что Маяковский пережил перелом, и характер его изменился от более углубленного шизотимического к более властно-конформному эпилептоподобному». (13.)

Психастеники не являются психическими больными, это акцентуированные личности по современной терминологии. Леонгард Карл, (1904-1988). Но живется им от этого не легче, им трудно ладить в первую очередь с собой.

Ретроспективная диагностика трудна, так как приходится основываться в лучшем случае на данных чужих осмотров, чаще на менее точных данных.

В случае Маяковского существенным подспорьем служит творчество поэта. На наш взгляд – в стихах, поэмах,

пьесах предстает истинный, без глянца образ мятущегося, романтического, искреннего творца с обостренным чувством чести и совести. Такому человеку во все времена жить непросто, а тем более в то трагическое, которое выпало на долю Маяковского. Мотив самоубийства нередок в лирике поэта. Он происходил из мучительных размышлений о своем одиночестве и ненужности.

Вот строка из поэмы "Про это" (1923), написанная 30 – летним Маяковским «В детстве, может на самом дне, десять найду сносных дней»...

Маяковский не терпел поражений, плохо с ними справлялся и, кроме того, он был игрок. Как говорят, играл в «русскую рулетку».

Кто знает, не надеялся ли он, что единственная пуля в стволе, как и раньше, не выстрелит. Выстрелила!

Самоубийца, по словам Куэлья: человек, погибший при попытке бегства от себя самого «...Пощупай меня, осмотри со всех сторон. Кажется, меня переехало временем». («Баня») Лучше и точнее не скажешь.

Литература

Ардов Виктор Этюды к портретам, Издательство Советский писатель, Москва, 1983

Берберова Нина в Кн. «Курсив мой»: Захаров 2009

Борев Ю. "XX век в преданиях и анекдотах" (1996)

Буянов Михаил Страсти и судьбы. М. изд. РОМ — Л, 1995

Быков Дмитрий Маяковский Главы из книги журнал Дружба народов 2013,

Владимиров С. , Молдавский Дм. Владимир Маяковский: Биография писателя 1974 Издательство: Просвещение. Ленинградское отделение

Катанян Василий В. Лиля Брик Владимир Маяковский и другие мужчины, 1998,

Захаров, АСТ

.Колосков А. Жизнь Маяковского 1950 Издательство: Московский рабочий

.Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. Воспоминания. Издание второе, дополненное. Изд-во "Советская Россия", Москва, 1969 (OCR Ловецкая Т. Ю.)

.Маяковский в воспоминаниях современников: Художественная литература Москва, 1963

Маяковский В.В. Сочинения в двух томах Москва, Издательство «Правда», 1988

Михайлов А.А. Жизнь Маяковского. М., 2001 г

Найман Анатлолий «Рассказы о Анне Ахматовой», Изд-во «АСТ/ЗЕБРА Е», 2008

Пастернак Борис Охранная грамота Издательство: "Издательство писателей в Ленинграде" (1931)

.Руднев Вадим Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1993а.

Спивак Моника Мозг отправьте по адресу 2010, Астрель, Corpus

.Современницы о Маяковском
<http://www.libros.am/book/read/id/337826/slug/sovremennicy-о-mayakovskom>

Чхартишвили Григорий, 2003, М «Новое литературное обозрение»

. Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7-х тт., М.: «Эллис Лак», 1994

.Якобсон Роман "Смерть Владимира Маяковского" (Берлин, 1931), воспроизведена: Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. The Hague: Mouton, 1975. С. 8-34 и в Собрании сочинений Р. Якобсона (т.7, с. 355-381).

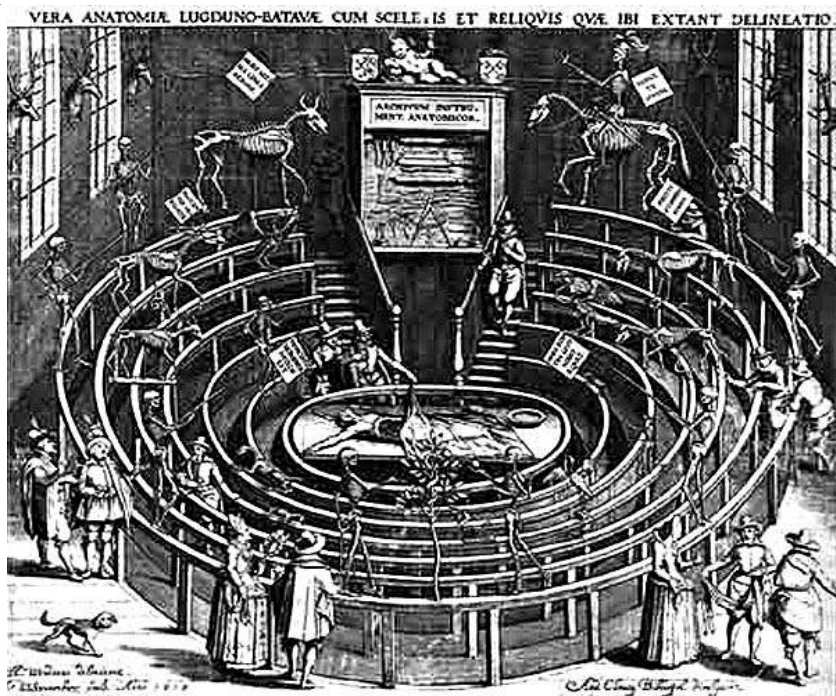
.Янгфельд Бенгт « Я» для меня мало. Революция/любовь Владимира Маяковского Москва «

Врач в разных ипостасях

Недавно, путешествуя по Голландии, оказалась в Лейдене. В том самом городе, о котором знала из истории медицины. Помнила о знаменитом анатомическом театре, старейшем или одном из первых в Европе. Прохожие помогли найти музей. Вошла, волнуясь. Рассказы обретали реальность.

Увидела Анатомический театр, оказалось реплика, так как старинный сгорел. Восстановленный идентичен сгоревшему, разве запах дерева другой, да и новое все, нет патины веков. И все же! Получаешь представление. Известная каждому врачу архитектура амфитеатра: стол посередине, удобный обзор. Маленький театр не рассчитан на современное число студентов.

Лейденский анатомический театр на старинной гравюре

Пошла дальше и среди множества экспонатов музея внезапно увидела картины маслом неизвестного художника. Четыре полотна, потемневшие от времени или от плохого освещения. Каждая картина посвящена одной из четырех ипостасей врача, как представлялось художнику. Каким же виделся врач? Как представал перед немощным пациентом? От чего это зависело?

Неожиданность от увиденных изображений, сменилась размышлениями.

Страждущий видит врача Богом, когда в ответ на «молитвы» приходит исцеление, Ангелом, принесшим надежду, Человеком, который вылечил, иногда - Чертом. Почему? С последним сложнее. Некоторые ассоциируют Черта с врачом, требующим избыточную плату за услуги, другие - с потерей надежды. Картины висели в плохо освещенном зале. Сфотографировала. Начала смотреть: не получилось. Отложила в сторону. Сокрушалась. Неожиданно вернулась к старым снимкам и ... две фотографии из четырех, недосмотренные ранее, включила в статью: врача в образе Ангела и в образе Черта.

Врач как ангел.

Врач как черт.

Вернувшись из путешествия, начала искать изображения врачей, выясняя случайным ли эпизодом, были увиденные в музее картины, или это проявление определенной тенденции. На каком – то этапе удалось найти четыре гравюры, повторяющие сюжет виденных в музее картин. Гравюры выполнены Хендриком Гольциусом в 1587 году и называются «Медицинские работники». В цикле четыре гравюры: 1-врач - Бог, 2-Ангел, 3-Черт и 4- Человек. Гравюры Гольциуса указывали на закономерность, а не случайность изображения врача, в приписываемых ему полярных ролях.

Под каждой гравюрой надпись на староголландском языке.

БОГ

Ангел

Человек

Черт

Перевод со староголландского языка на английский выполнил по моей просьбе доктор Jan Mets, редакция перевода с английского на русский язык сделана профессором Ларисой Фиалковой. Выражаю им искреннюю благодарность.

Подписи на русском языке

Поскольку пациенту грозит смерть, меня возносят до статуса бога или ему подобного: мне молятся с непокрытыми головами	Семья поклоняется мне и обещает богато отблагодарить, потому что спасение жизни стоит всей собственности

Когда боль и опасность несколько отступают, во мне видят ангела. О, Господин, ты посланец Бога с небес	Твое искусство избавило меня от смерти, Такие слова срываются с языка: Нет большего сокровища, чем здоровое тело.

Из Бога я превращаюсь в дьявола с явной потерей в статусе, Когда работа должна быть оплачена по справедливости, Потому что меня призвала не любовь, а опасность	Поэтому любовь не участвует в вознаграждении, не движет неблагодарным выздоровевшим пациентом, Поскольку холодное железо ковать тяжело

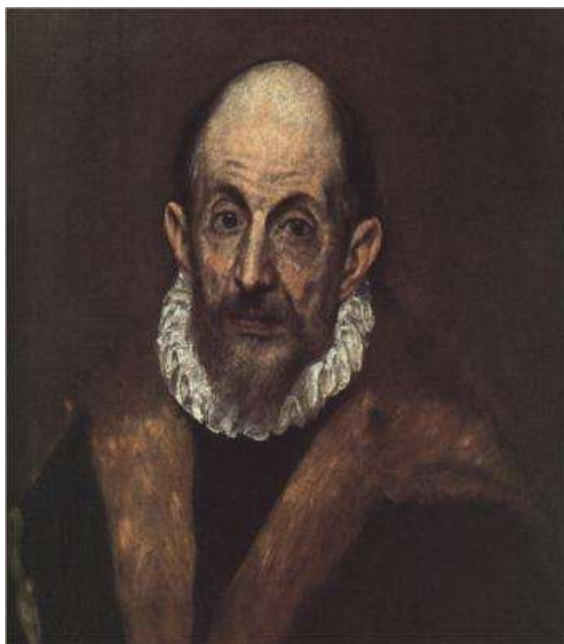
Поэтому вы, Мастера, все это время
Осваивающие благородную науку медицину:

Примите мой пример как предупреждение,
Заставьте людей платить вам, пока они все еще
страдают,
„Называют вас «Друг», хорошо запомните мои слова,
И проследите, чтобы вам заплатили настоящими
деньгами.

Приведенные подписи к рисункам впечатляют и показывают изменчивость отношения к врачу, когда опасность исчезает. Ситуация достаточно типичная. Что касается денежной проблемы, то здесь ситуация неоднозначная. Примерно в таком же ракурсе изображал врачей в комедиях Мольер, да и не он один. Коммерческая медицина последних десятилетий не придает работе врача функции целителя, а демонстрирует скатывание в определенных случаях к бизнесу. Как видно и это не «ново под луной».

И все же врачи, врачи и пациенты связаны множеством связующих нитей. В этом аспекте следует обратить внимание на многочисленные портреты врачей прошлого, принадлежащие кисти разных художников. Показалось интересным проследить в историческом аспекте характер изображения врачей, их роль в развитии науки и общества, почему на них пал выбор художника? Частые изображения врачей показались не случайными. В чем причина? Врачу, как и художнику, свойственна особая острота восприятия, а потому изобразительное искусство дает огромный материал для размышлений.

Одним из первых христианских врачей и живописцев был евангелист Лука (Эль Греко, 1608г). Не столь важно о реальном ли персонаже идет речь, сколько интересно соединение в образе врача и живописца.

Портрет Евангелиста Луки

Почти через 2000 лет блестящим врачом и неплохим иконописцем был Лауреат Сталинской премии, узник Гулага, профессор - хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, в монастыре Лука в честь знаменитого автора Евангелия.

Часто врачи показаны не только во время лечения, а вне профессиональной работы - в качестве друзей и знакомых художников. Медики, как правило, общались не только с братьями по цеху, но практически с людьми из всех слоев общества.

Врачи и пациенты

Показательны в этом аспекте произведения великого испанца Франциско Гойи. В 1820 году Франциско серьезно заболел. Едва поправившись, написал автопортрет со своим лечащим врачом и другом Евгению Ариетто. Художник посвятил несколько строк врачу, написав под изображением: «Гойя благодарен своему другу Ариете за успешное

лечение, большую заботу во время жестокой и опасной болезни в конце 1819 года в возрасте 73 лет». На картине больной человек, судорожно цепляющийся за светлые ткани и доктор крепко, надежно держащий пациента. Известно, что в живописи большое значение имеет цветовая гамма, в глубине полотна темные фигуры, возможно уходящие...

Портрет Евгенио Арриете

Еще один врач, доктор Пераль, лечил Гойю, дружески общался с художником. Доктор Пераль был коллекционером, любил и разбирался в искусстве настолько,

что его мнение имело значение для художника. Именно ему Франциско показывал гравюры из серии «Капричос», картину «Сумасшедший дом» и некоторые другие. Именно Пералю (1796) написал Гойя. На полотне видно умное, тонкое лицо образованного человека, сосредоточенный взгляд.

Портрет доктора Пералю

Одним из благороднейших врачей был Федор Арсеньевич Усольцев (1863 — 1947) с любовью запечатленный на холсте, слепнувшим М.А. Врубелем. Михаил Александрович лечился в частной больнице Усольцева, в которой пациенты жили практически в одном доме с семьей доктора, вместе обедали. Усольцев и его жена создавали для душевнобольных комфортные условия для жизни и лечения. В письмах М.А. Врубель с неизменной нежностью и любовью отзывался о докторе. Во время лечения в клинике у Врубеля наступила продолжительная ремиссия, и он смог на какое – то время вернуться к обычной жизни

Доктор Ф.А.Усолец

Из врачебной практики хорошо известно, что внешний осмотр пациента (как он входит в кабинет, в какой позе лежит, цвет и выражение лица...) служит для врача определенным ориентиром.

Известный русский терапевт, профессор Г.А. Захарьин в практической работе успешно пользовался для диагностики изучением внешнего облика пациента. Мой отец, профессор Е.И. Лихтенштейн, рассказывал как, входя в палату, и бросая взгляд на больных, точные диагностические предположения высказывал незаслуженно забытый, ученик профессора В.П. Образцова, киевский профессор Федор Аристархович Удинцев (1877 – 1951).

По словам выдающегося хирурга С.С.Юдина (1891—1954) врач должен обладать способностью, различать малейшие нюансы цвета и оттенков кожи, как художник.

Блестящий портрет хирурга выполнен художником М.В. Нестеровым. Михаила Васильевича особенно привлекали руки Сергея Сергеевича, напоминавшие руки С.В. Рахманинова.

Портрет С.С. Юдина

Еще одна особенность медиков – их связь по роду работы с людьми, обладающими властью.

Врачи и власть

По воле случая, становясь лейб – медиками, придворными врачами, они нередко оказывали влияние на принятие ответственных решений, становясь в определенной мере государственными деятелями. Одним из заслуживающих внимания был лейб – медик Иван Иванович Лесток (1692- 1767) , (так звучит имя на русском языке), начавший службу у Петра 1. Впоследствии он участвовал в государственном перевороте в пользу Елизаветы Петровны.

Считался первым Главным директором медицинской канцелярии, в современном значении министром здравоохранения.

Штенглин
Иоганн / Stenglin Iohann
ПОРТРЕТ И.Г. ЛЕСТОКА

Блюментрост (1692 -1755). Он был одним из главных советников и помощников царя в организации Академии наук. 29 ноября 1725 года Блюментроста назначили президентом Академии наук. Лаврентий Лаврентьевич, проходя практику в Голландии, помог договориться о покупке анатомической коллекции Рюйша и создать на ее основе знаменитую Кунсткамеру. Им выполнено еще много полезных дел.

Портрет Блюментроста
неизвестный художник

Первым русским по рождению лейб-медиком, был Осип Кириллович Каменецкий (1754-1823), профессор Медико – хирургической академии. Его портрет работы Григория Ивановича Угрюмова (1764-1823), купленный П.М. Третьяковым находится в Третьяковской галерее. Осип Кириллович автор нескольких руководств: «Краткое наставление о лечении простыми средствами болезней, от различных ядов случающихся» (М., 1806 и 1822) и «Наставление, каким образом поступать должно с больными там, где нет лекарей...» (СПб., 1813).

Портрет Каменецкого
Г.И.Угрюмов
Искушение властью

Одним из героев французской революции был практикующий врач Поль Марат, смерть которого запечатлена на известной картине Давида. Прекрасный врач, сын врача, в годы революции, получив власть, широко и жестоко ею пользовался. До неожиданного перевоплощения служил с 1779 по 1787 года врачом в придворном штате графа д'Артуа, и ничто не предвещало метаморфозы.

Смерть Марата
Луи Давид

Необыкновенно интересна в этом аспекте личность врача Фернана Пьера Гиймарде, написанного Гойей. Гиймарде, француз, родился в 1765 году, происходил из бедной семьи, работал в небольшом селении под Парижем. В период Французской революции стал депутатом Конвента, в качестве которого дважды проголосовал за казнь Людовика XVI.. При голосовании произнес: «Как судья, я голосую за смертную казнь. Как государственный деятель, я тоже голосую за смертную казнь. Итак, я дважды голосую за смертную казнь». Назначенный комиссаром трех северных департаментов, он издал декрет, согласно которому все здания, именовавшиеся храмами, церквами и часовнями», отныне должны использоваться «не для проповеди суеверий, а для общественно полезных целей». Знакомая риторика. Не так ли? В Испанию Гиймарде прибыл в качестве посла Французской республики. Приехав в Мадрид в 1798 году, быстро познакомился и сблизился с друзьями Гойи, купил 32 листа «Капричос» и попросил художника написать свой портрет. Гойя согласился, хотя по выражению писателя Г.

Гомес де ла Серна (1888—1963), для него — королевского живописца — «написать» и выставить такой портрет было все равно, что запеть при дворе «Марсельезу» Тем не менее портрет был написан с подчеркнутыми атрибутами французской республики, несмотря на резкий спад революционных настроений, витающую в воздухе реставрацию Бурбонов. Картина хранится в Лувре.

Портрет доктора Гиймарде

Только ли власть повинна, не в конкретном ли человеке до поры до времени скрывается червоточина? Как иначе понять страшную метаморфозу!

Гримасы судьбы

Трагическая судьба связана с выдающимся французским врачом, масоном и ...членом Конвента, с 1789 по 1791годы, одним из десяти членов конституционной ассамблеи, профессором Жозефом Игнасом Гильотеном (1738- 1814). Изучал медицину в Реймсе и Париже, в 1768 году закончил с отличием обучение. Гильотен известен

трусами в области анатомии, стал в 30 лет профессором. Ирония судьбы в том, что либерально настроенный врач, будучи противником смертной казни и, не имея возможности добиться ее отмены, задумался, как облегчить последние мгновения осужденных. Не доктор Гильотен изобрел орудие казни. Национальное собрание Франции обратилось к хирургу Анри Луи с просьбой создать или модернизировать новое орудие. Профессор Луи обратился к фортепианному мастеру и механику Тобиасу Шмидту, который по чертежам создал то, что требовалось. Прошло совсем немного времени, и в 1794 году сам доктор Гильотен ожидал казни в тюремной камере. Но после гибели Робеспьера его освободили. По воспоминаниям современников, Гильотен мало показывался в обществе после печальных событий, страдал и молился. Публично выступил лишь единожды с требованием обязательного оспопрививания. Просил изменить укоренившееся название «гильотины», но потерпел неудачу. Потомки сменили фамилию... И так бывает! Портрет Гильотена (1784 г.) работы неизвестного художника хранится в музее Карнавале, Париж, Франция. В Версале в зале для игры в мяч выставлен бюст Жозефа Гильотена работы Анри Теофиля Бульона, 1892 года.

Портрет Гильотена
Бюст Жозефа Гильотена

Примерно в тоже время известный французский психиатр Филипп Пинель (1745 – 1826) реформировал практику лечения больных в психиатрических лечебницах, сняв кандалы. Имя и дела Пинеля вошли в историю как символ гуманности

портрет Пинеля

Пинель утверждал, что психические расстройства могут быть вызваны целым рядом факторов, включающих психологические или социальные стрессы, врожденные заболевания, физиологические травмы, физические состояния и наследственность.

Он наблюдал и подробно описывал все тонкости и нюансы человеческих переживаний и эмоций. Его метод обращения с больными отмечался мягкостью, пониманием и доброй волей.

Картина Роберта Флери «Доктор Пинель в Сальпетриере». Доктор Пинель освобождает душевнобольных от оков (1876).

А Гильотен?

В одном ряду с Пинелем, нельзя не упомянуть одного из самых светлых врачей XIX века, доктора Федора Петровича (русское имя) Гааза. Федор Петрович (1780-1853) родился в Германии в интеллигентной семье: дед – доктор медицины, отец – фармацевт, аптекарь. Случайно, живя и работая в Вене окулистом, доктор встретился с князем Репниным, после чего оказался в России, полюбил страну. Теплые отношения связывали доктора с семьями русских аристократов, например Голицыных и Репниных, в чьих имениях ему приходилось бывать. Голицын познакомил Гааза с матерью, княгиней Наталье Голицыной, прототипом графини в повести А.С. Пушкина « Пиковая дама». Доктор Гааз успешно работал, занимался частной практикой, обзавелся роскошным особняком, собирал произведения искусства и вел достаточно спокойный образ жизни до...определенного времени. Опять же случай все изменил.

Доктор познакомился с состоянием тюрем и чудовищным положением заключенных. С этих пор, он отдает свое время, и свои деньги для облегчения участи заключенных. Ему удается добиться уменьшения веса кандалов, использования защитной кожаной прокладки с внутренней стороны как профилактики отморожения, продлить для отдыха сроки пребывания каторжников на пересыльных пунктах, открыть тюремную больницу. И, что очень важно, Гааз привлекает внимание общества к бедственному положению заключенных и пенитенциарной системы в целом. Его девизом служит: «спешите делать добро».

В 2008 году в России Федеральной службой исполнения наказаний введена медаль «За вклад в развитие пенитенциарной медицины России». На медали выбит портрет доктора Гааза. На памятной и наградной медалях, памятнике скульптора Андреева, приведен один и тот же портрет. художниками. Он не стремился к популярности, он помогал людям!

За вклад в развитие пенитенциарной медицины
России

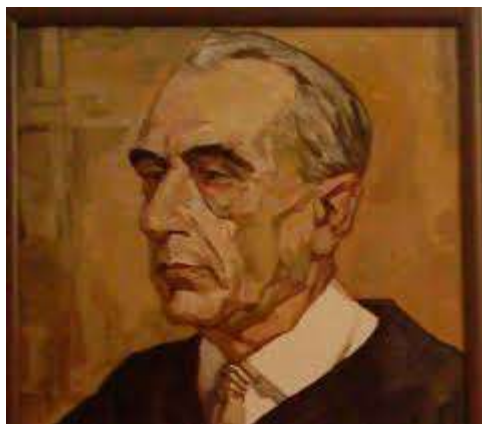
Остался верен профессиональному долгу и чести доктор Евгений Сергеевич Боткин, отказавшийся покинуть императора и расстрелянный вместе с семьей Николая Второго.

Доктор С.Е. Боткин (фотография)

Так же поступил, войдя с детьми в газовую камеру, доктор Корчак.

В 1953 году во время печально известного «Дела врачей» профессор Ефрем Исаакович Лихтенштейн, находившийся под следствием НКВД, публично, в оперном театре Киева отказался клеймить «врачей – убийц», и поддержать обвинение против арестованного «По делу врачей» учителя, профессора Владимира Харитоновича Василенко.

Портрет Е.И. Лихтенштейна
художник Михаил Туровский

Так сложилось, что врачи в силу профессии находились и находятся в гуще событий, участвуя в них не только профессионально.

Врачами были Че Гевара, Сальватор Альенде, Го Мо Жо, Клемансо (студент – медик), Башар Асад... Один врач идет на смерть, верный долгу, другой – бестрепетно отдает приказ УБИВАТЬ.

Если среди писателей было много медиков, (Рабле, Чехов, Булгаков, Моэм и многие другие) то художники – врачи практически отсутствуют, несмотря на мифологизацию профессии и практически несомненное сотворчество.

Почему так происходит? Известно, что у художников превалирует пространственно - образное мышление,

связанное с правым полушарием, в противовес логико – вербальному, характерному для левого. Врачебная деятельность является в основном вербальной и, следовательно, больше связана с левым полушарием. Впрочем, нет строгого деления функций в зависимости от полушарий. Эта одной из многих нераскрытых тайн мозга.

Врачи: художники – любители и коллекционеры.

Известны врачи, любящие и умеющие рисовать, но не достигшие мастерства в этом виде искусства. Например, неплохим рисовальщиком был знаменитый врач – невропатолог, создатель нового направления в науке, Жан Мартен Шарко (1825- 1893).

Картина работы Шарко

Однако его полотна не идут вровень с достижениями в науке. Он коллекционировал картины, мозаики, гобелены, иконы и барельефы, изображавшие больных с неврологическими расстройствами, и на основе своей коллекции издал (в сотрудничестве с П.Рише) две книги: «Безумие в искусстве» 1887 и «Уродства и болезни в искусстве», 1889.

Портрет Шарко и медаль в его честь

Известный, в основном, благодаря знакомству с Ван Гогом, доктор Поль Фердинанд Гаше(1828-1909) с детства мечтал о карьере художника. Его предки со стороны отца восходят к известному художнику Яну Мабюсе, псевдоним фламандского живописца Жана де Госсарта (1478- 1533). С ранних лет Поль Фердинанд обучался рисованию. Гаше выставлял свои офорты в Салоне «отверженных», подписываясь: Ран ван Рейсел(из Лилля). Любовь к искусству не оставила Поля Фердинанда, он понемногу продолжал рисовать. Профессиональный врач, Гаше посещал студию Густава Курбе, дружил с Сезанном, Писсаро. Его близким знакомым был и Эдуард Мане, одна из последних грустных встреч с художником произошла на консилиуме, когда решался вопрос об ампутации ноги. Лечил Гаше Камилла Писсаро и членов его семьи, ослепшего Домье, оплачивал в трудный период работу натурщиц Огюсту Ренуару. Доктор собрал превосходную коллекцию картин, частично купленных, а больше подаренных неимущими художниками в виде платы за лечение. Переехав в Овер после женитьбы, Гаше в мансарде своего дома создал мастерскую и приглашал работать в ней художников.

Однако карьеру ему суждено было сделать в качестве врача, а не художника.

В клинику доктора Гаше поступил на лечение Ван Гог. Они часто встречались, вели долгие неспешные беседы об искусстве. В какой-то момент у художника возникло желание написать портрет врача, человека со сложным и противоречивым внутренним миром. Их добрые отношения основывались во многом на любви к искусству. В письмах брату Тео Ван Гог писал: «Господин Гаше, на мой взгляд, так же болен и нервен, как я или ты, к тому же он много старше нас и несколько лет назад потерял жену; но он врач до мозга костей, поэтому его профессия и вера в неё помогают ему сохранять равновесие. Мы с ним уже подружились. Работаю сейчас над его портретом: голова в белой фуражке, очень светлые и яркие волосы; кисти рук тоже светлые, синяя куртка и кобальтовый фон. Он сидит, облокотясь на красный стол, где лежит жёлтая книга и веточка наперстянки с лиловыми цветами» — Винсент Ван Гог, 1890.

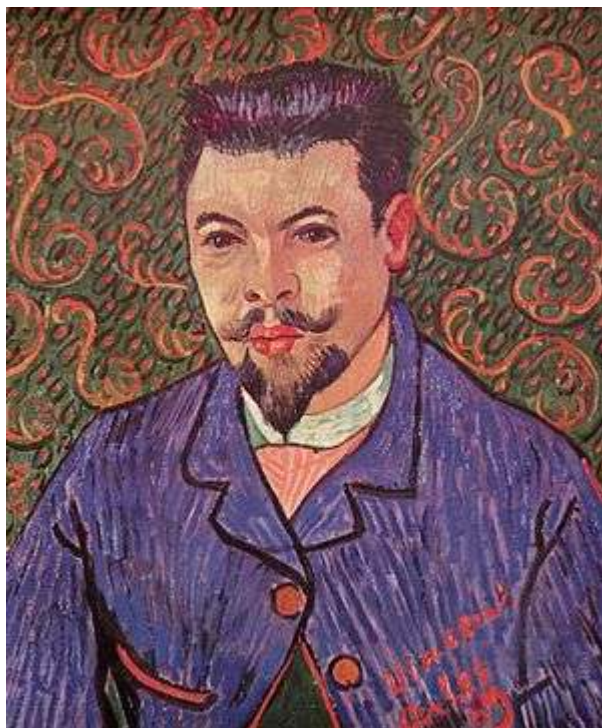

Портрет доктора Гаше
Доктору Гаше суждено было сделать посмертный
рисунок художника.

Гаше Винсент Ван Гог.
(на смертном одре)

В Овере художник написал и портрет доктора Рея, полную противоположность доктору Гаше. Не все врачи, несостоявшиеся художники и любители искусств. Доктор Феликс Рей, практикант, не интересовался искусством, не понимал, с кем доводится общаться, кого лечить. Написанный Ван Гогом портрет небрежно положил на чердак, а затем прикрыл им дырку в курятнике... И только счастливый случай сохранил прекрасное полотно, купленное позднее С.И. Щукиным. В настоящее время картина хранится в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

портрет Феликса Рея

Не знаю, почему, но «прибежищем» картин нередко служит курятник, как произошло позднее (не так благополучно) с произведениями Хаима Сутина и Амедео Модильяни!

Блестящий художник Тулуз-Лотрек интересовался медициной, следил за новинками науки. От Габриеля Тапье, студента - медика часто слышал восторженные отзывы о хирурге Пеане. В мифах древней Греции упоминается легендарный врач Пеан, то как «врачеватель Богов», то, как ученик самого бога врачебного искусства Асклепия. Пеан получил от Латоны, матери Аполлона и Артемиды, целебные корни, которыми успешно лечил болезни богов и людей.

« ...Успехи ученика не давали покоя Асклепию, из зависти он приказал травить Пеана. Но благодарный за свое спасение Аид не дал погибнуть своему исцелителю. Он превратил его в растение, корнями которого Пеан так успешно пользовался».

Забавно, как мифы становятся реальностью - через тысячу лет, появился новый реальный человек, врач Жюль Эмиль Пеан, совершающий чудеса благодаря знаниям и смелости.

А до этого была непростая жизнь юноши в семье отца – мельника. Учиться начал поздно в 15 лет, но быстро продвигался, сдав за два года экзамен на аттестат зрелости. Отличался Пеан не только любовью к знаниям, но и эпикурейством, из-за чего не всегда в срок сдавал экзамены. Однако это не помешало его блестящей врачебной карьере. Пеана привлекало все новое, он успешно изобретал. Зажимами Пеана (1862) до сих пор пользуются в хирургии. Он первым 9 апреля 1879 в присутствии врачей выполнил резекцию желудка, создал новый эффективный способ удаления яичников. С помощью кузена Габриеля, Лотреку удалось присутствовать в операционной и наблюдать виртуозную технику хирурга

Тулуз- Лотрек Операция Пеана

Профессору было 62 года, он находился в зените заслуженной славы. Приезжал в клинику в коляске,

запряженной парой гнедых, с кучером в ливрее. Все было красиво и помпезно. Лотрек внимательно вглядывался в профессора, особенно восхищался руками - «обе руки были правые». Художник сделал множество набросков и две прекрасные картины – «Операция Пеана» и «Трахеотомия».

Трагической оказалась история портрета замечательного русского врача Карла Андреевича Раухфуса(1835—1915). Иван Николаевич Крамской писал портрет доктора. Во время одного из сеансов художник почувствовал себя плохо, упал и все усилия Карла Андреевича ни к чему не привели. 5 апреля 1887 года Крамской скончался так и не успев закончить портрет.

Портрет доктора Раухфуса

Здоровье и болезнь, жизнь и смерть – вечные непреходящие темы с не найденным решением. Смерть не перестала нести на себе отпечаток мистики и тайна её сохранилась. Философы, физики, врачи знают много, успешно движутся в познании сути явления. Но вряд ли картина мира лишится непознанности и таинственности. В живописных полотнах эти мотивы не только присутствуют, но порой доминируют. И здесь, как правило, не обходится без ангелов, демонов, врачей.

Неожиданной для творчества Пабло Пикассо оказалась замечательная картина «Знание и милосердие», 1897 года. Полотно написано пятнадцатилетним Пабло по

просьбе отца - Хосе Руиса Бласко – профессора, учителя рисования. Дон Хосе послужил моделью врача, ребенка за плату дала бедная женщина, монашеское одеяние брали в одном из монастырей Малаги. Молодой Пабло Пикассо (фамилия матери художника) сумел отобразить горе матери, прощающейся с ребенком. Символично присутствие у постели умирающей врача и монахини, то есть определенный дуализм.

Пикассо «Знание и милосердие»

Будучи в Голландии, я естественно вспомнила историю доктора Ван Тюльпа,- настоящее имя Клаус Пиетерзон (1593 – 1674)- выпускника местного университета. Практически всем Ван Тюльп известен благодаря блестящей картине Рембрандта. Мало кто задумывается о личности врача Ван Тюльпа и о его вкладе в науку. Как многие ученые эпохи Возрождения, Ван Тюльп занимался не только врачеванием, в чем был силен, но и политикой, будучи вначале казначеем, а затем и бургомистром Амстердама. Как врач, Ван Тюльп предложил, ставшую знаменитой эмблему медицины - зажженную свечу, «Света другим, сгораю сам». С 1628 г. по 1653 был главой Амстердамской гильдии врачей. Он провел сравнительное изучение организма обезьяны и человека, описал впервые

мигрень, открыл илеоцекальный клапан, обнаружил вредное действие табака на легочную систему, описал у голландских моряков симптомы болезни, позднее названную Бери – Бери (недостаток в организме витамина В). С таким врачом дружил Рембрандт Ван Рейн. Картина «Анатомия доктора Тульпиуса» впервые подписана полным именем: Рембрандт Хармезон из Лейдена. После этой картины популярность и слава художника неизмеримо возросла. Картина не документальна, на вскрытиях присутствовало обычно больше людей. Аутопсия тела Андриана Андрианса производилась 1 февраля 1632 года профессором Николасом Тюльпом. В то время вскрывать разрешалось только преступников после казни, так случилось и с Адриансом, известным под кличкой «Младенец». 31 января 1632 года он был казнен за воровство. Именно Андрианс изображен на знаменитой картине.

Особняком в искусстве средневековья - изображение смерти. Практически все выдающиеся художники средних веков не только, как и все люди, задумывались о смерти, но и пытались материализовать ее в зримых образах. Показательна в этом аспекте картина Гольбейна младшего. У него смерть появляется между Доктором и пациентом.

Гольбейн, видимо, пытается донести, что несмотря на все достижения медицины, она не может предотвратить то, чему нельзя воспрепятствовать: раньше или позже, доктор умрет, как и его пациенты.

С другой стороны художник, тем самым, подчеркивает равенство перед лицом смерти. Дворянин

пытается защититься от смерти, но его усилия обречены на провал.

Смерть приблизилась к судье, готовится забрать его жезл – символ профессионального долга. Судья думает о деньгах, а не о справедливости решений. Не думает и о бренности существования, а смерть пришла.

Отдал дань изображению смерти, ее триумфа и Питер

Брейгель Старший

Как – то сложилось, что у многих художников появились разнообразные полотна, посвященные конечности земной жизни в виде картин под названием «Пляски смерти». Они при общей схожей идее различались персонажами, авторством, но везде присутствовала неотвратимая встреча... Несущие гибель эпидемии чумы, ассоциировались в сознании обезумевших от бесконечных смертей людей в наступлении конца мира. Иногда в пораженных чумой городах устраивались пляски до изнеможения, в попытке «обмануть чуму». При этом танцующие нередко падали замертво. Традиция с вариациями существовала довольно долго.

В наше время дань подобным сюжетам отдал знаменитый Густав Климт. «Жизнь и смерть»

Фрагмент картины «Медицина». В центре Богиня Гигея.

На картине четко видна огромная змея, являющаяся неизменным атрибутом одной из основных эмблем медицины. К сожалению, сама картина сгорела во время Второй мировой войны, известна лишь по копии и фотографиям.

Интересные философского звучания работы художников разных эпох отражают понимание и восприятие завершения жизни и наступления, не без борьбы, смерти.

Подходы к изображению смерти разнятся в зависимости от времени создания, мировоззрения художника, его жизненного опыта и психического состояния.

Осознание бренности жизни, наступления смерти – стимулирует в некоторых случаях человеческую активность. Страх смерти – предмет дискуссий в философии, науке, искусстве, религии. Рождение и смерть – два неизбежных явления в жизни каждого человека. Невозможность понять, узнать, что находится за чертой будоражит мысль, создает гипотезы, предположения, но не находит ответа на тревожные вопросы.

Мир дуален: жизнь и смерть идут параллельно, пересекаясь в финальной точке. Художники своими средствами выражают страх неизбежных изменений, персонифицируют смерть...

Сюжеты смерти многообразны, изображения различны от метафорических образов до фигуративных, натуралистических.

Тема сложная, многоликая, требует усилий специалистов разного профиля, включая врачей, психологов, танатологов.

Использованная литература

.Дворецкий Л.И. Живопись и медицина Размышления
врача о живописи и художниках. Москва, 2010

. Ван Гог Письма пер. с голланд. Л-М., 1955

.Лихтенштейн И.Е. Демоны Врубеля Газета «Новости
медицины и фармации» 2013, 9 (460)

Лихтенштейн Исанна Врач не только врач «Новости
медицины и фармации» 2014,4 (488)

Талейсник Семён: “Зубная боль” в живописи.
Журнал – газета Мастерская 2014 ,21 июнь

Талейсник Семен Пародии голландского художника
Яна Стена на врачей и пациентов Семь искусств 2014 5 (52)
май

.Яковцова А.Ф. , Сорокина И.В., Гольева Н.В.,
Харьковский национальный медицинский университет, И.И.
Яковцева, Харьковская медицинская академия
последипломного образования «Живопись, ваяние,
зодчество» Газета новости медицины и фармации 15(335)
2010

Яковцова А. Ф и др. Медицина и искусство. - Х. : ИД
Райдер, 2008.

Об авторе:

Исанна Ефремовна Лихтенштейн, до эмиграции жила в Киеве, кандидат медицинских наук, автор свыше 100 научных статей по проблемам кардиологии и литературно – медицинской тематике. До эмиграции - научный сотрудник киевского института клинической медицины имени академика Н. Д. Стражеско. С 1991 года живет в Израиле. Работала по специальности в Хайфской больнице «Бней Цион». Публикуется в периодической печати Израиля, Украины, США, Германии.

Автор книги «Этюды о литературе. Глазами врача». Хайфа, 2009 JK Design